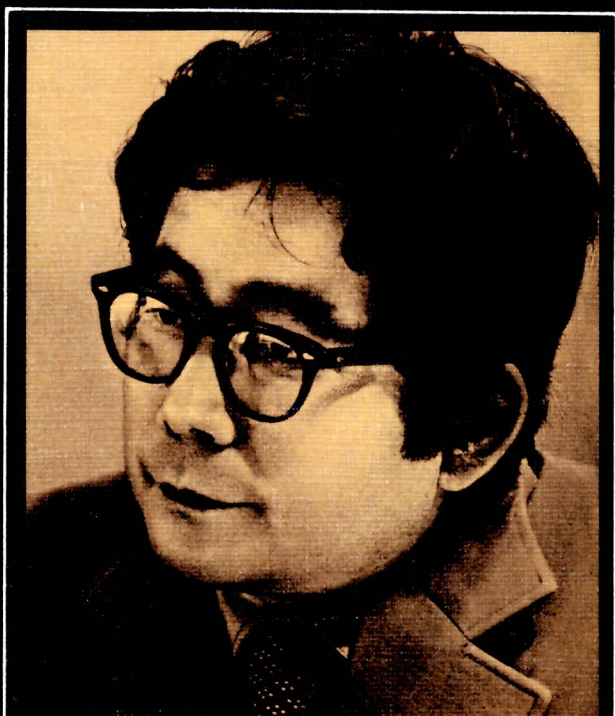

Кэндзабуро Оэ

Кэндзабуро Оэ

Обращаюсь к современникам

Хиросимские записки.
Послевоенное поколение
и конституция.
Письма к молодежи.

МОСКВА
ПРОГРЕСС

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т. В. БАЛАШОВА, Н. И. БАЛАШОВ,
Ю. Н. ВЕРЧЕНКО, Я. Н. ЗАСУРСКИЙ,
Д. В. ЗАТОНСКИЙ, А. А. КЛЫШКО,
Н. И. НИКУЛИН, В. Н. СЕДЫХ, П. М. ТОПЕР

Кэндзабуро ОЭ

Обращаюсь к современникам

Художественная публицистика

Перевод с японского

Москва «Прогресс» 1987

Составитель и автор комментариев д. ф. н. *В. С. Гривнин*

Автор предисловия к. и. н. *А. И. Сенаторов*

Художник *В. И. Левинсон*

Редакторы *Л. В. Маланчук* и *А. А. Файнгар*

В работе над сборником принял участие к. э. н. *Ю. Д. Кузнецов*

Оэ К.

- О—11 **Обращаюсь к современникам:** Худож. публицистика:
Пер. с яп. / Сост. и коммент. *В. С. Гривнина*. Предисл.
А. И. Сенаторова. — М.: Прогресс, 1987. — 288 с, 1 л. и л. —
(Зарубеж. худож. публицистика и докум. проза).

Сборник избранной публицистики японского писателя Кэндзабуро Оэ (р. 1935), известного в нашей стране по романам «Опоздавшая молодежь», «Футбол 1860 года», «Объяли меня воды до души моей», «Записки пинчраннера», включает статьи, очерки, воспоминания, посвященные острейшим проблемам, с которыми сталкивалась Япония после второй мировой войны. Атомная бомбардировка Хиросимы, американская оккупация, судьба молодежи, политические и социальные проблемы современности — таковы главные темы публицистики К. Оэ.

Рекомендуется широкому кругу читателей.

О 4703000000—451 87—87
006(01)—87

ББК 66.2(5Я)

Письма к молодежи. © 1979 by Kenzaburo Oe

Японцы атомного века и идентификация. © 1981 by Kenzaburo Oe

Орел на краю вселенной. © 1981 by Kenzaburo Oe

Произведения, кроме отмеченных в содержании знаком *, опубликованы на языке оригинала до 1973 г.

© Состав, предисловие, комментарии, перевод на русский язык, художественное оформление издательство «Прогресс», 1987.

ТАЛАНТЛИВЫЙ ПИСАТЕЛЬ В РОЛИ ПУБЛИЦИСТА

Переводы японских мастеров художественной литературы неизменно пользуются у советского читателя большим спросом. Явление это не содержит в себе ничего загадочного, оно объясняется действием ряда факторов разного свойства, формирующих повышенный интерес к культуре Японии в целом, и к ее литературе в частности. Советские люди хотят ближе и глубже знать своего дальневосточного соседа. Знать всесторонне. Широко известны у нас большие успехи, которых добился трудолюбивый японский народ в экономическом и научно-техническом развитии своей страны. Разумеется, это способствует повышению внимания к Японии. Но вполне естественно, что желание получить больше сведений об этой стране не сводится к выяснению причин быстрых темпов экономического роста, которые к концу 60-х годов вывели ее на положение второй промышленной державы капиталистического мира. Не меньший интерес проявляется и к тому, как японцы осмысливают свою историю, в особенности ее трагические страницы, когда от японской агрессии страдали не только соседи, но и сам японский народ, что они думают о будущем своей страны.

В основе интереса к Японии и ко всему японскому лежит подсказанное богатым жизненным опытом и усиленное интернациональным воспитанием желание советских людей жить с Японией в добром соседстве; соседи должны понимать друг друга. Добиться же необходимого взаимопонимания невозможно без проникновения в сферу мышления своего соседа, без познания его образа жизни, его культуры в самом широком смысле этого слова. Отсюда чаще всего и вытекает сознательный, а нередко подсознательный интерес советского читателя и к литературе о Японии вообще, и к произведениям японских авторов в особенности, переводы которых позволяют наиболее тесно прикоснуться к подлинно японскому.

Следует отметить и другие обстоятельства, без которых также нельзя понять высокую степень интереса к японской литературе. Исторически наша страна имела несравненно более глубокие культурные связи с Европой. Сама Япония веками отгораживалась от иностранных государств, впоследствии состо-

яние русско-японских, а затем и советско-японских отношений не благоприятствовало тесному развитию культурных связей между двумя странами. Если учесть также языковые трудности, то можно понять, почему до настоящего времени у нас сохраняется дефицит японской литературы. Появление каждого нового перевода с японского — это ступенька в его ликвидации.

Наши японоведы стараются удовлетворить читательский спрос за счет лучших произведений японской литературы. Хочется надеяться, что и настоящая книга расширит наше представление о Японии, о ее людях, о проблемах, которые их волнуют, о взглядах самого автора, произведения которого много раз издавались в Советском Союзе.

Кэндзабуро Оэ — наш современник, один из наиболее известных в Японии писателей. Им написаны многие романы, повести, рассказы. Ряд его крупных произведений, романы «Опоздавшая молодежь», «Футбол 1860 года», «Объяли меня воды до души моей», «Записки пинчраннера» переведены на русский язык и тепло встречены советским читателем. И это не случайно: Оэ такой писатель, который отвечает запросам читателя нашей страны, помогает понять нынешнюю Японию, японцев сегодняшнего дня. Программа писательской деятельности Оэ, как он сам ее сформулировал, «создать портрет Японии и японцев в свете человеческих взаимоотношений в их универсальности»¹.

На этот раз Оэ предстает перед нами в качестве публициста, автора заметок, статей, лекций и писем к читателю. В них нет замысловатых сюжетов, присущих большинству романов писателя. Пристально вглядываясь в окружающую действительность, оперируя фактами, виденными им лично или почерпнутыми из японской прессы, Оэ повествует о нелегких судьбах отдельных людей, размышляет о социальной среде, в которой протекает их жизнь.

Хотя военные годы остались в прошлом, Оэ не хочет допустить, чтобы память о них стерлась. Центральная тема его публицистики — война и разные стороны ее разрушительного воздействия на личность, на судьбы человечества, особенно война с применением оружия массового уничтожения. Будучи решительным противником милитаризма, Оэ отражает взгляды той массы японцев, которая требует не допустить ни для своего, ни для других народов повторения ужасов атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Оэ призывает помнить Хиросиму и Нагасаки: «Ответственность за беспамятство ляжет на нашу совесть, и не будет нам оправдания ни сейчас, ни в будущем». Эти слова были обращены в первую очередь к японцам. Они весьма актуальны, поскольку, несмотря на провозглашение «трех неядерных принципов», явившееся уступкой антиядерным настроениям японского народа, в правящих кругах Японии

¹ Кэндзабуро Оэ. Избранное. М., «Прогресс», 1978, с. 20.

и поныне уповают на прикрытие своей страны американским «ядерным зонтом», рассуждают о «правомерности», «законности» применения американцами «в случае необходимости» ядерного оружия. Но вряд ли следовало бы ограничивать значение антиядерной публицистики Оэ только национальными границами Японии. Правду о трагедии Хиросимы и Нагасаки должны знать все народы мира.

Американские власти, отдавшие приказ сбросить атомные бомбы на японские города, позже, в 1950 году, когда они не исключали возможности использовать атомное оружие на театре военных действий в Корее, запретили издание в Японии «Записок очевидцев атомной бомбардировки». Обратив внимание на этот постыдный факт, Оэ напоминает, что жертвы американского атомного удара — «хибакуся», когда они писали воспоминания, вновь испытывая боль и страдания, «словно собственными руками вскрывая зарубцевавшиеся раны», мечтали сделать свой трагический опыт путеводной нитью к миру на планете.

Взяв у «хибакуся» эстафету, писатель сам создает «Хиросимские записки». Они писались в 1963—1965 годах, когда в силу ряда обстоятельств антиядерное движение шло к расколу. Высказываясь в принципе за единство, писатель в то же время незаслуженно принижал роль прогрессивных партий и профсоюзов в организации движения. В его представлении их антивоенная деятельность сводилась к соперничеству в «овладении массами». Нельзя согласиться с таким подходом, который, видимо, проистекал из стремления Оэ стоять «выше» идеологической и политической борьбы, стремления, выраженного в следующем признании: «Я всегда был непричастен к идеологии, не принадлежал ни к одной партийной группировке, жил впечатлениями ничем не связанного человека» («Письма к молодежи»).

Однако ценность «Хиросимских записок» определяется не оценками их автором внутренних проблем антиядерного движения. Эти страницы в данной книге опущены. В «Хиросимских записках» нарисованы страшные картины атомного ада, невероятные страдания тех, кто его пережил, но получил страшные отметины. С большой теплотой писатель рассказывает о тех, кто, пройдя через этот ад, посвятил дальнейшую жизнь либо оказанию медицинской помощи другим жертвам атомных бомбардировок, либо встал в ряды активных борцов за запрещение ядерного оружия. Гуманизм и вера в человека — вот главное достоинство «Хиросимских записок».

Творчество писателя протекает в сложном мире, где идет непрерывная борьба старого и нового, консервативного и прогрессивного, он окружен действительностью с ее многочисленными противоречиями. И если художник не хочет уходить от жизни, а именно таким является Оэ, он, невзирая на его субъективное желание быть «непричастным к идеологии», до-

лжен делать тот или иной выбор, с кем ему по пути — с консерваторами или силами прогресса. Произведения Оэ свидетельствуют, что его творчество идет от жизни, и даже там, где писатель создает фантастические ситуации, его источником является действительность существующего в Японии общественного строя. Оэ — реалист, можно сказать критический реалист, его волнуют те проблемы, которые остро стоят перед его соотечественниками, и среди них на первом месте — проблема выбора дальнейшего пути для Японии: либо сохранение и дальнейшее развитие послевоенных демократических перемен и решительный отказ от всяческих попыток вернуться к прошлому, либо пересмотр Конституции 1947 года, ее антивоенных и демократических статей, возрождение милитаризма. Оэ однозначно выступает за демократический путь, отвергает возможности пересмотра антивоенных и демократических статей послевоенной Конституции Японии.

«В период крупных социальных перемен, наступивший после поражения Японии в войне и совпавший с периодом моего взросления, — пишет Оэ, — я чрезвычайно остро ощутил свободу, получил такой заряд ее, который стал определяющим фактором всей моей жизни» (третье письмо к молодежи, «Опыт концепции современности»). Вместе с тем нетрудно заметить, что писатель старается не касаться классовых аспектов самого понятия демократии.

Что это — идентификация взглядов автора с настроениями средних, мелкобуржуазных слоев населения, мечтающих о полной и «чистой» демократии, но в то же время в силу своей двойственной природы — труженика и одновременно собственника — боящихся коренных социальных перемен? Или тактический прием писателя, кстати связанный с традицией японского художественного творчества, состоящий в том, чтобы не говорить своего последнего слова, оставлять кое-что невысказанным, а тем самым привлечь к своим произведениям читателя с разными идейными убеждениями? Видимо, здесь присутствует и то, и другое.

Говоря словами Оэ, он занят поисками «многообразной центробежной модели мира в противовес центростремительной модели — культурной схеме абсолютизма, которую продемонстрировал Юкио Мисима» («Опыт концепции современности»). Таким образом, Оэ четко определил себя решительным противником реально существующих и активно действующих в Японии реакционных сил, символом которых в области культуры стал писатель — нельзя не добавить, к несчастью, даже талантливый писатель — Мисима, покончивший с собой по всем правилам харакири, с призывами повернуть отечество вспять, на милитаристскую тропу самураев. Столь же категорически Оэ не приемлет и тех, кто, прикрываясь ультралевой фразеологией, проповедует культ насилия, оправдывает и применяет методы террора.

Обращаясь к молодым людям, Оэ говорит: приложи максимум старания, чтобы самому, своими силами построить собственную модель мира и свою личностную модель, ни в коем случае не позволяй себе быть пассивным. Он призывает молодежь вглядываться в жизнь, размышлять, не терять своей индивидуальности и не принимать на веру складывающиеся ценностные стереотипы. Но писатель отнюдь не склонен бросать своих молодых читателей на произвол судьбы, оставлять их просто один на один со сложной действительностью. По его художественным произведениям и публицистике мы видим, что он прямо предостерегает против наиболее опасных ловушек, уготовленных для молодежи и предназначенных для того, чтобы оболванить ее в угоду силам реакции. Оэ в особенности обеспокоен поднимающимся в Японии национализмом.

Исторический опыт подсказывает японскому писателю: нельзя быть равнодушным, замыкаться в национальном, ставить превыше всего японское, допустить формирование реакционного националистического течения под лозунгами «нового японизма». В этой связи Оэ напоминает, что в свое время абсолютизация культуры, концентрировавшаяся вокруг императора, консервативный самоанализ японской культуры, обращенный в прошлое, вылились в конечном счете в реакционное движение, направленное на подавление свободы слова, стали фактором создания условий, необходимых для подготовки и ведения агрессивных войн.

Хорошая литература, по справедливой оценке Оэ, — это та, которая побуждает читателя к активной работе души и эмоций.

Что же нужно делать, чтобы произведения писателя затрагивали душу и чувства читателя, заставляли его думать над смыслом жизни? В настоящем сборнике имеются размышления японского писателя и на этот счет. Характерно, что Оэ отвергает приземленное бытописание и копание в собственных переживаниях, так называемую эгобеллетристику. Реалистическое художественное повествование должно непременно сочетаться с широким взглядом писателя на крупные жизненные проблемы. Наиболее предпочтителен, мечтает Оэ, замысел романа, который «в конечном счете композиционно обретает космические масштабы, космическое звучание». Прибегая к аллегории, он рисует такую картину: «На краю вселенной живет огромный орел. Бывают мгновения, когда он взмахивает крылами и их шум достигает души главного героя, живущего в земном городе, по-видимому, в Токио, вызывая в нем определенные чувства, мысли и побуждая к действиям. Итак, с одной стороны, обыкновенный человек живет своей обыденной жизнью, а с другой — общается уже в космическом масштабе с этим огромным орлом. Причем время от времени то и другое переплетаются в его жизни».

Такова программа Оэ, которую он старается воплотить в

жизнь при создании своих новых романов. С одной стороны, в них можно видеть глубокое, любовное описание жизни обыкновенных японцев в обстановке их повседневной и обычной жизни — того, что Оэ называет «милой сердцу деревней». С другой стороны, бросается в глаза конструирование ситуаций, заставляющих читателя острее воспринимать не только и не столько разумом, а скорее всего чувствами актуальные социальные проблемы, имеющие и чисто национальное, японское, и глобальное, мировое значение.

Оэ — преимущественно романист. Представляемые в настоящей книге произведения показывают, что он не пренебрегает и малыми формами, включая публицистику. «Я с радостью, — говорит Оэ, — работал и продолжаю до сих пор работать над репортажами. Это явилось для меня наилучшим способом совершенствования писательского мастерства... я сумел значительно расширить мир собственных интересов».

Безусловно, репортажи и другие формы публицистики имеют ценность не только с точки зрения совершенствования писательского мастерства Оэ. Тот, кого интересует современная Япония, несомненно, сможет углубить о ней свое представление, в том числе через призму недавней истории этой страны, обогатить свои познания о жизни и настроениях японского народа.

А. И. Сенаторов

ОБЛИК ПОСЛЕВОЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ

ИМПЕРАТОР

К окончанию войны мне исполнилось всего десять лет; я учился тогда в начальной школе в маленькой горной деревушке. И не мог понять смысла обращенной к народу императорской речи. Взрослые, собравшиеся у радиоприемника, плакали. А я наблюдал, как они плачут в полутемной комнате, с залитого ярким солнцем двора. Потом меня одолела скука, и я побежал играть. Старшие были дома, слушали радио, и по деревенской дороге бегали одни ребяташки. Мы собирались компаниями и обсуждали происходящее. Никто ничего толком не знал.

Интересней всего было то, что император говорил самым обыкновенным, «человеческим» голосом*. Это казалось странным, невероятным. Никто из нас не понял, о чем он говорил, но голос-то мы слышали, факт. Один мальчишка здорово передразнил его, и все, столпившись вокруг вещавшего «императорским» голосом озорника в грязных коротких штанах, покатывались со смеху. Хохот разносился в сонной полуденной тишине деревни и, отозвавшись негромким эхом, гаснул в высоком небе. И вдруг нами, дерзкими сорванцами, овладела внезапная тревога. Мы приумолкли, уставившись друг на друга.

Даже ученики младших классов трепетали перед императором. Помню, как тряслись у меня колени, когда учитель спрашивал, что мы намерены делать, если его высочество прикажет нам умереть. Ошибусь — и конец, казалось мне.

— Что ты сделаешь, если император повелит тебе умереть?

— Умру. Сделаю харакири, — бледнея, отвечает мальчишка.

— Хорошо! Следующий! — выкликает учитель, поднимая с места нового ученика. — А ты, ты что сделаешь, если его высочество повелит тебе умереть? Говори!

— Умру! Совершу харакири!

Какое оно, лицо, изображенное на высочайшем портрете? Меня терзало острейшее любопытство, но я не смел поднять глаз. Если взгляну — ослепну.

Когда я болел, меня неизменно посещало одно и то же видение: по небу, птицей паря на белых крыльях, летит император. И я замирал от священного трепета.

И вот император заговорил обыкновенным человеческим голосом! Мы были потрясены. Но все-таки в глубине души

по-прежнему почитали его как бога. Возможно ли, чтоб существо, наделенное сверхъестественной силой, столь внезапно, в один летний день превратилось в обычного смертного?

Но вскоре стало очевидно, что ужасное ощущение не обмануло нас. Как-то я спросил учителя: «Старшие говорят, что монархии больше не будет. Это правда?» Тот, не говоря ни слова, ударил меня, я упал, и он пнул меня с такой силой, что я задохнулся. Потом мать вызывали в школу и долго ругали в учительской.

Ну, а сейчас — что же сейчас император для народа?

Слово «символ» крайне расплывчато и туманно*. Каждый волен толковать его как душе угодно, вкладывая свой собственный смысл. Иначе говоря, создатели новой конституции, столкнувшись с необходимостью определить статус и роль императора, отложили решение этой проблемы на будущее. А следовательно, любой из нас по-своему, сообразно своему образу мыслей представляет себе императора. И «символ», это записанное в конституции определение императора, тоже можно трактовать двояко: и как отсутствие сколько-нибудь реальной власти, и как неограниченное могущество.

Я теперь уже совершенно иначе мыслю себе «всемилющего» императора, нежели в те далекие годы несмышленного детства. И не питаю благоговейного почтения ни к нему, ни к императорскому окружению. А вот матушка моя ходит на Придворцовую площадь поклоняться живому божеству и самым живейшим образом интересуется подробностями жизни высочайшего семейства. Вообще подавляющее число японцев испытывают большой интерес к императорскому дому. И глубоко чтят императора. Ажиотаж, который вызвало в Японии решение о помолвке наследного принца, убедительно продемонстрировало это. Газеты наперебой сообщали все новые подробности о невесте, будущей принцессе, тиражи расхватывались в мгновение ока. Вся страна узнала историю жизни нареченной принца*.

Правда, тут следует учитывать один нюанс. Поставщики и потребители информации связаны отношениями спроса и предложения. Первые искусственно подогревают потребительский интерес, а потом удовлетворяют его. Помню, газеты печатали снимки целых процессий школьников, с флагами вышедших на улицы поздравить наследного принца. Фотографии восторженных детских лиц потрясли меня. Что побудило этих малышей размахивать флагами? Родительское влияние? Речи учителей? Культ императора, глубоко укоренившийся в сознании японцев? Или просто праздничное настроение? Пока каждый японец волен сам создавать императорский образ, слово «символ» будет иметь здоровый оттенок. Но что, если сила печатного слова уже сотворила кумира?.. Правда, эти детишки шагали с ликующими улыбками, а мы в их годы проходили мимо императорского портрета, испуганно потупив глаза.

«ПОРАЖЕНИЕ» И «ОКОНЧАНИЕ»

«Поражение в войне» или «окончание войны»? Пожалуй, сейчас уже различие в оттенках не имеет существенного значения. Во всяком случае, вряд ли кто станет вести яростные и упорные терминологические споры, отстаивая ту или другую точку зрения. Однако прежде все было совсем иначе. Однажды я подсмотрел, как один мальчишка долго писал у себя в тетрадке два слова: «поражение» и «окончание». В конце концов он остановился на втором. Вероятно, так же поступали и взрослые. Помню, учителя все до единого говорили только об «окончании», никогда не упоминая «поражения».

Как-то во время утренней линейки директор обратился к нам, младшим школьникам, с речью. «Дети! — сказал он. — Не надо считать, что Япония потерпела поражение. Ведь даже в газетах пишут: «Окончание войны». Это значит, что война просто кончилась. Никогда не думайте, что Япония проиграла». Не уверен, что ученики младших классов были способны до конца постичь эту странную словесную эквилибристику, в результате которой один и тот же реальный факт приобретал различный смысл. И тем не менее большинство моих друзей предпочитали говорить «окончание», а не «поражение». И сам я всякий раз, раздумывая над словом «поражение», ощущал безотчетную тревогу, беспокойство; мне казалось, что привычный порядок окружающего меня мира рухнет. И напротив: «окончание» вселяло покой, дарило облегчение. «Поражение» таило в себе гибель и унижение, повергало в безысходное отчаяние. А «окончание» означало умиротворение, завершенность, тихое, хотя и грустное, «отдохновение» — сродни тому, что наступает, когда закончен труд: передышка — и снова в путь.

К тому же, пока шла война, меня постоянно мучили страхи: я скверно бежал и очень боялся во время атаки отстать, оказаться один-одинешенек среди чистого поля; а еще мне казалось, что выстрелю не туда, куда надо, и раню товарища. Но вот войне пришел конец и, значит, конец моим страхам, так что «окончание» было самым подходящим для меня словом. Правда, я испытывал ужас перед оккупантами, схожий с кровоточащим ощущением краха, таившимся в «поражении». И метался, не зная, что предпочесть, не в силах понять, что же являет собой та единственная и неизменная реальность, которую обозначают такими непохожими словами. Теми же сомнениями мучались и взрослые. Интересно, какое слово выберут ученые-историки, чтобы показать отношение Японии ко второй мировой войне? Пока что единого, четкого термина не существует.

Словесное определение, обозначение реальности при помощи слов есть попытка интерпретации действительности. Однако к каждому действительность поворачивается своей стороной. А

порой бывает и так, что, стараясь представить ее в желаемом свете, человек сознательно подбирает подходящее для него выражение. Как часто мы прибегаем к этой уловке! Как часто пользуются этим, выступая с официальной трибуны, избираемые нами политические деятели! Самый наглядный пример — отличие словесных нюансов в вопросе отношения правительства к ремилитаризации. Пристрастие политиков к нюансам породило немало новых словечек и словосочетаний. Например, «армия, лишенная боевой мощи». Или: «резервный полицейский корпус» и «силы самообороны». По сути дела, это одно и то же, а между тем какие коренные сдвиги произошли в общественном сознании со времени существования довольно неприязнательного названия «полицейский корпус» до появления пышного термина «силы самообороны»! Пока еще в правительстве не решаются открыто произносить слово «армия». Однако, наблюдая в начале нынешней зимы парад «сил самообороны», я подумал, что это было бы самым подходящим определением для такого внушительного шествия. Но скажешь «армия» — и подобная демонстрация силы, в которой участвуют даже танки, представится явлением совершенно недопустимым в рамках действующей конституции. А в чудодейственной облатке термина «силы самообороны» мы болезненно глотаем пилюлю. Мы произносим «ремилитаризация», «силы самообороны», «армия», подчас не желая заметить, как все это становится действительностью. Нам отчего-то трудно бывает взглянуть жизни в лицо, и мы поворачиваемся к ней спиной, подменяя жизнь игрой в слова.

Обозначение явлений реального мира при помощи слов — неизбежная и естественная акция всякого цивилизованного человека. Но не следует петь с чужого голоса. Это может привести к опасным последствиям. Допустим, некто, одержимый преступной идеей, внушит миллионам людей свою волю, а они, поленившись воспротивиться злу, послушно пойдут за ним. Что случится тогда?

Пример — Гитлер, уничтоживший миллионы людей.

С ЧИСТЫМИ РУКАМИ

В Японию вошли оккупационные войска. Иноземцы разгромили японцев и торжествовали победу. Они хлынули в страну, подобно наводнению. Прошло время, и оккупанты убралась из Японии. Оккупация закончилась. Но так ли бесследно прошла она, как исчезает вода в высохшей луже?

Нет. Оккупация оставила свои следы на японской земле — и хорошие, и дурные. Ведь и наводнение не только поит влагой иссушенную почву, но и несет разрушения.

Конечно, обстановка в стране до оккупации отличается от обстановки после оккупации. Кроме того, в сердце каждого японца живет сокровенное желание стереть из памяти это

время унижения и позора, о чем тоже не следует забывать. Вспоминаю ужас, отвращение, почтительный страх, охватившие меня, когда я впервые увидел у нас в деревне чернокожих солдат вражеской армии. Они шли по улице. Пялились на девушек, дразнили псов, насвистывали песенки. Я глазел на них и чувствовал, как покрываюсь испариной.

Время от времени прикатывали на джипах и белые солдаты — искупаться в речушке, протекавшей за деревней. В блеске воды и солнца розовела их кожа, золотился покрывавший тело пушок. Они были воплощением чужеземцев, пришельцев из незнакомого мира. А мы, желтокожие сорванцы, мы были маленькими японцами. Мы следили за ними издали, прижавшись на мелководье друг к другу худенькими голыми плечами, — и ощущали исходившую от них угрозу «нашей» Японии.

Минило десять лет, они ушли, и я перестал считать их захватчиками. Но были люди, для которых они так и остались оккупантами. А вчера в электричке я встретил пару — женщина, вне сомнения, чистокровная японка, увлеченно обсуждала вступительные экзамены в среднюю школу с чернокожим курчавым сынишкой.

Пришла пора задуматься, что когда-нибудь вот таким, «новым» японцам тоже придется сдавать экзамен на должность и вступать в брак. Найдутся ли предприниматели, готовые с распростертыми объятиями принять на работу детей смешанной крови, или девушки, которые сумеют по-настоящему полюбить их?

До сих пор в моей памяти свежи газетные сообщения о событиях в заокеанском городке Литтл-Рок *, где чернокожих подростков разгоняли, как собак. Тогда японцы — во всяком случае, что касалось положения негров в США — приняли сторону чернокожих. Каждый из нас больше сочувствовал избиваемым неграм, чем избивавшим белым. По крайней мере таковы были настроения рядового японца.

И во француско-арабском вопросе, хотя ситуация здесь не столь ясна и недвусмысленна, японцы отнюдь не симпатизируют истязаемым коренных жителей французам. Даже консервативно настроенные люди не поддерживали французскую армию в алжирской войне. А вот в Америке и в наши дни обезумевшие фанатики с налитыми кровью глазами избивают чернокожих камнями, а огромные массы американцев молчаливо поддерживают приверженцев расовой дискриминации. Во Франции поддержку избирателей получает то правительство, которое обещает не давать свободы арабскому населению или в крайнем случае предоставить свободу ограниченную. В Японии же, столь далекой от Алжира восточной стране, все больше людей осуждают политику белых по отношению к неграм и требуют предоставления алжирцам независимости. Почему? Потому, что японцам особенно присуще чувство гуманизма? Потому, что они все как один сторонники справедливости? Думается, что причи-

на не в этом. Просто сочувствие дается японцам без труда. Им не доставляет хлопот негритянское население Литтл-Рока, и сами они тоже вряд ли могут чем-либо побеспокоить людей, живущих за океаном. Вот и выходит, что негритянский вопрос для них — «пожар на другом берегу», порождающий лишь абстрактные муки совести. Что же касается волнений в Алжире, то и здесь лучше рассуждать логически. У японцев нет и не может быть причин истязать арабов. Их сыновья не гибнут под алжирскими пулями.

В обоих случаях на японцах не лежит никакой ответственности. И они сохраняют руки чистыми. Они могут говорить с открытым сердцем и спокойной совестью: нехорошо притеснять негров, надо по-человечески относиться к арабам, разве мы все не люди?

В расовом вопросе Япония сделала чуть ли не самой прогрессивной страной среди цивилизованных государств. Но вот ушла в прошлое война, кончилась оккупация — и теперь уже здесь, в самой Японии, созрела новая расовая проблема. Для детей смешанной крови и их матерей вопрос дискриминации перестал быть абстрактным предметом. Его уже нельзя решить «не замарав рук». И те предприниматели, которые отказываются принять на работу полукровок лишь на том основании, что они полукровки, тоже утратили чистоту своих рук. И те матери, которых приводит в ужас сама мысль о том, что их дочери любят людей смешанной крови, вряд ли имеют право считать себя непогрешимыми.

Идея отдавать детей-полукровок на воспитание за океан, в бездетные семьи, тоже не сулит решения проблемы: это не принесет им счастья. Так что образцом подлинного гуманизма можно считать тех женщин, которые посмели, несмотря ни на что, выносить и произвести на свет зачатых от чернокожих солдат младенцев в тот послевоенный период.

ГОСУДАРСТВО

Решение брата записаться на курсы летчиков ВМС вызвало в нашей семье переполох. Конечно, на людях отец восторгался этой идеей (в те времена так поступил бы любой глава семейства) и не решался перечить сыну. Мать и сестры тихонько, украдкой плакали: ведь брат никогда не отличался воинственностью и любил песенки про прекрасных словно мечта девушек. У меня же, самого младшего в семье, при виде скорбных родительских лиц сердце обливалось кровью, однако больше меня волновал вопрос, каково брату придется в армии.

В день отправки в часть брат торжественно покаялся пришедшим на проводы односельчанам: «Отдам свою жизнь за государство».

Ради чего мы воюем, живем, умираем? В те времена ответ

был один: во имя страны, во имя государства. Под «государством» подразумевалось также исполнение долга перед его величеством императором. И осознание цели вселяло зыбкое подобие надежды.

Однажды — тогда еще шла война — мать привела меня в крохотную лачугу, стоявшую у самой околицы. В темной комнатухе с голыми грубо обмазанными стенами, с очагом, вырытым прямо в земляном полу, рыдала немолодая худенькая женщина. Я запомнил ее на всю жизнь. Безутешная вдова причитала по недавно погибшему на войне мужу.

Но вот после визита директора школы к ней вернулась сила духа. Директор сказал ей: «Ваш муж отдал жизнь за государство. Не надо лить слезы». И произошла разительная метаморфоза: женщина приободрилась, пошла работать. Она сама вызывалась на трудовую повинность, дежурила на учебных пожарных тревогах, оставив хнычущего младенца одного в темной комнате. И без конца твердила: «За государство, во имя государства». К ней так и прилипло — «Окуни-сан», «За государство». Никогда не забыть мне ее лица, изможденного, экзотического, когда она с песней шагала выпятив грудь среди провожавших новобранцев односельчан. Подобное происходило тогда по всей Японии. Не только в нашей деревне — в каждом городе, в каждом селении — были свои «Окуни-сан». Вдовье будущее сулило ей мало радостей. Думай не думай, что муж погиб за государство, — ничего это не меняло. Но убежденность в необходимости его гибели на благо страны давала ей силы. У «Окуни-сан» появилась цель. При всей абсурдности такой цели жизнь наполнялась смыслом и содержанием: она всецело отдавала себя государству.

После войны ореол «государства» несколько потускнел. Кто в наше время строит свою жизнь по принципу «во имя государства»? И существуют ли еще в Японии такие «Окуни-сан»?

С политическими деятелями ситуация достаточно ясна. Приговоренный к смерти через повешение милитарист Хидэки Тодзио* на вопрос, ради чего он сделался политиком, торжественно заявил: «Ради страны. Ради блага государства». Хотелось бы задать тот же вопрос господину Итиро Коно*. Скажет ли он — «на благо государства»? Если и хватит у него духу заявить такое, поверит ли кто ему? А у Итиро Хатаямы* следовало бы поинтересоваться, чего ради он так упорно стремился удержаться на своем посту, невзирая на столь преклонный возраст? Интересно, что ответил бы он? Вряд ли — «во имя государства». У японских политиков, впрочем, как и у политиков прочих либеральных государств, не найдется достойного ответа на этот вопрос. По крайней мере столь же определенного, как у прежних политиков-милитаристов. Да и трудно судить о том, плох или хорош политический деятель только на основании того, какие он цели преследует.

В январе этого года я получил поздравительную открытку от одного партийного функционера, работника молодежного отдела местной организации либерально-демократической партии. Он никогда со мной не встречался, но, очевидно, испытывая ко мне симпатию как к сверстнику, к тому же родившемуся в той же префектуре, поделился со мной своими планами. Послание было написано на открытке с изображением кабана.

В тридцать лет он собирался стать членом токийского муниципального совета, в сорок — депутатом парламента, в пятьдесят — министром.

Отчего этот молодой человек посвятил себя политике? Во имя государства? Но народные массы уже не отождествляют государство с политиками. А возмущение коррупцией есть закономерная реакция человека, когда кто-то наживается за его счет; это чувство весьма далеко от заботы о чести государства. О государстве никто не печется. Забота о государстве, «государственное» сознание никогда не были стабильным, постоянным фактором: временами они проявляются ярче, временами — слабее. Это тесно связано с формой политического правления и образом мыслей государственных деятелей.

В эпоху Мэйдзи * европеец Бельц * высказывал сожаление по поводу того, насколько низок в Японии авторитет государства. Затем, перед войной, правители создали культ сверхгосударства. А современный японец относится к государству с гораздо меньшим почтением, нежели современный китаец. Там, где не существует «Окуни-сан», человеку дана большая свобода, и это прекрасно. В мире поныне есть государственные системы, где люди довольствуются минимумом свобод, и то, что в Японии исчезли «Окуни-сан», на мой взгляд, замечательное явление.

Однако встречаются и другие крайности: например, я слышал, что на приеме, устроенном министром иностранных дел Фудзиямой, одна молодая особа, писательница, во всеуслышание заявила, что горячо желает Японии превратиться в сателлита Соединенных Штатов.

ГЕРОИЗМ

В наши дни трудно говорить о героизме. Во время войны молодому человеку часто приходилось выбирать между мужеством и подлостью. Из боя можно выйти и героем, и предателем. Сами обстоятельства вынуждают сделать этот выбор.

Сейчас же у молодого японца нет случая выяснить, кто он. Никто не знает, да и не может знать, герой или трус его друг, более того, герой или трус он сам. И, может быть, альпинисты, рискуя жизнью, поднимаются с тяжелым грузом на заснеженные вершины именно для того, чтобы проверить, есть ли в их душах ростки героического. А лихие водители, устраивающие бешеные гонки по шоссе, парни, извивающиеся на сцене под рокаби-

ли *, — может быть, и они испытывают патетическое вдохновение, упоение вызова, удалства, восполняя этим дефицит героизма в серых буднях — как для себя, так и для зрителей?

Во время войны возможностей для проявления героизма было множество. Почти у каждого. Перед окончанием военных действий в деревню все чаще и чаще возвращались «души героев», павших в бою. И, отдавая почести павшим на далеких полях сражений парням, я склонял голову у деревянных ящичков с прахом и отчаянно пел: «Выйдешь в море — трупы в волнах...» *

Помню, призвали в армию подмастерья плотника, которого за злые проделки недолюбливали в деревне. Неожиданно он умер на фронте от какой-то болезни, и прах «героя» переслали на родину. После речи старосты во славу покойного подмастерья, при жизни «отличившийся» тем, что бежал по всей деревне за школьной учительницей, а однажды, пробравшись ночью в чужой дом, разбудил по ошибке вместо дочери отца, предстал в героическом ореоле. Для нас, школьников, это была удивительная метаморфоза.

Если бы не война, он так и прожил бы жизнь бесславно, не совершив ничего героического. Хотя можно сказать и иначе: парни, способные на героизм в бою, не всегда находят случай проявить себя в мирной жизни.

Но вот закончилась война, и доблестные солдаты возвратились в отчий дом без мечей, без винтовок и подвешенных к поясу гранат. И вновь стали теми, кем были в довоенные времена, — пахарями, кузнецами, шоферами. Их вид вселял в нас чувство безысходности. Можно представить, как тосковали по былой славе сами демобилизованные, в какое впадали они отчаяние. Надо было любой ценой обрести утраченный ореол героизма. Каждый напропалую хвастался боевыми подвигами, особенно в конце войны. Один мой знакомый паренек, служивший в военные годы во флоте, после демобилизации устроился работать на почту, однако вместо того, чтобы делать дело, собирал вокруг себя ватагу ребятишек и день-деньской рассказывал о своих приключениях: «На рассвете пятнадцатого августа я уже сел в торпеду, да тут как назло приказ: «Немедленно на берег!» Усекли?» Да не один он — деревня буквально кишела такими же чудом уцелевшими героями.

Сынок арендатора, например, решив, что его рассказы не будут выглядеть такими уж необычными на общем фоне, даже заявил, что вступил перед самым концом войны в подпольную организацию. «Наша тайная армия поднимет восстание, и оккупанты будут разгромлены», — говорил он. Оружие у них якобы было припрятано в заброшенной штольне. Вспоминаю, как мы, деревенские мальчишки, смотрели на него раскрыв рот: он был для нас героем. Однако другой парень, дослужившийся до ефрейтора, позавидовав его славе, стал насмехаться над ним. Сынок арендатора обозлился не на шутку — и они схватились.

Однако бывший ефрейтор все же постепенно загнал противника в угол. Но вот в один прекрасный день по деревне разнесся слух, что арендаторский сын получил загадочное послание от неизвестного отправителя. Он собрал пожитки и, покинув безутешную семью, оставил родную деревню. Отправился в «повстанческую армию».

Теперь героем стать нелегко. Но кто же не жаждет геройской славы? Именно на это и рассчитывает Нобусукэ Киси*, взывая в своих речах к слушателям Академии «сил самообороны». Рядовых служащих интересует только денежное вознаграждение, и их тяга к героическому вполне удовлетворяется спасением жертв наводнений. С выпускниками академии дело гораздо сложнее: они умнее, интеллигентнее, они прошли через жесткий отбор, посвятив свою жизнь служению «силам самообороны». И их страсть к героизму требует более обильных приношений. Кто поручится, что именно в их неудовлетворенных сердцах не проклюнутся ростки нового правого радикализма?

Геройский сынок арендатора, ушедший в «повстанческую армию», возвратился домой в лохмотьях. Но выпускники академии так просто не повернут назад. И те, кто заманил этих парней на скользкую дорожку «героизма», в ответе за их молодость.

ХЭЛЛО

На пирсе толпились дети. «Гив ми мани, гив ми мани!»¹ — кричали они стоявшим на палубе иностранного судна людям. Пассажиры швыряли им пригоршни мелочи, и они, отталкивая друг друга, подбирали медяки.

Я прочитал заметку, неодобрительный комментарий журналиста, и задумался — о себе, таком же истинном японце. Я не имею права осуждать этих ребятишек. Я ведь сам когда-то, нисколько не стыдясь, делал то же самое. Потом повзрослел, но те времена не стерлись в памяти. И разница между мною и ими заключается только в том, что на них взрослые взирают с осуждением и негодованием, меня же поощряли.

Первое иностранное слово, которое я выучил, было «хэлло». Кого мы приветствовали? Чужеземцев, оккупантов, захвативших нашу страну. Однажды утром нас всех собрали на школьном дворе для какого-то важного сообщения. Нам было не по себе. На трибуну поднялся завуч.

— Когда солдаты оккупационной армии войдут в нашу деревню, — сказал он, — дружно крикнем «хэлло!». Не надо бояться их. Крикнем «хэлло!» и помашем руками.

¹ Дай мне денег (англ.).

Он закричал «хэлло!» и велел нам хором повторять за ним. Но все только смеялись и не слушались команды. Удивительно, но завуч даже не рассердился — только очень растерялся.

Еще месяц назад это был самый воинственный человек в деревне. А теперь он кричит «хэлло!» и при этом нисколько не испытывает угрызений совести. Он только слегка смущен, как человек, стесняющийся нового платья. Заставив наконец нас повторить «хэлло!», он просиял.

В жизнь одной нации вторгается другая нация, более того, вторгается иноземная армия. Естественно, процесс этот не может протекать гладко и беспрепятственно. Неизбежны конфликты и трения. Однако поверженная Япония с улыбкой встречала завоевателей, усердно крича «хэлло!» и размахивая руками. По сути дела, в ней так и не возникло движение сопротивления. Теперь можно утверждать, что в этом была и положительная сторона, ибо не произошло напрасного кровопролития. И тем не менее это весьма характерная для японцев реакция — не бунтовать, а с улыбкой приветствовать победителя.

Через несколько лет я прочитал историю Франции и сделал удивительное открытие: оказывается, побежденный народ может вести себя совершенно иначе, не так, как мы, японцы. Многие говорили, что Япония проиграла впервые. Но как же умело мы приспособились к обстоятельствам, подумалось мне.

Во всяком случае, когда американцы вошли в деревню, мы, ребятишки, приветствовали их дружными криками. Они прокатили мимо на джипах, и на их лицах была написана брезгливость. Верно, им было противно. Они сидели нахмурившись, крепко сжав в руках автоматы. Однако через некоторое время они привыкли к нашим «хэлло», махали в ответ рукой и даже порой кидали нам жевательную резинку и шоколад. Так началось наше падение. Потом один из мальчишек, посообразительней, заучил несколько фраз посложнее. Правда, набор тем оставался весьма однообразным: «Дай шоколадку», «Дай сигаретку».

Американцы швыряли нам сладости и сигареты. Мы дрались за них. Я тоже хватал кусочки шоколада — и не скрываю этого. Стыдно вспоминать, но ведь такое было. А потому я не считаю себя вправе порицать сорванцов, кричавших иностранным пассажирам: «Гив ми мани!»

Большинство японцев сочтут их поступок позорным. А ведь так ли существенна разница между тем днем и сегодняшним?

Попытаемся поменять местами действующих лиц. Как бы повел себя на месте иностранца японец? Вспоминаю рассказ одного политического деятеля, депутата от консервативной партии, посетившего ряд азиатских стран, в том числе Китай. В одном из портов его окружила ватага ребятишек, вопивших: «Гив ми мани!» Сначала он кидал им монетки, а потом, обескураженный, улизнул в гостиницу. Но и там у него начали

клянчить деньги. В тоне рассказчика сквозило высокомерие, пренебрежение японца к прочим азиатам. Для него они стояли на той же ступени, что некогда мы — для американских солдат. Большинство японцев свысока относятся к другим азиатским народам. При виде фотографий празднования Дня провозглашения республики или демонстрации девушек в новом Китае они начинают хихикать. Установлению нормальных отношений Японии со странами Азии — как в главном, так и в мелочах — прежде всего мешает подобная «великодержавная психология». Рабски угодничать перед захватившими страну белыми, с улыбкой кричать им «хэлло» и в то же время с пренебрежением взирать на собратьев по желтой расе — несколько женская манера поведения, наносящая вред не только экономике, но и культуре японского народа.

ОКРАИНЫ

Прекрасен зимний Хоккайдо. Но и здесь есть свои мрачные стороны, являющие разительный контраст с великолепием природы. Впрочем, как и в любом уголке Японии.

Во время путешествия по Хоккайдо я сел в Вакканае на корабль и отправился на остров Рэбун. И здесь с красотой соседствовало уродство, но судить об этом следует очень деликатно: искаженное или неточное изображение действительности в отдаленных от столицы областях может нарушить отношения центра с провинцией, направить в неверное русло всю культуру страны, объединяющей и метрополию, и окраины.

На Рэбун приезжает некий деятель культуры. Население островка одевается почти так же, как и жители любого заштатного городка близ Токио. Так что эффектных фото ждать явно не приходится. Вот он и просит островитян прийти в местную управу в хатимаки* и стеганых кимоно. Увидев подобное фото в журнале, молодежь островка негодует, но поздно.

Многие, приезжая в отдаленные районы, совершают те же ошибки. Они склонны создавать свой, вымышленный образ провинции, рядя местных жителей в хатимаки и кимоно на вате.

А ведь в том же свете видят Японию и японцев иностранные туристы, полагая, что, прокатившись на рикше, они соприкоснулись с жизнью страны. Да и сами японцы, стремясь угодить им, продают сувениры на потребу туристам. Вот за океан и отправляется уродливая, не имеющая отношения к японской действительности мишура — «Япония хатимаки и стеганых кимоно». Тут, разумеется, значительная доля вины лежит на самих японцах, стремящихся привлечь зарубежных гостей. Но немногим отличается отношение и столичного гостя к жителям острова Рэбун. При этом совершенно забываются

действительно насущные нужды островитян. Приезжает, к примеру, на остров чиновник из метрополии. Пьет саке, слушает песни местных девушек, приходит в прекрасное расположение духа — и обещает, обещает, обещает. «Дамбу мы вам построим хоть завтра», — клянется он. Но проходят годы, а дамбы все нет. И дело вовсе не в скверной работе организаций, ведающих контактами центра с провинцией. В этом личная вина тех чиновников, что распивают саке на острове Рэбун и сыплют безответственными обещаниями. Это они, канцелярские бюрократы, воздвигают разъединяющие людей преграды, пользуясь тем, что между столицей и Рэбуном расстояния огромны.

Служащие местной управы сделали все, чтобы ублажить гостя. Это стоило островитянам известных усилий, ведь одни расходы на угощение и те явились ощутимым ударом по бюджету: островитяне не так уж богаты. Но самым «блестящим» моментом была встреча токийского чиновника с молодежью островка. «Вам не страшно от столь близкого соседства СССР?», — спросил он у одного из парней. Тому не было страшно. Однако он призадумался: а в самом деле, не таится ли здесь угроза? Японские рыбаки не испытывают ненависти к Советскому Союзу из-за того, что советские пограничники задерживают их суда. Бывает, что море штормит, рыболовецкие шхуны уносит далеко в сторону. Но когда они попадают в советские воды, рыбаки спокойны: советские корабли обязательно подойдут, а значит, жизнь пострадавших от бури будет спасена. Тем не менее вопрос чиновника озадачил парня. Он принялся усердно изучать журналы — и художественные, и публицистические. А следовательно, стал судить о жизни с их точки зрения. Это было и хорошо, и плохо. Плохо потому, что толстые журналы рассчитаны на жителей Центральной Японии, они пишутся и редактируются в центре. Побеседовав с этим юношей, я начал понимать его недовольство и растерянность, возникшую при чтении подобной литературы. Она предназначена не для него. И редакторы отнюдь не стремятся найти возможные точки соприкосновения. Допустим, парень верит тому, что написано. Журналы трубят о том, что СССР — грозная опасность для Японии. И хотя он не боится советской угрозы, постепенно начинает поддаваться общему настроению. К чему это приведет? К скверным результатам.

Надо отметить, что вообще жизнь на отдаленных окраинах гораздо здоровее, нежели в Центральной Японии.

Шел снег, море штормило, было холодно — 15° ниже нуля. Я дрожал от стужи в санях, когда неожиданно заметил во дворике у маленькой крестьянской хижины девочку, крутившую хулахуп. Любуясь ее розовыми щечками и вылетающим изо рта белым парком, я подумал, что для здешних мест это, наверное, самое подходящее развлечение.

Мода на хула-хуп ураганом пронеслась по большим городам и схлынула. Но оказалось, что кое-где увлечение пустило

крепкие корни. Например, здесь, на Хоккайдо, эта девчушка взялась за обруч не из каприза, а потому, что он оказался незаменимым для ее жизни. Говорят, что провинция отстает от центра. Ерунда! Девочке не было дела ни до провинции, ни до центра: мода большого города сделалась для нее повседневностью. Она разрушила затасканный стереотип «хатимаки и стеганых кимоно», эта малышка, в зимней одежде похожая на нахохлившегося воробья. Я смотрел на нее с радостью и умилением, а она, не обращая внимания на праздного столичного гостя, крутила алый обруч, и дыхание морозным парком вырывалось у нее изо рта.

НОВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Когда кончилась война, я учился в начальной школе. Это время во многом определило мою дальнейшую жизнь. Я пережил — как человек и как маленький японец — поражение в войне, оккупацию, и они оставили неизгладимый след в моей душе. Наши старшие братья, возмужавшие в военные годы, гибли на полях сражений, пройдя через незабываемые для японцев испытания. Мы, их младшие братья, братья смертников, тоже пережили незабываемые времена. Правда, на нас не глядели дула винтовок, мы не разделили судьбу летчиков-смертников, но и у нас было свое сражение, свой противник — «послевоенный период». Наше поколение вступило в жизнь после войны. И потому, размышляя о Японии и японцах, я всегда думаю о послевоенной Японии и послевоенном японце.

Иногда мой иностранный друг изучающе глядит на меня. А потом что-то пишет в записной книжке. Это он увидел сейчас во мне, японце, выросшем после войны, послевоенную Японию.

Когда я прочитал статью на тему о том, что после войны нас неправильно обучали родному языку, в голове у меня помутилось, как у ковбоя, которого друг огрели по затылку прикладом. Ведь если согласиться с этим, то выходит, что я говорю на неправильном японском языке, мало того, поскольку я не умею говорить иначе, значит, я сам — «неправильный» японец, ошибка природы. И если вернуться к прежним канонам, то мы, мое поколение, окажемся пасынками родного языка.

Да, в нашем поколении есть нечто особенное, отличающее нас от других, и именно от этого страдают слушатели Академии «сил самообороны», мои сверстники. Наследный принц тоже принадлежит к нашему поколению и не избежал общей участи. Но только мне кажется, что для него-то Япония воплощена не в лицах ровесников, а в облике стариков. Когда, смежив веки, принц размышляет о судьбах Японии — каков он, народ, возникающий перед его внутренним взором? Конечно, он видит улыбающееся лицо. Для принца японский народ — это толпы приветливо улыбающихся ему людей.

Принц, мы хотим, чтобы ты задумался. Молодые японцы не станут беспрестанно тебе улыбаться. Молодые японцы не во всем поддерживают тебя. Многие отрицают саму идею монархии, сколь бы абстрактной она ни была. Мы хотим, чтобы ты лучше представил себе их отношение к монархическому режиму. И особенно чутко прислушайся к голосам своих сверстников, возмужавших в период послевоенной демократии. Не все они расточают приветливые улыбки. И если ты после истории с помолвкой уверовал во всеобщее преклонение, не уверуешь ли и в божественность собственного происхождения? Это будет трагично.

Когда начнется церемония бракосочетания, Япония опять забурлит. Но будет ли ошибкой принять это празднество за торжество во славу монархии? Французские модельеры пришлют праздничные туалеты. Им не понять, какие древние, кровные узы связывают монархию с японским народом. И легкие поздравления иностранца весьма далеки от той поддержки, что оказывают монархии иные японцы.

Когда-то придет решающий день. День, когда принцу придется взойти на престол. Примет он это или отвергнет, но ему придется принять на себя всю ответственность выбора. Возможно, именно в этот день решится судьба японского народа. И если восторженные крики во время свадебной церемонии разожгут в сердце принца жажду стать императором, а монархический строй посеет семена грядущей гибели Японии, то, размахивая праздничными флажками, мы вынуждаем нашего сверстника, такого же молодого японца, — наследного принца — погубить свое будущее. В день свадьбы в небе вспыхнут цветы фейерверка, потянутся процессии с фонариками. Прекрасное, красочное зрелище. Но нам, молодежи, следует размышлять о Японии и о монархии не в праздничной суете. Так следовало бы поступить и наследному принцу. Молодых японцев, принадлежащих к одному поколению, должны волновать одни и те же проблемы, это естественно.

Однажды дурман развеется. И возможно, что, когда японский народ пробудится, начнется стремительный обратный процесс. Впервые после войны монархия так явственно предстала перед народом, и отрезвление может быть очень бурным. На днях какой-то пародист передразнил в радиопередаче голос невесты принца. И сразу же раздались смешки. Я не совсем понял, зачем понадобилось ее копировать, но раздавшийся смех свидетельствовал о переменах — о суровом и трезвом восприятии происходящего простым людям.

Выросшая после войны молодежь, в том числе и слушатели Академии «сил самообороны», и наследный принц, — это особенная молодежь. Послевоенный период демократии мало переменял старую Японию и старое поколение. Только мы можем назвать себя послевоенными японцами, а свою Родину — послевоенной Японией.

ПОСЛЕВОЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ И КОНСТИТУЦИЯ

В мае того года, когда я пошел в первый класс школы средней ступени, была принята новая конституция. В преобразованной школе уже не преподавали этику. Вместо нее — так мы считали — ввели уроки по изучению конституции. Вспоминаю, какой бурный восторг вызвал у нас двухтомный учебник под названием «Демократия». Впрочем, чувство это имело вполне материальную основу. Уже с середины войны мы не держали в руках не только приличных учебников, но и обычных хорошо изданных детских книг. Учебник родной речи, что нам выдали сразу же после войны, представлял собой пачку кое-как сброшюрованных листков газетной бумаги. Мы прозвали его «липой». Да и прочие учебники, хотя и не столь убогие, тоже оставляли желать много лучшего. И лишь «Демократия» была роскошной, добротной, красиво иллюстрированной книгой. Мы все просто с ума посходили.

Но экземпляров не хватало, и вышло то же, что с парусиновыми тапочками во время войны. С замирающим сердцем мы тянули жребий, и неудачники плакали так же горько, как те, кому в зимнее время не доставались тапочки, — при мысли о том, что завтра придется чуть ли не босиком бежать в школу.

Поэтому уроки конституции, для которых был написан учебник, были для нас событием. К тому же их вели недавно вернувшиеся с войны молодые учителя — вдохновенно, с увлечением, а мы, ученики, впитывали знания с таким же рвением. И фундамент моего мировоззрения, основанного на принципе «верховная власть принадлежит народу» и «отказе от войны» был заложен именно на тех занятиях.

Однако восторженное настроение, охватившее всех японских школьников, сохранялось весьма недолго. Я расспрашивал людей моложе меня на несколько лет, и выяснилось, что для них «Демократия» не была такой уж невероятной ценностью. А вот мой друг, редактор, — я старше его только на год — даже назвал своего первенца в честь конституции — Кэнсукэ*. Для него, так же как и для меня, убеждение, что «верховная власть принадлежит народу», и «отказ от войны» были основой основ, неотъемлемой частью сознания послевоенного японца.

Несколько лет назад некий юнец, тоже принадлежавший к послевоенному поколению, убил левого политического деятеля — и сам покончил с жизнью*. Этот случай потряс меня, я даже написал роман о нем и ему подобных*. Шок мой был вызван тем, что я сделал неожиданное открытие: оказывается, теперь убеждение, что «верховная власть принадлежит народу», приверженность этому принципу уже не свойственны всей послевоенной молодежи. Мой семнадцатилетний герой отверг зыбкую идею «народной власти», существовавшую в его свободном, неокрепшем сознании, предпочтя более твердую и реальную власть внешних сил, и поплатился за это жизнью. Он не обрел никаких выгод, так что можно сказать, что юноша действовал сообразно своим идеалам. Однако, когда я задумываюсь, отчего возникла трещина между той частью послевоенной молодежи, что верна принципу «верховная власть принадлежит народу», и теми, кто даже с риском для жизни служит реальной власти, меня охватывает страх.

Каким светом были исполнены те строки конституции, что провозглашали «отказ от войны»!* Наш учитель обществоведения первым начал проповедовать идеи в духе современной «Великой Японии», однако и его теории основывались на «отказе от войны». Япония проиграла, пока что она — отсталое, научно не развитое, с пережитками феодализма государство, но... Тут он резко менял курс: но это избранная, единственная страна, провозгласившая отказ от войны. У меня всегда было чувство, что мы играем в какую-то карточную игру с припасенным напоследок козырем. Идея «отказа от войны» стала краеугольным камнем моего мировоззрения. И тем не менее я ощутил опасность, грозящую моим моральным устоям именно в связи с этим принципом. В тот год, когда я поступил в школу высшей ступени, вспыхнула война в Корее. И почти сразу же был создан Резервный полицейский корпус. Я хорошо помню горький привкус охватившей меня тревоги и неуверенности. Все последующие годы, вплоть до моего поступления в университет, продолжалась чехарда с превращением Резервного полицейского корпуса в Корпус национальной обороны и, наконец, в «силы самообороны». Мне казалось, что это надругательство лично надо мной. Я готовился к приемным экзаменам, когда однажды, в Кобе, стал свидетелем парада войск «сил самообороны». Рядом со мной стоял какой-то старик с ребенком на руках.

Вот о чем я подумал тогда: то, что видим я, этот старик и малыш, — без сомнения, настоящая армия. Следовательно, нарушается записанный в конституции пункт «отказа от войны». В Японии существуют силы, противоборствующие конституции. Я, старик и ребенок — тому свидетели. Однако мы пытаемся найти компромисс, увязать с конституцией действительность. И не только мы — все японцы. Не губительно ли это для системы идейных убеждений японского народа? Не уничтожает ли нечто жизненно для нас важное?

В университетские годы моя вера в принцип «отказа от войны» подверглась еще более решительным испытаниям. Я узнал, что несколько моих школьных товарищей поступили в Академию «сил самообороны». Если вдуматься хорошенько, событие это знаменовало полный разрыв с друзьями. Неужели они по своей воле решили изменить прежним идеалам? Ведь они по меньшей мере были вынуждены закрыть глаза на существование противоречий между фактом образования академии и конституцией. Я же, храня верность идее «отказа от войны», не мог оставаться с ними в прежних отношениях. Никак не мог.

И все же что-то подспудно мучило меня. Я вовсе не осуждал их, нет. Я не считал себя вправе. Пожалуй, меня терзали сомнения, постыдная неуверенность: а так ли уж незыблемы и надежны идеалы нашего поколения, воспитанного в духе «отказа от войны»?

Если говорить о возникновении «сил самообороны» как о свершившемся факте, необходимо рассматривать это не как изолированное явление, а в совокупности факторов, деформаций, происшедших в жизни страны — в политике, экономике, международных связях, — которые были вызваны образованием «сил самообороны». И только тогда моя система ценностей, которая зиждется на принципе «отказа от войны», обретет железную независимость. Но даже при этом, а может быть, именно потому станет невозможным бывшее духовное родство со старыми друзьями, избравшими карьеру высокопоставленных профессиональных военных. И это самый горький из всех свершившихся фактов.

Я глубоко убежден, что именно конституция должна быть опорой мировоззрения — потому что сам вырос под знаком конституции, — и всякий раз, слыша голоса, призывающие к ее пересмотру, я чувствую тревогу и боль, как будто меня самого хотят вышвырнуть вон. В течение двадцати послевоенных лет конституция была неотъемлемой частью моего сознания, и я не могу относиться к ней с равнодушным сторонним наблюдателем. В школе нас учили уважению к конституции. И особые опасения мне внушают те сторонники ее пересмотра, которые авторитетно утверждают, будто она была навязана нам «извне». Некий политический деятель, принимавший участие в работе над конституцией, открыто заявил, что она была принята вопреки воле японского народа. Услыхав это, я задумался: а действительно, нет ли тут доли правды? Ведь тогда мне исполнилось всего одиннадцать, и, даже если эта конституция и родилась без вмешательства со стороны иностранной державы, все равно для меня она явилась творением чужих рук — как и для всей послевоенной молодежи. Однако я принял ее как нечто личное, неотделимое от меня — и ни разу не усомнился в правильности своего решения. Думаю, что поступил верно. Все эти годы — с одиннадцатилетнего возраста и по сей день, когда

мне исполнилось двадцать девять, — я считал, что «верховная власть принадлежит народу», и всегда искренне ратовал за незыблемость принципа «отказа от войны». Сторонники пересмотра, столько лет искренне считавшие конституцию частичкой себя, теперь, отвергая ее, должны чувствовать, что разрушают самое себя. А следовательно, ее приверженцы — при каких бы обстоятельствах она ни была создана — и поныне вправе считать конституцию своей моральной опорой.

Однако в Японии существует категория людей, самым конкретным образом противостоящих конституции. Я имею в виду энергичных служащих «сил самообороны» и слушателей академии — тоже принадлежащих к послевоенному поколению, и, поскольку даже среди молодежи есть немало таких, кого раздражают принципы «отказа от войны» и «верховой власти народа», я хотел бы еще раз вспомнить свою первую встречу с конституцией — те далекие школьные годы.

1964 г.

МОЕ ЛИЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ К КОНСТИТУЦИИ

(лекция)

Когда окончилась война на Тихом океане, я учился в пятом классе государственной средней школы. Поэтому образование в школе средней ступени я уже получал по новой, измененной программе. Все градации в школьной системе стали называться с прибавлением слова «новый»: в своей деревне ходили в новую школу средней ступени, в соседней — в новую школу высшей ступени, затем могли поступать в новые институты. Так что я привык называть «послевоенным поколением» людей, одновременно со мной и после меня прошедших эти три стадии; ведь люди довоенной и послевоенной эпох различаются так же сильно, как и сами эти эпохи.

Сегодня мне хотелось бы поговорить о том, как сейчас относится поколение людей моего возраста к конституции, авторитет которой несколько пошатнулся. Также я хотел бы затронуть моменты моего личного к ней отношения — как я ее понимаю, как чувствую — с конкретными примерами из своего опыта.

Разумеется, я не настолько компетентен, чтобы говорить о конституции как специалист. Однако если считать, что послевоенная конституция нуждается в пересмотре, то я, как один из тех, кто воспитывался в соответствии с этой «ущербной» конституцией на протяжении почти двадцати лет, должен был понести от нее ощутимый урон. О том, какой ущерб был мне причинен, я и хочу поговорить, ведь о событиях своей жизни можно рассказывать, и не будучи специалистом.

Новая школа средней ступени была образована через два года после окончания войны, весной; в том же году вступила в действие новая конституция, и в обществе произошли всяческие перемены. В это время я поступил в школу средней ступени в одной из горных деревушек префектуры Эхимэ, где также была богатая почва для всевозможных изменений. И это имело непосредственное отношение к новой конституции и демократическому строю. Поговорив однажды с младшим братом, перешедшим в школу средней ступени на пять лет позже меня, я почувствовал, что на его поколение обучение в новой средней школе при новой конституции и демократических реформах оказало далеко не столь уж большое влияние. Вполне возможно, что люди моего поколения, получившие сильнейший стимул от

введения новой конституции и демократических преобразований в государственной системе просвещения, представляют собой уникальное в своем роде поколение. Объясняется это демократизмом первых четырех-пяти послевоенных лет или тем, что дети в маленьких деревнях вдруг стали мыслить государственными масштабами, — как бы то ни было, благоприятная почва была. Поэтому я думаю, мое поколение представляет собой чрезвычайно специфическую, редкую группу людей, тем более что указанный период быстро закончился.

Отступлю во времени несколько назад; в местечке Асака Хирано (переименованном теперь в Мита), что при въезде в район Тохоку, где целинные земли, жила в 19-м году эры Мэйдзи (1887) древняя старушка, лет ей было около ста. Она переехала сюда одна и с большим трудом подняла клочок земли. Мне рассказывали, что ее старший брат был молодым политиком. Бабушка рассказывала, что, когда он узнал, что на открывшейся сессии парламента была принята конституция, он пришел в такой восторг, что бегал по тропинке рядом с их домом как сумасшедший.

Надо, однако, сказать, что этот молодой человек не получил никаких существенных выгод от конституции. Через четыре-пять лет, не проявив способностей к хозяйствованию на целинных землях, он, снедаемый честолюбием, уехал в Америку, и больше о нем никто не слышал. Так или иначе, такой молодой человек был. И в начале эпохи Мэйдзи были люди, страшно радовавшиеся введению первой конституции, несмотря на то, что никаких выгод она им не принесла. И вот, спустя несколько войн, в лице нас — учеников новой школы средней ступени — опять появились люди, с воодушевлением отнесшиеся к новой конституции.

Именно тогда «отказ от войны» и «верховная власть принадлежит народу» — два краеугольных камня в фундаменте новой конституции — естественно вошли в душу и стали моральной основой всей моей жизни. В каком смысле я употребляю слово «мораль», я постараюсь объяснить дальше, здесь же хочу подчеркнуть одно: для меня фразы «отказ от войны» и «верховная власть принадлежит народу» имеют к морали самое непосредственное отношение.

Итак, принципиальное отрицание системы императорской власти, содержащееся в выражении «верховная власть принадлежит народу», для меня является жизненной основой, и я даже не мог себе представить, что после войны родится поколение, у которого возникнут на этот счет какие-то сомнения.

Однако в последние годы появились молодые люди, входящие в ультраконсервативные либо крайне правые группировки, которые горячо ратуют за возрождение императорской власти. Один из них, отрицая принадлежащую ему верховную власть, а также и свою жизнь, погиб за идею суверенного императорского правления. Когда я об этом узнал, ощущение шока у меня

вызвало не то обстоятельство, что молодой человек совершил убийство по политическим мотивам или что другой молодой человек покончил с собой в тюрьме, но то, что среди людей послевоенного поколения, родившихся позже меня и воспитывавшихся в соответствии с положениями новой конституции, изучавших в новых школах средней ступени значение слов «верховная власть принадлежит народу», есть сомневающиеся в их значимости, не считающие, что в них заключен важный конкретный смысл. Есть люди, в жизненную мораль которых принцип «верховой власти народа» не входит; они принадлежат к более молодому поколению. Под впечатлением от этих людей я написал роман «Семнадцатилетний».

«Отказ от войны» тоже играет очень большую роль в моей системе морали, а также в системе морали общества, к которому я принадлежу. Вот тому пример: на протяжении нескольких послевоенных лет в новгородных газетах темой поздравительной статьи была вовсе не гора Фудзи, а отказ от войны. Конечно, я, тогда еще маленький мальчик, не мог читать статьи в большой газете, однако, разобрав выражение «отказ от войны», я чувствовал, что эти слова мне близки, я понимал их значение и через это значение как бы догадывался о содержании других слов. Так что для нас, мальчишек послевоенных лет, слова «отказ от войны» заключали в себе большой смысл.

Однако приходится признать, что даже для меня внешний и внутренний моральный смысл выражения «отказ от войны» в ходе современного общественного и промышленного роста стал довольно туманным. Мораль народа, недвусмысленно отказавшегося от войны, постепенно расшатывается или трансформируется; но ведь я-то воспитывался именно на ней! Те несколько послевоенных лет, когда я учился в новой школе средней ступени, были временем, когда идея отказа от войны крепко сидела в головах японцев — все считали, что новая война разразиться не может. Я лично в это верил безоговорочно.

Под конец обучения в новой школе средней ступени я начал читать французскую литературу; примерно в то же время Франция вступила в новую войну. Речь идет о войне во Вьетнаме. Однако, читая тогда французские книги, я и в мыслях эту войну не держал. Я совершенно не представлял, что современная французская литература создается на фоне войны в Индокитае. Похоже, тогда мне казалось, что и в этой литературе безраздельно господствует моральный принцип отказа от войны.

В самом начале корейской войны я перевелся в школу высшей ступени, расположенную в районном центре. По этому городку ходил очень странный слух. Говорили, будто бы в Корею, в районе боевых действий, очень нужны молодые японцы, по возрасту соответствовавшие ученикам средней школы высшей ступени. Их обучали и делали либо шпионами, либо просто подносчиками боеприпасов. Что касается вербовки,

то, по слухам, влиятельные круги вынашивали планы принудительной отправки в Корею неуспевающих в школе. Мы здорово этого боялись, однако были и такие развеселые типы, которые говорили, что неплохо бы попробовать корейской еды. Большинство все же боялось и старалось учиться прилежнее. Все это, конечно, не более чем глупая шутка, однако можно легко понять, какой представлялась нам война в Корее.

Одновременно с этим создавался Резервный полицейский корпус, превратившийся к настоящему времени в «силы самообороны», и газеты пестрели призывами вступать в него. Таким образом, открыто попирался послевоенный принцип отказа от войны, ставший основой нашей морали, и это вызывало во мне чувство глубокого стыда. Я сильно страдал и оттого, что был вынужден молчать и не проявлять своих чувств.

Чтобы хоть как-то умерить свое беспокойство, я попробовал пуститься на хитрость: стал думать, что, с одной стороны, есть конституция, а с другой — реальная жизнь. Все же понял я одно: если этот двусторонний подход и дает что-то в реальной жизни, одновременно он подвергает мораль тяжелому испытанию.

Однако самообман не мог продолжаться долго; беспокойство все равно оставалось. Поскольку мы не имели избирательного права, то политика, идущая вразрез с конституцией, как бы не имела к нам отношения, мы словно были избавлены от вины. Но пришел день, и стало ясно, что это не так. Когда я сдавал экзамены в институт, несколько моих хорошо успевавших товарищей поступили в Академию «сил самообороны»*. На мой взгляд, это было первым распутием послевоенного поколения.

Люди, такие же, как и мы, никуда не уезжавшие, или эвакуированные, вместе хватавшие банки с консервами, разбрасываемые с джинов, вместе учившиеся по книге «Демократия», вместе начавшие понимать происходящее под сенью новой конституции, эти люди решительно, осознанно подвергли сомнению моральную основу принципа «отказа от войны». Думаю, что этот выбор являет собой момент чрезвычайно важный и серьезный.

С друзьями, собирающимися сдавать экзамены в Академию «сил самообороны», мы приехали в Токио одним поездом и расстались на платформе; именно тогда я всем естеством своим ощутил, что впервые в жизни расстаюсь с близкими мне людьми навсегда, безвозвратно. Сознание этого момента расставания живо во мне и сейчас. Основные моральные принципы — «отказ от войны», «верховная власть народа» — пронизывали всю нашу жизнь в молодые годы. И вот появились люди, утверждавшие, что все это не так, что жизнь свою надо строить на совершенно других основах. Процесс этот происходил на моих глазах, внося свои коррективы в мое отношение к новой конституции.

Вполне естественно, что для тех, кто отрицает принципы «отказа от войны» и «верховой власти народа», изменение существующей конституции кажется необходимым. Напротив,

для меня, полагающего эти принципы основой морали, естественно противиться этому. Именно отношение к конституции послужило причиной полного разрыва между мной и моими друзьями. В те времена среди молодежи моего поколения такого рода прискорбные конфликты были частым явлением.

Итак, я принадлежу к той части послевоенного поколения, которая считает «отказ от войны» одной из моральных основ своей жизни. Возможно, однако, найдутся люди, которые усомнятся — такое ли уж большое значение для меня, писателя, живущего в Токио, имеет принцип отказа от войны.

Должен сказать, что в моей писательской жизни часто бывают мгновения, когда я, как бы очнувшись, осознаю, что для моей работы принцип «отказа от войны» не только имеет важное значение, но и составляет ее моральную основу.

Вот, например, в прошлом году в Хиросиме открылся IX Всемирный конгресс за запрещение ядерного оружия. Не стану касаться политических аспектов этого конгресса. Для меня гораздо важнее были чисто человеческие моменты. Одним из них был марш мира. Из всех уголков Японии в Хиросиму пришли люди. Когда колонны вошли в город, у здания больницы лучевых болезней их встречали и приветствовали больные, пораженные радиацией. Так бывает каждый год.

Я наблюдал всю церемонию. К великому сожалению, руководители Общества борьбы за запрещение ядерного оружия были заняты на переговорах с правительством и не смогли присутствовать. Из жителей города тоже мало кто пришел. Так что в тот день у входа в больницу были только колонны демонстрантов, больные да мы — журналисты.

Колонны марша мира вышли на площадь, остановились, залитые солнцем; была зачитана приветственная речь. Из здания больницы вышли три представителя от больных. Я ужаснулся — им лучше было оставаться в тени, а они вышли на самое солнце, и один из них, маленький, тщедушный человек средних лет, произнес ответную речь. Голос его был слабый, как комариный писк, почти ничего не было слышно, и я пробрался поближе к трибуне. Выступающий говорил о том, что в мире должен быть мир, о необходимости полного запрещения ядерного оружия, о том, что сам он очень на это надеется. Окончив речь, он поблагодарил всех и отошел в сторону.

Колонны марша стали уходить с площади. На ней остались два-три человека; трое больных медленно шли ко входу в здание. Поглядев им вслед, я подумал, что, видимо, их состояние не столь уж тяжелое: здоровыми, конечно, их не назовешь, но на своих ногах передвигаются.

Но вот в ноябре прошлого года я прочел в газете, что в клинике для больных, страдающих от лучевой болезни, умер господин Миямото, активный участник движения за мир. Справившись, я узнал, что это был тот самый человек, который слабым голосом прочитал ответную речь. Еще раз наведя

справки, я выяснил, что в тот день состояние господина Миямото ухудшилось, но речь он прочел стоя, без посторонней поддержки, а затем самостоятельно вернулся в больницу. Выйдя из поля нашего зрения, он уже не смог стоять, не то что подняться по лестнице. Его принесли и уложили в постель. Вскоре его состояние ухудшилось, и он умер.

Когда я все это себе представил, мне стало нестерпимо больно. Я прочел его посмертные записки, в них говорилось об отчаянной, трагической борьбе со смертью. Конечно, он думал о близком и неизбежном конце. Он его прекрасно осознавал. Но в то недолгое время, пока конец еще не наступил, ему хотелось успеть выразить в словах свои мысли и чаяния. Что это были за мысли и чаяния? Полное запрещение ядерного оружия и установление мира во всем мире.

И участники марша мира, и мы слушали эту речь до предела ослабшего человека, каждое слово которой как бы приближало его к смертному концу, однако никто и предположить не мог, что все это случится еще до конца года. Все мы живем, имея какие-то устремления и желания, более того — все мы вольны надеяться, что в один прекрасный день они могут исполниться, а вот у господина Миямото таких желаний не было и быть не могло. Он знал, что умрет очень скоро; он понял, что окунется во мрак смерти гораздо раньше, чем осуществится любое его чаяние; в этом, без сомнения, состояла величайшая трагедия его жизни. Мне кажется, что именно эта трагедия его души и явилась катализатором смерти.

Мне, все еще живущему, нечего ответить господину Миямото, истратившему последние дни короткой жизни на то, чтобы прочесть свою речь; но если бы мне все же пришлось это сделать, я ответил бы словами новой конституции. Мы прожили почти двадцать лет после окончания войны и продолжаем жить дальше, и все это время главным принципом нашей повседневной жизни был «отказ от войны». В сущности, это и связывает нас с умершим господином Миямото, более того — нам не остается ничего другого, как верить: недалек тот день, когда обнаружится нерасторжимость этой связи. Мне кажется, что, если в это не верить, никакого сердечного равновесия, никакого баланса чувств невозможно будет установить между нами и умершим в жестоких страданиях человеком.

Когда не на что опереться, когда не у кого просить помощи, в моем сознании возникают слова конституции: «отказ от войны». Не будь у меня такой моральной поддержки, я бы неизменно страдал. Тогда при мысли об умершем господине Миямото мне бы уж точно нечего было сказать.

Так я создавал свою мораль «повседневности» — размышляя попеременно то о категории «отказа от войны», то о категории «верховой власти народа».

Антитеза мышлению, основывающемуся на положении новой конституции, выдвигалась не раз и в самых разнообразных

формах; иногда я думаю, что это доставляло мне страдания на протяжении всех послевоенных девятнадцати лет. И, бесспорно, ядром этой антитезы было существование «сил самообороны».

Первым ударом для меня стало известие об образовании Резервного полицейского корпуса, который в дальнейшем постоянно реорганизовывали. И каждый раз я ощущал как бы новый шок. Затем наконец были почти полностью сформированы «силы самообороны» в том виде, в котором они существуют сейчас. Помню, как я размышлял тогда: если бы их не было, находилась бы страна в большей опасности или нет? Я всегда сомневался в их необходимости, однако их существование стало фактом.

Представим, что мои консервативно настроенные друзья спросили меня: «Как ты относишься к «силам самообороны»?» Я бы ответил следующее: «отказ от войны» кажется мне краеугольным камнем, важнейшим элементом в структуре морали; это можно рассматривать как общую мораль для всех японцев. Однако в настоящее время в Японии существует армия, называемая «силами самообороны», — это видит и понимает каждый. Она открыто, не скрываясь марширует на глазах всех японцев. Не правда ли, такое зрелище должно ранить души граждан страны, чья конституция содержит раздел, в котором она отказывается от войны? Существоющее положение, по-моему, может привести к нравственному разложению и падению моральных устоев. Ведь это трагедия! Вывод: «силы самообороны» не должны существовать — таков был бы мой ответ.

Представим, что эти друзья стали бы возражать следующим образом: «Однако в «силы самообороны» вступило немало молодых людей примерно твоего возраста, которых используют для спасательных работ в случае стихийных бедствий. Разве не стоит серьезно задуматься, что случилось бы с ними и с пострадавшими, да и со всей Японией, если бы «сил самообороны» не существовало?»

Конечно, я думал об этом. Я знаю несколько человек из своей деревни, которые с молодых лет служат в рядах «сил самообороны». Действительно, вопрос о том, что станет с такими людьми, если сразу, одним махом упразднить «силы самообороны», является чрезвычайно мощным оружием сторонников пересмотра конституции. Однако, рассмотрев проблему более конкретно, видишь, что вопрос этот задают, заранее зная ответ.

Говорить о возможности немедленного упразднения «сил самообороны» — значит не понимать реальной действительности. Надо смотреть правде в глаза: исчезнув, «силы самообороны» создадут значительный «военный вакуум», появится несколько десятков тысяч безработных; так что абстрактные рассуждения здесь не подходят. Как ни крути, а «силы самообороны» приходится рассматривать как данность, легко от них не

отделаться. Создавались они постепенно и лишь в последнее время приняли законченную форму; этот процесс и его конечный результат вызвали в Азии, да и во всем мире чрезвычайно специфическое к Японии отношение — в политическом, экономическом, дипломатическом и культурном планах.

Таким образом, в настоящее время существование в Японии «сил самообороны» рассматривается соседними с ней странами не просто как факт, но и как повод видеть в ней потенциального противника и в соответствии с этим заключать между собой договоры и т. д. Вопрос с «силами самообороны» следует решать, имея в виду все эти факторы. Существование их, точно так же как и любое политическое, культурное, социальное или экономическое отношение к ним других стран мира, следует рассматривать как данность, а уж затем стараться исправить создавшееся положение. Даже совсем небольшие усилия, направленные на исправление ситуации в Японии, приведут к большему соответствию курса страны конституционным установкам. Не знаю, сколько лет будет продолжаться этот процесс, но принимать в нем активное участие всю свою жизнь кажется мне вполне естественным.

От сторонников пересмотра конституции часто слышишь следующие слова: мол, существующую конституцию создали не японцы, она была навязана оккупационными силами, а следовательно, нам нужно переделать ее по-своему.

Недавно в редакции одного журнала мне довелось встретиться с одним из лидеров группы, входящей в Либерально-демократическую партию, добивающейся пересмотра конституции; он тоже часто говорил, что новая конституция была навязана во времена оккупации. Кстати, он был одним из тех, кто создавал эту новую конституцию; по его словам, когда они трудились над формулировками, оккупационные власти предупредили: если эта конституция не будет принята, они не гарантируют сохранение статуса императора, так что волею-неволею пришлось делать все по их указке.

Когда создавалась эта послевоенная конституция, мы все учились в средней школе низшей или средней ступени, так что прямо протестовать против того, что появилась она без нашей доброй на то воли, мы не можем. Однако сейчас мы вполне способны поразмышлять над тем, что же это за акт такой: навязывание конституции? Да и что такое по сути «навязывание»?

Например, когда покупают машину, ведут переговоры с продавцом. Он предлагает одну из марок автомобиля и «заставляет» ее купить. «Навязанную» машину покупают. Однако, будучи купленной, вещь мгновенно перестает быть «навязанной» для ее владельца. Теперь это его машина, выбранная им самим, под собственную ответственность, и, пользуясь ею, он каждый раз подтверждает свой выбор, не выбрасывая и не продавая ее.

Возможно, это исторический факт, что новая конституция была навязана маленькой группе составителей. Однако для нас, учеников новой школы, занимавшихся по новым учебникам, живших при новой системе, эта конституция была своя, мы приняли ее в нашу жизнь.

Проблема состоит не в том, навязана нам конституция или нет, а в том, выбрали мы ее сами или нет; такая постановка вопроса приближает нас к сути. Если человек выбирает для себя конституцию сам и не отказывается от своего выбора определенный отрезок времени, этот поступок можно рассматривать как добровольный и независимый, и разговор о «навязывании» здесь неуместен. Мне кажется, следовало бы верить в справедливость такого положения вещей.

Предположим, есть старый политик, которому оккупационными властями была навязана конституция, и он, проголосовав за нее в парламенте, не лишил себя жизни и не вышел в отставку в знак протеста, но продолжает спокойно жить и заниматься политикой — разве нельзя сказать, что конституция есть его собственный выбор? Похоже, в настоящее время, когда говорят что она «навязана» и не есть результат собственного выбора, речи эти обращают вовне. Но, обращаясь к другим людям с такими словами, этот старый политик не может не чувствовать в глубине души, как рушатся его моральные устои.

Да, я считаю, что люди, на протяжении девятнадцати лет соглашавшиеся со своим выбором, а теперь отрицающие его, говоря, что сделали его не по своей воле, являют собой тип человека без моральных устоев.

Мы, послевоенное поколение, ничего не знаем о старой конституции, а в создании новой участия не принимали; однако на протяжении девятнадцати лет мы как бы постоянно отдавали свои голоса за новую конституцию и будем поступать так и дальше, имея на это законное право и считая это справедливым. В конце концов в настоящее время послевоенное поколение уже может с полным правом утверждать, что это их конституция.

Вот так я себе представляю этот вопрос. Однако всего прискорбнее то, что в последнее время появилось немало людей, особенно молодежи, проявляющих полное безразличие к конституции: что старая, что новая — для них все равно. Об этом свидетельствует анкетирование студентов и учеников средних школ высшей ступени. Такая тенденция кажется мне очень опасной. Для людей безразличных столь специфический документ, как конституция, смахивает на какое-то мертвое загадочное существо. Они, мне кажется, считают ее неплохой, но полагают, что лучше жить, не имея к ней никакого отношения. Поэтому, чтобы это загадочное существо оживить, требуется немалая сила воображения. Только воображение способно примирить с ней их сознание.

У меня был друг, молодой ученый, недавно покончивший с

собой во Франции. Это был человек неординарных способностей, счастливо живший с женой француженкой; у него не было никаких душевных расстройств, но он ужасно боялся ядерной войны. Он был способен конкретно, в деталях представить себе, как произойдет гибель мира в случае развязывания ядерной войны.

В позапрошлом году, когда возник Карибский кризис, он решил, что война вот-вот начнется; всеми фибрами души он почувствовал, представил себе жар этой войны, возможность возникновения которой была так вероятна, и у него не стало сил жить дальше. Некоторые говорили, что он поступил слишком эксцентрично, что у него были слабые нервы, что он был душевнобольным. И все же, покуда есть люди, подобно ему реальным образом представляющие себе войну, ясно осознающие все последствия этой трагедии, можно надеяться, что война не начнется, а если, к несчастью, начнется, то прекратится до того момента, когда человечество будет полностью стерто с лица планеты.

В настоящее время, когда сложилась ситуация, весьма опасная для конституции, иными словами — когда вопрос о конституции приобретает особо важное значение, нам следует вспомнить того человека, обладавшего столь сильным воображением, и не относиться к конституции с безразличием; силой воображения нам нужно вдохнуть новую жизнь в понятие «конституция», ставшее чересчур абстрактным в нашем повседневном существовании.

Мне кажется, необходимо ясно сказать о том, какой конкретный смысл обрела конституция за послевоенное двадцатилетие. Это, по-моему, единственный способ связать воедино нас и наше будущее — с конституцией.

1964 г.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ В МИНИАТЮРЕ

Я стоял на песчаном холме в Утинаде, на том самом месте, где когда-то находился учебный полигон. Ветерок с Японского моря, светло-голубого в это время года, подхватывал песчинки и кружил их в воздухе. Деревья белой акации, высаженные для защиты берега от ветров, склоняли по-зимнему жухлые ветви и сливались с песком в единую массу приглушенно-серого цвета. Холм у самого подножия был укреплен новыми посадками — редкими молодыми кустиками акации и буйно разросшимся японским тростником, за которым с трудом различались бамбуковые подпорки для саженцев акации. Тростник — новичок в здешних местах, словно подлаживаясь к общей цветовой гамме этих мест, также обрел окраску песчаного холма.

Воскресный полдень. На холме, где влюбленные и дети радуются солнечным лучам, ветер продолжает свою игру с песком. В песке погребено множество осколков от снарядов, но они до неузнаваемости изъедены ржавчиной. Бетонные батареи, наблюдательный пункт, источенные песком и ветром, неспособны вызвать в воображении картину учебных стрельб и военных действий. Сообщения средств массовой информации о ликвидации американского военного объекта в этом месте достоверны. Действительно, море в Утинаде возвращено японцам, песчаные холмы вернулись к обычной жизни. Стоит, однако, пройти по тропке, ведущей в Утинаду (когда-то она была выложена железными плитами), как начинаешь задумываться над истинным смыслом слова «очищение», которым официально именуют ликвидацию в Утинаде американской базы. Море, возвращенное японцам, оскудело, и рыбаки, вынужденные бросить привычный промысел, оказались один на один с неплодородной землей...

Послевоенная история Утинады — это бесконечный поиск выхода из тупика, который ведут нищающие день ото дня рыбаки. Местные жители считают, что полигон сыграл в их судьбе немаловажную роль.

В конце 1952 года США дали японскому правительству секретную инструкцию обратить особое внимание на производство снарядов, для чего из американского бюджета было выделено сто миллионов долларов. С этого момента и начался

огнеопасный период в истории Утинады. Да и в наши дни ход событий в этом уголке Японии не претерпел коренных изменений. Когда исчез звездно-полосатый флаг, четыре с половиной года реявший над песчаными холмами, жители Утинады вновь оказались брошенными на произвол судьбы. История постоянно подвергает их все новым тяжким испытаниям.

На узкой песчаной косе длиной в восемь с половиной километров, тянувшейся между Японским морем и лагуной Кавакитанада, расположена бывшая рыбацья деревня, а теперь городок в тысячу сто домов. Это и есть Утинада. Как-то зимним вечером один из ее жителей решил произнести речь. В прошлом он, покинув родную деревню, уехал в Корею и до конца войны, вплоть до изгнания японцев с материка, занимал там руководящие посты в сельском хозяйстве. Вернувшись домой и не найдя здесь земли, пригодной для обработки, он занялся изготовлением и торговлей соевым творогом. Первый протест против размещенного в Утинаде американского полигона, заявленный в городе Канадзава профсоюзом учителей, заставил этого человека вспомнить о годах войны, проведенных в Корее.

Раздобыв мегафон, торговец творогом заявил своим землякам: «Если Утинаду тайно от нас превращают в стрельбище, значит, здесь будут испытывать новые образцы снарядов для будущей войны. Мы должны категорически выступить против, потому что знаем, насколько ужасна война». Слова, произнесенные Гондзи Дэдзимой, положили начало борьбе за Утинаду. Не стоит забывать, что импульсом к протесту в душе Гондзи Дэдзимы, или, как его звали в деревне, Дэдзигона, возник под прямым влиянием воспоминаний о войне.

Теоретическое обоснование протесту дал деревенский врач-коммунист, пользовавшийся доверием у жителей Утинады. Когда мужчины уходили на рыбный промысел в районы Хоккайдо и Ямагути, в деревне оставались их жены. Они вели хозяйство, торговали рыбой в Канадзаве. Женщины носили на голове корзины, наполненные морскими дарами из Кавакитанады — карпами, карасями, ракушками-петушками, моллюсками хамагури. Почувствовав опасность, исходящую от американского присутствия, деревенские рыбацки стали серьезной силой в движении протеста. А деревенский староста старик Накаяма открыто вступил в поединок с правительством.

Так называемая борьба за Утинаду приобрела широкую известность, поскольку в ней сфокусировались проблемы, связанные с размещением американских военных баз на территории Японии. Студенты, рабочие, интеллигенция устремились в Утинаду. При свете костров проходили ночные демонстрации в несколько сот человек. Их разгоняли дубинками, дровками флагов. К тому же песчаный ветер слепил им глаза.

На протяжении долгих лет деревенские жители, оставив повседневные дела, во главе с Дэдзигоном сражались в защиту

родной Утинады. Помогали им и борцы, приехавшие из разных уголков Японии, о которых Дэдзигон и теперь вспоминает с теплотой. Однако в своем кругу бедные рыбаки роптали, что борьба лишает их заработка, и с укором поглядывали на Дэдзигона, хотя и его торговые дела оставляли желать лучшего. Староста деревни Накаяма с присущей ему рассудительностью решил направить борьбу за Утинаду в новое русло. Он решил потребовать от правительства выплаты компенсации за реквизицию песчаных холмов. Таким образом, пути двух борцов — Дэдзигона и старика старосты, к несчастью, разошлись. К тому же по указанию полиции в деревне было создано Общество патриотов Утинады, которое не раз угрожало Дэдзигону и его сторонникам.

Борьба закончилась тем, что за компенсацию в восемьсот миллионов иен песчаные холмы были реквизированы под американский полигон. Старик Накаяма ушел с поста старосты, а Дэдзигон, вступившего в Социалистическую партию, избрали в городской совет Утинады. Девяносто один житель бывшей деревни пошел работать на американскую базу, где платили приличные деньги. На компенсацию построили новую амбулаторию, а доктора-коммуниста вынудили уехать.

В январе 1957 года в Утинаде перестали рваться снаряды. Когда стало ясно, что полигон подлежит ликвидации, жители решили обратиться к властям с ходатайством в защиту базы. Правительство к этому времени подготовило проект осушения Кавакитанады, а требование обитателей Утинады шло вразрез с программой мелиорации. Наладив жизнь в условиях существования американской военной базы, люди вынуждены были начинать все заново, что, естественно, вызывало у них негодование. К тому же в Утинаде невозможно было восстановить все, разрушенное полигоном, и лагуна Кавакитанада приобрела большую ценность. Голоса жителей Утинады в защиту американского объекта называли бесстыдными. Даже один из американских солдат обругал деревенского рыбака за отсутствие патриотизма. Дэдзигон тяжело переживал оскорбление, брошенное иностранцем в лицо японскому старику. Адресованное одному лишь обитателю Утинады, оно бросало тень на всех японцев и грязным пятном легло на независимость страны.

Со дня, когда территорию полигона вернули Утинаде, все ее жители занялись сбором снарядных осколков. Железо тогда стоило дорого, и это занятие приносило определенный доход. Только Дэдзигон не копался в песке. Он был человеком с развитым чувством собственного достоинства.

Итак, Утинаде вернули ее море, но оказалось, что в нем перестала водиться рыба. В течение четырех с половиной лет американского присутствия в этом районе Японского моря его воды постепенно оскудевали. Утинаде возвратили земли, но они, как и прежде, оставались бесплодным песком, начиненным осколками. Чем заняться вместо обреченного на гибель рыбачь-

его промысла? Куда вложить полученные в качестве компенсации средства? Эти проблемы до сих пор терзают местных жителей. Судьбу Утинады разделило большинство рыбачьих деревень в послевоенной Японии. Из общей удручающей картины Утинаду выделяет лишь денежное вознаграждение за американскую базу. Как распорядились жители Утинады полученными деньгами?

Из суммы в восемьсот миллионов иен каждая семья получила наличными лишь пятьдесят тысяч. Дэдзигон использовал это ничтожное подаяние на выплату долгов за свою лавку. Бывший староста Накаяма решил купить ботик и доживать век, наслаждаясь рыбалкой. Когда по радио сообщили о выплате компенсации жителям Утинады, туда из Канадзавы хлынули торговцы европейской одеждой и электробытовыми товарами. Сейчас в большинстве домов Утинады есть телевизоры и стиральные машины. Одним словом, простой народ, не имеющий уверенности в завтрашнем дне, бездумно вовлекся в бум потребительства.

Владельцы рыбачьих лодок и сетей, которые вели лов в Японском море, также получили компенсацию, но и они пустили деньги на ветер. Дэдзигон рассказал мне, что никому не пришло в голову построить дом или вложить средства в какое-либо дело. За счет компенсации для деревни выстроили пристань в устье реки Оногава. Нужна ли она Утинаде, где почти все забросили рыбный промысел? По моим наблюдениям, уловы здесь незначительны. Ранним утром я видел на пристани женщину с корзиной крабов, а вечером — лодку с окунями, пойманными в Кавакитанаде, где продолжают работы по мелиорации. На глаз окуней было килограммов сорок, но старик, хозяин лодки, с жаром убеждал меня, что случается вытаскивать по двести килограммов рыбы. Что поделаешь — рыбаки ведь фантазеры. На острове Рэбунто рыбаки, промышленные сельдью, тоже рассказывали мне невероятные истории.

В былые времена из Утинады в море выходили сотни рыбачьих баркасов, а теперь осталось два десятка лодок для ловли ивасей и окуня. Да и уловы их ничтожны. Рыбаки уходят на поденную работу в Канадзаву. Я беседовал со здешними ребятишками, и каждый из них на свой лад твердил одно: отец и старший брат хотели бы пристроиться на заводе в Канадзаве...

Типичная утренняя картина для Утинады — это вереница бывших рыбаков, едущих на велосипедах в город. Их жены возделывают скудные песчаные земли.

Значительная часть компенсации — двести пятьдесят миллионов иен — ушла на строительство насосной станции для орошения водами Кавакитанады песчаных земель Утинады. Каждому рыбачьему дому выделили для обработки по 0,199 га наспех приготовленных земель. Теперешний староста Накамура говорит, что надел ничтожно мал даже для специалистов по

земледелию. Земли хватает лишь на выращивание овощей для собственного потребления. Следует учесть, что во всей Утинаде было всего три семьи, которые издавна занимались земледелием. Сколько воды ни лей, песок остается песком. Вот бывшие рыбаки и поливают мертвую почву собственным потом. А урожаи все же скудные.

Мы отправились на эти «поля», кое-где украшенные редкими деревьями белой акации и соснами. Над деревьями важно возвышалась водонапорная башня. От нее по всем направлениям тянулись водопроводные трубы. Бывшая рыбацкая держа в руке шланг, брызжащий фонтанчиками воды, сосредоточенно готовила лунку для посадки суходольного риса. Как ни старайся, песок останется песком.

Староста Накамура — в прошлом рыбак, ездивший на заработки на Хоккайдо, — рассказывал мне о безуспешных попытках налаживания сельского хозяйства в Утинаде. Правда, отчасти виноваты и власти, которые дали рыбакам новые земли, но не предоставили средств на удобрения. Новообращенные земледельцы попробовали работать на песке, а потом махнули на него рукой...

Неопытные крестьяне Утинады не вняли советам сельскохозяйственной ассоциации. Им рекомендовали выращивать тюльпаны, табак, спаржу, лук Бакера, но все тщетно. Самый большой убыток жители понесли от содержания свиней. Мэр Утинады, решив подать вдохновляющий пример соседям, купил двадцать поросят. Когда они выросли, выяснилось, что незадачливый хозяин на одном только корме потерял пятьдесят тысяч иен. А если подсчитать все прочие затраты и труд?

Положение неопытных земледельцев на бесплодных почвах Утинады в несколько утрированном виде отражает общую ситуацию в сельском хозяйстве Японии. Староста Накамура возлагает большие надежды на богатые земли, которые появятся в результате осушения Кавакитанады. Накамура задумался над переориентацией деревни в тот самый день, когда ходатайство жителей Утинады о сохранении американского полигона назвали бесстыжим. Останься база еще на несколько лет, и Кавакитанаду осушили бы за государственный счет, а рыбакам, как обещали, предоставили бы полноценные земли. Мечты развеялись вместе с ликвидацией полигона. Рыбаки вынуждены обрабатывать песчаную землю и без конца ремонтировать капризный водяной насос.

Осушение Кавакитанады проводится теперь на средства местных жителей и пожертвования со стороны. Лагуну засыпают песком с холмов. Предполагается, что насыпная земля по своим качествам не уступит плодородным почвам в соседних сельскохозяйственных районах. У Накамуры есть еще одна забота, связанная с внедрением сельского хозяйства на песчаных холмах. До недавнего прошлого они принадлежали американской военной базе. В свое время государство купило этот

участок у земельной фирмы города Канадзава. После войны между государством и фирмой возникли разногласия по поводу правомочности сделки. Одновременно встала проблема полигона в Утинаде, и государство поспешило отделаться от спорных земель, передав их рыбакам под сельскохозяйственные угодья. Страсти, однако, не улеглись, только теперь канадзавская фирма выясняет отношения с жителями Утинады. Фирма обосновывает свои права тем, что площади, переданные рыбакам для земледелия, полностью не осваиваются. Вероятно, поэтому мэр сердится на нерадивых крестьян, выращивающих сорняки. Он втайне вынашивает план создания атомного реактора на песчаных холмах, проявляя тем самым государственный ум. Но говорить о реакторе вслух он не может, пока не окончится судебное разбирательство дела о сельскохозяйственных угодьях в Утинаде.

Переход Утинады от рыболовства к земледелию не удался. Одни ходят на поденщину в Канадзаву, другие открыли на дому шелкопрядильные мастерские. В городке их теперь сорок две, но и этот промысел не сулит удачи. Продукцию по свободным ценам скупают оптовики из Нары, имеющие дело с компаниями «Торэ» и «Нитирэ». Я видел прядильную мастерскую с пятью грохочущими машинами в доме бывшего торговца рисом. Выяснилось, что выручки едва хватает на то, чтобы платить проценты на ссуду в три миллиона иен, взятую для приобретения станков. Комментарии излишни.

Перед отъездом из Утинады я решил поговорить с теми, кто на уроках в школе затыкал уши, когда рвался очередной американский снаряд. Что они думают о сегодняшней жизни?

Парней я не застал — все были на заводах в Канадзаве. Девушки работают на ткацкой фабрике, которую построила в городке компания «Тоё». Я пошел на фабрику и впервые встретил жителей Утинады, светло и уверенно смотрящих в будущее. Девушки явно гордились, что работают на современном предприятии, единственном в их районе. Они считают, что их отцам и братьям лучше работать на заводах Канадзавы, а не пробавляться случайными приработками и надеждами на удачный лов. Сами девушки зарабатывают неплохо, да вот почему-то лишних денег не остается...

За плечами у словоохотливых работниц — борьба за Утинаду и мрачные воспоминания о детстве, проведенном под грохот американских снарядов. Девушки, прошедшие путь от нищей рыбацкой деревни до современного промышленного предприятия, должно быть, наслаждаются чувством раскрепощения.

Труднее поколению отцов. Недавно мэр Утинады и члены городского совета ездили на экскурсию в Токаймуру для осмотра атомного реактора. Дэдзигон и его сторонники выступают против сооружения атомного реактора в Утинаде.

ВОЕННЫЙ ПОРТ ЙОКОСУКА СЕГОДНЯ

Впервые я побывал в Йокосуке в мае этого года. Морской летний ветерок, скользнув по тесным улочкам города, уносился в окрестные холмы. Бредя по улице, застроенной питейными заведениями для американцев с военной базы, я зашел в один из баров выпить пива. На фоне бутылок со спиртным я увидел молодую японку, которая громко ругала американского моряка. Несмотря на бедность своего словарного запаса, она сумела глубоко задеть юного иностранца. Я направился к выходу и на пороге столкнулся с этим парнем. Он с деловым видом тащил ящик черного пива, которое скорее всего вынес с военного корабля. Владелец простодушной физиономии намеревался, видимо, на вырученные от пива деньги купить японское саке и любовь японской девушки.

На прогулочном катере я прокатился по гавани. Странная экскурсия. Цель ее заключается в показе иностранных военных кораблей, стоящих на якоре в Йокосуке. Ежась под ветром, который на воде был куда холоднее, чем на берегу, я осмотрел самые разнообразные американские корабли — от авианосца до подводной лодки. Говорят, что 7-й американский флот создали для ведения ядерной войны. И вот с палубы прогулочного катера я запросто разглядываю американскую армаду. Экскурсионный маршрут включает осмотр кораблей 7-го флота, затем объезд вокруг острова Адзума, представляющего собой склад боеприпасов и горючих материалов, и в заключение — показ военных кораблей японских «сил самообороны». Словом, за какой-то час путешествия на прогулочном суденышке можно увидеть основные боевые единицы военно-морских сил Японии и ее ближайшего союзника, США. Шпионам, специализирующимся на военном флоте, в Йокосуке сущее раздолье, думал я, разглядывая корабли.

Затем на автомашине я совершил поездку по окрестным холмам и осмотрел дислокацию сухопутных войск «сил самообороны» в Будзане. Управление национальной обороны намеревалось развернуть здесь учебный полигон для ракет класса «земля — воздух», предназначенных для обороны японской столицы. Планы военных встретили отпор со стороны местных жителей. Вокруг новых сооружений кое-где попадались разва-

лины того, что прежде было временной военной базой. Отсюда через мыс Кариягасаки дорога вела к заливу Одава, на берегу которого находится, как говорят, совершенно безопасный маленький атомный реактор, построенный для университета «Риккё».

Если в тот погожий майский день я осмотрел бы еще промышленный район Оппама и военное училище в Охарадае, то программа знакомства с Йокосукой была бы исчерпана. Видимо, из-за страха перед промышленным шпионажем меня не пустили на территорию самого крупного предприятия Оппамы — автомобильного завода фирмы «Ниссан». В военное училище я тоже не смог попасть, хотя имел соответствующее разрешение от Управления национальной обороны. Запрет на посещение этих объектов характеризует их красноречивее любых слов. У непреступных ворот автозавода и военного училища я смог составить наиболее полное представление о Йокосуке. Я был потрясен тем, что здесь, в часе езды от Токио, находится опорный пункт американских и японских военноморских сил, имеющий непосредственную связь с планами ядерной войны. Проблемы, возникающие вокруг военной базы в Йокосуке, оказывают существенное влияние на все стороны нашей жизни. С замирающим сердцем я думал о десяти миллионах токийцев, включая и себя, которые бездумно, легкомысленно относятся к Йокосуке...

Эти раздумья не раз гнали меня в Йокосуку, но, откровенно говоря, с каждой поездкой в порт напряженность и страх, пережитые мной в первое посещение, постепенно стирались и приобретали будничные оттенки. Как жители Йокосуки за семнадцать лет существования американской базы сжились с ней, так и мы смирились с городом-базой. Может, нет ничего особенного в том, что я, как и все японцы, привык к иностранным военным базам на территории нашей страны?

Частые поездки в Йокосуку тем не менее не избавили меня окончательно от мрачного впечатления, производимого этой базой 7-го американского флота. Город Йокосука был заложен как военный порт. Он ни на миг не оставлял своего боевого поста. Строятся самые разнообразные планы относительно гражданского будущего порта. В 1950 году был проведен опрос общественного мнения по закону о преобразовании Йокосуки в обычный порт. Двести восемьдесят тысяч человек, то есть подавляющее большинство населения города, высказались за мирный порт, но сняла ли Йокосука военную форму?

И консерваторы, и реформисты остаются прежде всего жителями Йокосуки, которые гордятся особыми чертами своего родного города.

«Кодзукэноскэ Огури и французский главнокомандующий прибыли в бухту Нагаура, и француз в изумлении воскликнул: «Вылитый Киль!» Так Йокосука стала военным портом. В годы второй мировой войны американцы ни разу не бомбили порт,

чтобы получить его целым и невредимым. Кроме тыловой базы Апуги, он был единственным к западу от Гавайских островов, где можно разместить боевые корабли и поставить в доки авианосцы. Строительство новой базы подобного типа потребовало бы шестьсот миллионов долларов.

Эту историю с победоносной улыбкой рассказал мне один из профсоюзных лидеров Йокосуки. Нечего и говорить о том, что каждый житель города, в прошлом имевший отношение к военному порту, досконально знал его преимущества. Репутация Йокосуки не пострадала и теперь, когда в ней базируется 7-й американский флот.

Жители Йокосуки, наблюдая за американскими кораблями и военными, могут с большой точностью предсказывать боевые действия в различных районах Дальнего Востока. Если в регионе начинается война (для щепетильных в выражениях назовем это беспорядками или напряженностью, как, например, случилось в Тайваньском проливе*), резко возрастает количество американских моряков в городе, и деньги текут рекой в карман японских торговцев. Японцы имели неприятности с американской военной полицией; одни — за расспросы в барах о цели предстоящего похода, другие — из самых добрых побуждений в прачечной на базе справлялись, когда корабль снова войдет в порт, чтобы вовремя подготовить чистые сорочки. Рассказывают, будто некоторые разговоры попахивали шпионажем. Ведь совершенно очевидно, что операции 7-го флота непосредственным образом связаны с портом Йокосуки.

В гавани Йокосуки есть остров Адзума, до отказа начиненный складами боеприпасов и горючих материалов. Он обозначен на карте дислокации объектов японо-американской обороны. Склады простираются до города Дзуси, однако основная часть запасов сосредоточена в Йокосуке. А это значит, что доставленные на кораблях снаряды выгружают в порту и везут на машинах через весь город. Тот же путь в обратном порядке проделывается при доставке боеприпасов на борт корабля. Раньше боеприпасы разгружали в Курихаме. С грузовиками, возившими снаряды, часто происходили аварии. Однажды грузовик даже проехал по тротуару перед зданием школы. Возмущенные жители добились того, что боеприпасы грузят теперь в Оппаме и Мудзине. В самом большом складе в Икэго на площади в три квадратных километра хранятся боеприпасы общей мощностью двести тысяч тонн ТНТ. Между этим складом и портом курсируют грузовики. Естественно, американское командование извещает городские власти о транспортировке боеприпасов, но жители Йокосуки не могут не чувствовать страха от соседства с мощной взрывной силой.

Прежде в Икэго хранились боеприпасы, которыми снабжали сухопутные войска, усмирявшие беспорядки в Корее*. В наши дни эти припасы можно использовать, например, во Вьетнаме. Когда значительно увеличилась интенсивность движения грузо-

виков между Икэго и Оппамой, местные жители заговорили о новой войне во Вьетнаме, и они не ошиблись.

По Йокосуке поползли зловещие слухи о том, что корабли 7-го флота заходят в порт с ядерным оружием на борту. Некоторые утверждают, будто в Йокосуке нет ничего достовернее молвы. Командование 7-го флота обязано сообщать японскому правительству о заходе кораблей с ядерным оружием. Если уведомления нет, значит ли это, что корабли вошли в порт без ядерной экипировки? Японское правительство не имеет права на досмотр военных кораблей США.

Корабли входят в Йокосуку без оповещения о ядерном грузе, но здесь за ними пристально наблюдают японские военные моряки. Нелегальные визиты американцев раздражают японцев. Мне представился случай побывать на японском военном корабле «Акидзуки». Объяснения давал старший офицер — по убеждениям либерал или широкомыслящий националист. Он сказал, что многие высокие чины военно-морского флота «сил самообороны» подозревают 7-й флот в нечестности. Военные корабли США и Японии стоят в одних водах, но между ними существует недоверие. Неофициальные свидетельства инженеров из доков Ураги, рабочих с американской базы подтверждают обоснованность мрачных слухов. Оживленные пересуды в городе вызывает появление на берегу американских моряков со знаком «А» на рукаве формы. Говорят, они служат в специальных отрядах, обученных для ведения атомной войны. Нет нужды объяснять, что американцы с такими нашивками гуляют по улицам Йокосуки без официальных уведомлений командования 7-го флота.

Как вести себя в этой ситуации? Японцы не располагают официальными доказательствами того, что американские корабли несут ядерное оружие. В Йокосуке есть человек, который заявляет протест американскому штабу. Это мэр Нагано. На выборах он был кандидатом от Социалистической партии. Нагано в прошлом директор средней школы, его незаурядный педагогический талант помогает ему и на новом посту. Депутат И. Асукада, выдвинутый на выборах от Йокосуки, пользуется большим авторитетом у жителей города. В школе он учился у теперешнего мэра Нагано. Литературный критик Т. Тэрада, известный серьезными исследованиями японской литературы, также воспитанник Нагано. Один из его учеников служит в штабе военно-морских сил. Профессии выпускников школы Нагано показывают широту взглядов этого педагога. Каждый раз, когда мэр Нагано отправляется в штаб 7-го американского флота с заявлением протеста, он слышит в ответ одно и то же: «Ядерные боеголовки без труда можно получить с кораблей в открытом море. Какая необходимость заходить с ними в Йокосуку?»

И все же только американские корабли проводят учения по противозвоздушной обороне в условиях ядерной войны. Ме-

стные жители, однако, не теряют самообладания, а токийцам, не видевшим порта, вообще нет дела до Йокосуки.

Жизнь в Йокосуке всегда зависела от военного порта. Семнадцать послевоенных лет ее жители существуют в неразрывной связи с американской армией. Город известен лишь как военный порт, других достопримечательностей у него нет. Людям остается только полагаться на военных, иного способа жизни в Йокосуке пока не изобрели. Именно в Йокосуке наиболее ощутимы последствия размещения в Японии американских военных баз. При размышлениях о будущем порта неизбежно встает вопрос: как Йокосука будет существовать без американской базы? Какое место город займет в японской экономике, если освободится от американской? Возможно, краски несколько сгущены, но все эти проблемы реально существуют.

Проститутки Йокосуки, обслуживающие американских моряков, являя собой самую примитивную форму зависимости от иностранной армии. Далее следуют владельцы баров и кабаре для американцев, имеющие свою ассоциацию под названием «Социальный салон». Рабочие и служащие американской базы являются членами Всеяпонского профсоюза работников американских военных баз. Нередко происходят стычки между объединениями торговцев и рабочих.

В прежние времена город был наводнен девицами для американцев. Говорили, будто добрая половина родителей, чьи дети учились в начальной школе Сиоэри, сдавала комнаты проституткам. Дирекция неблагополучной школы выступила инициатором создания Общества защиты детей Йокосуки. Городские власти ответили организацией Товарищества по наблюдению за просвещением. Теперь продажные женщины Йокосуки не наносят урона детской нравственности.

— В настоящее время выработался иммунитет безразличия. Проститутки селятся в обычных домах. Я живу на холме. Глянешь вниз — а там сплошные приюты любви с роскошными кроватями. Не пойму, почему эти жилища называют по-английски — «хор-хаус», — говорил мне мэр Йокосуки.

Бывшему учителю, вероятно, не пришло в голову знать низкие слова вроде «whore house». А мне, далекому от педагогики человеку, ясно: это «дом проститутки». Потом я два раза наткнулся на парочки, спешащие в эти дома, и действительно, никто, даже дети из соседних дворов, не обращали внимания на японок с американскими моряками. Подобную картину я наблюдал когда-то в бедном греческом квартале.

Я уже упоминал о разногласиях между торговцами из «Социального салона» и японским персоналом американской базы. Прекрасным августовским днем я оказался свидетелем подобного конфликта. Сердце Йокосуки — это улица, на которой расположено здание штаба 7-го американского флота, украшенное чуть колышущимися на ветру флагами США, ООН

и Японии. По соседству выстроились бары, кабаре и другие точки «Социального салона». Чуть поодаль на этой же улице стоит дом с красным флагом, не гармонирующим с окружающей обстановкой. Здесь находится йокосукское отделение Всеяпонского профсоюза работников американских военных баз.

Я вошел в здание профсоюза. Активисты в рабочей, а кто и в домашней одежде планировали двадцатичасовую забастовку, назначенную на следующий день. Вскоре пришли две женщины, работающие горничными на базе. Они хотели удостовериться в том, что завтра их пропустят через пикеты. Прислуга работает на базе по найму и не входит в профсоюз. Женщины, боящиеся потерять место, занимают самое бесправное положение среди японского персонала базы. Председатель исполнительного совета профсоюза спросил одну из них: «В каком чине ваш хозяин-американец?» «Из командного состава!» — заносчиво произнесла она и яростно набросилась на профсоюзных деятелей.

— Затеяли забастовку, а о зарплате подумали? Надеетесь, вам заплатят? Держите карман шире! На базе умеют деньги считать! — кричала она, прижимая к груди пропуск через пикет. Женщина направилась к выходу, но на пороге остановилась и бросила через плечо:

— Ненормальные! Совсем рехнулись! Надо же было этим идиотам додуматься до забастовки! Пропадите вы пропадом!

Неприятно было смотреть в лицо женщины, искаженное злобой и ненавистью. Профсоюзные активисты, однако, невозмутимо выслушали брань и не сочли нужным возразить горничной. Недаром многие в Йокосуке говорили мне о покладистости японцев, работающих на американской базе.

Во время волнений в Корее, когда Йокосука переживала подъем, ворота базы, украшенные тремя флагами, ежедневно поглощали около девятнадцати тысяч японских рабочих и служащих. Когда в Оппаме закрыли один из заводов, на улице оказалось десять тысяч человек. Это было самое большое, но не последнее массовое увольнение в Йокосуке. Последние три-четыре года американцы стали прижимистее и строже в кадровой политике. Продление договора безопасности * потребовало обновления различных соглашений. Председатель исполнительного совета профсоюза рассказал мне, что забастовки с участием восьми тысяч шестисот рабочих и служащих базы носят характер обороны против американских нововведений. Предстоящее выступление направлено против «потолков» в оплате труда, которые американцы используют для решения собственных финансовых трудностей.

Что такое оплата труда в соответствии с классификацией по роду производства? Например, есть независимые друг от друга системы расценки труда плотника и маляра. Плотник, достигший максимума заработной платы, установленного системой, не может рассчитывать на увеличение жалованья. Переходить на

другое предприятие смысла нет, потому что новенький попадает в разряд низкооплачиваемых. Образно говоря, система «потолочной» оплаты труда связывает рабочих по рукам и ногам.

По словам председателя исполнительного совета профсоюза, забастовки в Йокосуке проводятся, но нет ничего труднее, чем организовать рабочее движение в этом городе.

— Во-первых, у рабочих низкий уровень сознания. Они разобщены на обычных и «их величества» старого порта. «Их величества» преимущественно заняты в сфере управления. Их средний возраст около сорока пяти лет. Рабочее движение в их понимании заключается в выкрикивании призывов за воротами базы. Есть у нас землячества, куда входят семьями. Политическое сознание у рабочих практически отсутствует. Дело не доходит, конечно, до маршей в честь 7-го американского флота, как на базе Сасэбо; но все же Йокосука находится под пятой у США. Вряд ли можно ожидать от рабочих протеста против ядерного оружия. Судно без ядерного оснащения рабочие считают простой посудинкой, а не современным боевым кораблем. Существует соглашение № 69 между армией США и правительством Японии. Оно направлено против тех, кто может нанести ущерб интересам Америки, то есть против коммунистов и сочувствующих им. Список неугодных весьма обширен. Увольняют даже за письмо в адрес КПЯ, — рассказывал председатель исполнительного совета профсоюза, обмахиваясь круглым веером.

Пока я беседовал с профсоюзными активистами, принесли письмо из «Социального салона». Владельцы двухсот баров и кафе, непосредственно зависящие от американской базы, просили отменить завтрашнюю забастовку. Письмо показали и мне. «Социальный салон» направил копии своего послания в штаб 7-го флота, и губернатору префектуры Канагава. Любопытно, что мэра Йокосуки обошли. Видимо, не считают его своим.

На время забастовки американцам запрещают увольнения на берег, более того, закрываются все торговые заведения города. Упор в письме делался на то, что и без знания отношений между трудом и капиталом можно представить, как забастовка поколеблет экономические основы города. Тон послания свидетельствовал о глубокой неприязни «Социального салона» к йокосукскому отделению Всеяпонского профсоюза работников американских военных баз и безраздельной преданности американцам. Письмо, признаюсь, произвело на меня гнетущее впечатление, но все профсоюзные деятели, особенно председатель исполнительного совета, сохраняли хладнокровие.

Вечером того же дня, когда я покидал Йокосуку, ветерок шелестел листком бумаги на здании профсоюза. Объявление извещало об отмене забастовки по указанию центрального руководства Всеяпонского профсоюза работников американских военных баз. Отмена выступления вовсе не значит, что командование базы приняло требования японских рабочих. Сбылись,

верно, предсказания разъяренной горничной. Я подумал, что сейчас, когда в результате продления договора безопасности ухудшилось положение японских рабочих на базах, всем нам нужно помнить о тех, кто подает голос протеста.

Хочу сказать несколько слов о жизнерадостных рабочих базы Йокосука. С одним из них, молодым парнем, я познакомился в первый приезд в Йокосуку в мае этого года. Он работает техником в городской электрокомпании, обслуживающей телефонные и телеграфные линии американской базы. Работая на базе, молодой техник тем не менее не подчиняется ее администрации. Он воспринимает место работы как зону пустоты. Когда он решил вместе с товарищами провести производственное собрание на территории базы, вмешалась американская военная полиция. Разобравшись в сути дела, полицейские принесли технику извинения и отпустили его. Он активно работает в профсоюзе, но трезво оценивает его возможности в условиях иностранной военной базы. Мой новый знакомый готов перейти на другое предприятие для налаживания совместных выступлений рабочих в защиту своих прав. Он считает, что с точки зрения работы в Йокосуке нет ничего хуже американской базы. «На любое место пойду, хуже не будет», — сказал мне техник. Сейчас этот парень возглавляет движение протеста против размещения в Будзане ракетной базы.

По всей Йокосуке говорят о зависимости ее жителей от американских военных. Но я не встретил ни одного человека, который бы упомянул о связи с японскими «силами самообороны». «Социальный салон» переживает за американцев, если им запрещен выход в город, а на японских моряков заботы йокосукских торговцев не распространяются. Йокосука, в прошлом обязанная своим существованием японским военно-морским силам, не установила новых связей с военным флотом и сухопутными частями «сил самообороны» в Будзане.

Я шел мимо баров и кабаре, набитых американцами, и тщетно искал глазами японского моряка или солдата. Похоже, военнослужащие «сил самообороны» не рискуют появляться в заведениях для американцев. Японцев я отыскал не в баре, а в театре стриптиза. Солдаты в аккуратных формах чинно сидели на стульях и молча смотрели на совершенно голых девиц сомнительного вида. В зале был единственный американец — добропорядочный юноша с детским выражением лица. В перерыве он вежливо выслушал шуточные репризы на непонятном кансайском диалекте и расплылся в блаженной улыбке, когда на сцене вновь появились девицы. Американец был очень похож на Джерома Сэлинджера*.

Итак, я убедился в безразличии «Социального салона» к досугу служащих «сил самообороны». Позже я обнаружил в Йокосуке людей, противопоставляющих интересы города и японских военных. Подобные настроения отражают наиболее специфические черты города.

Йокосука незаменима как база 7-го американского флота, где корабли обеспечиваются ремонтом и снабжаются всем необходимым. Жители Йокосуки в отношении к американцам исходят из того, что те обосновались в порту на веки вечные. Боюсь, что горожане правы. Некоторые полагают, что со временем опорная база американских морских сил может переместиться в Субик-Бей на Филиппинах. В этом случае Йокосука целиком перейдет в распоряжение «сил самообороны», а ее жители поступят в услужение японскому флоту.

Один лишь мэр Нагано настроенно относится к перспективе безраздельного присутствия в Йокосуке «сил самообороны». Многие высокопоставленные чины в Управлении национальной обороны питают ностальгические чувства к Йокосуке. В муниципальном собрании Йокосуки немало тех, кто в былые времена проливал кровь во славу японского флота. Словом, в городе есть все условия для большого возрождения военноморских сил Японии. Мэр Нагано опасается этих планов.

Сухопутным частям «сил самообороны» в Будзане не стоит придавать серьезного значения. Они дислоцированы там скорее по капризу, из ностальгических побуждений. Так считает мэр Нагано. Каким бы он хотел видеть будущее Йокосуки?

«Муниципалитет и Управление национальной обороны будут по-разному представлять перспективу экономического развития Йокосуки. Неизбежны разногласия в вопросах землепользования, строительства различных сооружений. Необходимо совместное обсуждение коренных проблем города, иначе нам по милости военных придется взвалить на плечи груз ненужных трудностей. Да и Йокосуке нелегко будет сделать шаг в будущее».

Какова же новая Йокосука? После принятия закона о ликвидации старого военного порта она по собственной воле провозгласит себя мирным торговым портом. Видимо, так должно произойти в будущем. Для достижения этой цели предпринимались различные попытки. Приведу эпизод, свидетельствующий о благородстве помыслов честных людей Йокосуки и трудностях, с которыми они сталкиваются. История эта связана с проектом создания научно-исследовательского института атомной энергии.

В соответствии с законом об использовании атомной энергии был создан Комитет по атомной энергии. Говорили, будто Мито, Такасаки и несколько других мест, в том числе и Будзан, подходят для строительства атомного реактора. Затем экстренное заседание комитета официально заявило о своем выборе. Йокосука пришла в возбуждение, подготовили петицию. Я хорошо помню лозунг «Эра атомной энергии начинается в Йокосуке». Тогдашний мэр города направил президенту Эйзенхауэру послание, в котором попросил поддержать идею создания института атомной энергии в Будзане. Муниципальное собрание также проголосовало за форсирование строительства

атомного реактора. Неожиданно кабинет министра исключил Будзан из числа претендентов и остановился на местечке Токаймура в префектуре Ибараки. Подписи десяти с лишним тысяч жителей Йокосуки негодились.

Мэр Нагано в противовес плану Управления национальной обороны видит Йокосуку промышленным городом-портом. Сейчас основная часть порта принадлежит американцам. Северный район Йокосуки—Нагаура — всегда был торговым портом, но в связи с созданием в Оппаме крупного промышленного комплекса его стали использовать в нуждах производства. Йокосука могла бы стать крупнейшим индустриальным портом, который бы обслуживал и промышленный район Сёнан. Мэр считает, что в южной части Йокосуки на базе гавани Курихама возможно промышленное развитие района Хэйсакугава. Таков поэтапный переход к освобождению Йокосуки от военного засилья.

Развитие Йокосуки в этом направлении приведет к тому, что она будет важным узлом не только для своей префектуры Канагава. Упрочится ее роль в южной части префектуры Тиба, а также связи с Токийским заливом. Государственное шоссе № 16 свяжет город Нансо с Йокосукой, а затем потянется дальше, в Фуцу. Начнется освоение юга Тибы. Со временем полуостров Миура, на котором расположена Йокосука, будет соединен с полуостровом Босо. Мечты мэра, если взглянуть на карту Токио и его окрестностей, содержат в себе конкретные и осуществимые на практике элементы. Нагано предлагает один из вариантов теоретической модели комплексного освоения Токийского залива. Его проект представляет несомненный интерес для работников столичной префектуры, которые тоже увлечены программами Большого Токио. Мэр Нагано, как и его земляки, любящие свой город, не надеется на скорое освобождение от американской базы, однако верит, что ее присутствие не будет вечным. Что же касается японских военно-морских сил в Йокосуке, то он скорее даже опасается их монополии на порт.

«Туристская фирма «Фудзита канко» и другие заинтересованные организации разделяют нашу точку зрения. Если будет принят наш проект, то японскому военному флоту отойдет порт Нагаура, а судьба города нам безразлична», — рассуждают в Управлении национальной обороны. Мэр Йокосуки рассердился бы, услышь он шутки военных.

Мне показалось, что проект мэра Нагано является единственно возможным для преобразования Йокосуки, где холмы теснятся к морю, многочисленные долины рассекают берег на части, города, в котором природные условия выковали людей с упрыжым, но преданным родным местам характером.

Создание промышленной зоны в Оппаме спасло более десяти тысяч человек, уволенных в свое время с американской базы. Как рассказывал председатель исполнительного совета профсоюза, будущие безработные не получают места на заводах Оппамы. Им придется наниматься на субподрядные предпри-

ятия. Депутат И. Асукада сказал, что за год население Йокосуки увеличилось всего на восемьсот человек.

Мэр Нагано не считает, что Йокосука — это лишь «Свиньи и броненосцы»*. Герои этого фильма, несчастные молодые влюбленные, хотят вырваться из Йокосуки. «Не податься ли нам хотя бы в Кавасаки», — с надеждой говорят они. Мечта о Кавасаки — шумном индустриальном городе, где жизнь бьет ключом, — с новой силой высвечивает необычную судьбу Йокосуки, которую история обрекла на участь военного порта.

В Йокосуке я услышал такую шутку. У берегов Японии идет война (подумать только: действительно, в течение семнадцати мирных лет над нашим регионом пронеслась не одна война, и Япония была базой для их ведения!), и в Йокосуке стало меньше военных. Горожане решили разукрасить город гирляндами и стеклянными шарами, чтобы привлечь на свой берег солдат. На Дальнем Востоке спокойно, но бары и кабаре Йокосуки сияют огнями, чтобы на них слеталось побольше американцев...

Я считаю, что каждый токиец обязан хотя бы раз побывать в Йокосуке, городе, от будущего которого зависит жизнь любого японца: порт станет или базой атомной войны, или мирной гаванью. Все мы должны задуматься над тем, какие глубокие корни пустили американские военные базы в Японии и в душах японцев.

В небольшом городке Йокосука сфокусированы типичные черты Японии, превращенной в иностранную военную базу. Нельзя сказать, что сильные мира сего из «Социального салона» демонстрируют особую наглость, когда требуют от профсоюза отмены забастовки ради заполучения американских моряков. Можно ли упрекать только жителей Йокосуки за то, что они не надеются на экономическую стабильность после смены военных хозяев порта и не очень рассчитывают на «силы самообороны»? Такой образ мысли характерен для всех японцев. Не только дети Йокосуки равнодушно смотрят на японских женщин, ведущих американских клиентов в «хор-хаус». Утешаешься лишь тем, что в Японии много городов, где нет домов продажной любви. Жители Йокосуки не проявляют особого беспокойства, когда в их порт заходят американские корабли с ядерным оружием. А почему все мы, японцы, забываем, что Йокосука — это наша родная земля? Ведь если разразится атомная война, то для ядерной боеголовки будет безразлично куда лететь, в Токио или Йокосуку.

Каждый раз, когда в порту появляется корабль с ядерным оснащением, мэр Нагано отправляется с протестом в штаб 7-го американского флота. Во всей нашей стране-базе, пожалуй, нет более прямого и мужественного человека, чем мэр Йокосуки. Один человек бессилен перед военной машиной, но много ли найдется японцев, которые, как Нагано, последовательно идут по пути протеста?

О ПРАВЕ РАЗЛЮБИТЬ ЯПОНИЮ

В аэропорту Хиросимы продают маленькие бочонки со свежей хурмой. Можно утром вылететь из Токио, днем встретиться с нужным человеком в Хиросиме, а вечером, возвратившись в Токио, есть свежую хурму. Сейчас и в Хиросиме, и в Токио показывают по телевидению одни и те же вестерны, поэтому токиец и хиросимец, распрощавшись после встречи, сидя вечером перед телевизором, смотрят в Токио и Хиросиме, одни и те же фильмы. И это теперь никого особенно не удивляет, ибо вся Япония в настоящее время взаимно связана, унифицирована и упрощена. Не будет, пожалуй, преувеличением сказать, что в Японии 1965 года стало теснее, чем в маленькой деревеньке сто лет назад.

И все же ты, дорогой читатель, который благодаря телевизору в курсе всех происходящих в Японии событий — важных и неважных, — должно быть, не знаешь о смерти двух молодых людей, происшедшей в последние несколько недель. Обе смерти были взаимно связаны между собой, причем за первую, безусловно, прямую ответственность несет японское государство. А японец, не лишенный чувства гуманности, по всей вероятности, почувствовал бы, что государство повинно и во второй смерти.

Первая смерть сопровождалась рвотой и невыносимой болью в суставах, вторая была самоубийством юной девушки с разбитыми мечтами, тихо ушедшей в мир иной.

В Хиросиме жил двадцатитрехлетний юноша, который во время атомной бомбардировки подвергся воздействию смертоносного облучения. Ему тогда было всего лишь четыре года. В девятнадцать лет в его крови начало резко возрастать количество белых кровяных телец, и юношу поместили в госпиталь, где лечили больных лучевой болезнью. Специалисты-врачи знали, что у юноши лейкоemia. Хотя уже наступила эпоха полетов в космос, лейкоemia, которую иначе называют раком крови, до сих пор остается неизлечимой болезнью. Можно, правда, временно приостановить рост белых кровяных телец, получив тем самым у болезни «отсрочку». В настоящее время благодаря усилиям хиросимских врачей эту «отсрочку» можно растянуть до двух лет. Но потом лейкоemia возобновляется и с

абсолютной точностью и безошибочностью лишает человека жизни.

Когда у юноши наступило временное улучшение, он заявил о своем желании поступить на работу. Врачи нашли для него место в типографии, скрыв при этом характер болезни (иначе бы его желание найти работу не осуществилось). Юноша работал с душой и был на хорошем счету. Даже журнал «Лайф» поместил о нем статью, в которой пытался показать, как светло и радостно живет в Хиросиме. Юноша познакомился с двадцатилетней продавщицей из магазина музыкальных инструментов, они полюбили друг друга и вскоре обручились.

Но кончилась двухлетняя «отсрочка», у юноши началась мучительная рвота, он снова очутился в госпитале и вскоре умер.

Неделю спустя в госпиталь пришла его невеста. В знак благодарности за труды она передала сестрам милосердия украшение, изображавшее могучего оленя с красивыми рогами и маленькую олениху. Девушка выглядела спокойной и решительной. Но на следующее утро ее не стало: она приняла большую дозу снотворного и умерла.

Как раз в те дни в Токио японское правительство вручало Орден Восходящего Солнца первой степени непосредственному виновнику атомной бомбардировки. При этом секретарь кабинета министров, приветливо улыбаясь, сказал:

— У меня тоже ведь во время воздушного налета сгорел дом, но это случилось двадцать лет назад. И разве вручение теперь ордена военному, который в годы войны бомбил японские города, не свидетельствует о великодушии нашего народа, который, преодолев чувство ненависти, поступил так, как и подобает народу великой державы?

Мне хотелось бы поведать американским читателям «Лайфа», которые помнят помещенную в этом журнале статью и фотографию веселого юноши, подвергшегося атомной бомбардировке, о том, что случилось с ним и с его возлюбленной. Мне хотелось бы сказать секретарю кабинета министров о том, какие страшные мучения еще испытывают люди из-за того, что «случилось двадцать лет тому назад».

У юноши, погибшего от лейкемии, есть право требовать компенсации у атомной бомбы, которая посеяла в нем, тогда еще малом ребенке, семена белокровия, компенсации у войны и у государства, которое войну начало. И хотя он не был за войну в ответе, спустя двадцать лет он отдал за нее жизнь, стал жертвой этой войны. Именно его государство должно было наградить орденом, хотя юноша, безусловно, от него отказался бы.

Но настоящим орденом, истинной наградой юноше было самоубийство любившей его девушки, которая вслед за ним ушла из жизни. Девушка, которая родилась и жила после войны и никакого отношения к войне не имела, пожертвовала жизнью

и отдала себя в качестве награды, в качестве ордена юноше, сделав то, чего не сделало государство. И хотя эта юная девушка имела горькое право потребовать у войны и государства компенсации за то, что они отняли у нее нареченного, она, умирая, ни единого слова не бросила государству в упрек.

Итак, сначала он, а через десять дней она, храня молчание, ушли в страну смерти.

Однако было бы неверным сделать из этого вывод, что они, любя свою страну, стали ее жертвами. Такой вывод прямо противоречил бы истине. Юноша промолчал именно потому, что знал: государство уже ничего не сможет сделать, для того чтобы вылечить его от лейкемии. Сколько горечи в этом молчании!

Причина молчания девушки была еще более основательной: она покончила с собой, считая, что весь этот мир, включая японское государство, не стоит ее любимого. Она избрала смерть, чувствуя, что государство и весь этот мир неспособны заменить ей умершего юноши. Она отвернулась от государства и от всего этого мира и ценой жизни показала, что в своей стране, как и нигде в мире, не отыскать ценности, достойной погибшего юноши.

И даже если бы представители государства и представители всего этого мира пришли в магазин музыкальных инструментов в Хиросиме и сказали: «Девушка! Признай, что ценность государства и этого мира, а именно ценность всех живущих, выше ценности умершего юноши, признай это и оставайся жить», она бы отказалась. Она бы сказала: «Не хочу! Какое теперь мне дело до Японии и всего этого мира!» В самом деле, после смерти юноши Япония и весь мир второй половины двадцатого столетия потеряли для нее всякую ценность, и своим самоубийством она ясно заявила об этом. Сколько горечи в этом героическом самоубийстве утратившей надежду девушки!..

Сейчас, когда ядерные взрывчатые вещества, посеявшие в теле юноши семена лейкемии, все еще продолжают играть главную роль в мировой политике, кто на всей Земле осмелится бы сказать решившейся уйти из жизни девушке: «Ты ошибаешься!» Разве для всех нас остается что-либо иное, как с горечью в душе хранить молчание?

Послевоенное поколение Японии знает, что оно имеет право разлюбить Японию, сказать японскому государству — пусть не так величественно, как это сделала покончившая с собой двадцатилетняя девушка из Хиросимы, пусть не голосом надвигающегося протеста, а просто и буднично, как говорят в обыденной жизни: «Ты мне противно, я не имею к тебе отношения!» Я считаю это полезной и в то же время тягостной мудростью, которую принесла нам послевоенная эпоха демократии.

Если до войны, под мощным крылом абсолютного императорского суверенитета, в этой стране и существовал патриотиче-

ски настроенный человек, для него самого было неясно, является его патриотизм проявлением инстинкта раба, привязанного к государству, или проявлением своего свободного и субъективного волеизъявления. Ужас и досада, возникающие при чтении последних писем солдат из отряда смертников, демонстрируемых для всеобщего обозрения на Этадзиме*, проистекают из-за того, что в них явно смешаны инстинкт раба и человеческая воля.

У послевоенных японцев обнаружить патриотизм довольно трудно, но, если уж мы этот патриотизм обнаружили, ему можно дать оценку без каких-либо оговорок (я сказал «обнаружить патриотизм довольно трудно» потому, что в отличие от чрезвычайного времени патриотизм в другую эпоху не бросается в глаза, находится в состоянии обычном, подобно нормальной температуре человеческого тела. Однако из того, что температура патриотизма не поднимается и он не достигает состояния лихорадочного жара, отнюдь не следует, что он утерян. Скорее он в этом случае выполняет свои нормальные, повседневные функции).

Такой патриотизм ценен, поскольку он не имеет отношения к рабской привычке, а является результатом выбора субъективной воли свободного, не угнетаемого государством человека. Такой патриотизм приятен, и им может гордиться как государство, к которому он проявляется, так и народ, который его ощущает. И польза послевоенной мудрости состоит в том, что мы, по существу, не привязаны к государству, свободны и обладаем правом разлюбить Японию.

И наоборот, причина тягостности послевоенной мудрости, тяжелого бремени ее состоит в том, что состояние свободы всегда влечет за собой беспокойство, тревогу.

Мой друг сказал мне однажды:

— Вот уже шесть лет, как я окончил университет и служу помощником начальника отдела в довольно солидной компании. В общем, превратился в обыкновенного мелкого буржуа, и у меня возникло ощущение какой-то ненадежности, будто нахожусь все время в подвешенном состоянии. Между прочим, в последнее время у меня появилась привычка во всех случаях говорить самому себе два слова: «не принадлежу!»

— «Не принадлежу»? Что это означает? — спросил я.

— Не принадлежу — и все. По-моему, понятно. Утром, например, я читаю газету, в ней сообщается, что исключенные из партии создали новую партию. А я читаю и про себя твержу: «Я не принадлежу ни к этой партии, ни к новой ее фракции». Если произойдет революция, я буду, наверно, в роли иждивенца. Правда, я не принадлежу ни к левым, ни к консерваторам. Во время выборов я голосую за симпатичного мне независимого кандидата.

По дороге на службу в электричке просматриваю еженедельник. В нем помещена фотография спортивных соревнований,

устраиваемых под эгидой Сока-гаккай *. «А я не принадлежу к Сока-гаккай», — думаю я, глядя на фотографию. В журнале помещено также фото императорского семейства. А я не принадлежу к эмоциональной пирамиде, вершиной которой считается императорское семейство.

Служа в своей компании, я чувствую, что по-настоящему к ней не принадлежу. Когда меня приглашают на просмотр северокорейского кинофильма, я думаю, что не принадлежу Японии так, как принадлежат своему государству эти новые корейцы. Может быть, моя неврастения неподчинения представляет собой нечто специфическое? Но должен сказать, что я не принадлежу и к такому типу людей, которые вешаются под влиянием острого приступа неврастения.

И все же, может быть, мой друг хотел бы состоять в какой-нибудь политической партии или религиозной организации, хотел бы принадлежать хоть к чему-нибудь? Отнюдь. На самом деле у него такого желания нет. Он человек, характеру которого соответствует именно такая форма свободы, и, по-видимому, подобный характер вообще присущ ни к чему «не принадлежащим» мелким буржуа, которых по численности больше, чем любых «принадлежащих». Он, правда, ощущает неясную тревогу по поводу своего состояния свободы, но в то же время знает, что у него нет желания оказаться в ином состоянии, отличном от такой свободы. И если его насильно заставить вступить, например, в армию старого типа, он немедленно почувствует себя одержимым неврастением ограничения, скованности в своих действиях.

Следовательно, он вместе с несколькими десятками миллионов ни к чему «не принадлежащих» мелких буржуа не должен иметь иного пути, кроме сознательно избранного в качестве своей позиции состояния «непринадлежности». И если по-новому и со всей строгостью взглянуть на все с позиций ни к чему «не принадлежащего» человека, то у нас, ни к чему «не принадлежащих» людей, абсолютно не будет причины страдать от комплекса неполноценности перед людьми, к чему-либо «принадлежащими». И не началась ли вообще так называемая эпоха послевоенной демократии в Японии с освобождения нас от всевозможных пут старой Японии и появления многочисленных, ни к чему «не принадлежащих» мелких буржуа?

В связи с приближением столетнего юбилея Мэйдзи многие заговорили о том, что 1965 год является годом возрождения национализма. За последние несколько лет эта тенденция усилилась по причине то ли наивных, то ли подозрительных действий.

Довоенный национализм, испытываемый людьми, которые чувствуют себя неотделимо и основательно связанными с японским государством, вначале возродился в классической, ортодоксальной, форме и стал заявлять о своих правах. Это национализм людей, считающих себя чем-то вроде органов,

которые незамедлительно погибнут, если отделить их от тела, коим является японское государство. Но мы, несколько десятков миллионов ни к чему «не принадлежащих» мелких буржуа, вкусивших ощущение свободы от государства, не пойдем на поводу у национализма, навязывающего нам без всяких на то оснований идею самопожертвования. А если даже на какой-то момент и увлечемся таким национализмом, то наш энтузиазм быстро охладает...

Но если подобный национализм не является идеологией ни к чему «не принадлежащих» мелких буржуа, тогда, может быть, среди них существует идея интернационализма, являющегося, как явствует из самого смысла этого слова, антонимом национализма? Я считаю, что это не так.

Мы сознаем, что обладаем правом разлюбить японское государство, но в то же время, за чрезвычайно малым исключением, остаемся с Японией. Другими словами, в своем свободном волеизъявлении мы по-прежнему продолжаем оставаться японцами. Не проявляется ли в этом, не вырастает ли из этого новый национализм, отличающийся как от довоенного национализма, так и от противоположного ему интернационализма?

Именно такой национализм я хотел бы положить в основу своей позиции по отношению к государству. И я хотел бы сохранить память об одной двадцатилетней японке, которая не только разлюбила Японию, но и рассталась со всем этим миром, потому что любила юношу, умершего в страшных мучениях от белокровия, вина за которое лежит на государстве. И если бы в действительности существовало государство, способное породить в этой искренней девушке желание продолжать, оставаясь японкой, жить на этом свете и после того, как она потеряла своего возлюбленного, то именно такое государство явилось бы вершиной, где расцвел бы новый национализм.

1965 г.

Хиросимские записки

Кто в будущем сможет
понять, что нас, однажды
познавших свет, вновь
повергли во мрак.

*Себастьян Кастильон**

ПРОЛОГ. В ХИРОСИМУ...

Апрель 1965 года

Быть может, нескромно начинать книгу о Хиросиме с разговора о личных делах, однако в ней нашли отражение переживания двух людей, совершивших вместе поездку в Хиросиму, — мои собственные и Рёскэ Ясуэ, редактора этой книги. Когда летом 1963 года мы вместе отправились в Хиросиму, это был очень тяжелый период в жизни каждого из нас. Мой сын, мой первенец, в ту пору был на грани смерти, и не было надежды на его спасение, а Ясуэ только что потерял дочь. Наш общий друг повесился в Париже, преследуемый постоянно жившей в его воображении картиной последней для человечества войны — ядерной. Мы были буквально раздавлены всеми этими событиями, но, несмотря на тяжелое состояние, в разгар лета отправились в Хиросиму. Это была самая изнурительная, самая печальная поездка в моей жизни.

Образ жизни и мыслей хиросимцев, гуманистов по натуре, произвел на меня глубокое впечатление. Они вдохнули в меня мужество, но все равно боль от мыслей о сыне, страдающем в стеклянном боксе в палате интенсивной терапии, не проходила, как ни старался я совладать с расходившимися нервами. Познав кремень хиросимского характера, я почувствовал желание проверить собственную сущность. Школу я закончил в послевоенные демократические времена. В университете изучал французский язык и современную французскую литературу. Мои первые литературные опыты совершались под влиянием послевоенной японской и американской литературы. Такова вкратце моя биография. И вот мне захотелось взглянуть на свой жизненный опыт и мировоззрение глазами хиросимцев.

Затем я неоднократно бывал в Хиросиме, и ежемесячно журнал «Сэкай», в котором работал Рёске Ясуэ, печатал мои очерки. Теперь они собраны в книгу, предлагаемую вниманию

читателей. Каждая поездка дарила новые встречи с удивительными и неповторимыми хиросимцами. Каждая встреча была откровением. Часто приходилось слышать горькие вести о смерти хиросимцев, с которыми я успел подружиться. Когда началась публикация очерков в журнале, я стал получать множество откровенных писем от читателей, особенно из Хиросимы. Приведу одно из них, наиболее характерное. В пятой главе «Записок», рассказывающей о несгибаемом мужестве хиросимских медиков, упоминается раненый врач, который, преодолевая боль, оказывал первую помощь пострадавшим. Передвигаться самостоятельно он не мог, и его сын, студент медицинского факультета, носил отца на спине от пациента к пациенту. Письмо написал Ёситака Мацудзака, сын того врача. Он продолжил дело отца и работает дерматологом в Хиросиме.

«...Люди в Хиросиме предпочитают хранить молчание до последнего вздоха. Они хотят остаться наедине со своей жизнью и смертью. Им неприятно выставлять свои страдания напоказ ради борьбы против ядерного оружия или другой политической игры. Жертвам атомной бомбы не хочется выклянчивать сострадание. Конечно, им приходится обнажать истинное лицо их трагедии, когда проводится сбор пожертвований в их пользу. Мы не должны забывать об их горькой участи. Но те, кому посчастливилось выздороветь и вернуться к нормальной жизни, предпочитают молчать. Они оказывают помощь товарищам по несчастью, участвуют в лотереях, проводимых японским обществом Красного Креста. Эту форму солидарности с жертвами атомной бомбы, разумеется, можно только приветствовать. Насколько эффективны, однако, такие кампании и сбор денег по кругу?»

...Многие деятели и писатели пытались убедить пострадавших хиросимцев в том, что следует нарушить обет молчания. Я возненавидел тех, кто не понимает причины нашего безмолвия. Мы не можем праздновать дату 6 августа. Мы можем только вместе с нашими мертвыми тихо проводить очередной день памяти. Мы не можем специально готовиться к нему. Люди, пережившие атомный ужас, предпочитают молчать, а если и говорят, то немногословно, лишь для того, чтобы оставить свидетельства трагедии для истории. Понять душу хиросимцев, проведя в Хиросиме только один день — 6 августа, невозможно».

Письмо перекликалось с моими мыслями, изложенными в очерке о людях, которым дана привилегия хранить молчание. Я обрадовался, но одновременно почувствовал и критические нотки, звучавшие в адрес человека со стороны, каким я был для хиросимцев. Ё. Мацудзака написал статью для любительского журнала «Хагурума», которая вышла под псевдонимом Сисио Фукада. В ней он более откровенно изложил мысли и чувства, которые заставили его взяться за письмо ко мне. Со страниц

журнала звучал голос, осуждающий меня, стороннего наблюдателя. Иными словами, то был голос самозащиты, раздававшийся из среды молодой интеллигенции Хиросимы. Я надеюсь, что высказывания Ё. Мацудзаки будут сопоставлены с моими.

«По словам писателя Оэ, врачи, пострадавшие во время атомной бомбардировки, не могли не впасть в отчаяние, столкнувшись с последствиями радиации, потому что в каждом пациенте узнавали собственную участь. Не вынеся мыслей о будущих муках, они стали писать оптимистические отчеты о том, что признаки продолжительного воздействия взрыва не наблюдаются, но жизнь вынуждала их вносить горькие поправки в диагнозы. Я находился в полутора километрах от эпицентра взрыва, но пострадал в незначительной степени и в настоящее время совершенно здоров. Более того, ни мои родители, ни жена, в ту пору старшеклассница, ни трое моих детей, родившихся в 1955—1965 годы, не жалуются на здоровье. Это обстоятельство внушает мне надежду, что и в будущем последствия облучения в моей семье не проявятся. Я не перестаю удивляться, что так называемая атомная литература по-прежнему повествует исключительно о страданиях жертв, расписывает симптомы лучевой болезни и психические аномалии. Почему же нет ни одного произведения о семьях, которые, пережив ужасы атомной бомбардировки, поправились и вернулись к обычной человеческой жизни? Неужели все жертвы бомбы обязаны умереть в муках от лучевой болезни? Разве им не дано после восстановления здоровья и душевного равновесия уйти из жизни естественной смертью? Или каждая наша смерть непременно должна быть использована в качестве аргумента в борьбе против ядерного оружия? Действительно, нельзя отрицать, что судьба каждого из нас разрушена, исковеркана атомной бомбой. Но ведь и те, на чью долю выпали испытания войны, пусть и не столь ужасные, как в Хиросиме и Нагасаки, также познали страдания. Я не позволяю себе упиваться собственной исключительностью жертвы атомной бомбы и особо выделять пострадавших хиросимцев из всего народа, прошедшего через войну. Я сам вылечил себя, возродил в себе человека и хочу умереть обыкновенной смертью, как люди, не испытавшие на себе последствий атомной бомбы.

Моя бабушка умерла естественной смертью в возрасте 93 лет, спустя девятнадцать лет после взрыва в Хиросиме. Она не считала свою судьбу счастливой, но радовалась здоровью и отсутствию каких-либо признаков лучевой болезни. Хотелось бы, чтобы люди знали о тех жителях Хиросимы, которые умирают, как любой смертный, а не от воздействия радиации. 6 августа должно быть днем памяти жертв атомной бомбы, а не поводом для политической трескотни, ради которой в Хиросиму съезжается масса посторонних. Хочу напомнить всем, что в нашем городе есть много людей, которые предпочитают радоваться нормальной жизни, смотреть с оптимизмом в будущее, а

не служить наглядным пособием в выступлениях против ядерного оружия».

Ё. Мацудзака далее продолжает:

«На днях я узнал о страшном событии. Поэт Кикия Харагути, пострадавший от атомной бомбы, повесился в Нагасаки, узнав, что врачи предполагают у него рак костного мозга. О самоубийстве я прочитал в послесловии к поэтическому сборнику Харагути, изданному после его смерти. Он ушел из жизни не от последствий облучения, а по собственной воле. Предпочел свести счеты с жизнью, не дожидаясь нечеловеческой, мучительной кончины от роковой болезни. Подчеркиваю, поэт выбрал обыкновенную смерть.

Причину недомогания К. Харагути можно было установить лишь детальным, специальным обследованием. Быть может, ухудшение самочувствия означало приближение естественной смерти? Замечу кстати, что большинство пострадавших не подвержены повышенной мнительности, как поэт Харагути. Те, кого одолевают горькие думы, как правило, долгие годы борются с лучевой болезнью, зная, что она неизбежно приведет к смерти. Людям с точно диагностированной лучевой болезнью не приходится рассчитывать на чудо. Им уготовано медленное умирание. Не могу судить, что достойнее для человека — пройти весь путь страданий, которые несет лучевая болезнь, или покончить с собой, как поэты Кикия Харагути и Тамики Хара*».

Мои очерки создавались с помощью хиросимцев, в прямой и косвенной форме высказавших мне свои критические замечания. Выход «Хиросимских записок» отдельной книгой не означает, что душа моя расстается с этим городом. Можно сказать, что только сейчас я сделал первый шаг к познанию истинной Хиросимы и ее людей. Хиросиму из памяти и сердца может вычеркнуть только тот, кто сознательно закрывает глаза, затыкает уши и прикусывает язык, когда речь заходит об атомной трагедии.

22 марта во второй половине дня в Хиросиме хоронили женщину, покончившую с собой. Она была вдовой Санкити Тогэ*, оставившего после себя прекрасные стихи о страданиях и несгибаемом мужестве жертв атомной бомбы. Ходили слухи, будто ее преследовала навязчивая мысль о раке, как следствии атомной бомбардировки. Следует, однако, напомнить о том, что за несколько недель до самоубийства женщина перенесла тяжелое потрясение — кто-то надругался над могилой ее мужа Санкити Тогэ, замалевав краской стихи, высеченные на надгробии. Стойкость, которую хиросимцы противопоставляют душевным трагедиям, невидимым миру, не имеет ничего общего с догматическим стоицизмом. Как легко оказалось подлецу одним взмахом кисти сломить волю вдовы поэта и посеять в ее сознании мысль о раке! Что оставалось одинокой женщине в этой жизни, кроме темной бездны отчаяния, разверзавшейся все глубже день ото дня? Она жила воспоминаниями о муже,

скончавшемся двенадцать лет назад во время операции на легких. Его организм, изнуренный последствиями взрыва, не мог больше сопротивляться. Были ли у нее силы выстоять тогда, когда люди оказались способными глумиться над памятью поэта и его стихами о величайших страданиях? Сестра покойной, Нобуко Кониси, являющаяся членом Комитета матерей Хиросимы против ядерного оружия, произнесла на панихиде слова, запавшие мне в душу:

— Сестра, ты поступила мудро. Я буду преклоняться перед тобой до конца моих дней, потому что ты, как и твой муж, прошла через невероятные страдания.

Верните моего отца,
Верните мою мать,
Верните дедушку и бабушку!
Верните детей,
Верните меня,
Верните всех людей,
Пока существует жизнь на земле!
Верните людям мир,
Вечный мир!

Санкити Тоэ

Призыв поэта обращен ко всем нам, оставшимся в живых.

В тот же день, 22 марта, в Токио состоялся вечер памяти писателя, покончившего жизнь самоубийством из-за отчаяния и безысходности, писателя, который взывал к человечеству, зная, что мир не внемлет его мольбе. Тамики Хара, пострадавший в Хиросиме, создал сборник рассказов «Летние цветы» в декабре 1945 года, когда все жертвы атомной бомбы еще были вынуждены молчать. Он покончил с собой через год после начала войны в Корее. Разве можно забыть трагедию Хиросимы, пока души хранят память об истинных хиросимцах?

Весной этого года я побывал на Окинаве. Ее жители с приветливыми улыбками встречали гостей из Центральной Японии. Но одна женщина, как ни старалась, не смогла скрыть недоверия и неприязни к приезжим. Я считаю, что у нее были справедливые основания для такого поведения. Мы обязаны признать, что уже двадцать послевоенных лет жертвы атомной бомбардировки, живущие на Окинаве, брошены на произвол судьбы. Разделив трагическую участь Хиросимы и Нагасаки, они вернулись на родину. Некоторые отправились в добровольное изгнание на далекие острова архипелага, не имея ни малейшего представления о способе лечения нанесенных атомным взрывом увечий. Как показывают исследования, среди умерших на главном острове Окинава, на островках Исигаки и Мияко, многие погибли от явных признаков лучевой болезни. Более того, 135 человек, пострадавших от самого жестокого исчадия

ада — атомных бомб Хиросимы и Нагасаки, лишивших их физического и нравственного здоровья, в настоящее время вынуждены молча жить бок о бок с американскими военными базами на Окинаве, оснащенными ядерным оружием. Вполне естественно, что эти люди считают нужным расточать нам улыбки и маскировать свое настороженное отношение к японцам из центральных районов страны. Окинавцы — жертвы атомной бомбы, которых мы обманывали в их надеждах два десятилетия, все еще ждут от нас помощи.

Со стыдом признаюсь, что в настоящее время я могу сделать для окинавцев только одно — привести пронзительно горькие слова жертв атомной бомбы. «Японцам следует быть более откровенными. Они боятся прогневать Америку, а заботы простых людей им безразличны. Если японцы намереваются оказать нам помощь, так пусть поскорее докажут делом. Это чаяние всех окинавцев, пострадавших от атомной бомбы».

Разве можем мы вычеркнуть из сердца Хиросиму, пока живы ее мученики, взывающие к нашей совести?

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ХИРОСИМУ

Август 1963 года

Начинало светать, когда жарким летом 1963 года я приехал в Хиросиму. Привокзальная площадь казалась необитаемой. Хиросимцы еще не вышли на улицы. Мелькавшие кое-где люди были приезжими. Таким же августовским утром 1945 года в Хиросиму тоже приехали люди из других мест. Те из них, кто восемнадцать лет назад в течение одного-двух дней покинули Хиросиму, уцелели. Оставшихся в городе ждала самая жестокая судьба, которая могла выпасть человеку в XX веке. Одни сгорели мгновенно, другие живут, трепеща от страха перед показателем эритроцитов в крови. Утро уже дышит зноем, в воздухе повисает белое марево. Через час город проснется. День только начинается, а солнце спит, как в полдень, и так будет до заката. Хиросима уже не выглядит ночным призраком, это один из оживленнейших городов Японии со множеством баров. В толпе мелькают туристы разных национальностей и рас. Большинство туристов из Японии — молодежь.

Самый известный среди многочисленных памятников Хиросимы — памятник жертвам атомной бомбардировки, символическая братская могила всех, кто сгорел в адском пламени. Направляюсь к нему. Сбоку от памятника в глубокой задумчивости стоит пожилая женщина. Сколько раз видел я в Хиросиме застывшие фигуры! Это люди, августовским утром 1945 года заглянувшие в ад. Их глаза потемнели от ужаса. В одном из выпусков журнала «Реки Хиросимы» приводятся свидетельства двух пожилых женщин с такими глазами.

«Болезнь была ужасна, но помочь мы не могли ничем. Моя дочь Нанако выбивалась из сил, чтобы выжить ради грудной дочки. Не смогла она одолеть болезнь. Несчастья на этом не окончились. После смерти Нанако я осталась с 26-летним сыном Хироси. На голове и на руках у него были келоидные рубцы, поэтому он не мог жениться и несколько раз пытался покончить с собой».

Вторая женщина рассказывает:

«Две мои племянницы, находившиеся в районе Ториямати, уцелели, но одежда на них сгорела. Они провели ночь в Эбе, в четырех с половиной километрах от эпицентра. Кто-то дал им летнее кимоно «юката», и они разорвали его на куски, чтобы прикрыть наготу. Девочки выглядели такими жалкими, что хозяин дома, где они жили, не пустил их на порог, решив, что они заразные. Первой умерла младшая из племянниц, потом и старшая, которая все просила меня: «Тетя, милая, убей меня, пока я не превратилась в такое же нечеловеческое существо, как моя сестра». Молодые умерли, оставив меня, старуху, одну на свете».

Хиросима — это огромная могила. В каждом районе города непременно есть памятники погибшим, иногда это просто обычный камень.

Я взбираюсь на гору Хидзи, где расположено научно-исследовательское учреждение, в которое доставили труп умершей ночью девушки. Здание ослепляет чистотой, функциональной разумностью архитектуры. В его безупречности есть что-то от правильного зеркала. Здесь находится Комиссия по изучению болезней, вызванных атомной бомбардировкой. Она исследует заболевания и анализирует причины смерти тех, кто пострадал в августе 1945 года. В последнее время комиссия начала заниматься и лечебной практикой, но пациентам тяжело забираться на такую высоту, поэтому их доставляют на Хидзи служебные машины. Самая неприятная работа комиссии заключается в транспортировке больных и трупов.

В вестибюле здания молча сидят несколько человек. Среди них ребенок, ожидающий возвращения матери с обследования. А эта девочка пришла сюда на прием. Пациенты терпеливо, безропотно ждут своей очереди. От института в очередной рейс в город отходит машина. Шоферам здесь приходится нелегко, ведь гора Хидзи — одно из двух мест на Земле, где тщательно исследуется воздействие атомного оружия на человеческий организм (а кто в XX веке может оставаться равнодушным к этой проблеме?).

Я обхожу комнаты по соседству с прозекторской, где в ожидании вскрытия лежит тело недавно скончавшейся девушки. В одной лаборантки исследуют мазки крови, подкрашенные по методу Райта. На ручном счетчике они подсчитывают количество эритроцитов. Под микроскопом белые кровяные тельца

похожи на виноград. Я заглядываю в пробирку, в которой содержится раствор с 90 тысячами эритроцитов на кубический миллиметр. Врач — заведующая лабораторией, молодая женщина говорит, что видела старика, у которого было 830 тысяч эритроцитов на кубический миллиметр крови. Нет нужды объяснять, что его уже нет в живых. Я смотрю на кровь человека, который тоже уже умер. Светлое, современное здание комиссии — обитель мертвых.

— Знаете ли вы, какова норма эритроцитов в крови здорового человека? — спрашивает меня врач.

Теряясь в догадках, я отвечаю:

— Если у смертельно больного 830 тысяч, то обычная кровь должна содержать...

— В вашей крови 6 тысяч эритроцитов.

От этих слов я мгновенно теряю присутствие духа и отшатываюсь от микроскопа. В следующей комнате разрезают труп, залитый парафином. В себя я начинаю приходить только в лаборатории, где кровь жертв атомной бомбы исследуют на сифилис. Никогда еще эта болезнь не казалась мне такой безобидной и пустяковой, как сейчас, в стенах комиссии.

Я иду по коридору, в который выходит дверь информационного отдела, хранящего тысячи историй болезни. Звук за стеной такой, будто плещется вода. Это счетные машины систематизируют учетные карточки умерших. В потоке, верно, проплывает и карточка того старика с 830 тысячами эритроцитов в крови, который умер от рака всех внутренних органов. Его позвоночник превратился в пемзу.

Я выхожу из здания комиссии и спускаюсь с горы в Хиросиму. Меня бьет дрожь.

Еду в больницу Красного Креста, где меня принимает главный врач Фумио Сигэто, являющийся одновременно и главой Хиросимской больницы для жертв атомной бомбардировки. Доктор Сигэто получил назначение в Хиросиму за неделю до взрыва. Утром 6 августа 1945 года, когда на город была сброшена атомная бомба, он стоял в очереди на трамвай, чтобы ехать на работу. Фумио Сигэто получил легкие ранения, но он не считал себя пострадавшим. Перед больницей Красного Креста, где работал доктор Сигэто, лежали тысячи трупов. Каждый день их сжигали в больничном саду. Ф. Сигэто оставался на своем посту и руководил врачами и медсестрами, наряду со всеми пострадавшими от взрыва, которые оказывали помощь умирающим. Сильно была повреждена и сама больница. Доктор Сигэто — крупный мужчина крепкого крестьянского сложения. Лицо его добродушно и открыто, голос звучит мощно и уверенно. Во всем его облике чувствуется деятельная натура. В первые дни после атомной бомбардировки ему приходилось полагаться только на собственную интуицию. К тому же он находил время изучать последствия взрыва неизвестной бомбы. После дежурства в больнице доктор Сигэто садился на велоси-

пед и ехал в эпицентр взрыва, где собирал обгоревшие камни и куски черепицы, чтобы ими подлатать здание больницы. Сейчас они выставлены в одной из комнат больницы Красного Креста. Конечно, эти экспонаты не идут ни в какое сравнение с материалами, которые обрабатывают электронно-вычислительные машины в Комиссии по изучению болезни, вызванных атомной бомбардировкой, но ценность их заключается в том, что собраны они руками доктора Сигэто, который, не имея никакого оборудования для исследований, словно предвидел страшную правду о бомбе. Один из пожилых пациентов больницы в знак признательности самоотверженной работе Фумио Сигэто завещал в его коллекцию собственные кости, разрушенные лучевой болезнью. Поистине необычное проявление чувств! По странному стечению обстоятельств доктор Сигэто со студенческих лет интересовался радиологией. Этот факт во многом определил успех исследований, которыми главный врач занимался в одиночку после атомного взрыва. Он, например, обнаружил, что герметически запечатанная рентгенопленка, хранившаяся в подвале больницы, под воздействием взрыва засветилась. Доктор Сигэто был одним из первых японцев, собственными глазами увидевших проявление характера атомной бомбы в то августовское утро.

С той поры он, непрерывно занимаясь лечебной практикой, продолжает научную работу, делая все новые открытия. Он анализирует собственный опыт и наблюдения в клинике для определения природы лучевой болезни и методов борьбы с ней. На первых порах он считал, что болезни, вызванные атомной бомбой, можно будет одолеть за два-три года. Однако следующим его открытием стала лейкемия. Атомная трагедия — самое страшное в истории человечества событие, последствия которого не могли предсказать ученые. Оставалось одно — лечить и продолжать наблюдения над больными. На седьмом году упорных исследований на основании неоспоримых статистических данных доктору Сигэто удалось установить связь между радиацией и лейкемией. Он полагал, что лейкемия со временем пойдет на спад, но статистика свидетельствовала об обратном. Многим ли ученым пришлось пережить такие душевные волнения и крах надежд? Помимо исследовательской работы, доктор Сигэто должен был принимать меры политического характера для реорганизации медицинской помощи и строительства специализированной больницы для жертв атомной бомбардировки. На основании многолетнего опыта он сделал вывод о неразрывной связи рака с атомной бомбой, однако доктору Сигэто совсем непросто убедить в этом министерство социального обеспечения. На плечах главного врача лежит еще одна обязанность — решение проблем, связанных со вступлением в брак пострадавших от взрыва.

Доктор Сигэто ведет меня по палатам. Хриплым, надтреснутым голосом с ним здоровается старик, обтянутый темной

высохшей кожей, напоминающей смятый пергамент. Он силится улыбнуться, но губы непослушны ему. Я с горечью думаю, что, может быть, вчера этот старик тщетно пытался взмахнуть рукой, чтобы поприветствовать марш мира. Доктор Сигэто не раз с болью в сердце выписывал из больницы обреченных стариков, страдающих раком или лучевой болезнью. Уделом этих людей стало отчаяние, тем не менее они приветствовали участников марша. Разве могли сторонники мира остаться равнодушными к вере и надеждам обреченных?

В углу коридора, тяжело дыша, стоит женщина. Всклипывая, она говорит:

— Доктор, какое счастье!

После поступления в больницу она сегодня впервые смогла пройти десять метров. По ее лицу текут слезы радости. Я не забуду той доброты, которая светилась в глазах по-бычьему насупившегося доктора Сигэто. Заболевшему лейкемией судьба отпускает полгода, максимум год жизни. Эффективные лекарства могут ненамного увеличить этот срок. Повторный скачок эритроцитов означает смертный приговор. Доктор Сигэто выдвигает гипотезу о связи рецидивов лейкемии с несовершенством медикаментозного лечения. Не забыть мне и выражения глубокой печали, которое застывало в глазах Фумио Сигэто, когда он говорил о страдающих этим раковым заболеванием. Он и сам жертва атомной бомбардировки и, как его пациенты, тоже видел ад. Доктор Фумио Сигэто — человек истинной хиросимской закалки, который, несмотря на все трудности, продолжает самоотверженно сражаться с последствиями атомной трагедии, до сих пор глубоко таящимися в организме людей.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ХИРОСИМУ

Август 1964 года

Августовским днем 1964 года наш самолет кружил над Хиросимой, заходя на посадку в аэропорт, расположенный в южной части города. Внезапно семь рек Хиросимы изменили естественный цвет и заблестели отполированным металлом. Пассажиры отвернулись от иллюминаторов, ослепленные нестерпимым полуденным солнцем. Я вспоминаю, что ровно год назад видел сияние рек из самолета, который уносил меня из Хиросимы. Время смещается в моем сознании и размывает впечатления. Воспоминания об отъезде из Хиросимы наплывают на ощущения сегодняшнего дня, когда я вновь оказался в небе над этим городом. С высоты кажется, что Хиросима не изменилась. Из окна такси, везущего меня из аэропорта, улицы выглядят как и год назад. И шофер так же увлеченно рассказывает о вчерашнем бейсбольном матче.

Тем не менее за двенадцать истекших месяцев в Хиросиме

произошли серьезные перемены. Умерли сорок семь пациентов больницы для жертв атомной бомбардировки. Большинство из них были немолодыми — шестьдесят пять, шестьдесят четыре, пятьдесят пять лет. Самой пожилой была восьмидесятидвухлетняя женщина, скончавшаяся от цирроза печени. Причиной большинства смертей был рак. Вспоминая трех стариков из одной палаты больницы, которых я видел в прошлом году. У них была иссохшая, темная, как у индейцев, кожа, покрытая какими-то крошками, напоминающими катышки стертого ластика. Если бы врачи поставили их на ноги, одиноким старикам идти из больницы было бы некуда. Наверно, кто-нибудь из этих неприкаянных умер в минувшем году.

Статистика свидетельствует о росте смертности среди молодых. Зимой от скоротечной саркомы костей умерла юная мать, не дожившая до двадцати лет. Во время взрыва атомной бомбы она была грудным младенцем. Спусти восемнадцать лет смерть унесла ее вскоре после родов. У ее ребенка нет никаких отклонений, и хочется надеяться, если уместно употребление этого слова, что судьба окажется к нему более благосклонной, чем к его матери.

В Хиросиме я слышал много печальных рассказов о смертях молодых женщин, жертв бомбардировки, скончавшихся после родов. Будущие матери ожидают первенцев с двойным страхом — боязнью произвести на свет уроды и угрозой развития в послеродовой период болезней, вызванных взрывом атомной бомбы. Однако молодые девушки влюбляются, выходят замуж и рожают детей. По-моему, их мужество перед лицом фатальной опасности нужно расценивать как проявление истинной природы человека с ее величием и слабостью. Я молюсь за то, чтобы дитя восемнадцатилетней покойной матери выросло здоровым и с верой в будущее.

Прошлым летом в больнице для жертв атомной бомбардировки я познакомился с молодой женщиной. Она обратилась к врачам, почувствовав вскоре после родов что-то неладное. К счастью, болезнь была обнаружена на ранней стадии, и специалисты отвели беду от молодой женщины. Ее выписали домой осенью, а в начале лета этого года она вновь оказалась в больнице. Ее малыш здоров, что укрепляет в ней волю к жизни. Я желаю ей и всем молодым матерям скорого выздоровления.

В ушедшем году умер и Садао Миямото, человек, сумевший до последних дней сохранить надежду. Год назад три пациента больницы для жертв атомной бомбардировки медленно вышли на солнцепек, чтобы приветствовать марш мира. В центре стоял маленький мужчина средних лет, поразивший меня своей бледностью. Рядом с больной девочкой, наряженной по случаю торжества в яркое платье, он выглядел щуплым мальчиком. Тонким срывающимся голосом, в котором неожиданно проскользнули армейские нотки, он сказал, что больные верят в успех IX Всемирной конференции за запрещение ядерного

оружия. Затем Садао Миямото, бессильно опустив плечи, с охапкой цветов побрел в больничный корпус. Я видел это собственными глазами. Так он и умер — с поникшими от усталости плечами, но с глубоким удовлетворением от сознания выполненного долга. В тот день, добравшись до того места, где мы, посторонние, не могли увидеть его, Садао Миямото совершенно сдал. Он слег и умер в начале зимы. В его истории болезни записано, что он скончался от общей анемии. Главный врач больницы Фумио Сигэго тихим печальным голосом рассказал мне о том, что Садао Миямото, как и большинство больных, внезапно начал день ото дня таять. Исследователь и практик Фумио Сигэго, на глазах которого множество пациентов умерли от общего упадка сил, может только с грустью констатировать, что последствия атомной бомбардировки в корне подрывают сопротивляемость организма к различным заболеваниям.

Покойный Садао Миямото вышел на знойное солнце ради того, чтобы пожелать успеха Всемирной конференции за запрещение ядерного оружия. Он собственными руками укоротил себе путь к смерти. Сознательно принес себя в жертву, чтобы люди узнали о его чаяниях. Участники марша почти не слышали его слов, заглушенных мегафонами устроителей конференции, но Садао Миямото все равно был горд и счастлив своей миссией. IX Всемирная конференция не увенчалась успехом. По крайней мере она не оправдала тех надежд, которые возлагали на нее умирающие в больнице жертвы атомной бомбы. Открытым остался вопрос о полном запрещении ядерного оружия. Больных, воодушевленных договором о частичном запрещении ядерных испытаний, привела в недоумение Всемирная конференция, подвергшая сомнению важность этого договора. Неудивительно, что состояние многих больных резко ухудшилось.

Садао Миямото, щедушный, но сильный духом больной, обреченный на смерть, решил принести себя в жертву, произнеся несколько слов перед здоровыми людьми. Быть может, он хотел таким поступком отогнать ужас перед надвигающейся смертью и избежать сознания бессмысленного угасания на больничной койке? На пороге небытия Садао Миямото сознавал, что ядерные тучи сгущаются над планетой. А может, он сдался на милость недуга, расставшись с иллюзиями о могуществе движения за мир? Но даже если он и не пережил минут горького разочарования, то все равно встретил смерть в одиночестве и безысходности. Никто теперь не искупит вины перед Садао Миямото за его обманутые надежды. Даже тысячи борцов за мир, которые съезжаются в Хиросиму со всей Японии в годовщину атомной трагедии.

За несколько дней до смерти Садао Миямото попросил врача выписать его из больницы, чтобы распорядиться своими небольшими сбережениями и имуществом.

Он оставил короткую предсмертную записку: «Я обращаюсь

к вам из Хиросимы, впервые в истории человечества подвергшейся атомной бомбардировке. Многие хиросимцы и в наши дни страдают лучевой болезнью, анемией, заболеваниями печени. В тяжелых страданиях они продолжают борьбу до последней мучительной минуты смерти».

Читающие записку Садао Миямото должны понять, что фраза «продолжают борьбу до последней мучительной минуты смерти» не означает борьбу за обретение новой жизни на грани смерти. Он подчеркивает: удел жертв атомной бомбы настолько горек, что страдания не оставляют их даже на пороге небытия. Далее он пишет: «Будущее пугает меня. В больнице бывали случаи, когда люди, узнав, что их болезнь вызвана последствиями атомной бомбардировки, кончали жизнь самоубийством или сходили с ума».

Садао Миямото завершает послание пожеланиями, которые, пожалуй, кому-то покажутся наивными. У меня, во всяком случае, эти слова оставили впечатление отчаяния. «Я прошу живых совместными усилиями строить на Земле светлую жизнь без войн».

Садао Миямото нет, а в Хиросиму снова пришло ослепительное лето. Газеты сообщают о войне в Лаосе и Вьетнаме, о трех конференциях за запрещение ядерного оружия, состоявшихся в Японии. Новое лето, но нет уже в живых сорока семи человек, умерших мученической смертью. Прикованные к постели жертвы бомбардировки продолжают бороться со страданиями в больнице. На улицах Хиросимы я часто встречаю людей, которые делятся со мной воспоминаниями об умерших. Порой наши беседы обрываются на полуслове. Вытирая струящийся по лицу пот, мы смотрим на сияющую гору Хидзи. Никто в Хиросиме не будет так долго и скрупулезно хранить память о покойных, как карточки в Комиссии по изучению болезней, вызванных атомной бомбардировкой, в которых досконально зарегистрированы аномалии костей, раковые опухоли в различных частях тела, гигантские показатели эритроцитов в крови.

На встрече жертв атомной бомбы я услышал еще один рассказ о десятилетии молчания и последних девяти годах, когда им дали право голоса. Собравшихся приветствовал одноглазый старик. Старик взволнованно рассказывает историю антиядерной борьбы, которую ведут жертвы Хиросимы и Нагасаки. На I Всемирной конференции за запрещение ядерного оружия впервые после десятилетнего безмолвия пострадавшим предоставили право голоса, хотя некоторые члены оргкомитета и опасались, не смутит ли этих людей многочисленная аудитория, перед которой им придется подняться на трибуну. Несмотря на перестраховщиков, желающие публично рассказать о своей судьбе нашлись. Может, они и робели в непривычной обстановке, но именно тогда впервые вслух прозвучали слова. «Какое счастье быть живым!» Простой человек, переживший атомную трагедию, вложил в них весь пыл своей души.

Выступление на конференции сторонников мира придало новый смысл его безрадостной жизни.

Однажды, еще в пору молчания, когда шла война в Корее, к другу одноглазого старика пришел глава отделения американского агентства «Юнайтед пресс» в Токио. Друг старика был слеп. Американский журналист спросил его, ослепшего в результате атомной бомбардировки: «Как вы считаете, положило бы конец войне в Корее применение двух-трех атомных бомб? Что думаете об этом вы — пострадавший в свое время от подобного оружия?»

В такой постановке вопроса, который сам по себе уже был кощунством, допускалась возможность развязывания мировой ядерной войны. Поэтому народное движение за запрещение ядерного оружия должно эффективно пресекать поползновения поджигателей нового пожара на планете. В этом направлении уже достигнуты значительные успехи. По крайней мере сейчас не найдется журналиста, который додумался бы спрашивать мнение жертвы хиросимской трагедии о применении атомной бомбы против Вьетнама. Девять лет существования антиядерного движения многих заставили призадуматься.

На вопрос американца из информационного агентства старик ответил: «Два-три атомных взрыва положили бы конец войне, и США, вероятно, заняли бы господствующее положение в мире, но тогда никто больше не доверял бы Америке». Слепой, который в безызыкой Хиросиме продемонстрировал американцу мудрость и негибкость слабых, умер несколько лет спустя после этой встречи.

Доктор Фумио Сигэто — один из хиросимских стоиков, — как и прошлым летом, был до предела загружен общественными и профессиональными заботами. За этот год ему довелось пережить сорок семь смертей своих пациентов. Парламент наконец начал проявлять интерес к совершенствованию системы социальной помощи жертвам Хиросимы и Нагасаки, и доктору Сигэто пришлось принимать в своей больнице инспекционные группы как консервативных, так и прогрессивных депутатов. Один из высокопоставленных гостей, глядя на прикованного к постели старика, спросил: «Каким образом ревматизм связан с атомной бомбой?» Что мог сказать главный врач Фумио Сигэто? Единственное в мире лечебное заведение, где можно получить исчерпывающий ответ, — это его больница в Хиросиме. Сможет ли депутат понять, что у человека, подвергшегося ужасающему воздействию атомной бомбы, любое заболевание неизбежно связано с трагедией 1945 года? Фумио Сигэто, не щадя сил и времени, объяснял все подробно и откровенно. Представляю его крупную энергичную фигуру в кругу парламентских гостей. На конференции этого года советский делегат передал предложение своей страны направить в хиросимскую больницу медицинское оборудование. Доктор Сигэто встретился с делегатом СССР и всесторонне обсудил с ним вопросы сотрудничества. Он

избегает сфер высокой политики со всеми ее уловками и самоотверженно отдает себя служению конкретному делу — облегчению участи своих больных. Наверно, поэтому Фумио Сигэто часто называет себя «грязным носовым платком». Однако именно благодаря каждодневному самоотверженному труду этого хиросимского врача общественное мнение заставило официальные круги заняться проблемами улучшения социального обеспечения жертв атомной бомбардировки. Доктор Сигэто надеется на то, что совершенствование системы обеспечения сможет, например, помочь молодым женщинам, которые 19 лет не выходят из дома, стесняясь обезображенных келоидными рубцами лиц. «Врачи-доброхоты» внушили затворницам, что они непригодны к общественно полезной деятельности. Около тысячи человек с «дьявольскими лицами» затаились в Хиросиме в темных углах своих жилищ, не получая от государства никакой помощи. Доктор Сигэто полагает, что создание полноценной системы социального обеспечения для жертв атомной трагедии придаст решимости добровольным отшельникам и они выйдут на белый свет.

Главным направлением исследований Фумио Сигэто в этом году стали аномалии крови у детей, родители которых умерли от последствий атомного взрыва. Наблюдая своих пациентов, которые один за другим уходят из жизни, Ф. Сигэто сделал еще один шаг к решению этой сложной задачи. И врачи, и жертвы атомной бомбардировки стараются обходить вопросы генетики, не сосредотачиваясь на проблемах следующего поколения пациентов с заболеваниями, вызванными атомной бомбой. Доктор Сигэто считает необходимым принять по этому вопросу законодательные меры. По его мнению, все дети жертв, невзирая на царящее в обществе благодушие по поводу генетических последствий взрыва, обязаны проходить медицинское обследование. Кроме того, на них должен распространяться закон о медицинском обслуживании жертв атомной бомбардировки.

Доктор Сигэто исходит из того, что социальная помощь жертвам и их семьям должна основываться на законодательных началах. При разработке подобных программ особенно остро ощущается потребность в таких подвижниках, как доктор Сигэто, которые с негибимым упорством борются за достижение поставленной цели. Люди типа Фумио Сигэто составляют поистине золотой фонд человечества. Его судьба — это девятнадцатилетняя история поединка с болезнями, вызванными взрывом атомной бомбы.

К двадцатилетию атомной трагедии Фумио Сигэто планирует проведение встреч врачей, которые разделили мучительную и горькую судьбу жертв бомбы. Они должны поделиться собственным уникальным для человечества опытом, обсудить собственные достижения и ошибки, посмотреть, «до чего еще не дошли у них руки». По мнению Ф. Сигэто, такие colloquiums врачей нужно собирать регулярно. В отличие от Комиссии по

изучению болезней, вызванных последствиями атомной бомбардировки, где исследования ведутся централизованно, медицинская помощь пострадавшим не координируется. Следует пересмотреть всю систему, и в частности ввести в практику обследование крови у детей, чьи родители подверглись воздействию атомной бомбы.

Идея доктора Сигэто обобщить историю лечения жертв в связи с двадцатилетием трагедии сродни проекту «Белой книги», предложенному обозревателем газеты «Тюгоку симбун» Тосихиро Канаи. Главный врач хиросимской больницы подходит к этой же проблеме более целенаправленно, с медицинской точки зрения. Следует заметить, что врачи, работающие в Хиросиме, каждый на своем участке пришли к осознанию необходимости анализа всей истории оказания медицинской помощи жертвам бомбардировки в «роковой» точке планеты. Две группы хиросимцев, независимо друг от друга сделавшие вывод о важности обобщения последствий атомной трагедии, неразделимы в своих устремлениях, как сиамские близнецы. Люди, выстрадавшие самый устрашающий день в истории человечества, сохранили способность жить по законам гуманизма. Я возлагаю надежды на представителей обеих групп хиросимцев. Своей самоотверженностью эти великомученики рода человеческого способны дать нам надежду в ядерный век. Перед ними стоит единая задача: в двадцатую годовщину атомной трагедии почтить память сгоревших в адском пламени и отдать должное тем, кто живет в непрекращающейся борьбе со страданиями. Успешное осуществление планов хиросимцев создает в массах новое представление о движении за мир.

ХИРОСИМСКИЕ МОРАЛИСТЫ

Сентябрь 1964 года

Беседуя о пережитом и о сегодняшнем дне с жертвами атомной бомбардировки в больницах, у них дома, на улицах Хиросимы, я понял, что они все без исключения обладают уникальным взглядом на суть человека. Я обратил внимание, что они очень конкретно воспринимают такие понятия, как мужество, надежда, искренность и даже мученическая смерть. Такое отношение к нравственным категориям свойственно тем, кого японская традиция называет «судиями человечности», иными словами, моралистами. Каким же образом обыкновенные люди стали эталоном нравственности? Неведомая ранее человечеству трагедия и девятнадцать лет великого терпения — вот что сформировало их облик. Размышляя о моралистах атомного города, я непременно вспоминаю пожилую женщину, одну из руководительниц Комитета матерей Хиросимы за запрещение ядерного оружия, выпускающего журнал «Реки Хиросимы». У

нее удивительно живая манера разговора. А до чего остроумны ее описания жизни и взглядов местных консервативных политиков в годы войны и мирное время!

Я надеюсь, что читателей заинтересует один из ее рассказов. В фольклоре каждой области Японии наверняка есть свой герой, как правило, плут, однако всем им непросто потягаться с хиросимским. Героями историй обычно становятся реальные люди, жизнь которых со временем обрастает слухами. В данном случае речь пойдет о вымышленном герое по имени Красная Кровь. В конце войны его арестовала военная полиция по обвинению в позорном преступлении — непатриотичности. Когда его отпустили на свободу, он публично заявил: «Кровь у предателя родины не может быть красной, а у меня — ярко-красная!» Арестовали Красную Кровь якобы за то, что военный завод, на котором он работал, выпускал много бракованных снарядов. Однажды пожилая женщина, от которой и пошли все эти рассказы, собирая в лесу грибы, встретила крестьянина. Мужчина был так взволнован, что не мог вымолвить ни слова. Сломая голову он мчался на расстрел Красной Крови. Женщина тоже припустилась за крестьянином, крикнув: «По грибы-то я в любое время могу пойти, а вот смертную казнь не каждый день увидишь!» К счастью, приговор отменили. В этот момент Красная Кровь и произнес свои знаменитые слова.

Расцвет деятельности Красной Крови приходится на послевоенные годы. В каждой истории непременно упоминаются его любовные похождения, за которые его прозвали Утешителем вдов. Он предпринял попытку проникнуть в политические круги. Он усиленно распространял о себе легенды как о борце с империализмом, приговоренном в конце войны к смертной казни. Пройдоха смекнул, что наивно рассчитывать на победу на местных выборах благодаря одной молве. Поэтому с помощью одной из вдовушек он вычистил все водосточные трубы в своем избирательном округе. Уловка сработала, и он приобрел известность энергичного политика местного масштаба. Вскоре он нашел покровителей среди влиятельных политических деятелей, особенно последовательных консерваторов. С их помощью новоявленный деятель получил место в префектуральном собрании. На этом посту он сделал много полезного для улучшения положения жертв атомной бомбардировки.

Со временем, как это случается с героями плутовских романов, Красная Кровь начал приобретать ореол святого. Ловкач процветал, а врача, мужа моей пожилой собеседницы, уволили с работы, потому что в войну он возглавлял муниципальный совет. Старый врач, сокрушаясь о запятанной репутации, заболел нервным расстройством. Он покупал все новые лекарства, однако ничто ему не помогало. В первые дни после атомной бомбардировки этот врач был среди тех, кто самоотверженно оказывал помощь пострадавшим хиросимцам. Он и сам был в числе пострадавших, поэтому неудивительной была

его невероятная тяга к новейшим лекарствам, которые он принимал чуть ли не пригоршнями. Это увлечение оказалось губительным. Как считает жена старого врача, он умер от отравления лекарствами. Сама она тоже жертва атомной бомбардировки, но чувствует себя удовлетворительно. Последние достижения фармакологии она категорически отвергает и принимает только гомеопатические средства и продолжает критиковать Красную Кровь. В больницах Хиросимы гомеопатические лекарства не применяются в практике лечения жертв атомной бомбы, поэтому женщина не пользуется привилегиями, которые ей дает официальное удостоверение жертвы. Каждый месяц она тратит пять тысяч иен из своего кармана на лекарственные растения. До атомного взрыва они с мужем были совершенно здоровыми, но после него оба узнали, что такое болезни и страдания, хотя и боролись с ними по-разному.

Реальность такова, что жертвы атомной бомбардировки не могут получить удостоверения до тех пор, пока у них не обнаружат симптомы заболеваний, которые официально признаны министерством социального обеспечения следствием атомного взрыва. В Хиросиме пострадавшие доверительно рассказывали мне, что у них нет ярко выраженных признаков типичных болезней, обусловленных атомной трагедией, хотя бывшее здоровье подорвано. Эти люди загнаны в тупик: с одной стороны, любое проявление недуга можно объяснить последствиями взрыва, с другой — невозможно получить государственную медицинскую помощь до тех пор, пока симптомы не спишутся в регламентированный перечень, многие пункты которого означают приговор к смерти.

Итак, пожилая женщина из Комитета матерей Хиросимы за запрещение атомного и водородного оружия не верит в авторитеты общества, в котором живет. Она доверяет лишь собственным глазам и ушам, твердо и независимо отстаивая свои взгляды, но ее нельзя считать догматиком. Людей с таким складом мышления, как эта пожилая женщина, я называю хиросимскими моралистами.

Жители Хиросимы пробуют лечиться народными средствами. Многие с успехом применяли прижигания моксой* и горячие ванны для лечения пораженных участков кожи. Методы традиционной народной медицины упускать из виду нельзя, поэтому главный врач больницы для жертв атомной бомбардировки Фумио Сигэто и его коллеги фиксируют все средства и способы лечения атомных заболеваний. Они — первооткрыватели в неизвестной области медицины. Пожилая женщина продолжает беседу в привычной независимо-решительной манере, но голос ее грустнеет, когда разговор касается тех несчастных людей, с которыми связаны повседневные заботы Комитета матерей Хиросимы.

Подруга ее дочери родила мертвого уродливого ребенка. Молодая мать, обезображенная келоидными рубцами, собрав-

шись с духом, попросила показать ей ребенка. Врачи отказали, и она уговорила мужа взглянуть на младенца. Когда отец приехал в больницу, трупик уже увезли. Мать воскликнула: «Я бы обрела мужество, увидев его!» Меня потрясло слово «мужество» в отчаянном крике души несчастной женщины. Врачи скрывают от матерей мертвых уродцев, что, без сомнения, гуманно. Эта мера предусмотрена для того, чтобы сохранить в людях человеческое начало. Однако стремление женщины переступить порог человеческого и увидеть мертвого младенца во имя обретения мужества оставаться на этом свете означает, что на атомном пепле Хиросимы пробился росток нового, неизвестного обычным людям гуманизма, который можно назвать гуманизмом непокоренных. Чье сердце не дрогнет от боли за молодую мать, которая жаждет видеть мертвое уродливое дитя, для того чтобы поддержать в себе силу духа?

Другая молодая женщина, нося ребенка под сердцем, волновалась, не появится ли на свет урод. Страх был так велик, что во время родов ее организм отказался следовать естественным нормам. После долгих мучений она в конце концов разрешилась нормальным ребенком, но здоровье ее было подорвано окончательно.

Большинство молодых женщин — жертв атомной бомбардировки в период беременности страдают, невротами, однако они решаются на роды. В этом я вижу мужество молодых матерей Хиросимы. Более того, среди супругов — жертв атомной бомбы нередки разводы из-за бездетности. Многие молодые жены, которые на первый взгляд кажутся мужественными, на самом деле ведут тайную борьбу с невротами.

Некоторые судьбы складываются еще трагичнее. Одна девушка, увидев в истории болезни диагноз «лейкемия костного мозга», повесилась. Слушая такие истории, я думаю о том, как нам повезло, что Япония не христианская страна. Уверен, несчастную не спасла бы даже христианская догма о греховности самоубийства. И мы, живые, не имеем морального права ее осуждать. Нам дано лишь задуматься над участью тех страдальцев, которые еще не свели счеты с жизнью. Я принадлежу к тому типу японца, который способен в случае заболевания раком покончить с собой без страха перед грехом и адом. Я никогда не стал бы препятствовать самоубийце распорядиться собственной жизнью, однако сознание собственного бессилия душист меня. В то же время, видя нечеловеческое мужество и несгибаемую стойкость хиросимцев, которые не сдаются в неравном поединке с судьбой, я, существо, не отличающееся крепкой волей, тоже начинаю обретать силы.

Еще один самоубийца — старик, живший в интернате для престарелых в пригороде Хиросимы. Он выбросился с парома в море, оставив на палубе удостоверение жертвы атомной бомбардировки. У него не выявили объективных симптомов лучевой болезни, но он долгое время страдал невротом, который

называют «атомным». Я сам не настолько психически уравновешен, чтобы недоумевать по поводу нервных расстройств у стариков, одиноко доживающих свои дни в Хиросиме.

Несколько лет назад хиросимская газета «Тюоку симбун» в связи с годовщиной атомной бомбардировки напечатала серию статей «Свидетельствует Хиросима». Одна из них рассказала о судьбе старика, оказавшегося в пучине страданий, с которыми не сравнится даже самоубийство. Корреспондент газеты побывал у 87-летнего хиросимца, потерявшего рассудок после смерти внука, который погиб три года назад от лучевой болезни. Старик один воспитывал сироту внука. Юноша поступил в столичный университет, но вынужден был бросить его из-за материальных трудностей. Вскоре после возвращения в Хиросиму он слег и скончался в страшных муках в больнице для жертв атомной бомбардировки. Когда старик не смог посылать внуку деньги на обучение, юноше пришлось подрабатывать. Недуг уже подтачивал его организм. Он был не в состоянии прокормить себя и в полном изнеможении приехал в родной город. Почувствовав ухудшение зрения, он обратился к врачу. Обследование показало, что у него поражены почки и развивается лейкоцитоз. Вскоре юноша ослеп от кровоизлияния в глазном дне, а через месяц у него началась кровавая рвота. Часами он кричал от нестерпимой боли. Неожиданно наступил день, принесший ему облегчение. Он лежал, повторяя: «Как грустно!» Потом несколько раз прерывисто вздохнул, вскрикнул, и жизнь оставила его. Поистине мученическая смерть.

После кончины внука старик долгое время безмолвно целыми днями просиживал перед домашним алтарем. Потом он начал разговаривать с покойным и уже не смолкал ни на минуту.

«Ты говоришь, у тебя порой не было даже десяти иен. Милый Такаси, как тяжело тебе приходилось!» Старик постоянно говорил о нищете.

«Мне не надо было сердиться, когда ты сказал, что хочешь продать велосипед. Тебе нужны были деньги. Бедный мой мальчик!»

С чем может сравниться горе старика, который до последнего вдоха будет умирать из-за беспросветной нужды, отравившей короткую жизнь его внука. Даже на пороге смерти его помутившийся рассудок не расстанется с печальной картиной: жалкий мальчик без гроша в кармане застыл около велосипеда, выслушивая сердитые наставления деда.

Старик рассказал журналисту: «Такаси говорил мне: «Дедушка, я умру первым. Приходи ко мне поскорее и не горюй». Какой смысл говорить сейчас об атомной бомбе? Если бы Тодзио умер раньше, тогда и мой Такаси остался бы в живых. И мертвый Такаси тоже так считает. На днях он говорит: «Дедушка, я хотел позвонить тебе, но у меня нет даже десятииеновой монетки». Сказал так и нырнул под крышу...»

Журналист перестал понимать старика, а тот все говорил и говорил о покойном внуке, повторяя: «Вот когда ты сказал, что хочешь продать велосипед...»

При постороннем человеке сознание безумного старика на короткое время просветлело. Удивительно, но говорил он, совсем как опытный оратор перед большой аудиторией. В войну старик работал мастером на провиантском складе, где ему приходилось иметь дело с незнакомыми людьми. Теперь у него осталась одна тема для разговора с чужими — умерший внук Такаси. Старик облекал свои мысли в слова, а сознание выжидало момент, чтобы исторгнуть их внешнему миру. «Какой смысл говорить сейчас об атомной бомбе? Если бы премьер-министр Годзиро умер раньше, тогда и мой внук Такаси остался бы в живых».

Составить мнение о человеке можно по его речи. Старику понадобилось всего несколько секунд, для того чтобы выразить вслух наболевшее на душе. Стремление выговориться было так сильно, что оно на короткое время победило помутившийся рассудок. Сказанное стариком не может оставить людские сердца равнодушными. В наши времена, когда речи длинные, напыщенны и пусты, забыть его слова, вместившие так много мыслей, невозможно.

В последний приезд в Хиросиму я расспрашивал об этом старике своих знакомых. Одни говорили, что он умер, другие утверждали, что он по-прежнему ведет нескончаемые беседы с внуком, сетуя на постыдную нищету. В Хиросиме жизнь и смерть сменяют друг друга с удивительной быстротой. В серии «Свидетельствует Хиросима» я прочитал о пожилой кореянке, потерявшей в атомном пожаре пятерых детей. Ее шея, грудь, руки усеяны келоидными рубцами. На своей ветхой лачуге она прикрепила вывеску: «Корейское отделение японской святой церкви в городе Хиросима». Соседские дети называют ее «сумасшедшей корейской бабушкой». У нее был период жестокого отчаяния, когда она клеймила позором американцев за атомную бомбу и ненавидела японцев за развязанную ими войну. «Если бы не милость божья, я наложила бы на себя руки или лишилась рассудка», — говорит она. Благодаря вере эта женщина смогла вернуться к нормальной жизни и даже содержит крошечную убогую церковь.

«Теперь я не испытываю ненависти ни к Америке, ни к Японии. Пожалуй, я даже признательна японскому народу, потому что у меня, кореянки, изувеченной войной, есть возможность спокойно жить в этой стране. Война унесла пятерых моих детей, и какая разница, японка я или кореянка. Я хочу только одного: запрещения атомной и водородной бомбы».

Я иду по берегу реки Тэммагава в районе Кусуноки, разыскивая домишко, в котором помещается церковь этой удивительной корейской женщины. Но большинство ветхих строений снесли, и теперь бульдозер расчищает пространство.

Единственное, что уцелело, — это лавка старьевщика. В ней спят люди, раздевшиеся догола из-за нестерпимой жары. Я выхожу из лавки на улицу и бесцельно бреду по густой летней траве. Никто не знает, куда делась корейка с прекрасной христианской душой.

Хочется рассказать о добром поступке одного корейского мальчика в дни атомной трагедии. До сих пор никто, даже спасенная им японская женщина, не нашел его следов. Он исчез как ветер. Куниэ Хасимото, тогда тридцатилетняя женщина, находившаяся во время взрыва в 1,7 км от эпицентра, пишет в своих воспоминаниях: «Вечером третьего дня после бомбардировки стояла невыносимая жара, нещадно палило солнце. Мальчик лет четырнадцати-пятнадцати, пробежавший мимо, задержался около меня и, заглянув мне в лицо, сказал: «Поблизости есть пункт первой помощи. Идемте туда?» По акценту я сразу догадалась, что запыхавшийся мальчик — кореец. Я приняла предложение мальчика, чье великодушие так резко контрастировало с предвзятостью и неприязнью японцев к его ни в чем неповинному народу. Почти весь путь до медицинского пункта юный кореец ташил меня на спине. Когда я опомнилась, он исчез как ветер, даже не назвав своего имени и адреса».

В серии «Свидетельствует Хиросима» есть рассказ об одном несгибаемом старике. Он не сошел с ума и не выбросился с парома, он пытался покончить с собой традиционным способом хакари около памятника жертвам атомной бомбардировки в парке Мира. Он пошел на самоубийство сознательно, а не от безысходности, подумав, что, быть может, «сенсация, вызванная смертью немощного, больного старика, поможет запретить ядерное оружие». Попытка не удалась — нож оказался слишком мал для вспарывания живота. Старик, воскликнув, что «не может жить в позоре», хотел перерезать горло. Он был настолько слаб от лучевой болезни, что у него не хватило сил даже на самоубийство. Вконец изнуренный болезнью и переживаниями, старик попал в городскую больницу, где непрерывно твердил, что «осрамился на весь свет». Мне не удалось ничего узнать о нем. Замкнутый, скрытный старик всегда держался в больничной палате особняком. Ушел он из жизни или все еще проклиная себя за неудавшееся самоубийство?

Судьбы стариков, потерявших в атомном вихре всех родных и одиноко доживающих дни в тяжелых болезнях, в чем-то похожи, но каждая по-своему горька. Для Хиросимы это серьезная социальная проблема. Ею занимаются активисты, создавшие Дом Хиросимы — интернат для одиноких стариков, жертв атомной бомбардировки. Я уже писал о престарелых, которым некуда выписываться после курса лечения в больнице, о вечном страхе перед раком, роковым спутником большинства тех, кто выжил в атомном кошмаре. Я приводил слова одного из стариков, горестно воскликнувшего: «Пожилые остались одиночками, а все молодые погибли!» Сколько раз я слышал в

Хиросиме сетования на смерть, забравшую не тех, кого положено природой. Старики говорят об этом не с гневом или раскаянием, их глаза выдают стыд, навсегда поселившийся в их душах. Я не могу смотреть им прямо в лицо.

Десятый номер журнала «Реки Хиросимы» рассказывает о трех жертвах атомной бомбардировки, которые налаживают свою жизнь без самоубийств и потери рассудка. Конечно, их удивительное терпение, спокойный тон нельзя назвать «обыкновенными».

«В этом году мне исполнилось семьдесят два года. Во время атомной бомбардировки я был на работе — на скотобойне в западной части Хиросимы, около канала. Я услышал оглушительный грохот, и какая-то сила подбросила меня в воздух и швырнула спиной на бетонную площадку перед конторой. Одет я был, как обычно в летнюю жару, — рабочий фартук поверх майки. На бойне мы все ходили босиком. Осколки стекла впились мне в ноги. Я потерял сознание, но все равно странный звук сверлил мне мозг».

«В конце ноября 1946 года у меня неожиданно начали сильно болеть глаза. Я обратился в больницу для жертв атомной бомбардировки, но зрение продолжало ухудшаться день ото дня. Обошел всех врачей в Хиросиме и в пригородах, но было поздно».

«До бомбардировки я не знал, что такое лекарства. После взрыва почувствовал, что силы покидают меня, а в декабре прошлого года дело дошло до операции печени и удаления аппендицита. Во время операции врач обнаружил, что поджелудочная железа тоже не в порядке. Когда начались работы по восстановлению канала реки Отагава и в его направлении прямо через наш район проложили трамвайную линию, пришлось нам с соседями переехать на новое место. Сколько раз я помышлял о самоубийстве, но потом одумался: какой смысл лишаться жизни раньше положенного срока».

Бывший мясник, похоронив жену, жил с племянником, единственным уцелевшим родственником, который был с детства парализованным. После женитьбы племянника старик остался один. Он с юмором рассказывает о своей жизни: «Люди сочувствуют беспомощному слепому. Они помогают мне чем могут, даже приносят мне сигареты и говорят: «Вон какую хорошую подобрал на улице!»

Одинокая женщина семидесяти четырех лет, дающая уроки игры на кото *, рассказывает: «Меня обучали игре по нотам, я и сейчас помню все упражнения. Теперь я передаю свое умение другим, потому что мне приятно вспоминать далекие дни молодости. Кото отвлекает меня от всех мыслей. Я снимаю очень удобный дом, у него есть черный ход. Много времени уходит на Билла, мою собаку. После бомбардировки я поняла: если человек теряет все, он при этом и что-то приобретает».

Другая женщина тех же лет говорит о себе: «Самое полезное

для меня — ходьба. Когда у меня нет никаких дел, я подолгу хожу по улицам. Люди говорят мне вслед: «Вот это скороход!» Муж мой погиб в Маньчжурии, младшая сестра умерла на Окинаве. Ее старший сын был убит в Центральном Китае, а имя младшего можно увидеть на памятнике окинавским студентам, погибшим на полях сражений. Я живу на то, что дает мне социальное обеспечение, подрабатываю у соседей — выполняю разные поручения, сторожу дом, когда хозяева отлучаются. Концы с концами свожу, только вот за радиоточку трудно платить. Одно у меня осталось желание — съездить на Окинаву, праху племянника поклониться».

Таких одиноких стариков я бы назвал «неподдающимися отчаянию». Решимость слепого мясника не совершать самоубийство может быть приписана его исключительной силе воли. Мужество женщин, перешагнувших седьмой десяток, вероятно, определяется самой причастностью к кругу жертв атомной бомбардировки, которая помогла им преодолеть пессимизм.

Старая музыкантша признается: «Даже я, человек совершенно одинокий, нашла друзей, вступив в Ассоциацию жертв атомной бомбардировки».

Женщина, поддерживающая силы ходьбой, отмечает: «С той поры как в 1960 году я стала членом отделения Ассоциации в районе Минами, я забыла тоску сиротливой жизни. На собраниях мы делимся нашими горестями и радостями, распределяем пожертвования, которые нам присылают незнакомые люди со всех уголков страны. Отзывчивость, теплота людских сердец дают мне мужество продолжать жизнь».

Одинокие старики, юная мать, хотевшая увидеть мертвого младенца-урода, вкладывают в слово «мужество» разный смысл, но оно в их устах обладает высокой нравственной силой.

В своих записках я уже упоминал о Садао Миямото, «последнем» пациенте больницы для жертв атомной бомбардировки, который горячо интересовался движением за мир. Он был из числа «неподдающихся отчаянию», как и те одинокие старики, презревшие самоубийство. С. Миямото всегда огорчался, если больные делали что-нибудь не так, как положено. Всегда высказывал свое мнение. Он отличался от других чувством собственного достоинства. На панихиде один из его знакомых по больнице сказал о Садао Миямото: «Ты был тяжелым, деспотичным, но самым искренним человеком среди нас».

Постоянное недовольство Садао Миямото объяснялось, видимо, тем, что он не считал себя отшельником, которого больница оторвала от мира и сосредоточила на страданиях. Он воспринимал обитателей больницы как своеобразный коллектив и не щадя сил боролся за образцовый порядок в нем. Он следил за дисциплиной не хуже администратора — запрещал приносить в палату посуду из столовой, требовал, чтобы не забывали выключать газовые плиты в бытовой комнате. Он был мастером

на все руки: из спичек и картона делал макеты замков, фигурки Таро Урасимы* с маленькими ракушками и раскрашивал поделки золотой краской.

Каждый день Садао Миямото был наполнен заботами, для отчаяния времени не оставалось. Настал день, когда его ловкие руки стали холодными как лед, и он не снимал перчатки даже в помещении. Пальцы больше не повиновались хозяину.

Я отмечал, что в предсмертной записке Садао Миямото следует обратить внимание на фразу о людях, которые «продолжают борьбу до последней мучительной минуты смерти». Я писал, что его слова не означают борьбы со смертью, попытки избежать ее или стремления обрести новую жизнь. Они говорят лишь о том, что весь путь жертвы от взрыва атомной бомбы до порога мученической смерти — это непрерывная борьба с физическими и нравственными страданиями. Я не думаю, что Садао Миямото, уже встретивший смерть, ошибся, употребив предлог «до» в указанном предложении. Словами «продолжают борьбу до последней мучительной минуты смерти» он хотел выразить самые сокровенные мысли. Насколько я могу судить, Садао Миямото вложил в прощальное послание всю силу своего гуманизма. Он не потерял мужества, даже сознавая, что его ежедневная борьба неизбежно ведет к жестокой кончине. Садао Миямото — поистине вершина нравственного совершенства.

Если нам второй раз придется увидеть над головой адское пламя атомной бомбы, то уцелевшим в море мертвых нужно будет обратиться к мудрости моралистов, «судий человечности» нашего ядерного века — хиросимцам, на долю которых выпала первая в истории цивилизации атомная трагедия.

Если же нам посчастливится навсегда избавиться от ядерной войны, все равно нельзя предавать забвению опыт хиросимцев, переживших самые страшные дни рода человеческого.

Что должны сделать мы, чтобы сохранить и передать следующим поколениям правду о нравственном совершенстве хиросимцев? Уже сейчас в Хиросиме трудно разыскать тех удивительных людей, о которых несколько лет назад писали газеты. Мы обязаны к двадцатилетию трагедии составить «Белую книгу» о последствиях атомной бомбардировки, документ, который увековечит нравственную красоту хиросимцев.

О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ДОСТОИНСТВЕ

Октябрь 1964 года

О чем мы, японцы, и я, в частности, не должны забывать в наш век стремительного распространения ядерного оружия, когда, по свидетельству составителей «Белой книги» о последствиях атомной бомбардировки, осью времени стала не столько атомная трагедия, сколько ужас перед мощью этого оружия?

Разумеется, о Хиросиме. О человеческой трагедии, постигшей Хиросиму. Кроме того, мы должны помнить, как сложно было преодолевать подобное несчастье, как складывалось новое мировосприятие у жителей Хиросимы, восставшей из небытия. Во что могут и должны верить сейчас эти люди?

Я хочу запечатлеть Хиросиму в памяти людей. Хиросима подобна ране, зияющей на теле человечества. В этом городе к свету тянутся два ростка — стремление к возрождению и угроза разложения. Если мы, японцы, не будем помнить о Хиросиме, то побеги возрождения в этом уголке планеты Земля зачахнут и начнется упадок.

В наш ядерный век еще вчера политическим идеалом для многих японцев были страны, которые не использовали потенциальную возможность иметь ядерное оружие, например КНР. А сейчас, когда я пишу эти записки, Китайская Народная Республика уже перестала быть такой страной.

Мысль написать книгу о Хиросиме появилась у меня в то время, когда в Китае проводились ядерные испытания.

В ту ночь у меня беспрерывно звонил телефон. Вместо того чтобы отвечать на вопросы журналистов, я решил написать о Хиросиме все, что я знаю и чувствую, вернее, я хотел вновь осмыслить события тех лет.

Из путевых блокнотов родились «Хиросимские записки». Я хочу написать о том, что я, один из японцев, открыл для себя в результате частых поездок в Хиросиму. Я хочу рассказать о человеческом достоинстве, которое открыл для себя в хиросимцах, хотя я, вероятно, так и не смогу дать точного его определения. Скорее всего, я никогда не пойму того, что называют человеческим достоинством. Человеческое достоинство — это проблема, которая мучает меня с детства.

Один из хиросимских стариков пытался совершить харакири в знак протеста против возобновления ядерных испытаний. Поступок старика не взволновал меня, потому что я не увидел в нем ничего, кроме уязвленного самолюбия. Но когда я узнал, что он не смог покончить с собой из-за физической слабости и признал свое намерение недостойным, я был глубоко потрясен. Стоит ли оставаться в живых ради того, чтобы быть прикованным к больничной койке? Есть ли смысл в такой жизни? Старик нашел его — на склоне трагической жизни он сумел обрести подлинное человеческое достоинство, он обрел его только тогда, когда нашел в себе моральные силы жить. Так я понимаю слова «человеческое достоинство».

В Хиросиме я часто записывал слово «достоинство» в свои блокноты. Я находил достоинство и в пожилом профессоре, возглавляющем в Хиросиме движение за мир, и в рано состарившихся женщинах и их мужьях, и в старой женщине, члене редколлегии журнала «Реки Хиросимы», издаваемого Комитетом матерей Хиросимы. Но достоинство этих людей носит особо гуманный характер. Это то человеческое достоин-

ство, о котором я мечтал с детства и сомневался, смогу ли когда-нибудь обрести его. Сейчас я нахожусь во власти этого гуманного достоинства хиросимцев, которое открыл благодаря частым поездкам в Хиросиму.

Достоинство доктора Сигэто, главного врача больницы для пострадавших от атомной бомбардировки, и благородство его души не проистекают из его служебного положения. Я хочу коснуться, насколько это здесь возможно, истории лечения лучевой болезни.

Я уже писал о том, что в Хиросиме медицинскую помощь жертвам атомной бомбардировки начали оказывать не власти — ее буквально на пустом месте стали налаживать люди с нестигаемой волей, которые своей деятельностью в некотором смысле сопротивлялись авторитету властей. Можно сказать, что вся деятельность хиросимских врачей, направленная на исследование причин происхождения и лечения лучевой болезни, пронизана духом борьбы против оккупационных властей и консервативного правительства Японии. Собственно говоря, правительство не только не строило больницы для жертв атомной бомбардировки, но и не оказывало поддержки ее созданию. Она была построена на деньги, полученные от продажи новогодних открыток, распространенных хиросимской больницей Красного Креста. Откуда же в Хиросиме взялись люди с таким высоким человеческим достоинством?

Я хочу рассказать, как пришло в мир моих слов понятие «достоинство». С детских лет у меня сохранилось воспоминание о нем. Это слово стало обретать в моем сознании определенный смысл, когда я, поступив в университет, начал читать французскую литературу. В конце войны, когда я был мальчиком из горной деревни на Сикоку, меня мучала страшная дилемма. Сомнение зародилось во мне после фильма, увиденного в деревенском кинотеатре. В одном из эпизодов молодой солдат, попавший в плен к врагу, боясь под пыткой выдать военную тайну, покончил с собой. Фильм потряс меня, но в то же время посеял в моей душе страх. Мне стало казаться, что я окажусь на войне в таком же положении. Передо мной стоял сложный вопрос выбора. Я одобрял молодого солдата, но в то же время с присущими детям влюбленностью в жизнь и эгоизмом полагал, что на свете не может быть ничего, что бы стоило собственной жизни. Мне казалось тогда, что нет ничего страшнее смерти. Я не раздумывая выдал бы любую тайну, если б знал, что за молчание меня убьют. Смогу ли я когда-нибудь стать человеком стойким и нестигаемым и оставаться им до самой смерти? Ломая голову над мучившим меня вопросом, я прикинулся наивным и спросил отца, почему солдат покончил с собой. Я до сих пор помню его короткий ответ, слова взрослого человека, страшнее которых мне не приходилось слышать раньше. «Тот солдат? Его все равно бы убили, вырвав у него признание». Быть может, отец хотел таким образом восстановить в моей

душе покой, нарушенный смертью солдата, однако слова «все равно бы убили» вселяли в меня ужас. Меня, наверное, тоже бы убили, выпытав тайну. Я ненавидел себя и завидовал тем, кто решался покончить с собой, чтобы не выдать тайну. Вокруг меня не было людей, которые помогли бы мне переделать характер. Мне оставалось только фантазировать. Я предавался размышлениям о войне, о своих будущих фронтовых товарищах. Я хотел бы молча умереть за них. В то же время мысль об утрате собственной жизни не шла ни в какое сравнение со смертью посторонних людей. Смогу ли я думать о других? Разве жизнь не самое главное для человека? Если верить отцу, человек все равно умирает. Я был убежден, что рано или поздно окажусь перед выбором, и пытался воспитать в себе человека, способного умереть молча.

Война закончилась, когда я был еще мальчиком, и необходимость выбирать: жизнь или смерть — отпала. Все же вопрос о том, относиться ли я к людям, умирающим несломленными, или к тем, которых убивают покоренными, никогда не оставляла меня даже в лучшие годы юности. Эта проблема выбора поразила мой ум, как болезнь. Сейчас, когда юность миновала, она не стоит передо мной по-детски остро и прямолинейно, однако только теперь слова «достоинство», «унижение», «стыд» стали основополагающими в мире моих нравственных убеждений.

В Хиросиме я видел страшное унижение, но в той же Хиросиме я впервые столкнулся с проявлением высшего человеческого достоинства. Однажды я встретился со знакомой девушкой, которая вновь оказалась в больнице для пострадавших от атомной бомбардировки, и из разговора с ней понял, что она стыдится себя. Многие девушки в Хиросиме живут взаперти, стыдясь своих лиц, обезображенных келоидами. Как мы, не испытывающие чувств, которыми исполнены жертвы атомной бомбардировки, можем относиться к их переживаниям?

Девушка стыдится своего лица, изуродованного келоидными рубцами. Все люди для нее делятся на две группы — люди с келоидами и без них. Девушка с обезображенным лицом стыдится всех нормальных людей. Она чувствует себя неполноценной. Какую жизнь выбирает такая девушка? Один из путей — обратиться в бегство и жить взаперти в укромном уголке. Таких затворниц, несомненно, больше всего. Их молодость проходит в уединении. Девушек, идущих по другому пути, можно разделить на два типа. Одни хотят, чтобы в мире еще раз разорвалась атомная бомба и все люди на Земле получили бы такие же увечья. В этом они находят моральную поддержку. Никто не будет всматриваться в их обезображенные лица, все будет одинаково, и исчезнет самая страшная грань, разделяющая людей. Мне не раз приходилось слышать такие голоса. Но дает ли этим девушкам подобное умонастроение душевное равновесие? В конце концов им не остается ничего другого, как стать молчаливыми отшельниками.

Есть и другой тип. Девушки включаются в движение за запрещение ядерного оружия. Их оружие — обезображенное лицо; стыд и унижения, которые они приняли на себя за все человечество, предохраняют от повторения атомной трагедии. Моя классификация на самом деле, наверно, не нужна. Для того чтобы помочь хиросимцам преодолеть стыд, унижения и оскорбления, которые они переживали и переживают, для того чтобы действительно восстановить честь жертв атомной бомбардировки, необходимо укрепить идеологическое и нравственное значение Хиросимы для мирового общественного мнения как центра движения за полное запрещение ядерного оружия. Роль Хиросимы должны осознать и люди с келоидами, и те, у кого их нет.

Для восстановления человеческих прав жертв Хиросимы недостаточно запретить ядерное оружие сверху, государственными законами. Во имя разума и нравственности каждый человек должен включиться в борьбу за запрещение ядерного оружия. Найдутся, наверно, люди, которые сочтут меня сентиментальным. Но если бы у вас были безобразные келоиды и вы искали путеводную нить для преодоления психологических травм, наносимых физическим недостатком, разве вы не стали бы верить в то, что ваши келоиды имеют ценность в борьбе за ликвидацию ядерного оружия? Только эта вера поможет обрести смысл в жизни, наполненной страданиями и страхом перед мучительной смертью.

Если мы, японцы, и другие народы, которым случайно удалось избежать участи Хиросимы, задумываемся над тем, что такое Хиросима для Японии и для всего мира, задумываемся о жизни и смерти, стремимся к искуплению вины перед Хиросимой, не оставляющей наших сердец, если мы хотим, чтобы Хиросима восстала из пепла, то все мы должны последовательно противодействовать распространению ядерного оружия. Вероятно, в наш век есть люди, способные верить сказке о том, что оснащение какой-либо страны ядерным оружием ведет к ликвидации этого оружия. Действительность показывает, что с той поры, как мир ступил на путь ядерного вооружения, подобные предположения беспочвенны. Девушки, которых заманили в сказочный замок, где они расстались с молодостью, живя в затворничестве и стыдясь своих увечий, сами растоптали стремление к возрождению.

Надо сознаться, что любой человек на нашей планете пытается забыть Хиросиму и ее трагедию. Все мы стараемся как можно быстрее забыть свои невзгоды — и большие, и маленькие. Совершенно неудивительно поэтому, что человечество забывает о величайшей человеческой трагедии — Хиросиме. В учебниках для начальной школы нет ни слова о Хиросиме. В наши дни взрослые не пытаются передать детям память о Хиросиме. Те, кому посчастливилось выжить и не облучиться, забывают о погибших в Хиросиме людях, которые продолжают вести неравную борьбу со смертью. Погребя в памяти Хиросиму, мы

стремимся весело прожить в бешеной суматохе XX века.

В октябре 1964 года, когда на Олимпийских играх, взбудораживших Японию, для последнего этапа эстафеты, несшей священный огонь, выбрали юношу из Хиросимы, который родился в день атомной бомбардировки, один из американских журналистов и переводчиков японской литературы, хорошо знавший японцев, сказал, что этот выбор окажется невеселым для американцев, потому что напомнит им об атомной бомбе. Я не имел бы ничего против подобного выбора, если б на теле юноши были келоиды или явные следы облучения и он был бы настоящим «атомным ребенком». Такой юноша, которому, к счастью, удалось дожить до двадцати лет, действительно представлял бы хиросимцев, родившихся в те дни. Этот юноша был воплощением здоровья и являл собой образец силы и красоты человеческой плоти. Он летел по огромному стадиону с улыбкой молодости, не знающей тревог. А ведь он должен благословлять доктора Сигэто из хиросимской больницы для пострадавших от атомной бомбардировки, который посвятил жизнь здоровью будущих поколений. Настроил ли молодой бегун американцев на невеселые воспоминания об атомной бомбе? Мне кажется, что он навсегда стер Хиросиму из памяти Америки, тем более что желание забыть ее никогда не покидало американцев. У меня не хватает мужества представить, насколько страшна для жителей Хиросимы современная действительность, когда нет надежды на ликвидацию в ближайшее время ядерного оружия.

В Хиросиме я часто встречал пострадавших, которые хотели забыть свою трагедию и избегали разговоров об атомной бомбе. Если есть на свете люди, справедливо имеющие право без радости смотреть на юношу, несущего олимпийский огонь, так это только жертвы Хиросимы и Нагасаки. Вероятно, им даже необходимо забыть тот трагический день, для того чтобы суметь жить сегодня. В университете у меня был друг из Хиросимы, который за четыре года ни словом не обмолвился об атомном взрыве. Несомненно, у него есть на то право.

В годовщину атомной бомбардировки около памятника жертвам атомной трагедии и в других уголках Хиросимы я видел женщин, застывших на месте, в глубине их остановившихся глаз прятался ужас. На память пришли стихи Евтушенко о Хиросиме. Если бы я заговорил с этими женщинами, они, вероятно, продолжали бы хранить молчание. У них тоже есть право на молчание. Если бы было возможно навсегда забыть Хиросиму, они имели бы право и на это. Для них уже достаточно Хиросимы. Не руководило ли хиросимцами, переехавшими в другие города, желание навсегда вырвать из сердца Хиросиму и убежать от нее? Если бы только можно было избавиться от Хиросимы!

Невозможно забыть Хиросиму и убежать от нее, если у тебя лучевая болезнь. Вряд ли можно пытаться не думать о Хироси-

ме, лежа в больнице для пострадавших от атомной бомбардировки.

Прекрасный поэт Санкити Тогэ, умерший в Хиросиме, принимал активное участие в политической жизни. Один из его друзей писал, что «в апреле 1949 года, когда у Тогэ пошла горлом кровь, у него появился страх смерти. Он вступил в КПЯ, чтобы отдать последние силы борьбе и таким образом преодолеть страх». Чтобы победить страх смерти, необходимо верить, что живые не забудут тебя. Только так можно остаться частичкой в жизни живых. Садао Миямото вел активную работу в больнице, поддерживая бодрость духа в товарищах, а Санкити Тогэ стал коммунистом. Сейчас я со страхом думаю, не пропадет ли даром свершенное ими? Не чувствовал ли этого Садао Миямото на пороге смерти? Я не могу отделаться от предположения, не дающего ни минуты покоя: воздаем ли мы, оставшиеся жить на планете, должное самопожертвованию этих людей? Я бы назвал их святыми, хотя они не были верующими, а поэт Санкити Тогэ был коммунистом.

Конечно, уцелевшим хиросимцам гораздо легче молчать о человеческой трагедии, достигшей наивысшей точки, и постепенно забывать ее, чем тратить невероятные усилия на исследования и увековечение событий тех лет. Но тогда не испытывавшие Хиросимы не смогут представить себе чувства и мысли пострадавших в атомном кошмаре. Сейчас о Хиросиме говорят, пишут и собирают материалы те, у кого есть справедливое право молчать.

Женщины из журнала «Реки Хиросимы», люди, составляющие «Белую книгу» о последствиях атомной бомбардировки, доктор Сигэто, жертвы бомбардировки говорят о жестоких испытаниях, выпавших на их долю, говорят о своей Хиросиме. И в этом есть также непоколебимое достоинство хиросимцев.

Я до сих пор так и не знаю, смогу ли я обрести когда-нибудь истинное человеческое достоинство. Однако теперь я ясно вижу путь к нему. Надо всегда помнить о достоинстве хиросимцев.

НЕПОКОРЕННЫЕ

Ноябрь 1964 года

Сейчас, вероятно, найдется не много людей, придерживающихся противоположных точек зрения о событиях атомного лета 1945 года. В сознании каждого пострадавшего живет абсолютное зло, связанное с тем страшным августом, и добро, воплощенное в непрекращающемся поединке с несчастьем и борьбе за восстановление равновесия в мире. Тот миг, когда разорвалась атомная бомба, стал символом самого страшного преступления, содеянного человеком. Атомная бомба — это неистовствующий демон зла, чума современности. Вряд ли для душевного спокойствия тех, кто принимал участие в бомбарди-

ровке, достаточно было увереній в благом предназначении атомной бомбы, необходимой для скорейшего окончания войны. Атомная бомба является апофеозом зла, которое несет с собой война. На атомном пепелище родилось стремление к возрождению. В нем выразилась неистребимая человеческая жажда добра. Это была любовь к жизни, наполнявшая израненных людей. То, что свершают люди Хиросимы с того памятного летнего утра, можно сопоставить только с усилиями ученых создать атомную бомбу. Если верить в гармонию и порядок на Земле, то созидательная деятельность хиросимских врачей, направленная на спасение людей, может сравниться по силе только с мощью атомной бомбы. Вряд ли в тот момент, когда атомная бомба обрушилась на Хиросиму, в умах американских интеллигентов, чьими руками она была создана, не мелькнула мысль о неисчерпаемых человеческих силах. Они знали, что бомба, низвергнутая на Хиросиму, превратит ее в ад. Это можно было представить себе теоретически. Но они также знали, что даже такая бомба не сможет в одно мгновение стереть с лица Земли всю цивилизацию, они были уверены, что даже на атомном пепелище не умрет жажда людей к жизни, не погаснет стремление к возрождению, не возникнет ненависти к человечеству. Они были уверены, что из атомного ада найдется выход и что президент Трумэн не будет страдать бессонницей от воспоминаний о Хиросиме. Они знали, что на той земле, где упадет бомба, найдутся силы, способные превратить ад атомный в ад человеческий, более знакомый людям. Мне кажется, что американцы приняли окончательное решение сбросить бомбу и ввергнуть неприятеля в ад, полагаясь на парадоксальное истолкование гуманизма и «веру в человеческие силы». Сразу же после взрыва жители Хиросимы начали борьбу за возрождение. Конечно, это были в первую очередь усилия ради собственного спасения, но в то же время они облегчали бремя, лежавшее на совести сбросивших бомбу. Борьба, начатая двадцать лет назад, продолжается до сих пор.

«Вера в человеческие силы и гуманизм» сродни хватке волка, убивающего овцу и думающего о ее искупительной жертве. Я никак не могу избавиться от своих чудовищных предположений, и мне кажется, что это не просто плод моей фантазии.

Я вспоминаю терпение, с которым пострадавшие ждали своей очереди на осмотрах, проводимых американскими учеными, приехавшими в Хиросиму для изучения последствий атомной бомбардировки. Стоицизм пациентов был живым укором для американцев, но в то же время снимал с них эмоциональную нагрузку.

Вряд ли кому-либо, кроме политиканов, свойственно циничное рассуждение о том, что человек — это существо, которое всегда найдет путь к спасению, в какую грязь его ни втаптывай. Существует ли более низкое истолкование гуманизма?

Я почти не знаю Библии, но мне кажется, что бог, ниспославший всемирный потоп, верил в созидательные силы Ноя. На небесах, вероятно, случился бы переполох, если бы Ной оказался лентяем или от отчаяния не нашел в себе сил к возрождению жизни на Земле и Земля навсегда оказалась бы погребенной необозримыми водами. К счастью, Ной был наделен способностями, и всемирный потоп не породил анархию, как полагал бог, а установил порядок на Земле. Бог заранее верил в торжество гармонии. Но не был ли такой бог подлецом?

Атомная бомба над Хиросимой была всемирным потопом XX века. Оказавшиеся в самом водовороте потопа хиросимцы начали биться за возрождение. Они пытались спасти свои жизни, помогая тем самым спасению душ людей, сбросивших на них атомную бомбу.

Работа, начатая хиросимскими врачами в волнах всемирного потопа, сопровождалась невероятными трудностями. В Хиросиме среди врачей была проведена анкета, которая в мирные дни кажется недопустимо жестокой и трагичной. Я не помню более страшной анкеты из всех, которые проводились в послевоенные годы. Она состояла из спокойных и деловых вопросов, ответы на которые заставляли содрогнуться.

В 1958 году Общество врачей Хиросимы распространило эту анкету, написанную на четвертушке бумаги, среди членов Общества жертв атомной бомбардировки. Ответы на анкету приложены к «Истории лечения лучевой болезни в Хиросиме»; к некоторым из них прикреплены записки с выражением соболезнования умершим вскоре после опроса. Составитель «Истории» не усмотрел ничего страшного в этих ответах. Многие из них были написаны неразборчиво, и мне пришлось читать с помощью лупы.

1. Где Вы находились в момент взрыва, в 8 часов 15 минут 6 августа 1945 года (в армии, в эвакуации, в Хиросиме)?

2. Приступили ли Вы к оказанию медицинской помощи сразу же после взрыва (укажите место и время)?

3. Пострадали ли Вы от взрыва (раны, ожоги, тяжелые увечья)?

4. Оказывали ли другие врачи медицинскую помощь пострадавшим (да, нет)?

Иными словами, анкета откровенно спрашивала членов Общества врачей Хиросимы, выполняли ли они свой долг в те дни. Врачам, которые, не пострадав, убежали из Хиросимы, уклонившись тем самым от оказания первой помощи, листок с этими вопросами жег руки. По-человечески понятно, что некоторые не нашли в себе сил для выполнения врачебного долга, и такая анкета отняла у них покой. Врачи честно ответили на все вопросы. Привожу несколько ответов. В скобках после имени указывается расстояние от эпицентра взрыва, на котором находился отвечающий.

НОБУО САТАКЭ (1,1 км) — находился в районе Фудзимитё. Ранения в голову. Медицинскую помощь начал оказывать со дня взрыва. 7 сентября 1945 года от лучевой болезни умерла жена. К 10 сентября у меня выпали волосы, поднялась температура, повысилось давление, появились и другие симптомы лучевой болезни, поэтому пришлось оставить работу. Обострение заболевания продолжалось три недели, а затем я снова начал оказывать помощь пострадавшим.

ТАКЭХАРУ ЦУТИЯ (1,5 км) — находился дома в районе Сэндамати. Легкие ранения головы. Среди членов семьи были пострадавшие, поэтому пришлось отправиться с ними в уцелевший дом в районе арсенала, и там меня обязали присоединиться к группе врачей, которую возглавлял покойный Хидэо Юки. С ними я работал до конца войны, а затем был переведен в лечебный пункт, созданный для жертв атомной бомбардировки в одной из окрестных деревень, и проработал там до октября 1945 года.

САДАДЗИ ЁНЭДЗАВА (1,4 км) — находился в районе Фунаири Хонмати. Повреждены обе руки. Ранения в грудь и ноги. С 6 по 8 августа оказывал помощь в народной школе Фунаири вместе с Хидэо Фурусавы, скончавшимся от лучевой болезни через десять дней после взрыва.

КУНИТАМИ КУНИТОМО (1,7 км) — находился в своем доме в районе Хакусима-кукэнтё. Выбравшись из рухнувшего дома, где начался пожар, провел ночь на берегу реки неподалеку от дома. На следующий день, 7 августа, отправился как бы, в испачканной кровью рубашке, на медицинский пункт около моста Канда и приступил к работе. Ощущал зуд во всем теле, усталость, затем пропал аппетит, выпали волосы. Весной 1948 года тело покрылось красновато-синей сыпью и нарывами. Умер в марте 1949 года от лучевой болезни. (На вопросы ответили родственники покойного.)

Как свидетельствуют ответы на анкету, сразу же после взрыва хиросимские врачи начали оказывать медицинскую помощь пострадавшим, несмотря на то, что сами получили ранения. Врачи и их страдающие пациенты не знали, какое зло обрушилось на Хиросиму, и очень волновались из-за того, что не знают, не представляют себе, как с ним бороться. По записи в дневнике Ёсимасы Мацудзакэ, старейшины Общества врачей Хиросимы, можно представить, какой была первая помощь пострадавшему сразу же после атомного взрыва.

«Я буквально вырвался из лап смерти. Нужно было оказывать помощь пострадавшим. Я подстегивал себя, чтобы сделать шаг вперед. Так я добрался до первого полицейского участка, расставил уцелевшие лавки, прикрепил к шести флагу и с тремя медицинскими сестрами с помощью окружающих приступил к работе. Под руками оказался чемодан с самым необходимым, который домашние держали на случай налета авиации. Форма отряда гражданской обороны, пожарная каска, часы, две тысячи

иен, носки и национальный флаг, находившиеся в чемодане, сразу же пошли в дело. Медикаментов не было, все сгорело. В полицейском участке нашлось немного какого-то масла и красной жидкости, похожей на настойку. Первая помощь сводилась к тому, что мы смазывали ожоги маслом, а раны настойкой. Пострадавшим, находившимся в шоковом состоянии, начальник участка выдавал виски. Главная задача состояла в том, чтобы морально воодушевить раненых, которые продолжали подходить к нашему пункту. Видя врачей, пострадавшие успокаивались и ждали прибытия спасательных отрядов».

Во время атомной бомбардировки в Хиросиме находилось 298 врачей разных профилей. По распоряжению штаба противовоздушной обороны им предписывалось находиться в городе. На таком же положении были фармацевты, медицинские сестры, акушеры и санитары. Сразу же после взрыва они начали свою героическую деятельность. Инициаторы проведения анкеты не нашли ничего удивительного в ответах врачей именно потому, что они сами работали с ними бок о бок и самоотверженность хиросимских врачей стала для них привычной.

Во время взрыва погибло шестьдесят врачей; 238 врачей (в том числе зубных), 28 фармацевтов, 130 медицинских сестер смогли приступить к оказанию медицинской помощи. Врачам и медицинским работникам, самым тяжело раненым, о чем свидетельствует анкета, нужно было оказать помощь десяткам тысяч пострадавших хиросимцев. Были, конечно, случаи, когда врачи впадали в отчаяние. Один зубной врач покончил с собой. Он оказывал помощь пострадавшим, хотя у него были сильные ожоги и переломы обеих рук. В результате перенапряжения он впал в депрессию. Это было естественное состояние нормального человека после многих дней переживаний и изнурительной работы. Однажды он пришел к своему старшему коллеге и спросил, почему Хиросиме пришлось пережить такую трагедию, когда война уже окончилась? Не получив ответа, через полчаса он повесился на крюке, торчавшем из разрушенной стены. Молодой врач, вероятно, почувствовал, что для хиросимцев самая жестокая война еще впереди. Сознание того, что эта война (которая продолжается вот уже двадцать лет), быть может, никогда не окончится и последующие поколения будут стоять перед проблемой лучевой болезни, толкнула его на смерть. У врача было слишком живое воображение, которое оказалось непосильным для молодости. Его история позволяет нам понять истинную цену той деятельности, которую ведут врачи Хиросимы, нашедшие в себе силы жить и работать.

Горстка израненных медиков проявила отчаянную храбрость, залечивая раны маслом и настойкой в городе, погребенном под трупами. Именно их мужество было первым вестником того, что Хиросима возродится после всемирного потопа.

Литература XX века пришла к открытию различных «пограничных ситуаций». Большинство таких ситуаций связано с

проявлениями человеческого зла или стихийных бедствий. Если слово «зло» рассматривать как этическую категорию, его в определенной ситуации можно заменить словом «нерациональность». Война, буря, всемирный потоп, чума, рак. В любом случае признаки надежды и выздоровления, стремления к добру, ростки порядка и разумности не проявляются в сверхъестественных формах, а носят будничный характер. Когда, например, один из городов Северной Африки оказался в «пограничной ситуации» — началась чума, — врачи и горожане не спеша и по-обывательски решали, бороться им или положить на судьбу.

Люди, способные пронизательно оценить обстановку в «пограничных ситуациях», часто приходят в отчаяние. Бороться способны только те, кто подходит к таким ситуациям с привычных позиций повседневности. Именно способность смотреть на невероятное сквозь призму обыденности не дает человеку отчаиваться и рождает небывалую храбрость. Подобное отношение к происходящему может показаться признаком недалекого ума, однако за этим кроются человеческое терпение и самообладание.

Высказывались предположения, что после атомного взрыва на земле Хиросимы в течение семидесяти пяти лет не появятся ни травинки. Что это? Слова глупцов, спешащих сделать поспешные выводы? Нет, скорее всего мнение людей, слишком трезво оценивающих «пограничные ситуации». Вскоре их прогнозы были опровергнуты. Уже в конце лета дожди взрастили на пепелище первые ростки. Подлинное разрушение скрывалось, вероятно, глубже. Под микроскопом было видно, что клетки листьев деформированы и напоминают уродливо расплзшуюся ткань. Точно так же выглядели пораженные ткани человеческого тела. Быть может, все растения, так буйно цветущие теперь в Хиросиме, несут в себе начало рокового разрушения.

Когда на ваших глазах на сгоревшей земле вырастают молодые травы, силы воображения, рождающие отчаяние, притупляются до нового невероятного события. В противном случае невозможно преодолеть «пограничную ситуацию» и сохранить равновесие, необходимое в нашей жизни. Иначе в Хиросиме существовать нельзя. На земле, где не было надежды на то, что в ближайшие десятилетия вырастет трава, люди оказались в состоянии объединить свои слабые усилия, и вскоре появились оптимисты, поверившие в молодые побеги.

Люди, которые не впадают в отчаяние и не витают в облаках, должны быть гуманистами в полном смысле этого слова. Летом 1945 года Хиросима нуждалась в настоящих гуманистах, и они нашлись. В пору крайнего отчаяния, впервые выпавшего на долю человечества, в Хиросиме продолжала жить жажда жизни.

Врач ничего не ответил на вопрос своего младшего коллеги — почему люди Хиросимы обречены на страдания, когда

война уже окончилась, а новая, более жестокая, еще только начинается. Да и мы, человечество, тоже не нашлись бы, что ответить, если бы вопрос молодого врача прозвучал на весь мир. На такой вопрос нельзя найти разумного ответа. Никто не может на него ответить. Старший коллега молчал, устав после бессонных ночей работы. Через полчаса молодой врач повесился. Не потому, что молчал его коллега. Он понял, что все человечество погружено в молчание. Ничто не могло в такой ситуации спасти от самоубийства человека, доведенного до отчаяния. Молодой врач повесился, а его старший коллега, не теряя присутствия духа, продолжал спасать пострадавших. Вряд ли в душе не задавал себе он того же вопроса. Быть может, им владело еще более горькое отчаяние. Скорее всего он не позволил себе смириться с судьбой и покончить жизнь самоубийством. С каким грузом на сердце он снимал с крика тело врача, тело молодого человека, умершего не от переломов и тяжелых ожогов, а от душевных ран? Каждый вечер во дворе больницы сжигали трупы. Врачу не оставалось ничего другого, как положить тело коллеги на гору трупов. С тяжестью на сердце. Неразумный вопрос, почему люди Хиросимы должны страдать, когда война уже окончилась, не сгорел вместе с останками молодого врача. Он продолжал звучать в тайниках памяти его старшего коллеги. И сейчас, двадцать лет спустя, этот человек не покорился, не позволяет себе покориться.

У этого врача, доктора Фумио Сигэто, было больше причин отчаиваться, потому что он прекрасно понимал предчувствия и страх, охватившие его молодого коллегу. За неделю до бомбардировки доктор Сигэто приступил к работе в хиросимской больнице Красного Креста. День, когда впервые в истории человечества разорвалась атомная бомба, на всю жизнь соединил доктора с Хиросимой и сделал его настоящим хиросимцем. Истекая кровью, струившейся из головы, доктор поднялся на ноги и сразу же поспешил от хиросимского вокзала, где он оказался во время взрыва, через горящий город к своей больнице, находившейся поблизости от эпицентра. В первые мгновения в Хиросиме царила тишина. Неожиданно город огласился отчаянными воплями. Они не утихали ни на минуту, когда доктор приступил к оказанию помощи в больнице. От трупов, громоздившихся на больничном дворе, исходил смрад.

Дайте воды! Дайте воды!
А-а-а!... Напайте!..
Ах, умереть бы скорей!
На помощь!.. На помощь!..
Воды!
Воды!
По-мо-ги-те!
О-о-о!.. О-о-о!
Рухнется небо.

Улиц не видно.
Клокочет река.
О-о-о!.. О-о-о!
Ночь наступает.
В глазах невидящих — пламя.
На губах запекшихся — пламя.
Воды!.. Воды!! Воды!!!
Стон человеческого слышится.
Толпы обугленных тел.
Бегущих, ползущих на четвереньках.
Пить!.. Пить!! Пить!!! —
Стонут в огненном море¹.

Доктор Сигэто, оказывая помощь пострадавшим, шаг за шагом приближался к страшной правде о чудовищных свойствах взрывчатого вещества. С молодых лет, когда он был стажером на кафедре терапии в Университете Кюсю, доктор Сигэто увлекался радиологией. Доктор подобрал на улице черепицу, на которой осталась неясная тень травы. Это навело его на мысль о радиоактивном воздействии невиданной бомбы. Его догадки подтвердились, когда ученые, приехавшие через три недели после взрыва из Токио, определили, что бомба была атомной.

Характер несчастья, которое внезапно постигло Хиросиму и превратило город в руины, был установлен, однако местные врачи не получили никаких рекомендаций относительно мер для оказания помощи пострадавшим. Доктор Сигэто и его коллеги лишь убедились в том, что их враг страшен и силен. Лечение сводилось к операциям и инъекциям камфоры и питательных растворов.

Когда картина острой лучевой болезни стала более или менее ясна, врачи вновь столкнулись с проблемой ее лечения. Профессор Цураюки Асакава, заведовавший терапевтическим отделением в больнице Красного Креста, откровенно рассказывает о поединке врачей с лучевой болезнью в «Истории лечения лучевой болезни в Хиросиме»: «Люди, у которых не было никаких ран, по непонятной причине становились вялыми и слабыми. В выделениях появлялась кровь, она часто шла из носа. На коже образовывались мелкие кровоизлияния, и человек умирал. Сначала причина смерти оставалась загадкой. Обычно врачи, не зная точного диагноза, первым делом исследуют кровь. Меня поразило количество эритроцитов. Лейкоцитов было чрезвычайно мало. Человек с такой кровью выжить не может».

Препаратов для лечения лучевой болезни не было. Никто не знал причин возникновения кровотечений. Когда они начина-

¹ Стихотворение хиросимского поэта Тамики Хары «Дайте воды!». Пер. А. Мамонова.

лись, больные знали, что находятся на пороге смерти. Зимой 1946 года больные, пораженные лучевой болезнью в тяжелой форме, перестали умирать, и казалось, что проблема этого заболевания исчезла.

Однако на них надвигался еще более коварный враг — лейкемия. Сокрушительная сила нового врага становилась очевидной, но врачи не сдавались, иначе говоря, они отвергали покорность, хотя не было никакой надежды на успех. Если бы они пали духом, то «История лечения лучевой болезни в Хиросиме» закончилась бы несколькими страницами, рассказывающими о поражении. Даже американские врачи, прибывшие в Хиросиму вместе с оккупационными войсками, не знали, с какой стороны подойти к лейкемии, этому зловещему привидению. Американцы начали медицинские исследования, пытались нащупать нить, ведущую к разгадке болезни. Американские медики использовали в своих исследованиях результаты работы оставшихся в живых врачей Хиросимы, которых не сломили никакие испытания.

Чем страшнее и грознее соперник, тем мужественнее становятся врачи Хиросимы, и все, кто верит в конечную гармонию на Земле, должны помнить о неравной борьбе врачей Хиросимы, продолжающейся на протяжении двух десятилетий.

ЧЕЛОВЕК, СОХРАНИВШИЙ ВЕРНОСТЬ СВОЕМУ ДОЛГУ

Декабрь 1964 года

Писатели часто используют сюжет о путешественнике, случайно попавшем в какой-либо город, где обстоятельства вынуждают его остаться. Фумио Сигэто, главный врач больницы для пострадавших от атомной бомбардировки, оказавшись в Хиросиме, разделил судьбу героев произведений с этим распространённым сюжетом. В тот роковой день 1945 года Хиросима была ему совсем чужой. Когда в городе свирепствует чума, вводится особое положение и город превращается в изолированный остров. Хиросиму, оказавшуюся во власти самой страшной чумы современности, не изолировали от мира, но доктор Сигэто с того самого дня сам приковал себя к этому городу. Сразу же после взрыва он вместе со своими коллегами приступил к оказанию первой медицинской помощи пострадавшим. И вот уже двадцать лет доктор Сигэто борется с последствиями атомной бомбардировки. Двадцать лет он стоит лицом к лицу с трагедией Хиросимы. Двадцать лет стойкости и мужества. За долгие годы поединка, пожалуй, не было мгновения, когда врачи могли бы почувствовать полную победу над злом. Соперник отступал, но не сдавался. Доктор Сигэто — классический пример несгибаемой воли, присущей хиросимским

врачам. Он ведет борьбу не только на поприще медицины, но и в политической и социальной сферах.

В кабинете доктора в больнице для пострадавших от атомной бомбардировки хранятся два труда, отражающие первую ступень изучения лучевой болезни, когда исследования велись буквально на ощупь. Одна работа называется «Статистика алопеции после взрыва атомной бомбы». Название труда показывает, что изучение лучевой болезни начиналось с ее конкретных проявлений. Исследователю было ясно, что за катастрофически большим количеством случаев выпадения волос у людей кроются еще более опасные симптомы.

Вторая работа — «Лейкемия у жертв атомной бомбардировки Хиросимы и клинические случаи заболевания» — принадлежит студенту-стажеру Такусо Ямаваки. В этой работе, опубликованной в 1952 году Обществом гематологов, впервые публично заявлено о связи лейкемии с атомной бомбардировкой.

Местные врачи быстро заметили развитие лейкемии у пострадавших. Доктор Сигэто был одним из первых, кто догадался об истинной причине распространения лейкемии в Хиросиме. Терапевты, естественно, высказали свои подозрения на страницах газет, однако американские ученые, прибывшие в Японию для изучения последствий атомной бомбардировки, подвергли их резкой критике. Жители Хиросимы, таким образом, не связывали лейкемию с атомной бомбардировкой. Доктор Сигэто поделился своими догадками с молодым стажером Ямаваки, и тот приступил к сбору материала по созданию статистики лейкемии. В то время в Японии не было ни одного исследования этого заболевания. Существовал список больных в Хиросиме, но он не давал полной картины распространения лейкемии. Молодой врач направил во все университетские клиники страны письма с просьбой рассказать о случаях заболевания лейкемией. Он изучил около 30 тысяч историй болезни умерших после войны от лейкемии, беседовал с врачами, лечившими этих больных.

Американцы, узнав о работе Ямаваки, предоставили ему автомобиль, что ускорило сбор материалов. Молодому врачу повезло, потому что группа американских ученых, прибывших в Японию, не уделяла должного внимания изысканиям японских коллег. Через два года работа была завершена.

Сейчас Ямаваки занимается педиатрией и имеет собственную практику в Хиросиме. Нынешняя его работа никак не связана с его прежним трудом, «Лейкемия у жертв атомной бомбардировки Хиросимы и клинические случаи заболевания». В голосе педиатра чувствовалась грусть, когда он говорил о работе над своим исследованием. Вопрос, почему же он не продолжает изучение лейкемии, показался Ямаваки неожиданным. Вскоре я понял неуместность своего вопроса. Мы, приезжие, часто встречаем в Хиросиме людей, которые представля-

ются нам святыми, принесшими себя в жертву. Конечно, мы видим Хиросиму глазами туристов. Исследование Ямаваки сыграло свою роль: молодому врачу присвоили степень доктора медицинских наук, и у него появилась возможность заняться частной практикой. Действительно, проще не вваливать на себя непосильное бремя и не продолжать борьбу с лучевой болезнью, как делает это доктор Сигэто.

Поговорив с Ямаваки, я отправился в больницу для пострадавших от атомной бомбардировки, чтобы узнать у доктора Сигэто, может ли молодой врач, получив ученую степень, продолжать работу в области исследования лучевой болезни. Вот что сказал доктор: «Сотрудники, занимающиеся научной работой, настойчиво изучают лучевую болезнь, но я не беру на себя смелость утверждать, что для молодых врачей эта тема настолько перспективна, чтобы посвятить ей жизнь. У молодого специалиста не будет будущего, если он займется только лучевой болезнью».

Какой горький смысл заложен в этих словах! Доктор Сигэто, занимающийся изучением лучевой болезни с момента взрыва и до наших дней, по словам Ямаваки, — редкое исключение. Работа в больнице, совершенно непригодной для научной деятельности, ежедневный поединок с последствиями атомной бомбардировки не прельщают молодых врачей. Профессор выбрал способного студента и довел его до защиты диссертации, ставшей серьезным шагом в изучении лучевой болезни. В то же время молодой врач обеспечил себе будущее, получив степень доктора медицинских наук.

От доктора Сигэто я узнал, с какими трудностями пришлось столкнуться Ямаваки, прежде чем он был удостоен звания доктора медицины. Как только исследование «Лейкемия у жертв атомной бомбардировки Хиросимы и клинические случаи заболевания» появилось в печати, на него посыпались резкие нападки, потому что в работе, как я уже говорил, проводилась связь между лейкемией и атомной бомбардировкой. Доктору Сигэто стоило немалых усилий, чтобы защитить своего ученика от нападок журналистов и политиков. Диссертация не получила должной оценки и в обществе гематологов, потому что последствия бомбардировки тогда еще не продемонстрировали в полной степени своего демонического могущества. Кроме того, специалисты усматривали слабость работы в том, что она, действительно свидетельствуя о распространении лейкемии, научно не доказывала принципиальных причин ее возникновения.

Доктор Сигэто в течение двадцати лет после войны, вернее после атомной бомбардировки, несет повседневную ответственность за лечение пострадавших хиросимцев. Ему приходится совмещать работу в двух местах: быть главным врачом больницы Красного Креста и больницы для пострадавших от атомной бомбардировки. Больница не является научно-исследователь-

ским учреждением, это клиника, так же как и доктор в первую очередь практик, а не исследователь. И тем не менее врачи из больницы для пострадавших от атомной бомбардировки сочетают врачебную практику с исследовательской работой. Об этом необходимо помнить, когда работу хиросимских врачей сравнивают с деятельностью американских ученых, прибывших в Японию с чисто научными целями изучения последствий атомной бомбардировки.

Хиросимские врачи, борясь с неведомым атомным чудовищем, которое гнездится в человеческой плоти, и леча пострадавших, буквально шаг за шагом проникают в тайны болезни. Глубокого уважения заслуживает научное обоснование хиросимскими врачами последствий радиоактивного облучения для человеческого организма. Нередко врачи шли по ложному пути и оказывались в тупике, но это была только отсрочка перед новым наступлением. Такие моменты, вероятно, были необходимы и для пациентов, и для самих врачей, которые вот уже двадцать лет ведут борьбу с общим врагом.

Сейдзи Имахори в книге «Атомный век» отмечает, что к концу 1945 года количество смертных случаев и болезней, вызванных атомной бомбардировкой, уменьшилось, поэтому распространилось мнение, будто «атомная болезнь» отступила. В документах о различных эпидемиях холеры и чумы часто упоминаются периоды временного затишья. То же произошло и в Хиросиме. Хиросимцы оправились от первого шока, вызванного атомным взрывом. После затишья вновь налетает буря, уносящая ростки надежды. Люди переживают еще более глубокое потрясение.

Осенью 1945 года группа американских ученых выступила с заявлением о том, что «люди, подвергшиеся смертельной дозе облучения, больше не умирают и остаточная радиация уже не оказывает разрушительного влияния на человеческий организм». Заявление, разумеется, преследовало политические цели. В городских больницах стало меньше больных, однако это было вызвано не только некоторым улучшением их состояния, но и тем, что в палатах, продуваемых насквозь ветром, стало нестерпимо холодно и больные разбрелись по домам. Кроме того, в больницах распространилось мнение, будто найдено средство для лечения лучевой болезни. Жители города и жертвы атомной бомбардировки с радостью встретили эту весть, и газеты стали публиковать статьи о положении в Хиросиме. По данным Японской медицинской корпорации, «... из 306 тысяч жертв атомной бомбардировки в январе 1946 года на лечении в хиросимских больницах находилось 300 человек, а сейчас их насчитывается около 200, причем среди них больше пострадавших не от радиоактивного облучения, а от ожогов и ран. Можно сказать, что опасно больных лучевой болезнью почти нет» (газета «Майнити», 6 февраля 1946 года).

Газеты рисовали самые радужные перспективы. Одна из

газет сообщила в мае, что единственный пациент, лечившийся от лейкемии в больнице Красного Креста, поправился.

13 мая газета «Тюоку симбун» писала: «В родильных отделениях больше не появляются новорожденные-уроды. Девушки, успокойтесь! Случай бесплодия не наблюдаются».

Доктор Сигэто продолжал оставаться одним из немногих врачей, относивших лейкемию к категории «атомных болезней». Я уже говорил, что авторитеты медицины игнорировали данные статистики Ямаваки.

Когда же доктор Сигэто заявил о сокращении заболеваемости лейкемией, все успокоились. Вскоре доктору пришлось признать, что кривая заболеваемости вновь поползла вверх.

Леча пострадавших, врачи наугад подбирались к раскрытию тайны атомного чудовища, дар предвидения помогал им увидеть за каждым конкретным случаем зловещую тень атомного привидения. Врачи понимали, что люди, переносящие нечеловеческие страдания, были бы здоровыми, если бы над Хиросимой не взорвалась атомная бомба.

Медики из Токио спрашивали, почему патологические изменения в организме связаны с последствиями бомбардировки. Нередко случалось так, что хиросимские врачи не были готовы к ответу. Кроме того, некоторые заболевания действительно не имели отношения к атомному взрыву. Все же пострадавших нередко спасало предвидение, которым, к счастью, наделены врачи Хиросимы. Этот дар позволил им проследить нить, связывающую выпадение волос с лейкемией и катарактой, установить взаимосвязь раковых заболеваний и последствий атомной бомбардировки.

В настоящее время перед хиросимскими врачами встал вопрос о состоянии здоровья молодого поколения. Даже сейчас, двадцать лет спустя, в проблеме последствий действия бомбардировки на человеческий организм все еще есть белые пятна. Именно поэтому врачей беспокоит будущее подрастающего поколения хиросимцев. Я слышала о женщине, которая осталась в живых, хотя во время взрыва находилась в 800 метрах от эпицентра. У нее двое здоровых детей, и она сама чувствует себя нормально. В то летнее утро она вместе с одноклассницами играла на школьном дворе. Ее подруги погибли, и ей единственной удалось выжить. Никто не может объяснить этот случай. Доктор Сигэто считает, что она «родилась в сорочке». Через двадцать лет после взрыва бывшая школьница, которой невероятно повезло, а теперь мать, пришла к доктору Сигэто. На ее счастливую жизнь легла тень беды. Врач понимает, что покою женщины грозит опасность. Знает доктор Сигэто и то, что ей осталось недолго радоваться своему эфемерному счастью.

Дар предвидения для хиросимских врачей бывает порой горьким и страшным. Какой ужас должен охватывать врача, когда он видит мост, соединяющий лейкемию с атомной бомбой. Нужно учитывать еще и тот факт, что сами врачи также

разделили участь жертв атомной бомбардировки. Врачуя раны пострадавших, они все глубже и яснее видят ад, уготованный для них самих. Двойственное положение врачей Хиросимы — исцелителей и одновременно жертв — придает их деятельности особый характер.

Перед доктором Сигэто стоит новая дилемма. Он считает необходимым провести обследование школьников старших классов хиросимских школ, чтобы выяснить влияние атомной бомбардировки на молодое поколение. В то же время он сознает, что такое обследование поселит страх и неуверенность в завтрашнем дне во втором послевоенном поколении хиросимцев. Необходимость медицинского наблюдения за молодежью усугубляется тем, что до сих пор не найдены средства, исцеляющие от лейкемии и некоторых других болезней. Следовательно, необходимо провести обследование, о котором думает доктор Сигэто, потому что речь идет о здоровье людей. Первыми из американских ученых, приехавших для изучения последствий атомной бомбардировки, были специалисты по генетике. Проблема «атомных болезней» у последующих поколений привлекает внимание ученых всего мира. Порой страх перед горькой судьбой молодого поколения сменяется приступами оптимизма типа «девушки, успокойтесь!». Однако сейчас, через двадцать лет после взрыва, проблема обследования хиросимской молодежи стоит как никогда остро. Я уверен, что доктор Сигэто не отступит от своего решения и школьники Хиросимы проникнутся доверием к главному врачу больницы для пострадавших от атомной бомбардировки. Не думаю, чтобы в Хиросиме нашлись молодые люди, которые не могли бы положиться на врачей, людей отчаянной храбрости и мужества. Подростки (среди них есть и один юный преступник, которому лицо, изуродованное келоидами, служило средством запугивания людей) поверят этому человеку, доктору Сигэто, который, как и они, испытывает тревогу, но не покоряется и остается верным своему долгу. Может быть, это всего лишь мои фантазии, но мне кажется, что медицинское обследование подростков освободит их из плена одиночества, в который их загоняет страх, и будет содействовать сплочению молодежи Хиросимы.

Я вспоминаю беседу с двумя хиросимцами, которые, пострадав от атомного взрыва, перебрались в Токио. Один из них, невысокий юноша с парализованной ногой, работал вместе с товарищем, тоже пострадавшим, в швейной мастерской при школе миссионеров. Он отличался уравновешенностью, но в его покорных глазах я читал только беспокойство, с которым он уже свыкся. Нескладно, но с жаром он говорил о лейкемии, о проблемах, с которыми сталкиваются жертвы атомной бомбардировки, создавая семью.

Второй юноша, с которым я встретился, занимался тяжелым физическим трудом. В Киото у него была невеста. Узнав,

что у него сильный лейкоцитоз (в Японии для вступления в брак необходим анализ крови), он тайком скрылся от невесты и уехал в Токио. С утра до вечера он работал на открытом воздухе, заколачивая ящики с грузами на складах токийского порта. Это было в разгаре лета, и молодой человек, проработав три дня, накапал витаминов и препаратов для восстановления крови. День он проводил в постели, буквально плавая в море лекарств. Препаратами, купленными на деньги, заработанные изнурительным трудом под палящим солнцем, он делал уколы в руку, пока кожа не становилась похожей на целлулоид, и засыпал как мертвый. Вряд ли он верил, что день отдыха может искупить переутомление трех рабочих дней. Он, должно быть, успокаивал себя тем, что хотя бы день может поддерживать организм лекарствами. Ради этого он в течение трех дней в полном смысле слова разрушал свою плоть. Его нельзя считать глупцом, потому что таким образом он боролся с беспокойством и страхом, владеющими его душой. Я слышал, что затем он оставил работу на складе и стал шофером грузовика на дальних рейсах. Вероятно, он еще фанатичнее терзает свою плоть ради «четвертого дня», избавляющего его от тревог.

Я часто упрекаю себя в том, что не попросил юношу из швейной мастерской пристроить у себя неистового скитальца. Но ведь и я, и молодой человек, работавший на упаковке грузов, понимали, что у юноши из швейной мастерской достаточно своих забот.

Я вспомнил об этих молодых людях, потому что медицинское обследование должно сплотить молодежь Хиросимы и внушить ей мысль о необходимости взаимопомощи. Нам, японцам, оно напомнит о том, что Хиросиму забывать нельзя.

Даже такой небольшой эпизод из двадцатилетней борьбы доктора Сигэто дает, на мой взгляд, представление о настоящем человеке, который, не падая духом, стоит лицом к лицу с трагедией Хиросимы. Это человек, сохранивший верность своему делу. Вот уже двадцать лет обстановка в Хиросиме настолько напряжена, что работа в больнице для пострадавших от атомной бомбардировки не под силу и сотне таких людей. Только преданные люди могут продолжать борьбу в условиях, когда нет шансов на успех. Я считаю доктора Сигэто образцом преданности своему делу.

РАЗНЫЕ ПОЕЗДКИ В ХИРОСИМУ

Январь 1965 года

В конце 1964 года я совершил самую короткую поездку в Хиросиму с той поры, как начал писать свои записки. Я провел там всего несколько часов, но, как и в прошлые приезды, снова столкнулся с проявлениями трагического и величественного в

людях. Все предыдущие путешествия в Хиросиму приносили мне такие же открытия.

Первым делом я встретился с главным врачом больницы для жертв атомной бомбардировки Фумио Сигэто, от которого узнал о недавней смерти от лейкемии молодого человека. За пределами Хиросимы можно забыть о ежедневных несчастьях атомного города. Честно говоря, сейчас, спустя двадцать лет после бомбардировки, не так трудно отвлечься от печальных воспоминаний. Тем не менее Хиросима продолжает жить трагедиями. Людское горе сконцентрировалось в больнице для жертв атомной бомбардировки. С какой горькой болью доктор Сигэто прощался с умершим молодым человеком! Бесконечная река печали пополнилась очередной смертью.

Тем страшным летом ему исполнилось четыре года. Мы видели множество фотографий детей, ирзаненных 6 августа. Нобуко Кониси, одна из матерей, выпускающих журнал «Реки Хиросимы», прозвала их «безобразными Дзидзо». Наша действительность не часто дает возможность запечатлеть такое количество изувеченных детей. Большинство ребят, которые с леденящим душу спокойствием взирают на нас со снимков, умерли вскоре после съемки. Один из чудом уцелевших вырос, но заболел лейкемией. Свое двадцатилетие он отметил на больничной койке среди пациентов доктора Сигэто.

На ранней стадии лейкемии врачи могут сдерживать стремительный рост белых кровяных телец и принести больному временное облегчение, предоставить ему так сказать, «летние каникулы». После двадцати лет отчаянной борьбы врачи больницы для жертв атомной бомбардировки научились растягивать «летние каникулы» до двух лет, а начинали они с нескольких месяцев. Человечество сможет гордиться победой над лейкемией, когда период ремиссии станет исчисляться десятилетиями. В настоящее время лейкемия — рак крови — властвует над людьми. Молодой человек знал, что его «летние каникулы» неизбежно окончатся смертью. Пессимист не ошибется, назвав такие «каникулы» непрерывной пыткой. Для молодого человека, однако, два года, подаренные самоотверженностью врачей, были периодом жизни в кредит. Они давали ему возможность проявить человеческое мужество, достоинство и жить для общества. Врачи помогли ему устроиться на работу, скрыв его смертельную болезнь. Они вынуждены были пойти на обман, иначе кто бы дал работу обреченному? Молодой человек поступил на службу в типографию. Он хорошо работал, его полюбили товарищи.

Рассказывают, что после его смерти какой-то высокопоставленный человек явился в больницу и задал врачам вопрос, почему они заставили работать своего пациента, зная, что его дни сочтены. Вряд ли возмущенный визитер способен понять, что для покойного лучше было бы провести остаток жизни не на больничной койке, а в грохоте печатных машин среди новых

друзей. Человеку из «высших сфер», не ведающему радости ежедневного труда, не дано прочувствовать душу молодой жертвы атомной бомбы.

Молодой человек стремился по-настоящему прожить последние два года. Он оказался способным рабочим, активно участвовал в общественной деятельности. Его жизнь была действительно полноценной. Он полюбил девушку, и молодые люди обручились. Двадцатилетняя невеста работала в магазине музыкальных инструментов.

Еще один эпизод подтверждает полноценность жизни молодого человека в предсмертные два года. В его город приехал корреспондент журнала «Лайф», чтобы написать о современной Хиросиме. Доктор Сигэто познакомил его с этим молодым человеком, которого гость восторженно описал как представителя «новой, светлой Хиросимы».

Пролетели два года, и срок «летних каникул» истек. Молодого человека стала изводить мучительная тошнота, и он снова слег. Как и все больные лейкемией, скончался он в нечеловеческих страданиях. Через неделю после его смерти в больницу пришла невеста покойного, чтобы поблагодарить врачей и медицинских сестер, заботившихся о ее женихе. Она принесла им в подарок керамическую статуэтку, изображающую пару оленей. Их часто выставляют для украшения в музыкальных магазинах. Тихо и вежливо распрощавшись, она ушла, а на следующее утро ее нашли мертвой. Двадцатилетняя девушка отравилась снотворным. Я не мог вымолвить слова, когда мне показали статуэтку — сильный олень с мощными рогами и рядом крохоткая олениха.

Повторяю, покойный стал жертвой атомной бомбардировки в четырехлетнем возрасте. Он не только не был повинен в войне, ребенок даже не мог понять, что произошло в тот роковой неожиданный миг. Спустя двадцать лет он собственной плотью расплатился за грехи государства. Уже в четыре года он являлся гражданином страны, которая не сделала для него исключения в безжалостном выборе, приведшем к трагической развязке. Печально порой быть частицей родной страны.

Его невеста — типичный продукт послевоенного времени, однако она добровольно разделила судьбу жертвы атомной бомбы. После смерти жениха она решилась за всех искупить вину перед страдальцем. Государство ничего не могло для него сделать. По крайней мере этот гигант не избавил молодого человека от бездонной пропасти отчаяния. Современная девушка, выросшая в мирное время, взяла на себя печальную участь испуганной жертвы. Я думаю, что каждый гражданин нашего государства должен пережить шок от ее поступка. Горек выбор молодой девушки, пожертвовавшей собственной жизнью, чтобы разделить трагический удел мученика атомной бомбы, загнанного судьбой в безысходность.

Девушка разоблачила представления о фальшивых ценно-

стях нации, выявив предательство государства, которое принесло безвинных слабых детей в жертву собственным интересам. Она дала дерзкую пощечину всем живым, взвалившим на ее плечи собственное вероломство, и безмолвно присоединилась к возлюбленному в стране смерти. Она почтила память жениха собственным человеческим достоинством и выбрала самоубийство, чтобы не допустить в страну мертвых следов государства, которое подставило ее возлюбленного в раннем детстве под атомную бомбу. Стоицизм молодого человека в период «летних каникул» и мужественное решение его невесты — это укор коварству государства и лицемерию живых. Помня о величии духа молодой пары, мы не можем без ноющей боли в сердце смотреть на трогательную чету оленей, застывших в керамике. Двадцатилетняя девушка, оставившая у многих добрую память о себе, сделала максимум возможного во имя жертвы атомной бомбардировки. Она не размышляла о самопожертвовании, на самоубийство ее толкнула истинная любовь. Ее чувство могло бы обратиться в безжалостное обличение живых, наших политических ценностей и строя в целом. Однако девушка ушла из жизни молча, без упреков, словно оставляя нас на суд нашей совести. Нам нет нужды искать оправдания. Она была слишком мягкой и благородной, для того чтобы выдвигать обвинения против нас.

У меня есть одно подозрение относительно смерти возлюбленных. Это лишь мои догадки, но я почему-то верю им. Быть может, молодой человек и не захотел бы работать в свои последние «летние какникулы». Как ни скрывали врачи тайну его истории болезни, он наверняка знал правду о диагнозе. Он был вынужден жить честным трудом до момента, пока болезнь не схватила его в смертельные тиски.

Я думаю, девушка, полюбившая его, знала, что дни болезнogo сочтены. Иначе она так бы не торопилась с помолвкой, ведь с общепринятой точки зрения они были слишком юны для такого важного шага в жизни. Чувствуя дыхание смерти, они не стали с этим тянуть.

Когда пробил смертный час молодого человека, невеста спокойно последовала за ним. Она сделала свой выбор не потому, что ее убило горе, не потому, что смерть жениха загнала ее в тупик. Просто с первого дня любви к человеку, больному лейкемией, она поняла, что должна прямо смотреть смерти в лицо. Девушка до конца разделила участь своего любимого.

Широко известно, что американский пилот капитан Изерли, который вел самолет метеоразведки перед бомбардировщиком Б-29, несшим атомную смерть на Хиросиму, был арестован через двенадцать лет после взрыва за нападение на почту в Техасе. Его не отдали под суд, потому что признали психически невменяемым. Психиатр из Управления по делам ветеранов вооруженных сил США официально засвидетельствовал, что

психическое расстройство у бывшего командира самолета возникло на почве вины перед Хиросимой. Юстиция не смогла привлечь Изерли к ответственности даже за такое преступление, как бандитское нападение на государственное учреждение. Во всяком случае, судьи колебались, и это естественно, потому что они, как и все человечество, испытывают чувство вины перед Хиросимой.

Все мы должны дать честный ответ на страшный вопрос о нашей вине. Предположим, появился жестокий убийца и мы узнаем, что на тягчайшее преступление его толкает отчаяние, оттого что он попал под атомную бомбу в Хиросиме. У кого из нас хватит смелости посмотреть ему прямо в глаза? Нам повезло, что нет такого преступника, который поставил бы нас перед тягостным вопросом нашей вины. Мы должны с благодарностью сознавать, что своим везением обязаны паразитальному самообладанию хиросимцев, которые имеют все основания для отчаяния. От нашей беззаботности не останется и следа, если вообразить, что тихий молодой человек, умерший от лейкемии, предпочел бы провести два года «летних каникул» не в добросовестном труде, а в уголовном мире. Он стоически работал оставшиеся два года жизни и обрел любимую девушку, доказавшую самоубийством свою преданность. История этой пары показывает нам такую высоту человеческого духа, которая скорее всего недоступна обывателям. Если бы возлюбленные впали в безумие, разврат или стали преступниками, то мы отнесли бы к ним, как к людям, поверженным в безысходность и отчаяние. Однако они не сломались от горя и стоически, молча пронесли достоинство и мужество до последнего вдоха.

Часто я задумываюсь, не слишком ли легко относится к последствиям трагедии американская военная верхушка, которая несет ответственность за решение сбросить атомную бомбу на Хиросиму. Не будь у жертв Хиросимы столько сил к возрождению, чувства собственного достоинства и долготерпения, американцам, пожалуй, пришлось бы вести себя иначе. Мы как один должны помнить, что своим душевным комфортом целиком и полностью обязаны замечательной стойкости жертв атомной бомбардировки.

Безмятежное отношение к миру тем не менее может быть нарушено рассказами о сегодняшней жизни Хиросимы. Хочу привести две истории, которые привлекли мое внимание, когда я вернулся из последней поездки в Хиросиму. Первую я прочитал в вечернем выпуске газеты «Ёмиури» за 19 января 1965 года.

«19-летняя жительница Хиросимы покончила с собой, оставив записку: «Я доставила вам много хлопот. Я умру, как и планировала». Она пострадала от взрыва атомной бомбы девятнадцать лет назад, находясь в чреве матери. Мать умерла через три года. Девочка страдала лучевой болезнью, печень и глаза у

нее были поражены еще до появления на свет. Отец ушел из дома после смерти жены. В семье остались одни женщины — семидесятипятилетняя бабушка и две сестры девочки, двадцати двух и шестнадцать лет. Они должны были зарабатывать себе на жизнь. Три сестры пошли работать сразу после окончания школы. Девушка, покончившая самоубийством, не имела времени для тщательного обследования в больнице, несмотря на удостоверение жертвы атомной бомбардировки. Документ давал ей право только на бесплатное медицинское обслуживание, а ей надо было еще позаботиться о том, как свести концы с концами. Она оказалась в тупике, который создает существующая система помощи жертвам атомной бомбардировки. Истерзанная нищетой и болезнями, молодая девушка потеряла силы бороться за существование. Есть что-то нечеловеческое в словах «я умру, как и планировала».

Вторая история произошла в северной части острова Кюсю, на угольном месторождении Тикухо. Этот район, переживающий экономическую депрессию, темным пятном лежит на нашем процветающем обществе потребления. Он являет собой так сказать, неприглядную сторону социального и политического строя нашей страны. Рассказывают, что в Тикухо не по собственной воле переехали многие хиросимцы, среди них и женщины, потерявшие семьи в атомной бомбардировке. Они заняты на самой низкооплачиваемой работе. Некоторые из них затаились и никогда не откроют своей трагедии, каким бы тщательным ни было обследование по всей стране с целью составления «Белой книги» о последствиях атомной бомбардировки.

Нас, людей со стороны, подобные рассказы о судьбах хиросимцев на секунду обжигают, как кислота, но вскоре мы переключаем сознание на другие дела. Боюсь, что даже среди жителей самой Хиросимы, не пострадавших от атомной трагедии, встречаются люди с таким же безразличием к чужому горю.

В то время когда в Хиросиме от лейкемии умер молодой человек, а его невеста отравилась, в Токио состоялась церемония вручения ордена Восходящего Солнца первой степени. Награду получил генерал Кертис Лимэй, возглавлявший в 1945 году штаб военно-воздушных сил США. Человек, разработавший план атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Официальный представитель японского правительства на торжественной церемонии заявил: «Мой дом тоже сгорел в один из налетов, но это было двадцать лет назад. Разве не приличествует нашей нации, презрев любовь и ненависть, наградить орденом военного, который бомбил японские города во время войны?»

Циничная откровенность этих слов показывает, какой моральной деградации достигла наша страна. Окажись хиросимцы свидетелями этой сцены, они расценили бы ее как предательство страданий Хиросимы и ее жертв. Мы слишком терпи-

мы к духовному разложению наших политиков и бюрократов. Пресса не затрагивает их нравственного облика, до тех пор пока не разразится очередной шумный скандал. Процитированное выше заявление официального лица демонстрирует омерзительнейшую форму аморальности.

В Хиросиме я взял интервью для телевидения у четырех наиболее типичных для атомного города людей. Моими собеседниками были доктор Фумио Сигэто, главный врач больницы для жертв атомной бомбардировки; Тосихиро Канаи, обозреватель газеты «Тюоку симбун»; Нобуко Кониси, одна из издательниц журнала «Реки Хиросимы», и Ёсико Мурато, молодая девушка, пострадавшая от взрыва, которая служит в частной больнице. Мы собрались в больнице доктора Сигэто, в комнате по соседству с экспозиционным залом.

Всех, кроме Ёсико Мурато, я знал не первый год. Цель интервью заключалась в том, чтобы представить телезрителям их жизнь и взгляды. Нужно было еще снять небольшой фильм об их работе. Мне было приятно участвовать в этом разговоре, и я счастлив, что услышал еще один голос непокорившейся жертвы атомной бомбардировки — голос Ёсико Мурато.

Она пострадала в раннем возрасте. Келоидные рубцы обезобразили ее лицо. Ёсико выросла и стала мечтать только о том, чтобы когда-нибудь увидеть свое лицо таким, каким оно было до взрыва. Как она сказала, «вернуть утраченную красоту». Она перенесла несколько пластических операций не ради здоровья, а во имя красоты. В результате девушка поняла, что «утраченная красота» никогда не вернется. Ёсико оставалось лишь последовать примеру многих молодых девушек с изуродованными лицами и затвориться в глубине собственного дома.

Тоска по безвозвратному прошлому и постоянное отчаяние способны довести человека до серьезного нервного расстройства. В Хиросиме должно быть множество людей, находящихся на грани срыва. Вряд ли мы располагаем эффективными средствами для предотвращения умопомешательств и самоубийств среди несчастных. Мы можем только надеяться, что некоторым удастся, преодолев горький приговор судьбы, сохранить рассудок и не расстаться с жизнью по собственной воле:

Каким образом Ёсико Мурато спаслась от безумия и самоубийства, неразлучных спутников отчаяния? Ее жизнь в корне преобразила I Всемирная конференция за запрещение ядерного оружия, состоявшаяся в 1955 году. Она открыла Ёсико глаза на то, что «страдает не только она одна». После долгого мрачного периода молчания, терзаний наедине с собой жертвы Хиросимы благодаря всемирному форуму впервые получили возможность высказаться и поговорить друг с другом. Как часто я слышал из их уст слова о том «эпохальном событии»! Конференция 1955 года не только определила направление движения за мир в Японии и в международном масштабе, но и дала толчок к нравственному возрождению жертв атомной бомбардировки. Со

стороны мне трудно объективно оценить историю движения сторонников мира, однако факт остается фактом: Всемирная конференция за запрещение ядерного оружия произвела духовную революцию среди пострадавших в августе 1945 года. Впоследствии характер движения и форумов борцов за мир изменился, что явилось поводом для серьезной и обоснованной критики. Нет необходимости подчеркивать, что инициатива перемен происходила не от жертв атомной бомбардировки.

Ёсико Мурато воспряла духом и оправилась от нервного расстройства. Теперь она могла помышлять о настоящем и будущем. Став участницей движения за мир, она в составе делегаций жертв атомной бомбардировки побывала за границей. Во Франции она встретила с Ирэн Жолио-Кюри*, которая вскоре умерла от лейкемии. И. Жолио-Кюри сказала, что ей понятны безмолвные страдания Ёсико Мурато и других «невест атомной бомбардировки». Все они, подобно Ёсико, оплакивали утраченную красоту и стыдились келоидных рубцов на лице. Молодые девушки, поборов стыд, поднялись на залитую солнцем трибуну конференции и доказали, что даже такие несчастные, как они, могут смело предстать перед миром. По словам доктора Сигэто и Ёсико Мурато, жертвы атомной бомбардировки, включившиеся в антивоенное движение, хотят, чтобы «другим не довелось испытать страданий», которые выпали на долю «невест атомной бомбардировки» и всех мучеников Хиросимы и Нагасаки. Несомненно, «невесты» и Ирэн Жолио-Кюри сердцем поняли друг друга.

Ёсико Мурато до последней минуты не решалась сняться в телефильме. Возрождением из пучины отчаяния она обязана не догматическому обету, ей приходилось каждый день одерживать победы над собой. Зрителей должно было взволновать выразительное лицо молодой девушки, охваченной прекрасным душевным порывом. Ёсико Мурато говорила от имени всех молодых женщин Хиросимы, навсегда утративших красоту. Когда великомученицы с таким достоинством несут бремя судьбы и открыто вступают с ней в борьбу, доктор Сигэто и его коллеги обретают новые силы для продолжения подвижнической деятельности.

Конечно, времени, отведенного телевидением, не хватило на подробный рассказ о предложении журналиста Тосихиро Канаи создать «Белую книгу» о последствиях атомной бомбардировки. Он разрабатывает этот проект в соответствии с собственной концепцией человека и цивилизации, а также на основании двадцатилетнего опыта журналистской работы в Хиросиме.

В процессе работы над телефильмом для меня прояснилось два положения в мировоззрении Тосихиро Канаи. Во-первых, весь мир хорошо знает, что нацисты зверски истребляли людей в концлагере Освенцим, а трагедия Хиросимы, по своим масштабам не сравнимая с Освенцимом, не получила широкой огласки на планете. Следует учитывать, что существует реальная

угроза повторения атомной трагедии (Макиавелли от международной политики могут цинично заметить, что атомная бомба сгодилась бы и для целей в духе Освенцима). Все человечество обязано знать о том, что произошло в Хиросиме 6 августа 1945 года.

Во-вторых, утверждает Канаи, мы стараемся держаться как можно дальше от военных невзгод. Рассвет общества потребления привел к тому, что на одном полюсе находится чрезвычайно высокий уровень жизни, а на другом — трагедии военных лет. Мы стремимся вылезти наверх, бросая под ноги забытое лихолетье; растет пирамида, которую увенчали Олимпийские игры в Токио. Мы забыли, что внутри пирамиды зияет глубокая темная пещера, в которой продолжает обитать людское горе Хиросимы. Создание «Белой книги» о последствиях атомной бомбардировки — один из важнейших способов довести трагедию Хиросимы до сознания каждого жителя Земли. Японский народ — творец и судья отечественной истории и морали — должен взять на себя труд заполнить вакуум в обществе потребления. В противном случае мы будем бессильны предотвратить самоубийства людей, отчаявшихся обрести надежду и спасение, что и случилось с девятнадцатилетней девушкой, которая покончила с собой, «как и планировала».

Услышав прошлым летом о проекте «Белой книги», я начал внимательно следить за развитием кампании в ее поддержку. Стараниями Тосихиро Канаи и его коллега работа продолжается. В начале осени прошлого года, когда я уже написал в своих записках о проекте Канаи, из Хиросимы пришло письмо, в котором он выразил свое мнение о конференции, проведенной тремя префектурами летом 1964 года.

«На конференции, на мемориальных мероприятиях 6 августа право голоса принадлежит жертвам атомной бомбардировки. Живым и особенно мертвым. Мертвые говорят в минуту молчания, когда мы склоняем головы перед их памятью».

Обозреватель Тосиро Канаи стремится к тому, чтобы все услышали стон живых страдальцев и безмолвную мольбу погибших.

Он продолжает свое письмо:

«Самым сложным в подготовке «Белой книги» представляется отношение консервативного правительства к нашей идее. Камень преткновения — вопрос о том, как вернуть первоначальную чистоту запятнанному флагу нации? Преподаватели Хиросимского университета организовали Группу по изучению вопросов сохранения мира. Семинары, проводимые группой, дают возможность встречаться в дружественной атмосфере представителям различных организаций сторонников мира. На одном из последних собраний я вновь предложил составить «Белую книгу» и передать ее в ООН. Мы создали небольшой комитет для разработки конкретного плана деятельности. Пока что идея «Белой книги» пустила крепкие корни в кругах жертв атомной

бомбардировки. Актуальна проблема того, как придать нашему проекту национальный масштаб. Следует представить, на какие организации мы можем опереться. Мы собираемся обратиться к Совету ученых, в министерства социального обеспечения, образования, иностранных дел, а Также в канцелярию премьер-министра с надеждой получить согласие обеих палат парламента на выделение ассигнований для обследования последствий атомной бомбардировки во всей Японии. Необходимо привлечь к этой работе патронажных сестер высокой квалификации. Как видите, проблем слишком много, чтобы справиться с ними в одиночку, поэтому мне необходима помощь общественности, которая способствовала бы притоку интеллектуальных сил нашего народа и обеспечила бы общенациональную поддержку проекту. Я отдаю себе отчет в ограниченности собственных возможностей, но пытаюсь сделать все от меня зависящее для разработки ясной и четкой концепции «Белой книги».

Группа по изучению вопросов сохранения мира, одобрившая проект Канаи, в октябре прошлого года опубликовала два документа — «Запрос в правительство Японии» и «Обращение к японскому народу». Они разъясняют необходимость обследования в масштабах всей страны положения жертв атомной бомбардировки и пострадавших от испытаний водородных бомб. Документы подчеркивают, что следует уважать права и свободы жертв, а также провести обследование за пределами Японии, начиная с архипелага Рюкю. Всем нам нужно подумать, какую помощь мы можем оказать в создании «Белой книги». Говоря словами Канаи, мы должны принять сторону «стонущих жертв атомной бомбардировки» и стать их «товарищами».

В начале года Нобуко Кониси и ее друзья опубликовали десятый номер журнала «Реки Хиросимы». По нему можно судить о том, что кампания за подготовку «Белой книги» набирает силу. В редакционной статье говорится:

«Мы, жертвы атомной бомбардировки, встревожены признаками угрозы миру, которые в настоящее время проявляются в Японии. Политические деятели жаждут продемонстрировать свое могущество, а нам, простым людям, показать нечего. У нас есть только голос, чтобы звать к правде».

Синоэ Сёда, прикованная лучевой болезнью к постели, недавно выпустила поэтический сборник «Раскаianie». На его обложке на фоне Атомного дома* напечатано стихотворение:

Во имя душ земляков,
Посланных на смерть,
Мой дневник скорби и печали.

В сборник включены стихотворения, написанные жертвами атомной бомбардировки в период насильственного безмолвия, на которое их обрекло распоряжение оккупационных властей США. Эти стихи были первой попыткой изобразить страдания и

горе, принесенные атомной бомбой. В «Раскаянии» есть и произведения самой Синоэ Сёда. Одно из стихотворений стойкой женщины осуждает решение правительства наградить орденом американского генерала Кертиса Лимэя. Оно пронзает до глубины души своим печальным и горьким юмором.

«Я ослепла в бомбежку,
Пусть возьмут мои глаза,
Когда я умру.
Я рада помочь любому», —
Сказала девушка двадцати лет.
«Возьмите мои глаза,
Когда я умру», — предложила и я.
«Кому нужны глаза,
Испорченные атомным взрывом?» —
Оборвали меня в ответ.

В послесловии к сборнику упоминается дискуссия вокруг предложения уничтожить развалины Атомного дома. Критика, которой подвергли эту идею, подчеркивает актуальность создания «Белой книги» о последствиях атомной бомбардировки.

«Мысль о том, чтобы разобрать Атомный дом, долго витала в воздухе. Некоторые считают, что приведение в порядок парка Мира закончилось и пора взяться за дом. Кусок земли размером в дубо* в этом районе стоит 200 тысяч иен, поэтому на месте развалин разумнее возвести здание, которое будет приносить городу доход. Мир достаточно знает об атомной бомбе, и настало время снести дом, который лишней раз напоминает о мертвых. Всем, кто кричит: «Сломать!», — мне хочется громогласно ответить: «Опомнитесь, безумцы!» Мы, живые жертвы атомной бомбы, поклялись, что трагедия Хиросимы не должна повториться. Атомный дом нужно сохранить для истории борьбы человечества за мир. Атомная бомба известна планете лишь своей разрушительной мощью. Люди Земли пока еще не знают, какой ад прошли хиросимцы, как они страдают от лучевой болезни сейчас, спустя девятнадцать лет после взрыва. Сохранение Атомного дома имеет международное значение».

Доктор Фумио Сигэто был по обыкновению неразговорчив, однако каждое его слово впечатляло решимостью и впредь самоотверженно бороться за жизнь жертв атомной бомбардировки. Он подчеркнул, что необходимо регулярно обследовать детей, чьи родители пострадали от взрыва, и добавил, что работа эта требует особой деликатности и душевного такта. Он выразил надежду, что Японии повезет с политическими деятелями, которые не позволят запятнать свою страну. Все мы должны оставаться верными трем безъядерным принципам — не иметь, не производить и не ввозить ядерные средства. Я много раз встречался с доктором Сигэто, но впервые услышал его прямое обращение к политическим кругам.

ЭПИЛОГ. ИЗ ХИРОСИМЫ...

Январь—май 1965 года

В апреле я обратился с письмом к Всеяпонской конфедерации организаций жертв атомной и водородной бомбы, планирующей собрать и опубликовать материалы об атомной бомбардировке. Письмо, в котором я предлагал создать комитет представителей интеллигенции для оказания помощи конфедерации, гласило:

«В связи с приближающимся двадцатилетием атомной бомбардировки Всеяпонская конфедерация организаций жертв атомной и водородной бомбы, единственное объединение, в которое входят пострадавшие от ядерного оружия, выступила с очень ценной и актуальной инициативой: собрать и издать все материалы об атомной бомбардировке, включая воспоминания очевидцев трагедии, для того чтобы сохранить их для потомков.

Предполагается также перевод материалов на иностранные языки. Проект этот крайне важен как для жертв атомной бомбардировки, для которых последние два десятилетия наполнены жесточайшими страданиями, так и для всех нас, независимо от того, была бомба сброшена в 1945 году в первый и последний раз в истории человечества или ядерные средства массового уничтожения вновь могут быть использованы против жизни на Земле.

Прежде Всеяпонская конфедерация имела связи с Японским советом за запрещение атомного и водородного оружия, которые в основном носили политический характер. Члены конфедерации отдавали много сил различным массовым мероприятиям, однако личному опыту каждой жертвы достаточного внимания не уделялось. План, самостоятельно разработанный Всеяпонской конфедерацией, совершенно очевидно свидетельствует о стремлении основательно изучить судьбы жертв атомной бомбардировки.

Сбор воспоминаний, подробных данных об атомной бомбе — это работа, опирающаяся на стоицизм атомных мучеников, которые решились открыть миру свои истерзанные души. Нам, не ведающим атомного ужаса, их воспоминания дадут возможность осознать собственное бытие и задуматься над будущим человечества. Я считаю, что мы, преклоняясь перед муками жертв атомной трагедии, из уважения к ним обязаны оказать помощь в осуществлении этого проекта.

Интеллигент, размышляя в тиши кабинета о судьбах человечества и своей собственной жизни, непременно должен думать о тех, кто двадцать лет назад оказался в атомном пожарище. Он обязан постичь истину о том, что его собственное «я» неразрывно связано или должно быть связано с судьбой первых на Земле атомных мучеников.

Нередко интеллектуалы, участвуя в каком-либо движении и

искренне желая отдать ему все свои помыслы, под влиянием сложной действительности утрачивают нравственные цели, еще не достигнув их. Они запутываются в собственных взглядах, не представляя ни своего места в обществе, ни перспектив, ни меры ответственности перед другими.

Я предлагаю создать комитет для содействия плану Всеяпонской конфедерации организаций жертв атомной и водородной бомбы, в который вошли бы представители интеллигенции, сознающие необходимость соединения своих мыслей и целей с судьбами и умонастроениями жертв атомной трагедии во имя того, чтобы найти себя в общественной деятельности и выполнить свой нравственный долг».

Накануне лета 1965 года предпринимается множество усилий для открытия неизвестных аспектов и более глубокого осознания трагедии двадцатилетней давности. Сбор воспоминаний жертв атомной бомбардировки представляет собой наиболее существенную часть в подготовке к двадцатилетию атомной трагедии. Пресса публиковала некоторые материалы, но они затерялись в водовороте информации. Воспоминания прошлых лет грешат неточностью и недомолвками, обусловленными обстановкой, в которой они создавались.

Например, для многих серия «Зарисовки атомной бомбардировки» художников Ири Маруки и Тосико Акамацу является прекрасным образцом воплощения атомной трагедии изобразительными средствами. Однако кто припомнит их небольшой альбом «Пикадон»*, изданный в 1950 году? Книга, на оранжевой обложке которой была изображена пожилая женщина, потрясала до глубины души. Надеюсь, что этот альбом, содержащий 64 иллюстрации с короткими волнующими комментариями, будет переиздан. Приведу несколько выдержек из подтекстовок к рисункам.

Восьмидесятилетняя женщина из хиросимского пригорода Митаки потеряла мужа в атомной вспышке. Дни и ночи напролет она рассказывает внуку Томэки про атомное пламя.

«Ад крошечный — вереница призраков, море огня. Дьявол не появлялся, поэтому я только и поняла, что все происходит на этом свете... Бомба ведь не свалилась с небес, человек ее сбросил».

И сейчас, пять лет спустя, нет дня, чтобы старуха не вспоминала о дожде, о ветре того августовского дня. Она перебирает воспоминания, горестно причитая:

«Война-то к концу шла. Все уж возненавидели ее, но были покорны и повиновались каждому кивку и приказу военных и правительства».

В то роковое утро пожилая чета хиросимцев отправилась с тележкой к разрушенному дому, чтобы набрать досок. Вернувшись домой, они решили помыться. В это время разорвалась атомная бомба.

«Восемь часов было. Вспыхнуло что-то ослепительно яркое,

никто такого раньше не видывал. Женщина не почувствовала удара, не услышала и страшного грохота. Потолок рухнул вместе с крышей, пол подскочил наверх, и ее раздавило».

«В эпицентре взрыва на бетонной дороге, словно вросшие в нее, стояли обрубки ног человека, чье туловище развеяло в прах».

Странный случай: «В трамвае мертвая девушка лежала голова к голове с обуглившимся солдатом. На ней ни единой царапины, только одежда порвана. Девушка все еще крепко сжимала в руках сумочку».

«Не осталось никого, кто поведал бы о том, что произошло в самом пекле взрыва».

Иллюстрации к этим коротким душераздирающим фразам изображают темное небо, поваленные деревья с голыми ветвями, безлюдную пылающую равнину.

«В пруду Сэнтэй живые карпы сновали между трупами людей».

«Ласточка с обгоревшими крыльями не могла взлететь в небо и неуклюже ступала по земле».

«Я пришел в себя и огляделся. Мои однополчане стояли навтыжку, отдавая честь. Я окликнул их, потом хлопнул по плечам — они тут же рассыпались в прах».

«В доме больного солдата его молодую жену с грудным ребенком придавило массивной балкой. Пожилой сосед прибежал на помощь, но бревно было не под силу и троим. Он хотел спасти хотя бы малыша и кричал: «Ребенка! Скорее!» Но женщина ответила: «Дайте нам умереть вместе. Муж погиб. Я не могу оставить ребенка одного на свете. Спасайтесь сами, пока не поздно!»

Выбор молодой матери, которая предпочла не обрекать дитя на сиротскую долю, потрясает до глубины души.

Жертвам бомбардировки раздавали пищу. Внук одной пожилой женщины стоял в очереди.

«Перед ним была девушка, почти что голая. Получив еду на пятерых, она замертво рухнула на землю».

«В то время мухи питались человеческой кровью. Распространился слух, что в Хиросиме 75 лет не будут расти деревья и трава и люди не смогут жить здесь».

«Люди, радовавшиеся спасению, постепенно начали умирать. Их тела покрывались пятнами, а волосы выпадали».

«Женщина из района Митаки, потерявшая мужа в атомной бомбардировке, перенесла операцию по пересадке кожи с ягодиц на обгоревшие руки. Она работала не щадя сил, но осенью и зимой ее мучали нестерпимые боли».

«Похоронив мужа, умершего от упадка сил, пожилая вдова стала целые дни рисовать. Прекрасные, жизнерадостные картины — ярко-красные цветы и кроткие голубки. Она и сейчас рисует, приговаривая: «Атомная бомба — это вам не обвал в горах. Сама никогда не упадет, пока кто-нибудь ее не сбросит».

Небольшой альбом привлек внимание многих читателей не только потому, что запечатлел правду об атомном взрыве, но и своей непередаваемой задумчивостью.

Летом того же года в Хиросиме готовилась к изданию еще одна книга, но она так и не смогла увидеть свет. Оккупационные власти запретили ее за антиамериканскую направленность, потому что книга реалистично изображала события августа 1945 года. Это произошло в 1950 году, война в Корее только началась. В том самом году, когда американский журналист спросил у хиросимца, ослепшего от атомного пламени, целесообразно ли применение атомных бомб против корейцев.

Запрещенную книгу спрятали на складе хиросимской мэрии. Она пролежала там до апреля этого года. Сейчас хиросимцы собираются переиздать ее. Трудно переоценить воскрешение такой книги к двадцатилетию атомной бомбардировки. Редактор писал в предисловии к первому изданию:

«Книга документально воплотила часть горьких испытаний, пережитых Хиросимой пять лет назад. Мы собрали 164 свидетельства, которые нельзя читать без боли в сердце и слез. В книгу целиком включено 18 рассказов об обстановке в различных районах города в момент взрыва, а также отрывки из воспоминаний 16 очевидцев трагедии. Остальные материалы будут переданы на хранение Хиросимскому мемориальному залу мира как сокровища нашего миролюбивого города.

В наше время, когда два враждующих лагеря ведут жестокое противоборство, пусть эти священные записи, сделанные людьми, которые выстрадали самое ужасающее из несчастий человечества и выжили в муках и горе, дойдут до каждого жителя Земли как ниспосланный небом призыв к миру».

Воспоминания были на самом деле написаны через три года после бомбардировки. Из каких побуждений 164 хиросимца взялись за перо, чтобы описать свою трагическую участь? Воспоминания профессора одного из хиросимских институтов, который пострадал в двух километрах от эпицентра, дают прямой и честный ответ на этот вопрос.

«Нет войне! Нет войне!» Это крик жертв атомной бомбы, рвущийся из глубины истерзанных душ. О мире вопиет само отчаяние хиросимцев, которое невозможно выразить на бумаге. Я молюсь, чтобы ни один человек на Земле никогда, ни при каких условиях не узнал больше ужаса атомной бомбы. Я взываю ко всей планете: выше лозунг «Нет новой Хиросиме!». Пусть он реет высоко над миром, охваченным политической напряженностью. Призыв этот не должен замереть в тиши и печали на берегу реки Отагава у мемориала жертвам атомной бомбардировки Хиросимы».

Слова профессора выражают общее настроение хиросимцев через три года после атомного взрыва. Они считали, что должны быть гарантии недопущения новой ядерной трагедии. Прошло всего три года со дня 6 августа 1945 года, но жертвы

Хиросимы уже почувствовали, что их заветное желание малопомалу попадает в плен «тиши и печали на берегу реки Отагава».

Ученик третьего класса начальной школы, спасшийся от атомной бомбы благодаря эвакуации детей, пишет о событии, которое унесло жизнь отца, искалечило мать и младшего брата.

«Бомба, атомная бомба — это дьявол, убивший отца, но я не испытываю ненависти к бомбе. Ведь хиросимцы поднялись, чтобы требовать: «Нет новой Хиросиме! Хиросима не должна повториться!» О тех, кто погиб, можно сказать: они принесли себя в жертву ради нас. Их жертва бесценна, и мы должны идти путем мира, помня, что павшие смотрят на нас».

В мыслях мальчика сказалось влияние школы, которая в условиях оккупации вынуждена была находить оправдания атомной трагедии. Совершенно очевидно, что мальчик терзался многими противоречиями, которые с детства вдалбливали в его голову. Он пытался логически примириться с бомбой, но это было невозможно. Однако он смог написать: «Я не испытываю ненависти к бомбе». Одно это предложение разрывает сердце.

Самая удивительная черта всех записок о трагическом утре двадцатилетней давности — это молчание, в которое погрузилась Хиросима после взрыва. Неведомый монстр в миг поглотил город. Неудивительно, что даже легкораненые впали в безмолвное оцепенение.

Служащий из центра по контролю за распределением топлива, находясь в ста метрах от эпицентра, остался в живых, потому что буквально за минуту до взрыва спустился в подвал. Его коллеги погибли. Чудом уцелевший рассказывает:

«Люди собрались в одном месте и сели на каменные ступени: женщина, ослепшая на один глаз, мужчина, который становился все слабее, его сосед, мучавшийся страшной головной болью. У каждого были раны на теле и повреждения внутренних органов, но никто не кричал и не стонал. Все как один молчали».

Жестокое, отчаянное молчание страшнее любого стога. Одна женщина вспоминает:

«Я как безумная бросилась к мосту Цуруми, перепрыгивая через камни и упавшие деревья. Что я увидела там? Бесчисленное множество людей пробивались к воде. Нельзя было отличить мужчин и женщин. Опухшие пепельные лица, вздыбленные волосы. Подняв руки к небу, они с тихими стогами прыгали в воду».

Свидетельства молодой девушки проливают свет на корни молчания, объявшего жертвы атомной бомбы. В ее воспоминаниях прослеживается сложный психологический процесс в душах пострадавших.

«В бетонной стене передо мной образовалась громадная дыра. Мне показалось, что у ее основания сидели в ряд какие-то темные невысокие фигуры, и я подошла поближе. Я не могла различить женщин, мужчин, детей, их возраст. Они были

голыми. У всех одинаково коричневые вздутые лица и тела. Один из сидящих уже ослеп. Потом я разглядела у кого-то на коленях малыша. У него со спины свисала клочьями черная кожа. Я невольно отвернулась от жуткого зрелища. Все застыли в странном молчании. Казалось, что вопрос жизни и смерти еще не решен для них. Я содрогнулась, представив, что меня посадят в грузовик вместе с этими чудовищами».

Однако эгоизм недолго владел девушкой. Вскоре она потеряла сознание и, придя в себя через сутки, обнаружила, что ослепла.

«Слепая! Я пыталась поднять руки, но правая налилась тяжестью и не слушалась. Пальцами левой я слегка дотронулась до лица — брови, щеки, губы напоминали массу из желатина и тофу*. Лицо распухло так, что не прощупывался даже нос. Я вздрогнула, вспомнив призраков, сидевших у бетонной стены».

В тот миг девушке не оставалось ничего другого, как вступить в круг мрачного безмолвия. В ее душе родилось чувство солидарности со всеми хиросимцами, жертвами атомной бомбы. Не замирая больше от ужаса, она разделила судьбу своих товарищей по несчастью.

«Однажды, услышав о приезде медицинской комиссии по обследованию жертв бомбардировки, я пошла в больницу. Там я оказалась среди людей, страдающих различными болезнями, которые были следствием взрыва. Сорокалетняя женщина, живущая теперь в Миёси, испещрена шрамами вокруг глаз и рта. Ее лицо настолько обезображено келоидными рубцами, что никто, пожалуй, не решится посмотреть ей в глаза. Лицо молодой незамужней девушки было бы красивым, если бы не было наполовину изуродовано темно-красными рубцами, которые тянутся от щеки до шеи. Она с трудом поворачивает голову. У одного мужчины вместо пальцев было три коротких неподвижных отростка. Много говорили о жестокости войны, о горькой жизни и плакали над своей судьбой. Мне было легче, чем другим, но я не могла найти слов утешения. Я сочувствовала им, и их печальные образы до сих пор стоят передо мной. Неужели ничего нельзя сделать для несчастных? Страшно вымолвить, но они обречены на страдания до конца дней».

Семнадцатилетний студент, мобилизованный с однокашниками на работу на завод в пригороде Хиросимы, вскоре после взрыва пошел искать свою семью в разрушенном городе. Начался «черный дождь». Юноша помогал откапывать детей, заживо погребенных под развалинами, и разыскивал их по слабым, едва слышным голосам.

Учитель средней школы, который целый день спал учеников и переносил трупы, записал в дневнике:

«В сумерках сквозь дым погребальных костров виднелись горы аккуратно сложенных трупов. Живые — это распухшие лица, порванная одежда, стоны и дыхание забывшихся глубоким сном. Несколько учеников уже отправили на пункт первой

медицинской помощи, остальных должны отвезти в больницы на острова Ниидзима и Миядзима. Убедившись в том, что детей действительно госпитализируют, мы оставили их на пристани на попечение людей из спасательного отряда, а сами пошли за учеником, с которым договаривались встретиться у моста Хироса. Это было в половине пятого. На условленном месте мы нашли только тело неизвестного старика. Мальчик так и не объявился. Мы, четверо учителей, молча вернулись в школу, сели спина к спине у обгоревших школьных ворот и провалились в сон под ранними вечерними звездами».

Горьким и тяжелым был сон изнуренных молчаливых учителей. Какова судьба тех 164 хиросимцев, писавших для книги «Воспоминания об атомной бомбардировке»? Кто из них дожил до двадцатилетия трагедии? Прошло ведь семнадцать лет с той поры, как они поделились воспоминаниями. Настоятельные призывы людей, которые безрадостным возвращением к пережитому хотели познать цену своего опыта, обрести смысл в поруганной жизни, мертвым грузом пылились до весны 1965 года на складе хиросимской мэрии. 164 жертвы, преодолевая физическую боль и душевные страдания, нашли силы рассказать миру о своих муках, но властная рука немедленно заставила их замолчать. Даже самые неисправимые оптимисты вряд ли станут утверждать, что большинство из тех 164 человек живы. Умершие до весны этого года, должно быть, ушли с горьким сознанием того, что их уста так и остались запечатанными. Кто может воздать им за обманутые чаяния?

Я завершаю хиросимские записки, работа над которыми началась после поездок в Хиросиму летом 1963 и 1964 годов. Одно время я считал, что название книги должно более ясно отразить мой замысел. Было несколько вариантов: «Размышления о людях в Хиросиме», «Хиросима в наших душах», «Как пережить Хиросиму?»

В рекламной аннотации к моему роману «Индивидуальный опыт», изданному в прошлом году, я отметил: «Я попытался подвергнуть всестороннему анализу различные проблемы, прочно вошедшие в мир моих произведений». Движимый этой же мыслью, я работал над серией очерков о Хиросиме. Должен заметить, что тема Хиросимы, пожалуй, наиболее трудна для меня. Взявшись за ее осмысление, я хотел утвердиться в том, что я, помимо всего прочего, и японский писатель.

Впервые я посетил Хиросиму летом 1960 года. Тогда я был далек от понимания истинной Хиросимы, у меня возникло лишь предчувствие способности проникнуть в суть этого города. В короткой заметке для газеты «Тюоку симбун» я написал: «Сегодня я принял участие в церемонии около памятника жертвам атомной бомбардировки. Она дала мне бесценный опыт. Я осознал значимость этого события для моей жизни. Пережитое сегодня в Хиросиме будет все глубже проникать в душу и овладевать моими мыслями. На пятнадцать лет, минув-

ших после взрыва, пришлось весна моей жизни. Я должен был приехать в Хиросиму раньше. Чем раньше, тем лучше. Но я полагаю, что не совсем еще опоздал».

Мои предчувствия оправдались. Сейчас, спустя пять лет, Хиросима действительно стала неотъемлемой частью моего бытия. Мне часто снится гнетущий сон. В залитой неистовым солнцем Хиросиме стоит, вытянувшись в струнку, маленький человек в больничной одежде. Напряженно держа голову, он тоненьким, пронзительным, как у москита, голосом произносит речь. Слыша во сне его голос, я знаю, что через несколько месяцев лучевая болезнь высосет из него последние силы и он умрет.

Человеческим трагедиям, отчаянию, которые я наблюдал в Хиросиме — пускай даже глазами приезжего, — я не решаюсь придать позитивную ценность, но они по крайней мере открыли мне глаза на то, где искать человеческое достоинство японского народа.

В Хиросиме я встретил нестигаемых людей, которые кинули вызов безнадежному отчаянию и безумию. Мне рассказывали историю девушки, родившейся после войны, которая без сожаления бросила свою жизнь на рельсы жестокой судьбы, постигшей ее возлюбленного. Я слышал голоса людей, честных и непоколебимых, которые медленно, но с твердой решимостью продвигаются вперед там, где нельзя найти ни надежды, ни стимула к жизни. По-моему, именно в Хиросиме я впервые конкретно ощутил человечность. Там же я увидел самую лицемерную ложь. То, что мне удалось распознать, — всего лишь верхушка гигантского неизвестного, окутанного мраком.

В одиннадцатом выпуске журнала «Реки Хиросимы» Кимико Окуда вспоминает:

«Сотни людей в сгоревшей рваной одежде едва добрались до поликлиники. Я расспрашивала их о случившемся. Все отвечали одинаково: „Дома рухнули от пламени и смерча, людей закружило в громадном огненном вихре. Не знаем, что произошло на самом деле“. Мы слушали их затаив дыхание. С чем можно сравнить описанное? Они продолжали рассказ и на полуслове падали без чувств. На память мне пришла „Картина ада“*».

„Картина ада“. На протяжении своей истории люди поразному рисовали кошмарные сцены конца света. Во второй половине XX века последние дни человечества, которые раньше были темой религиозных поучений, изображаются писателями-фантастами. Самым чудовищным плодом воображения фантастов стало перерождение крови и клеток в организме, приводящее к деградации человека в бесформенное отвратительное существо. Чума и войны средневековья показали, каким может быть конец цивилизации. Тем не менее за всеми бедами люди могли узреть бога и надеяться, что их потомки отважатся пахать землю и ловить рыбу. До XIX века эсхатологи имели возмож-

ность сохранять относительное спокойствие, а люди могли верить, что конец света произойдет, пока они имеют имя и облик человеческий.

Если радиоактивность разрушает клетки и изменяет генетическую систему организма, то человечеству в будущем грозит вырождение. Это ли не самый злоеущий из всех сценариев конца света? События в Хиросиме двадцатилетней давности были устрашающей бойней, но они могут оказаться предвестниками действительного конца мира, в котором род человеческий под влиянием необратимых изменений в крови и клетках превратится в то, чему нет названия. Самое безжалостное чудовище, скрывающееся во мраке Хиросимы, — это возможность генетического перерождения людей.

Пять лет назад, в первый приезд в Хиросиму, я писал о потрясении, которое пережил, увидев в музее атомной бомбардировки изуродованные листья растений — алзины и вероники. И сейчас я не могу спокойно смотреть на эти болезненные растения, выросшие на пораженной радиацией земле Хиросимы. Природный порядок вещей, единожды нарушенный таким безжалостным образом, не может быть полностью восстановлен. Если кровь и клетки человеческого организма пострадали так же, как и флора, то это может означать конец человечества. Когда мы воочию видим перспективу ядерного конца света, у нас нет права размышлять, становиться ли «товарищами жертв атомной бомбы», как выразился обозреватель хиросимской газеты «Тюоку симбун» Тосихиро Канаи. Другого пути для сохранения человеческой сущности нам не дано.

Я принимаю участие в движении за составление «Белой книги» о последствиях атомной бомбардировки и хочу быть в одном ряду с такими людьми, как доктор Фумио Сигэто и другие хиросимцы, которые, не отчаиваясь и не покоряясь обстоятельствам, мужественно продолжают свою ежедневную работу.

ПОСЛЕВОЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ ОКИНАВЫ

Любой человек, где бы он ни жил, в самые торжественные минуты своей жизни черпает вдохновение и красоту в самобытных чертах родного края. Местный колорит определяет в человеке все: и то, что делает его привлекательным, и неприглядные стороны его характера, проявляющиеся в лихую годину. Словом, своеобразие каждой страны, отдельной ее области имеет самую непосредственную связь с добрым и уродливым в том, кто родился на ее земле. Человек и его родина неразделимы, как две стороны щита. Когда речь заходит о достоинствах японцев, мы исходим из неповторимой прелести всей страны, а корни безобразного предпочитаем искать только в местных особенностях каждого района. Такова типичная и не лучшая сторона японского характера.

По моим наблюдениям, колорит Окинавы наиболее отчетливо проявился в облике подростка, который неподвижно сидел на обшарпанном дощатом полу в одиночной камере центральной колонии для несовершеннолетних преступников в городе Кодза* Через окошко в бетонной стене я спросил его, за что он попал в заключение. Юноша, всем своим обликом напоминавший угрюмого зверька, поднял глаза, пронзительные, но потухшие, и ответил: «За протест». В его лице отразилась особенность тех мест, воплощавшая возвышенную красоту окинавской молодежи. Сейчас, однако, паренек являл собой довольно жалкое зрелище. Крошечный комоч с поникшей головой, уткнувшийся в колени, застывший среди железобетонных стен. Лишь его стойкий оптимизм не давал подростку впасть в отчаяние, когда, вглядываясь в полумрак одиночки, под рев американских реактивных самолетов, взлетающих с аэродрома Кадэна и берущих курс на Вьетнам, он думал о своем настоящем и будущем. Центральная колония для несовершеннолетних преступников примыкает к зданию комиссии по делам несовершеннолетних и находится всего в двухстах метрах от военной базы США.

Состояние этого исправительного заведения является ярким свидетельством нужды, царящей на Окинаве. В настоящее время в колонии содержится около двухсот малолетних пре-

ступников, хотя по проекту она рассчитана на 87 человек. До сих пор не построены учебные классы. Подростки занимаются во внутреннем дворе, в палатке, разрываемой порывами ветра. Медицинский кабинет оборудован, но врача нет, есть лишь воспитатель, способный оказать элементарную медицинскую помощь. Даже в комиссии по делам несовершеннолетних, где законом предписано иметь специалистов в различных областях медицины, нет врачей. Недостаток врачей испытывает вся Окинава. Одна из социальных проблем Окинавы заключается в том, что студенты-медики, посланные на государственную стипендию в университет в Центральную Японию, не хотят возвращаться на остров. Читая однажды в номере окинавской гостиницы газету, в разделе редакционной почты я наткнулся на письмо студента, обучавшегося за казенный счет на медицинском факультете в Токио. Он спрашивал, какое его ждет наказание за невозвращение с дипломом на родину. По данным „Белой книги" Управления подъема народного благосостояния архипелага Рюкю, на Окинаве 359 врачей, т. е. на 100 тысяч человек приходится в среднем 40,7 врача, что вполнину меньше, чем в префектуре Акита, которая занимает последнее место в Японии по уровню медицинского обслуживания. Неудивительно, что врачи, столь дефицитные на острове, не горят желанием работать в детской колонии или в комиссии по делам несовершеннолетних. Ненормально и то, что малолетние преступники, с их состоянием психической неуравновешенности и физического дискомфорта, содержатся не только без медицинского наблюдения, но и в крайней тесноте.

Для перевоспитания подростков необходим посильный труд — уход за домашними животными или работа в поле. В колонии, однако, нет никакой живности, ни клочка земли. Всего лишь крошечный огородик. Построена одна-единственная мастерская для производственного обучения. В ней установлен токарный станок, но он мертвым грузом пылится в углу, потому что в колонию, расположенную в низине, не проведена линия трехфазного тока. Территорию колонии на две части делит городская мостовая. Можно до бесконечности перечислять странности этого заведения. Самое неприятное заключается в том, что в колонии нет отделения для девочек. Это отнюдь не означает, что девушки архипелага ведут себя благонаравно. Их помещают в женскую тюрьму в Нахе. Девочки содержатся в одном здании со взрослыми преступницами, разделенные лишь коридором.

Считается, что, несмотря на отвратительнейшие условия, центральная колония для несовершеннолетних преступников справляется со своими функциями. Как это удается? На мой взгляд, исключительно благодаря усилиям молодых воспитателей. Самым простым методом в колонии, набитой до отказа, могли бы стать кулаки. В действительности же порядок здесь поддерживается не столько потому, что даже у юных нарушите-

лей законов есть свои права, сколько благодаря чувству мужской солидарности с воспитателями, которое помогает подросткам стойко переносить все тяготы и лишения.

Воспитателям колонии, с которыми я беседовал, немногим больше тридцати, во время войны они были в возрасте своих сегодняшних подопечных. Забегая вперед, отмечу, что вся окинавская интеллигенция этого поколения отличается невероятным чувством ответственности, граничащим со стоицизмом.

Рассказывая об условиях в колонии, воспитатели время от времени замолкали, и их лица озаряла горькая улыбка, тронувшая меня своей необычностью. Воспитатели сетовали на плохие условия работы, не выдерживающие никакой критики. Когда они задумывались над тем, что ждет их в будущем в этих невыносимых условиях, тогда и появлялась эта удивительная улыбка. Тем не менее никто из них не собирается менять место службы. Они не только не гнушаются этой работой, но своим энтузиазмом компенсируют тесноту, отсутствие врачей, дефицит подсобного хозяйства и производственных мастерских. Личным примером воспитывают они в малолетних преступниках глубокое, сознательное чувство долга.

Сотрудник комиссии по делам несовершеннолетних, демонстрируя таблицу показателей развития интеллекта малолетних преступников Окинавы, смущенно объяснял, что они на десять порядков ниже, чем в Центральной Японии. Он вел себя так, словно пытался оправдать нерадивость своего младшего брата. В окинавской комиссии по делам несовершеннолетних изучение их интеллектуального развития проводится только групповым способом из-за нехватки кадров и оборудования. Если бы появилась возможность обследовать каждого ребенка в отдельности, эти показатели у окинавцев, вероятно, сравнялись бы со среднеяпонскими.

Недавно до Окинавы докатилась волна движения определенного круга политических деятелей, ставящих перед собой цель снизить возраст привлечения к уголовной ответственности. Воспитатели исправительных колоний выступили с протестом, заявив, что нельзя перекладывать на детские плечи ответственность за социальные противоречия и нищету. Обоснованием их выступлений служат не только принципы морали, но и осознание социальной действительности острова, толкающей молодежь на преступления. На Окинаве я часто сталкивался с тем, что там, где катастрофически не хватает оборудования и условий для нормальной работы, порядок существует лишь благодаря полной самоотдаче и стойкости ее жителей. Впервые эти качества окинавцев открылись мне в колонии для малолетних преступников и в комиссии по делам несовершеннолетних. Навсегда запомнятся мне смущенная улыбка воспитателей и покорность детей-преступников.

Подростки, томящиеся в заключении, хранят молчание. А о чем думают их одногодки там, за стенами колонии? Я разгова-

ривал с учениками старших классов двух колледжей, встречался с ребятами чуть постарше — студентами Университета Рюкю. В училище рыбного промысла в городе Наха* видел будущих специалистов, которых принимают на работу даже в Центральной Японии. У благополучных, жизнерадостных учеников нет проблем. Один из них сочинил для любительского журнала стихотворение, в котором критикует японцев за то, что они не знают и не понимают Окинаву, и в то же время мягко подшучивает над своими земляками. Юный поэт учится на отделении управленческих кадров. Этим летом он побывал на стажировке в Центральной Японии.

В поезде рядом со мной
Оказалась хорошенькая девушка.
Я уступил ей место, как подобает джентльмену.
Она спросила:
«Что такое эта ваша Окинава?»
В ответ ей сказал я:
«Небеса и море наши чудесны,
Романтика, как на Гавайях,
И множество красавцев мужчин.
Улицы — сплошь одни билдинги.
Дома мы говорим по-английски,
А в школе нас учат родному,
Японскому языку».
«Как ты преуспел в японском!» —
Изумилась девушка.

Настроения учеников колледжа в городе-базе Кодза куда противоречивее, чем у их сверстников из Нахи. Статистика исправительной колонии и комиссии по делам несовершеннолетних свидетельствует, что наличие в городе военной базы США не ведет к росту детской преступности. Она процветает в Нахе, самом крупном городе Окинавы. Подростки Кодзы скорее всего воспринимают американскую базу как данность и приспосабливаются к жизни в специфических условиях. Они подходят вплотную к стальной сетке, за которой находится красивое здание школы для детей американских военнослужащих, и разговаривают с учениками. Нет сомнений в том, что окинавские подростки знают об Америке больше любого сверстника из Центральной Японии. Молодежь здесь имеет собственное нестандартное мнение о независимости, точнее говоря, о возвращении Окинавы в лоно родной страны. Послевоенное поколение появилось на свет в 1947—1948 годах, оно абсолютно не связано с войной. До пятого-шестого класса их учат преподаватели, пережившие войну. Война представляется школьникам чем-то мрачным и страшным, и им, как совсем крохотным детям, хочется спрятаться от всех этих ужасов, не думать о них. Сегодняшние ученики полностью отгородились от войны, по

крайней мере от прошлой, поэтому между преподавателями и их воспитанниками существует пропасть. Один из окинавских учителей заметил, что я не должен принимать за чистую монету все, о чем непринужденно болтают его ученики. Дети, с которыми раньше его связывала крепкая дружба, теперь отделены от него широкой пропастью.

Старшеклассники из американской школы любят пооткровеничать со своими окинавскими сверстниками. Американцы не считают Окинаву и Японию единым целым. Молодой американец-солдат, приехав на остров, от мальчишек в торговых кварталах Кодзы впервые узнает, что Окинава — вроде бы штат в японской федерации. Когда местный школьник объясняет американскому солдату, что он окинавец и в то же время японец, то обязательно слышит вопрос: «Ты, выходит, метис?». Поразмыслив, старшеклассник из Кодзы отвечает: «Действительно, история свидетельствует, что жители Окинавы — японцы. Однако Окинаву следует считать самостоятельной частью страны, чем-то вроде штата». Окинава не ассимилировалась с Японией, но и не американизировалась окончательно. Один из школьников заметил: «По эмоциональному строю мы не японцы, а вот рациональность и воспитание у нас японские».

Подобные умонастроения школьников формируются под влиянием идей о дискриминации окинавцев в Центральной Японии, о которой они слышали от своих отцов и дедов. «Отец говорит, что сначала Окинавой правил Китай, а потом Ямато *». Кто знает, действительно ли Окинава — это Япония, а мы — японцы? В подсознании хранятся рассказы о дискриминации окинавцев в предвоенные годы. Все мои знакомые тоже сомневаются в принадлежности к Японии. Когда американцы отбывают во Вьетнам и центральные улицы Кодзы пустеют, начинаешь думать, что с материальной точки зрения, пожалуй, разумнее не возвращаться к Японии. Уж лучше все привычное».

Многие школьники недоумевают, почему если и есть необходимость пересматривать статус Окинавы, то именно в пользу Японии?

«Окинава не может быть независимой. Она, конечно, ближе к Японии, а не к Америке. Мне не доводилось быть гражданином Японии, и если я и ощущаю себя японцем, то исключительно под влиянием отца и старшего брата. Когда по телевидению показывают соревнования по боксу, даже бабушка готова встать на сторону японцев. Кто больше всех радовался победам Японии на Олимпийских играх? Окинавцы вроде моей бабушки. Если бы с самого начала оккупации Америка решила бы покорить Окинаву, молодежь моего возраста считала бы Америку своей родиной. Перестрой сейчас систему образования на американский лад, как на Гавайских островах, и вся окинавская молодежь душой прикипит к Америке и, возможно, проголосует за присоединение к США».

Естественно, среди старшеклассников города Кодза есть и

группа националистов. Они категорически отвергают идею американизации. Одна ученица призналась мне, что с благоговением смотрит на национальный флаг Японии.

«Мои чувства сродни тем, которые переживаешь при виде родного флага за границей. В дни, когда не положено вывешивать государственный флаг, я заменяю его знаком японских военно-морских сил. Есть люди, которым все равно, что перед ними — солнце или звезды и полосы, а для меня это крайне важно. Я не питаю уважения к членам императорской семьи, но считаю, что кто-нибудь из них должен хотя бы раз побывать на Окинаве».

Когда я попытался выяснить, что ближе школьникам — космополитизм или национализм, мнения разделились поровну. Но и те, и другие единодушно заявили: «Нет достоверных доказательств того, что мы японцы».

После беседы с учениками преподаватель, служивший когда-то в авиации, показал мне школу. Крыша здания ветхая, кругом запустение. Неожиданно преподаватель возбужденно произнес: «Почему правительство не починит крышу?» Что же удивляться ученикам, когда они с усмешкой говорят: «Благо едой пока снабжают».

Этот преподаватель, избежавший благодаря ранению участия в операциях спецотрядов, проводившихся в конце войны, так же, как и его коллеги из колонии для малолетних преступников, чувствует свою личную ответственность за недоработки властей Рюкю. Он пытался убедить меня в том, что не следует придавать серьезного значения космополитизму школьников, но меня больше всего взволновали произнесенные застенчиво слова: «Какой с учеников спрос?»

Как охарактеризовать образ мышления окинавцев, которые принесли себя в жертву войне, а сейчас, в послевоенные годы, готовы взвалить на себя еще большую ответственность?

Большая часть молодежи из Университета Рюкю появилась на свет в период с 1940 по 1943 год. Они тоже почти не помнят войну. Нашелся юноша, припомнивший, как красивы были разрывы снарядов при обстрелах Окинавы. Память этого поколения начинается с первых послевоенных дней. Трудности с продуктами, а потом изобилие выброшенных на рынок американцами товаров — хрустящего картофеля, мороженого, витаминов.

Американцы на своей территории лакомятся арбузами. Они не обращают никакого внимания на детей, прильнувших к металлической сетке и выкрикивающих что-то на окинавском диалекте. По соседству с начальной школой расположена американская казарма. Учитель со слезами на глазах бранит школьника, который получил конфету за то, что подал солдатам мяч для гольфа, залетевший на школьную площадку. Дети разучивают национальный гимн Японии, но поют вполголоса, словно чувствуя его неуместность здесь, на Окинаве. Начинает-

ся война в Корее, и они видят, как с базы Кадэна взлетают бомбардировщики. Дети Окинавы тоже верят рассказам, что в том случае, если американские боевые самолеты, стартующие вечером и возвращающиеся на рассвете из Кореи, проиграют войну, всем придется работать на Советский Союз. С бомбардировщиками случаются аварии.

В такой обстановке дети взрослеют, но потребуется еще много времени, чтобы они открыли для себя Окинаву как чужую военную базу. Студенты, приехавшие в Университет Рюкю из отдаленных уголков архипелага, впервые начинают осознавать, что их земля — военная база США. Если верить в искренность молодежи Кодзы, понимание того, что живут они в городе-базе, приходит к ним уже в старших классах школы. Во всяком случае, с той поры, как ребенок из Кодзы помнит себя, он постоянно видит вокруг американских солдат и поэтому привыкает к мысли, что Окинава является военной базой. Совершенно по-иному относятся к своему положению студенты, выросшие на Яэяме*, где нет ни одной базы.

Среди студентов юридического факультета Университета Рюкю мне встретился юноша родом с острова Миякодзима. После приезда на Окинаву он примкнул к студенческому движению, ибо здесь у него открылись глаза на существующие военные базы США. Один из членов редколлегии университетской газеты рассказал мне историю девушки, приехавшей на учебу с крошечного островка из группы Яэяма в период жесткого курса, проводимого командующим американскими войсками на Окинаве Карвэем. Впервые ступив на землю Окинавы, превращенную в военную базу, она увидела там множество чужеземцев. Впечатлительная по натуре, девушка не могла освободиться от мысли, что Карвэй дурачит окинавцев. Газеты, повседневная жизнь, все вокруг подтверждали ее опасения. Студентка лишилась сна. Она решила на борьбу и вызвалась работать в редакции университетской газеты. Приведу еще один пример. Молодой рабочий с американской базы в Кодзе обратился в студенческую газету с просьбой освободить его младшего брата от обязанностей корреспондента. Он боялся, что прогрессивные взгляды брата-студента приведут к тому, что его самого американцы уволят.

Студенты с отдаленных островков архипелага тоже мало-помалу привыкают к жизни на Окинаве, поэтому активисты газеты стараются препятствовать проникновению в университетскую среду примиренческих настроений по отношению к американским базам. Членов редколлегии глубоко беспокоит, что некоторые студенты остаются равнодушными, даже если на базы заходят атомные подводные лодки. Недавно, в день, когда была назначена студенческая демонстрация против баз, один из военных кораблей в порту Нахи открыли для осмотра. Активисты волновались, не зная, где окажется больше студентов — на демонстрации или на американском корабле? Их постигло

горькое разочарование. Значительная часть студентов предпочла палубу военного корабля.

Как относятся студенты к движению за возвращение Окинавы к Японии? Так же как и в среде старшекласников Кодзы, здесь ведется борьба между космополитами и националистами. Мне остается только передать в нетронутом виде две противоположные точки зрения. Я почувствовал также, что нетерпимость к взглядам противников присуща не только целым группировкам, но и каждому молодому человеку в отдельности.

Студентка отделения японской филологии, поборница национальных традиций, рассказала мне о летних каникулах, проведенных вместе с другими студентами на Тайване. Там она часто беседовала с китайцами. Во время одной встречи какой-то китаец заявил, что Окинава должна стать независимой, и добавил, что этнически окинавцы принадлежат к китайцам. Возмущенные студенты ответили, что окинавцы не нуждаются в помощи Тайваня.

В Токио, а потом и в Университете Рюкю я слышал о молодежи, требующей предоставления независимости Окинаве. Студенты рассказали мне, что политическая платформа небольшой Народной партии Рюкю сводится к установлению экономических связей с Тайванем. Увидеть воочию молодого сторонника независимости Окинавы мне не довелось.

С другой стороны, студенты, настороженно относящиеся к движению за возвращение Окинавы Японии, подчеркивают, что именно японские утопические разглагольствования являются причиной экономических трудностей на острове. Все, что ни делается в Центральной Японии, приукрашивается и преподносится на Окинаве как эталон. К примеру, в учебные программы окинавских школ введен курс «формирования человека». Окинавцам постоянно внушают идеи исключительности всего японского, а здешние люди весьма консервативны. По мнению студентов, форсирование процесса возвращения Окинавы может привести к тому, что старшее поколение архипелага станет самой консервативной частью народа Японии.

Студенты заявляют, что, несмотря на сходство с жителями Центральной Японии во внешнем облике и языке, они не ощущают себя японцами и не считают Японию своей родиной. Один из них рассказал мне, как, приехав однажды в Токио, он сразу же сбежал на Окинаву, потому что японцы вызывали у него страх. Для чего он отправился в столицу? Отнюдь не в поисках родины, просто захотелось прокатиться «за пределы Окинавы».

Встречаются и менее ортодоксальные студенты, но и они считают, что чувство общности с японцами основано не на исторической реальности, а вбито им в голову. Окинавцы, работающие на военных базах, выступают за их сохранение после возвращения к Японии. Словом, что ни человек, то собственное мнение, определяемое личными интересами. Пред-

ставление о национальной самобытности архипелага в глазах его жителей, возможно, несколько преувеличено, однако программа возвращения Окинавы может быть осуществлена только при гарантии учета интересов каждого гражданина Рюкю. Часть студентов питают глубокое недоверие к правительству Японии и поэтому не уверены в завтрашнем дне. Свое желание воссоединения они мотивируют тем, что сейчас Окинава занимает очень слабую позицию на международной арене. Возвращение к Японии, однако, чревато притеснениями со стороны японцев. Действительно ли Япония родное гнездо? Испытывают ли японцы симпатии к окинавцам, видят ли в них братьев по крови? Не ограничиваются ли наши узлы общей радостью, пережитой во время побед Японии на Олимпийских играх? А что ждет нас всех в повседневной жизни? Окинавцу приятно видеть солнце на национальном флаге, но что кроется за его лучами в японской действительности? На архипелаге многие почитают национальный флаг, но ненавидят Японию. После возвращения Окинавы им придется полагаться на японское правительство и обращаться за помощью к нему, а не к американцам. Один из студентов признался мне, что не считает изменение положения Окинавы возвращением к соотечественникам.

Настроения незадачливого парня, намыкавшего в Токио из-за желания побывать «за пределами Окинавы», на мой взгляд, типичны для большинства студентов Университета Рюкю. Сейчас молодежи Окинавы предоставлены широкие возможности для обучения в университетах Америки и Японии. Конкурс среди старшеклассников на получение государственной стипендии для обучения в американских или японских высших учебных заведениях примерно такой же, как и при поступлении выпускников японских школ в Токийский государственный университет. Среди получающих образование за собственный счет немало способных молодых людей, которые после окончания университета не стремятся вернуться на архипелаг и посвятить себя служению родине. Значительная часть молодежи покидает Окинаву. Около пятисот выпускников вузов ежегодно все же возвращаются на Окинаву, остальные расстаются с ней навсегда. Нежелание поступать на службу в родных краях они объясняют чувством протеста против принудительного возвращения на Окинаву. А может быть, молодые специалисты считают работу на родном острове бесперспективной?

Здесь перед студентами Университета Рюкю, желающими побывать «за пределами Окинавы», встает дилемма. Они считают себя обойденными теми студентами, которые за казенный и собственный счет уезжают в университеты Америки и Центральной Японии. Жизнь на Окинаве однообразна и тяжела, будущее в этом традиционно нищем краю, к которому привязан студент местного университета, внушает только неуверенность.

Подобные настроения исподволь владеют частью студентов

Университета Рюкю, поэтому возможность стажировки в Америке после получения диплома оказывает на них серьезное психологическое воздействие. Я встретился со студентами отделения английской литературы Университета Рюкю, издающими на английском языке газету «Юниверсити ревью». В одном из последних номеров на первой полосе помещена статья, начинающаяся следующим образом: «Студенты из США и с Тайваня, обучающиеся в нашем университете, довольны своей жизнью. Недавно с Тайваня прибыл некто Юджин Мин для изучения английской литературы. До недавнего времени он состоял на государственной службе». Студент, сотрудничающий в газете, упрекнул меня в том, что все японские писатели изображают Окинаву темной и жестокой. Он считает необходимым создать правдивый образ современной Окинавы. После первой короткой беседы мы встретились еще раз. Молодой человек признал, что нельзя отрицать мрачные и неприглядные стороны жизни острова. Любопытно отметить, что студент пришел ко мне с преподавателем-американцем. А ведь в первую очередь с подобными претензиями следовало бы обратиться именно к нему! Студент откровенно заявил, что мечтает о стажировке в США, поэтому для совершенствования своего английского работает в газете. Этот студент является представителем той части молодежи Университета Рюкю, которая настроена оптимистично. А вот студент, рассказавший мне о желании прокатиться «за пределы Окинавы», олицетворяет собой пессимистическое звено молодого поколения архипелага.

Кстати, он подчеркнул, что именно перспектива стажировки в США является одной из причин застоя в студенческом движении. Когда он сам собирался присоединиться к молодежным выступлениям, его друг стал готовиться к стажировке. И он решительно запротестовал против его намерений, заявив, что хоть и любой волен участвовать в студенческом движении, однако из-за дружбы с участником волнений у него могут возникнуть трудности в получении заграничного паспорта. Действительно, для оформления стажировки необходимо пройти множество различных проверок, поэтому студенты вынуждены вести себя осмотрительно. Некоторую компенсацию за послушание они получают по возвращении из США, свободно участвуя в политической жизни. Им приходится встать перед выбором — желанием примкнуть к студенческому движению и заманчивой перспективой побывать в США. Побеждает чаще всего второе.

Как оценивают преподаватели Университета Рюкю взгляды и интересы своих студентов? Я встретился с тремя доцентами этого университета. На них лежит ответственность за воспитание послевоенного поколения Окинавы. Самим им в юности довелось воевать на Окинаве и узнать, что такое война, на собственном опыте. Интеллигенция Окинавы хранит обет молчания относительно всего, что касается военных событий, но,

если этот обет нарушается, поражаешься, какое бремя несут на себе их память и души.

Масахидэ Ота, доцент факультета журналистики, родился в 1925 году. Он воевал в отряде студентов-ополченцев. Из ста двадцати его сверстников, студентов педагогического училища Окинавы, в живых остались только двадцать восемь человек. Можно представить, какие испытания выпали на долю этих юношей. Некоторые из воевавших были еще моложе М. Оты. Психолог Тосиюки Агаруэ — 1930 года рождения, доцент социально-общественного факультета Канро Хика — 1931 года рождения, принимали участие в боевых действиях в составе отрядов по защите монархии. Оба уцелели. В трудные послевоенные годы они упорно овладевали знаниями в университете в Центральной Японии, а после стажировки в США вернулись на Окинаву, где занимаются научными исследованиями и преподают в Университете Рюкю. Всем им часто приходится спорить со студентами на самые острые современные темы.

Вполне естественно, что преподавателей больше всего волнует, как современное студенчество воспринимает войну и послевоенный период. Что значит жизненный опыт тех, чья молодость опалена войной, для студентов, которые не могут глубоко прочувствовать опасность существования американских баз на Окинаве, потому что не знают войны. Разговор на эту тему был совершенно откровенным.

Среди студентов есть молодые люди с очень развитым политическим сознанием. Однако столкновение с крупными проблемами нередко повергает молодых людей в отчаяние. Доцент Ота рассказывал, что многие студенты, заболев неврозом, едут учительствовать в деревенские школы в надежде прийти в себя. Сегодня крайне важно понимать кризисное состояние современной действительности, но это по силам далеко не каждому. С одной стороны, существует значительная часть студентов, способных критически оценивать реальность, с другой — нельзя игнорировать и тот факт, что определенный круг молодежи замкнулся в своих переживаниях и неврозах. Старшие братья и сестры многих студентов погибли во время войны, однако младшие выросли бесчувственными и делают вид, будто ничего не произошло. Доцент Ота оставил попытки навести мосты между своим военным поколением и молодыми.

Что произойдет, если студенты, равнодушно относящиеся к любой войне, будь то вторая мировая или та, которая ведется сегодня с американского плацдарма на Окинаве во Вьетнаме, переступят через поколение доцента Оты и примкнут к «патриархам» архипелага? По словам преподавателя, главное, что не устраивает молодых в старшем поколении окинавцев, которому принадлежит реальная власть, это не след кровавых преступлений в прошлой войне, а лишь то, что они слишком зажились на этом свете. А правящие круги Окинавы ведут себя так, словно на острове не было страшной войны, и они преспокойно

перенеслись в послевоенные времена, став поборниками самых консервативных идей воссоединения с Японией. Быть может, окинавские политические деятели задумывают осуществить воссоединение исключительно ради тех, кто несет ответственность за прошлую войну? В таком случае послевоенная Окинава — всего лишь сон, иллюзия. Если молодежь будет равнодушно относиться к урокам истории, поколение доцента Оты обречено на изоляцию и остракизм.

Доцент Ота говорил, что в Центральной Японии пусть и не в полной мере, но все же привлекли виновных к ответу за содеянное в годы войны. На Окинаве обвинения предъявили лишь двум военным преступникам. По словам доцента Хики, оккупационные власти считали Окинаву пострадавшей стороной, так же как Тайвань и Корею, поэтому не чинили препятствий демократическому движению. Если бы возвращение к Японии смогло осуществиться в том виде, о котором помышляют влиятельные круги Окинавы, безмятежно прожившие послевоенный период, доцент Ота и его единомышленники желали бы только одного — чтобы послевоенное поколение архипелага, критически пересмотрев прошлое и настоящее своего народа, осознало бы кризисную ситуацию и выступило против старшего поколения, с его обветшавшими ценностями.

Доцент Агаруэ рассказал мне случай, который показывает, что простой народ Окинавы чинит свой суд за содеянное в войне. В самый ожесточенный период сражений на фронт стали отправлять студенток окинавского женского педагогического училища. Один из преподавателей отпустил девушек, поняв, сколь бессмысленно их участие в боях. Несмотря на распоряжение, студентки не решались разойтись, и он стал разгонять девушек, швыряя в них камни. Двадцать послевоенных лет этот человек мучится, вспоминая злосчастные камни, хотя на самом деле он бросал в учениц мелкую гальку. А разве не должны были другие преподаватели, наблюдавшие растерянность девушек, нести ответственность за жизнь нескольких сотен подростков, которых они привели на поле боя? Не является ли подобная половинчатость типичной для отношения окинавцев к событиям военных лет и к ответственности за них?

Теперь о психологических особенностях отношения окинавцев к жителям Центральной Японии. Многие старшеклассники Кодзы, например, проявляют глубокий интерес к проблеме дискриминации окинавцев в Японии в довоенные годы, о которой рассказывают их родители. Каково отношение к этой проблеме в Университете Рюкю? По мнению преподавателей университета, ученики старших классов школ Кодзы здесь выступают в меньшинстве, а в студенческих кругах затаенное чувство дискриминации, пожалуй, изжило себя. Действительно, когда студенты говорили, что после возвращения Окинавы возможны притеснения со стороны жителей центральных районов, что шаг этот чреват усугублением традиционной для

архипелага нищеты, в их словах звучало что-то отличное от подсознательного чувства неполноценности. В течение двадцати послевоенных лет у молодого поколения окинавцев не было контактов с японцами, в результате которых зародилось бы ощущение дискриминации. Чувства старшекласников Кодзы носят скорее умозрительный характер. Доцент университета считает, что довоенный комплекс неравенства с японцами в настоящее время перенесен, пожалуй, на взаимоотношения с американцами. Во всяком случае, сегодняшний окинавец осознает, что японец ему гораздо ближе американца. С другой стороны, теперь элита Окинавы благодаря тесным связям с американцами приобретает чувство превосходства над японцами. Студенты же в целом безразличны к вопросу возвращения Окинавы Японии. По мнению доцента Хики, они и не категорически против, и по-настоящему не стремятся к воссоединению. Патриотические чувства развиты у студентов крайне слабо. В тех кругах военного поколения, где господствуют космополитические настроения, необходимость возвращения также подвергается сомнению.

По наблюдениям доцента Агаруэ, у стариков преобладает желание воссоединиться с Японией, не имеющее под собой определенной теоретической базы. Просто они исходят от противного, полагая, что неприлично выступать против возвращения Окинавы. Среди участников движения за возвращение есть и такие, кто просто любит размахивать японским национальным флагом в «день основания японской империи»*. Часть политических деятелей Окинавы выступает за политическое возвращение к Японии при сохранении американских военных баз и получаемых от них выгод. Доцент Агаруэ заметил, что слова Кунио Янагиды о довоенной Окинаве — верхушка архипелага заботится только о собственных интересах — актуальны и в послевоенный период. Позиции влиятельной верхушки поддерживаются в народе, вероятно, потому, что на Окинаве не привлекают к ответственности за преступления в годы войны.

Каково же отношение самих преподавателей Университета Рюкю к проблеме возвращения Окинавы? Доцент Ота не согласен с широко распространенным мнением, что вернуться следует в любой ситуации, независимо от отношения японского правительства к Окинаве. С его точки зрения, необходимо прежде всего изучить, какую новую политику намерены проводить центральные власти по отношению к архипелагу. Возвращение Окинавы ни в коем случае не должно способствовать упрочению позиции реакции, выступающей за пересмотр конституции. Доцент Ота предлагает провозглашение законно обоснованной теории возвращения, исходящей из следующих принципов: привлечение к ответственности за содеянное в годы войны; воспитание у равнодушной молодежи чувства опасности новой мировой войны или любой другой войны, как, например, во Вьетнаме, которая ведется с американских военных баз на

Окинаве; критическое отношение к курсу японского правительства.

Взгляды доцента Хики, пожалуй, самые оригинальные. Он ставит два вопроса — возвращение и расширение прав автономии. Возвращение означает передачу власти в руки народа Окинавы, что не противоречит прежде всего совершенствованию системы самоуправления. Я принадлежу к поколению, которое получило среднее образование в первые послевоенные годы, поэтому взгляды доцента Хики мне близки из-за их верности демократическому духу конституции. Неужели они не пробудят интереса к конституции в душах послевоенного поколения Окинавы, которое почти ничего не получило от этого завоевания демократического движения?

Три доцента Университета Рюкю, о которых я рассказал, являются членами клуба «Голден гейт». В Токио я не раз слышал об этом клубе, штаб-квартире новой элиты Окинавы, получившей образование в США. Главнокомандующий американскими войсками на Окинаве выступает на собраниях членов клуба с наиболее важными заявлениями, из его молодых членов отбирают служащих в Корпорацию по освоению и развитию архипелага. Я слышал на Окинаве разные отзывы о клубе — и завистливые, и критические. Один из студентов Университета Рюкю сказал, что клуб «Голден гейт» подобен великолепному дворцу, в который простому человеку хода нет.

Я встретился с председателем клуба. Хочу рассказать, что думают о характере и роли этой организации в судьбе архипелага три доцента Университета Рюкю, на мнение которых я полагаюсь, с одной стороны, и председатель «Голден гейт» — с другой. Доцент Хика считает, что пресса Центральной Японии искажает истинное лицо клуба, утверждая, что клуб заискивает перед Америкой и находится под пятой у американцев. Среди членов клуба, разумеется, есть беспринципные люди, слепо поклоняющиеся всему заокеанскому, однако в целом организация настроена скорее критически по отношению к США. Такое положение, видимо, характерно для интеллигенции любой страны, находящейся в своего рода колониальной зависимости. Ядро клуба составляют люди, не просто побывавшие на стажировке в США. Своё образование они получили в Центральной Японии, в Америке усовершенствовали знания, там же они обрели критический взгляд на эту страну.

Доцент Ота рассказывает, что прежде «Голден гейт» был организацией, где собирались окинавцы, стажировавшиеся в США. Новый характер клуб стал обретать с 1957 года, когда консульство США устроило прием для молодой окинавской элиты и американских военных властей с целью установления более тесных контактов. С той поры начали проводиться регулярные встречи с членами местного американского клуба, что привело к неизбежным недоразумениям в оценке «Голден гейт». Доцент Ота добавил, что представители ортодоксального

крыла интеллигенции настроены далеко не проамерикански. Восторженными поклонниками Америки становятся выпускники школ, которые сразу же попадают на короткую стажировку в страну. Недавно на одном из заседаний «Голден гейт» американский главнокомандующий Уотсон упрекнул членов клуба за их оторванность от народа Окинавы. Наиболее характерной чертой его членов является способность приспосабливаться к обстоятельствам и увлечение прикладными науками в духе молодой интеллигенции периода революции Мэйдзи. Эти люди, крайне беспомощные в сфере идеологии, теряются, сталкиваясь с проблемой воспитания молодого поколения. Сомнительно, чтобы им оказалась по плечу трудная задача — не имея представления о реальной жизни, привить младшему поколению ощущение кризиса. В этом заключаются претензии доцента Оты к членам клуба «Голден гейт». Его волнует роль старших в воспитании молодежи. Если не развить в молодой элите Окинавы ощущения кризиса реальной действительности, что же произойдет с народом архипелага, который из-за американских военных баз пребывает в состоянии относительной экономической стабильности и абсолютной политической инфантильности? Мне показалось, что забота о сохранении способности аналитического восприятия действительности является краеугольным камнем в мировоззрении всех молодых ученых, когда-то воевавших в отряде студентов педагогического училища.

Что представляет собой та часть послевоенного поколения воспитанников Университета Рюкю, которая — по крайней мере внешне — далека от сознания кризиса и покорно следует заведенному порядку? В последние годы студенческое движение переживает застой. Однако это не значит, что стены университета никогда не слышали ожесточенных споров. Где теперь активисты былой поры бурь, молодые люди, взявшиеся за разъяснение окружающим истинного положения вещей на архипелаге? Какое место они занимают сейчас в общественной жизни Окинавы? Мне захотелось непременно поговорить с ними. Я встретился с тремя молодыми людьми, участвовавшими в свое время в студенческих волнениях. Один из них сокрушено заметил, что бунтарское прошлое вряд ли способствует продвижению по лестнице, ведущей в «Голден гейт». Никто из троих не состоит в этом клубе. В то же время им не потребовалось спасаться в деревне от неврозов. Одного после получения диплома отправили на далекий остров Исигаки, расположенный в 450 километрах от Окинавы. Он работает на строительстве тоннеля и никогда не унывает, несмотря на все невзгоды и тяготы жизни. Двое остальных тоже работают, не утрачивая при этом способности трезво оценивать современность. Эти парни — действительно достойные представители послевоенного поколения.

Я отправился на остров Исигаки. С наступлением сумерек

он погружается в непроглядную темень, но дети продолжают носиться по тротуарам. Смутно белеет обелиск павшим на полях сражений, уменьшенная копия того, что находится на Окинаве. Днем Исигаки — живописный южный остров, зеленеющий кокосовыми пальмами и папайей, ночью он наводит на мысли об этнографической экзотике архипелага Рюкю. Здесь поневоле начинаешь верить преданиям о том, что души умерших возвращаются к родным берегам, чтобы со временем воплотиться в младенцах. Загадочен мрак острова Исигаки.

Корреспондент газеты «Окинава таймс», постоянно живущий на Исигаки и пишущий о жизни окрестных островков, в прошлом сочинял стихи для любительского журнала «Рюдай бунгаку», который был трибуной студенческого движения в Университете Рюкю. Воинственное стихотворение «Цветная раса» начинается следующими строками:

Наша кожа не бела.
Нет, у нас не нежная кожа,
Поросшая золотистым пушком.
Она опалена солнцем,
Потрепана тайфунами,
Просолена южным морем.
Светло-коричневая кожа,
Светящаяся изнутри.
Люди белой расы
С прозрачной кожей,
Вы приехали на наш остров
И ходите с хозяйским видом.
Люди белой расы,
Вы называете нас желтыми,
Вы называете нас цветными.

Поэт говорит белым: «хватит называть меня желтым другом», помните о «красоте наших костлявых, непокорных кулаков». Обращаясь к американским неграм, служащим на базах, он восклицает:

Вы — черные,
Мы — желтые.
Мы — представители двух славных рас.
Да здравствует черный и желтый цвет!

Автор сначала разоблачает расизм белых, а потом с гордостью подчеркивает свою принадлежность к желтой расе. Он задает вопрос солдатам-неграм:

Послушайте, вы!
Думали вы когда-нибудь о желтом цвете,
Глядя на нас?

Эти стихи написал в 1950 году девятнадцатилетний первокурсник Акира Аракава из первого набора в Университет Рюкю. Вместе с другими выходцами с маленьких островов архипелага, отрезанного от Японии, он только что переступил порог университета. В ту пору в нем не было не то что библиотеки, но и учебников. В молодом университете студенты лишь на третьем курсе смогли выбрать свою будущую специальность.

Подобно доценту Оте, молодые выпускники окинавцы после стажировки в США занимались научной деятельностью в университетах Центральной Японии, а потом вернулись на Окинаву. Аракава учился в ту пору, когда Университет Рюкю был чем-то вроде подготовительных курсов для стажировки за государственный счет в США или университетах Японии. В те годы выезд с Окинавы запрещался, поэтому в японские университеты можно было попасть, только выдержав конкурс и получив государственную стипендию. Как свидетельствует сборник, посвященный десятилетию Университета Рюкю, вплоть до 1955 года студенческий комитет выдвигал лозунг самостоятельности и снятия статуса подготовительной школы. Тогда Аракава не помышлял о стажировке, хотя именно эта мечта владела умами всех студентов университета. В пятидесятые годы для выпускников средних школ практически не было работы нигде, кроме американских военных баз, и то если повезет, поэтому поступление в Университет Рюкю считалось выходом из положения. Студенты того поколения основали любительский литературный журнал «Рюдай бунгаку». Первые его номера были пронизаны пессимизмом и отчаянием. Журнал увидел свет в июле 1953 года, когда в университете появились признаки студенческого движения. Весной того года студенты — члены комитета защиты жизни организовали на улицах Нахи выставку, посвященную атомной трагедии, на которой экспонировались вырезки из журнала «Асахи гурафу». Члены студенческого экономического кружка начали выпускать журнал «Дзию». Четверо студентов оказались под домашним арестом за нарушение университетских порядков. На первомайском митинге объявили о принятии административных мер к непокорным студентам, и депутация молодежи заявила протест университетским властям. Ректорат не только проигнорировал его, но и принял решение об отчислении четырех бунтарей.

Студенческое движение оказало влияние на журнал «Рюдай Бунгаку». Его редколлегия проводила встречи читателей с журналистами из газеты «Окинава таймс», получившими образование в Центральной Японии. В течение 1954 года журнал последовательно приобретал антиамериканскую окраску. 1956 год ознаменован первым после войны всеобщим движением протеста, всколыхнувшим весь архипелаг. Развернулась борьба за землю против захвата ее американцами под военные базы. Шесть студентов были исключены из университета, один

посажен под домашний арест. Четверо из наказанных входили в редколлегию журнала «Рюдай бунгаку». К 1956 году он уже сформировался как ядро антиамериканского студенческого движения, поэтому было совершенно очевидно, что репрессии против студентов преследовали прежде всего цель уничтожения непокорного журнала.

Университетские власти высказались тогда за смягчение наказания студентам, однако под давлением американской администрации приняли все же решение об исключении. Молодые преподаватели политического и экономического факультетов тщетно пытались опротестовать решение ректората. Один из студентов подвергся гонениям только за то, что написал в газету «Окинава таймс» заметку об изгнании крестьян с их земель. Мне понравилось название его корреспонденции: «Загнаннаямышь сама кошку кусает», — пронизанное горьким юмором слабого человека, осмелившегося на бунт.

В тот год Акира Аракава, уже получивший диплом, работал в газете, занимаясь делами Университета Рюкю. Он опубликовал выше процитированное стихотворение в журнале «Рюдай бунгаку». Публикация стихотворения была отважным, скорее даже отчаянным поступком, потому что все издания на Окинаве подлежали цензуре американских военных властей. Редколлегия журнала выпустила номер без предварительной цензуры, и он был запрещен. Просматриваю подшивку «Рюдай бунгаку». В послесловии к следующему после арестованного номеру говорится: «Спустя год и месяц со дня выхода предыдущего номера наш журнал наконец увидел свет. Кризисные явления в университете и за его стенами сказались и на нашем журнале. Он был временно закрыт из-за проблем нелитературного характера, и мы были вынуждены провести целый год в бездействии». В этих словах содержится намек на неприятности, вызванные стихотворением Аракавы, на невзгоды, пережитые четырьмя членами редколлегии, исключенными из университета. «Теперь мы выбрались из мрака», — говорится в послесловии. Вот заключительные строки стихотворения Акиры Аракавы:

Мы возьмем над вами верх
И сожжем орудия угнетения,
Цепко схваченные вашими руками.

Такаси Ирэй, 1935 года рождения, — один из тех, кто принял эстафету Акиры Аракавы и его единомышленников в студенческом движении и журнале «Рюдай бунгаку». Сейчас он служит в отделе информации мэрии города Наха. В период общих выступлений против захвата земель американцами были сформированы студенческие отряды протеста, и Такаси Ирэй являлся заместителем командира в одном из них. Окинавская полиция не могла справиться с молодежными демонстрациями. Эффективными оказались только американские гранаты со

слезоточивым газом. Студенческие отряды провозгласили лозунг, подхваченный всеми жителями Окинавы: «Янки, убирайтесь вон!» Такаси Ирэй — один из тех, кто первым выдвинул это требование. Студенты потерпели поражение и не добились восстановления своих друзей в университете, но все же их борьба стала вызовом американским властям, оказавшим грубое давление на ректорат. Когда американский советник по делам образования при Университете Рюкю покидал пост, было решено присвоить ему звание доктора наук. Ночью накануне церемонии студенты распространили прокламации. Ни один студент не явился в актовЫй зал, лишь несколько человек из ректората безмолвно наблюдали этот фарс. Еще один пример того, как «загнанная мышь сама кошку кусает».

Такаси Ирэй мечтал стать учителем, но ему решительно отказывали во всех школах. Активист студенческого движения оказался на государственной службе лишь благодаря тому, что мэром Нахи в кои-то веки избрали представителя реформистов. Сейчас Ирэй работает в отделе информации, продолжая отдавать все свободное время общественной деятельности. Я поинтересовался его мнением о возвращении Окинавы. Он полагает, что возвращение в соответствии с японо-американским административным соглашением будет означать для острова усугубление уже допущенных японским правительством просчетов. «Для преодоления всех ошибок в политике японского правительства в отношении Окинавы необходима такая основа возвращения, которая зиждилась бы на суверенитете самой Японии, в противном случае архипелаг Рюкю обречен на роль исторического выродка. Окинавцы должны влиться в оппозиционные силы Японии, выступающие против правительственного курса, иначе в один прекрасный день Америка, опомнившись, решит в качестве компенсации за освобождение Окинавы оккупировать Центральную Японию».

Служащий отдела информации мэрии Нахи — самый левый из всех представителей послевоенного поколения, с которыми я виделся на Окинаве. «Жители Центральной Японии и окинавцы по-разному воспринимают послевоенное двадцатилетие», — горячо убеждал он меня. Такаси Ирэй рассказал мне о днях капитуляции Японии во второй мировой войне. В ту пору он был еще ребенком и жил на одном из островков архипелага. Мы с ним одногодки, только я родом из горной деревушки на острове Сикоку, поэтому мои воспоминания и чувства, вызванные поражениями, несколько отличаются от его впечатлений тех лет. Я обещал собеседнику, что не приведу в очерке настоящее название островка его детства. Дело в том, что для его обитателей те времена еще не канули в прошлое, последствия разгрома Японии в войне определяют условия их существования и в наши дни.

Итак, десятилетнему Такаси, как и мне, школа в годы войны вдалбливала идею превосходства японцев над всем остальным

миром. Всех голубоглазых, в том числе и американцев, на острове называли презрительными кличками. Случилось так, что неожиданно на острове объявился чужеземец. Его схватили и привели в контору деревенского старосты. На острове в то время находилось пять солдат из штурмового отряда специального назначения, которые умышленно повредили самолет и затаились вдаль от боевых действий. Еще шестеро сбежали на челноке из Кунигами. Дезертиры поселились в богатых домах. Как ни странно, но им предоставили даже временных жен — девушек из приличных семей во главе с их учительницей. На празднике поминовения усопших они танцевали с обнаженными мечами. Американца привели в дом родителей Такаси и накормили. Мальчик, подзывая кошку, кричал: «Кэро! Кэро!» Молодой американец тоже окликал кошку по имени, услышанному от ребенка, и она прыгала ему на колени. Юный патриот дрожал от гнева: неужели у него и презренного инородца может быть что-то общее! Однажды японские солдаты привели пленного к морю, чтобы показать ему американскую резиновую лодку, которые часто выбрасывало на берег. Американец, решив, что ему позволили покинуть остров, радостно начал надувать лодку. Такаси опрометью бросился домой, увидев, что солдаты схватились за ножи. Дед мальчика наблюдал последние минуты американского парня. Лодка была надута наполовину, когда его закололи в спину. Дезертиры так же зверски убили еще пятерых американцев, попавших на остров. К берегу нередко прибывало консервы, разные бутылки со спиртным. Такаси с удовольствием охотился за морскими подарками. Как-то утром они с дедом увидели в воде совершенно новый ботинок. Выловив его, они обнаружили в нем человеческую ступню. Неизвестно, каким образом до островка дошла весть о поражении Японии, но после этого жители деревни посадили дезертиров в лодку и спровадили их на другой остров. Их временные жены остались дома.

Такаси пришел к горькому выводу, что дезертиры — убийцы. Он понял, что жители его деревни далеки от образца японского превосходства. А идеал — это японцы из центральных районов страны, которые, дезертировав из армии, поселились у богачей, спали с деревенскими девушками, плясали, дико размахивая мечами, зверски расправлялись с пленными американцами, а потом скитались по островкам в поисках безопасного прибежища. Мальчик Такаси остался на родном островке с тяжелыми думами. Наше правительство за послевоенные двадцать лет не сделало ничего, для того чтобы Такаси Ирэй смог отказаться от своих горьких выводов. Мне остается только согласиться с мнением теперь уже взрослого Такаси о том, что «жители Центральной Японии и окинавцы по-разному воспринимают послевоенное двадцатилетие».

Последний бурный всплеск перед нынешним штилем движение окинавских студентов пережило в пору борьбы против

японо-американского договора безопасности. Ёсихидэ Коки, 1937 года рождения, бывший тогда председателем студенческого комитета Университета Рюкю, возглавил молодежное движение протеста на острове, которое возникло в ответ на призыв прогрессивной общественности Центральной Японии. Сейчас он преподает в средней школе Кодзы и возглавляет театральную труппу «Содзо», созданную в 1961 году. Первым спектаклем, поставленным этой труппой — кстати, единственной на Окинаве, работающей над современной драматургией, — была «Тень солнца» Асаи Фудзиты*. Раскрывая образ француза, предавшего родину, Ёсихидэ Коки стремился отразить мучительный процесс возвращения к отчизне. Труппа «Содзо» постоянно обращается к теме войны. В прошлом году их спектакль «Дневник Анны Франк» собрал девять тысяч зрителей, билет стоил 50 центов. В то же время глава труппы не совсем представляет, что больше всего интересует зрителей Окинавы. Ё. Коки говорит, что они не могут конкретно сформулировать свои эстетические запросы. Он считает, что, вероятно, стоит поставить пьесу, более приближенную к жизни архипелага.

Ё. Коки взволновала недавняя наглая выходка одного окинавского юноши. С воплем «К черту эту башню Химэ-юри!» он изуродовал памятник*. Люди осудили варварский поступок, но Ё. Коки считает, что двадцатилетний послевоенный опыт окинавцев, уцелевших в войне, гораздо важнее любых мемориалов. Однажды он привел к этому памятнику старшеклассника из Центральной Японии. Глядя на обелиск, тот со скучающим видом заметил: «Ерунда какая!» Ё. Коки понравилась такая реакция. А рядом группа взрослых людей пела песню военных лет.

Ё. Коки убежден: возвращение Окинавы в ее теперешнем состоянии приведет к тому, что новая префектура станет оплотом либерально-демократической партии, гнездом самых правых сил. Если политический строй в Японии не изменится, то после воссоединения окинавцы поймут, что их подло предали. Ё. Коки отметил, что японский капитал уже начал наступление на Окинаву. Культура Центральной Японии тоже готовится к вторжению — волк посыпает лапы мукой и учится говорить кошачьим голосом. «Я считаю, что движение за возвращение к родине должно носить оппозиционный характер. Представители старого поколения Окинавы на словах подчеркивают, что они японцы, а на деле больше других сомневаются в своем японском происхождении. Я не ощущаю себя японцем, но и не оспариваю принадлежности к этой национальности. Студентам тоже безразлична этнография. Именно здесь проходит трещина между стариками и молодежью. Я преподаю в средней школе, и мне отвратительны взгляды «суперлюдей», помешанных на идеях национализма. На Окинаве не укоренился основной японский постулат: почитание императора есть

любовь к отечеству. С этой точки зрения окинавские дети получают здоровое духовное воспитание. Они понимают, что народ, т. е. они сами, — главное богатство страны».

Журналист на далеком островке, служащий отдела информации в мэрии, учитель средней школы и одновременно театральный американский режиссер — все они отдают свои силы не процветанию американских военных баз, а наведению мостов взаимопонимания и преемственности в мировоззрении между двумя поколениями окинавцев — военным и мирным, воспитанию в молодежи критического отношения к действительности. В их лицах была та же значительность, притягательность и своеобразие, которые я увидел в подростке, заключенном во мрак одиночки в колонии для несовершеннолетних преступников в Кодзе.

В дождливый день накануне моего отъезда с Окинавы Ёсихидэ Коки вместе со своими друзьями-учителями свозил меня в пригород Кодзы на мусорную свалку. Она занимает громадную площадь вдоль реки. По мнению учителей, это место наиболее характерно для Окинавы. Груды отходов с военной базы Кодзы здесь сортируют, а мусор сжигают. Бескрайнее поле постоянно окутано дымом и вонью. В этом удушливом облаке работают люди. Из отбросов с американских баз они отбирают то, что годится для вторичной переработки. Всеми цветами радуги переливается гора консервных банок. Пестреют груды ящиков, старой обуви, одежды, футбольных мячей. Неподалеку от этого хлама бродят ученики, прогуливающие занятия. Они рыщут там, куда сваливают приемники, телевизоры и прочую технику. Внимательно разглядывают лампы, конденсаторы. Снуют грузовики, доверху нагруженные вторсырьем. По размерам городской свалки можно судить о количестве американских солдат на базе в Кодзе. Что красноречивее свалки свидетельствует о бедности жителей Окинавы, вынужденных терпеливо копаться в американских отбросах?

Мы молча взирали на царство хлама. На обратном пути в машине друзья Ё. Коки делились воспоминаниями детства. Их рассказы оставляли в душе тяжелейший осадок. Один из учителей, родившийся в 1937 году, проводил старшую сестру, сбежавшую с подругой тайком от родителей на фронт возить снаряды. Она не вернулась с войны. Другой учитель, 1933 года рождения, рассказал, что уже после окончания войны он спускался из горной деревушки в Кодзу, воровал вещи на американской базе и с этими трофеями возвращался к матери. Таким образом он помогал семье. Третий учитель, 1935 года рождения, стал свидетелем массовых убийств — трагедии, разыгравшейся на острове Кэрама. Вместе с дедом он находился в убежище, когда вдруг увидел, что в соседней траншее мужчина, придавив своего ребенка ногой, занес над ним окровавленный нож. Мальчик с дедом убежали в горы, не дожидаясь, когда волна безумия охватит людей и в их убежище. Бескрайнее море, отделяющее Кодзу от острова Кэрама, погребло в своих водах

кровавую трагедию. Теперь никто больше об этом не вспоминает, но деревенскому учителю не удалось вытравить из души память о том страшном дне. Одна из версий причины массовых убийств гласит, что японские военные, находившиеся на Кэраме, приказали деревенскому старосте уничтожить жителей острова, потому что запасы продовольствия были на исходе. Как бы там ни было, сейчас, двадцать лет спустя, вряд ли стоит рассчитывать на то, что островитяне с доверием относятся к японцам.

На Окинаве меня, гостя из Центральной Японии, постоянно сопровождала вежливая улыбка хозяев. Один-единственный раз мне пришлось встретиться с женщиной, которая не смогла скрыть своего недоверия. Ее отношение ко мне, японцу, совершенно оправданно. Она — жертва атомной бомбардировки Хиросимы. По данным Окинавского комитета за запрещении атомного и водородного оружия, на архипелаге Рюкю проживает 135 человек, пострадавших от атомной бомбы. В течение двух послевоенных десятилетий японское правительство ни разу не поинтересовалось их положением. Мученики Хиросимы и Нагасаки лишены не только возможности лечения, но и элементарного медицинского наблюдения, потому что на Окинаве нет ни одного специалиста по лучевой болезни. Несчастные умирают в нечеловеческих страданиях. Достаточно привести один печальный пример. Молодой окинавец во время взрыва находился на военном заводе в Нагасаки. После войны на здоровье не жаловался и даже занялся окинавским сумо*, став впоследствии чемпионом Окинавы. В 1956 году его частично парализовало. Нетрудно было предположить, что его недуг — следствие радиоактивного облучения, но врачи не только на Исигаки, но и на самой Окинаве только разводили руками. Больной был брошен на произвол судьбы. Тело его распухло, недавний здоровяк не мог даже ходить. Он умер в 1962 году, захлебнувшись собственной кровью. А врачи так и остались в неведении относительно непонятной болезни.

Госпожа Наоки, которая на редкость откровенно охарактеризовала японцев, тоже часто обращается к врачам с жалобами на общую слабость и боли в сердце, врачи же твердят о переутомлении и нервном истощении. Обследование по поводу лучевой болезни проводится только в больницах для жертв атомной бомбардировки в Хиросиме и Нагасаки. В течение двадцати послевоенных лет окинавцам ни разу не предоставляли такой возможности. Более того, им не дали права официально заявить протест против присутствия на острове американских военных баз, оснащенных ядерным оружием. Какими словами выразить унижение, которому подвергаются на Окинаве жертвы атомной трагедии?

26 марта 1965 года правительство заявило, что в апреле на Окинаву будет направлена медицинская комиссия для обследования жертв атомной бомбы. Больных, нуждающихся в госпита-

лизации, по решению специальной комиссии советников при министерстве социального обеспечения поместят в больницы Хиросимы и Нагасаки. Впервые после двадцатилетнего забвения перед окинавцами — жертвами атомной бомбардировки приоткрывается дверь в профессиональную медицину, но эта мера скорее всего будет носить формальный характер. Один из окинавцев сказал мне, что не сможет лечь в хиросимскую больницу, потому что тогда некому будет кормить его семью. Широкоизвестно плачевное состояние медицинского обслуживания на Окинаве. При теперешнем ее уровне невозможно наладить лечение последствий радиоактивного облучения. Я привожу горькие слова госпожи Наоки и признаюсь, что выслушал ее молча, стгорая от стыда. «Хотелось бы, чтобы японцы были более искренними. Они всегда подлаживаются под Америку, а на проблемы простых людей им наплевать. Надо больше делать, а не рассуждать. Все окинавцы так думают».

Это, видимо, не лучшая концовка для очерка, но я ни разу не слышал на острове ничего более прямолинейного и откровенного, чем этот крик души, в котором воплотилась вся действительность послевоенного двадцатилетия Окинавы.

1965 г.

ЯПОНЦЫ И ОКИНАВА

По ночам в гостинице города Наха меня преследовал кошмар. Я видел себя громадным чучелом, облаченным в пятнистый желто-зеленый маскхалат из тяжелого брезента. На меня бросалась собака. Снилось, что я превратился в окинавца — служащего военной базы, вызвавшегося играть роль приманки для овчарок, которых американцы натаскивали для использования во Вьетнаме. Я чувствовал, как меня придавливает могучее тело пса.

Подоплекой сна был рассказ о подготовке собак для боевых действий, услышанный ночью по приезде на Окинаву в увеселительном квартале для американских солдат в городе Кодза, где находится одна из крупнейших военных баз. В кошмаре слились мрачная действительность и мои безрадостные наблюдения.

Я видел Кодзу и весной 1965 года, когда Америка уже погрязла в трясине вьетнамской войны. Сейчас ночной город не производил гнетущего впечатления. По спине, однако, пробежал холодок от взгляда на витрину магазинчика «Рукоделие», в котором американские солдаты могут заказать аппликацию на джемпер. За стеклом красовался один из образцов — американец в ярко-зеленой форме, оскалив зубы, колет штыком щуплого азиата, истекающего кровью.

Аппликация делается руками японцев. Дизайн — на американский лад, а колорит напоминает картины ада в милых сердцу деревенских храмах, на которых изображен дьявол, терзающий детей. «Украшение» дополнялось различными воинственными выражениями по выбору клиента. В пустынную лавчонку зашел краснощекий солдат с детским лицом. Он внимательно наблюдал за процессом изготовления аппликации. Я с отвращением представил, что у этого американца на уме. В квартале для американских военнослужащих обычно немногочленно, только в части, предназначенной для негров, царит оживление, которое, видимо, присуще темпераментным молодым чернокожим солдатам. За полночь там всегда весело и шумно — негры довольствуются незамысловатой едой и небольшим количеством спиртного. Я с раздражением смотрел на галдящих парней. В кафе хозяйничала девушка-метиска. Она принимала заказы, подавала

на стол, кривлялась в ответ на пошлые заигрывания. Ввалилась новая группа негров и с ними окинавская девушка. Она была не только пьяна, но и как-то истерично весела, будто слегка повредила умом.

Девуца направилась в угол, где сидели мы, и заорала:

— Во, два доллара огребла! Тот черномазый, небось, посеял!

Она бормотала еще что-то невразумительное отвратительным, грубым голосом, напоминая помешанную, утратившую способность говорить членораздельно. Местные лингвисты называют это явление «окинавской афазией» и объясняют его расхождениями между диалектом и нормами литературного японского языка. Девушка, однако, несла такое, что и ученые растерялись бы перед этим лингвистическим чудом. Подобным образом изъясняются лихачи таксисты, молодые члены бандитских шаяк, девицы из веселых кварталов, которые среди ночи в лавках на колесах уплетают вареные свиные ножки и суп из требухи.

Среди школьников всех возрастов, даже на самых отдаленных островках Окинавы, я не раз встречал прекрасно владеющих нормальным литературным языком. Эти встречи придавали мне силы, потому что в ребятах чувствовались плоды новой системы образования, через которую прошел и я сам. Ученики, от первоклассника до выпускника, благодаря демократизации образования приобрели свободу суждений и критический взгляд на окружающий мир. Например, отдавая должное национальному флагу Японии, они с прохладцей относятся к императорскому семейству.

Девушка, впавшая в состояние «окинавской афазии» из-за двух найденных долларов, произвела на меня удручающее впечатление. Ее истеричность отвратительна мне, потому что пришлось признать: взвращенная особа являет собой образец нового типа молодежи Кодзы.

Сразу после войны Кодза превратилась в придаток военной базы США, обслуживающий ее и развлекающий. Со временем силами и средствами энтузиастов в городе было создано исправительное заведение для малолетних преступниц. Городское общество женщин пожилого возраста шефствует над неблагополучными подростками. Составлен список преступлений, совершенных девочками. Беру первую попавшуюся страницу.

С., 13 лет, бросила начальную школу. Бродяжничество, склонность ко лжи, занятие проституцией с иностранцами, воровство.

М., 13 лет, ученица средней школы. Склонность ко лжи, занятие проституцией с неграми.

Н., 14 лет, ученица средней школы. Побег из дома, занятие проституцией с окинавскими мужчинами.

З., 15 лет, бросила начальную школу. Бродяжничество, лень, занятие проституцией с неграми.

Т., в школе не училась. Бродяжничество, воровство, развязное поведение, тунеядство.

К., 17 лет, бросила среднюю школу. Склонность ко лжи, занятие проституцией.

Даже беглый взгляд на эти документы наводит на грустные размышления. Перелистывая списки, таблицы, я тешил себя надеждой, что, быть может, хотя бы одна из подопечных этих пожилых женщин возродилась для настоящей жизни, осознав собственное человеческое достоинство. Следует заметить, однако, что классификацию торговли телом для иностранцев, негров, окинавцев теперь следует дополнить еще одним пунктом: для японцев из центральных районов страны. Однажды в ресторане девушка-официантка, наряженная в яркое окинавское платье из ткани «бингата», сказала мне: «Японцев интересуют две вещи — женщины и заграничные штучки. Они громко хвастаются похождениями на Тайване и смотрят, как мы реагируем на их болтовню. Ведь для них Окинава — всего лишь место увеселений».

Действительно гневные и печальные слова. Один респектабельный японский писатель восторженно писал: «Разве эта цена не сон? На Окинаве с женщиной можно переспать за грош. Рай земной для мужчин. Друзья! Чем тратить доллары на Тайване и Гавайях, езжайте на Окинаву! Повеселитесь вволю, гарантирую».

О скромности и деликатности жителей Окинавы можно судить по манере, в которой местный журналист ответил известному писателю: «Замечания о том, что окинавская женщина, купленная за деньги, невероятно волосата или что она выкрикивает непристойности на окинавском диалекте, воспринимается мною как дискриминация и вызывают в памяти осакскую выставку 1903 года. Тогда в павильоне диковинок демонстрировалась женщина с Окинавы. Кстати, о проблеме прав человека в настоящее время. Американские солдаты, приехав из Вьетнама на Окинаву, берут вещи с прилавков магазинов, не расплачиваются с таксистами, доставляют множество неприятностей жителям острова. Не уподобился ли им наш гость-писатель? Похоже, он демонстрирует пренебрежение к Окинаве, которую Япония не замечает уже двадцать два года. Пока японцы не говорят вслух о возрождении дискриминации, но...»

Мне, японцу из центральной части страны, остается только упасть в состояние «окинавской афазии». На Окинаве я источаю смердящий японский дух и воплощаю все отвратительное в жизни. Ночной кошмар должен стать еще ужаснее. Поверженный собакой, я в тяжеленном халате обязан подняться на ноги. Ведь для войны в джунглях Вьетнама нужно натаскать большую свору овчарок.

Я все глубже погружаюсь в кошмар, обливаюсь потом от страха и стискиваю зубы от ужаса. Я — громадное чучело —

пытаюсь скрыться, но ощущаю всем телом мертвую хватку вцепившейся в меня собаки. Я повидал на Окинаве множество самых разных людей и почувствовал, что в навязчивом образе собаки ко мне пришло сознание принадлежности к тем японцам, которые довели Окинаву до ее бедственного состояния.

Возможно, истолковать сон, мучивший меня в Нахе, поможет сочинение ученицы средней школы «Бито» в Кодзе.

«Что я думаю о возвращении к Японии? Полагаю, лучше этого не делать. Сейчас на архипелаге Рюкю, нет, даже во всей Японии много рассуждают о проблеме воссоединения. Наверняка есть люди, которым судьба Окинавы безразлична. У острова множество проблем. Например, судебное производство. По распоряжению главнокомандующего американскими войсками на Окинаве любое дело — инцидент между жителями острова, между иностранцем и окинавцем — может быть передано на рассмотрение американских юристов. Результат чаще всего предreshен: Окинава проливает слезы досады. Любопытно заметить, что в соответствии с распоряжением президента США «окинавский мужчина за изнасилование американской женщины приговаривается к смертной казни». Мои рассуждения могут показаться наивными. Все японцы принимали участие в войне, но почему теперь отыгрываются только на нас, жителях Окинавы? Я не могу преодолеть неприязни к японцам, которые двадцать два года плевали на Окинаву, а сейчас как ни в чем не бывало говорят о возвращении к отчизне. Моя подруга собирается после окончания школы уехать в Центральную Японию. Она повторяет: «Как же хорошо в Японии!», — а я ей отвечаю: «Ненавижу эту Японию!» Что бы сказали вы, японцы, услышав мои слова? Почувствовали бы что-нибудь?»

«Полное возвращение к отечеству» — что это означает? Видимо, возврат нам японской системы образования, политических и других прав. В таком случае на Окинаве, которая прежде жила под крылышком у Америки, начнется неразбериха, как в прошлом в Японии, когда она освободилась от оков изоляции от внешнего мира. Меня волнует, что будет с нерасторопными окинавцами, когда в их хозяйство, торговлю вмешаются бойкие японцы? Мой вывод, мой ответ на вопрос о возвращении к Японии — мне все равно. Скажете, что он имеет отношение ко мне, назовете меня безответственной? Сейчас у меня нет другого выбора, сколько бы ни кричала ученица вроде меня, политики все равно не обратят на нее внимания. Вероятно, в будущем мои взгляды изменятся, но мне бы хотелось вырасти человеком, которого взрослые называют честным и убежденным».

Начальная школа «Агэда» располагается в облюбованном неграми районе Кодзы. Среди бела дня мимо школьных ворот проносятся старые «кадиллаки» с черными солдатами, едущими к женщинам. Любопытно, почему ученики этой школы часто говорили мне, что хотели бы сказать японцам о дискриминации

окинавцев? Видимо, сам уклад послевоенной жизни на Окинаве привил детям, почти ничего не знающим о довоенной дискриминации, чувство неуверенности в себе.

Детские сердца ранят письма из Центральной Японии, в которых одноклассники окинавцев спрашивают, говорят ли на острове по-английски, или просят прислать дешевую иностранную ручку. Быть может, в сознании прямодушных маленьких окинавцев образ американцев, сегодняшних хозяев Окинавы, трансформируется в образ их завтрашних преемников — японцев? А японцы, похоже, и не пытаются разрушить такое представление о себе.

Признаться, я никак не мог вообразить, что некоторые из прекрасных в своей непосредственности и откровенности школьников разделяют участь несчастных подростков, чьи имена занесены в список обитателей мрачной колонии. Детей в этом злачном районе оберегают учителя, которые, несмотря на убожество школьной системы Окинавы, самоотверженно служат своему делу. Местные учителя протестуют против проекта закона о государственных служащих системы школьного образования, направленного на «японизацию» окинавской школы. Их откровенные слова заряжены решимостью сопротивляться реформе. Нагрузка окинавских учителей превосходит человеческие возможности. Как можно оценить их работу? Ведь каждый из них несет нагрузку десятерых.

Многие учителя на Окинаве не расстаются с карманным изданием конституции. Они до сих пор внимательно изучают ее. Не только учителя, но и старшеклассники в разговоре часто цитируют основной закон страны. Даже ученики начальной школы живо реагируют на права человека и принцип отказа от войны, провозглашенные конституцией.

Я присутствовал на массовом митинге окинавских рабочих, занятых на американских военных базах. Они требовали сокращения рабочего дня и повышения заработной платы. На митинге, состоявшемся вечером на школьной спортивной площадке, я познакомился с двадцатилетним электриком, уроженцем острова Миягусуку, того самого, который американская нефтяная компания «Галф» намеревается арендовать сроком на 99 лет. Зарплата обеспечивает рабочему и его молодой жене сносное существование, тем не менее он выступает за ликвидацию американских военных баз. Он тоже считает, что возвращение в лоно Японии гарантирует право на жизнь в здоровых и культурных условиях, предусматриваемых 25-й статьей конституции*. Молодой электрик надеется на стабильное будущее, которое избавит его от неуверенности, свойственной окинавцам, работающим по найму на американских базах. Мне, живущему под сенью конституции, не хватило мужества прямо взглянуть в сияющее верой лицо окинавца. На Окинаве, пожалуй как нигде в Японии, конституция стала предметом повседневных разговоров. Однако о ней чаще всего рассуждают

разочарованные люди, которые почти отвернулись от документа, не защищающего своих граждан.

Люди, честно работающие на Окинаве, — это подвижники, которые, находясь под пятой иностранцев без покровительства конституции, сохраняют остров для Японии. Нередко под неизменной окинавской приветливостью и мягкостью скрывается незабываемый ужас военных испытаний, горький опыт двадцати двух лет жизни в отринутую Японию краю. За внешним спокойствием таится пронзительно острое ощущение дискриминации со стороны японцев, сохранившиеся с довоенных времен.

Я нахожусь в гостях у литературоведа, который живет на холмах, возвышающихся над Нахой. Здесь когда-то находилась Сюри, древняя столица Рюкю. Окна дома выходят в сад с едва различимыми дорожками и буйными зарослями бугенвиллей. Хозяин разговаривает учтиво, с тихой улыбкой на устах, и меня вдруг осеняет: ведь сейчас я слышу глас людей, для которых Окинава — кровавое поле битвы, где им приходится день за днем сражаться за свое достоинство.

Американские солдаты, расквартированные на Окинаве, считают, что приехали в такую даль ради защиты окинавцев. То же твердили и японцы в годы войны. В настоящее время проблема Окинавы рассматривается в конечном счете с точки зрения обеспечения национальной безопасности Японии. Даже в последних боях за Окинаву, когда войска, вместо того чтобы укрепиться в районе Нахи, отступили на крайний юг и некоторые подразделения примкнули к островитянам, командующий делал вид, будто эта жертва принесена ради успеха операций в Центральной Японии. Похоже, в отношении японцев к Окинаве ничего с той поры не изменилось.

Двадцать два года назад мой собеседник был молодым учителем родного языка. На огромном Южном фронте, куда безжалостно швырнули людей ради мнимых успехов в центральных районах страны, он служил санитаром. Потом вместе с тринадцатью студентами, бросившими армию, скитался по острову.

«Я не отличался ни осмотрительностью, ни храбростью, ни хладнокровием. По воле судьбы остался в живых», — рассказывает человек, чудом уцелевший на войне. Да, это была страшная война, во время которой однажды преподаватель в припадке отчаяния бросал камни в своих студенток, чтобы они ушли с поля боя. А его молодой коллега, раненный осколком вражеского снаряда, спас девочек, которые спешили навстречу смерти с тремя ручными гранатами на всех. Он укрыл их в зарослях кустарников на обрывистом морском берегу, а потом вместе с ними попал в плен. Сейчас эти девочки уже стали матерями. И все же учитель потерял в чудовищной войне столько учениц, что страшно назвать их число.

Литературовед, горькой ценой заплативший за жизнь, не

хочет вычеркивать из памяти страдальческий удел родного острова в военные годы. Двадцать два года он терзается, видя тяжелую долю Окинавы, превращенной в громадную американскую военную базу. Разве не прискорбно, что в послевоенные годы значительная доля интеллектуальной энергии Окинавы попусту тратилась на идею возвращения? Не жаль ли упущенных возможностей для развития самостоятельности Окинавы с помощью экономического потенциала баз? Этот ученый, воспринимавший трагедию Хиросимы как свое глубокое горе, приехав в город первой атомной бомбардировки, не мог не сказать: «Что бы вы чувствовали, если бы в Хиросиме находились базы с ядерным оружием? Наверняка то, что нам приходится переживать на Окинаве».

Я удивился сходству литературоведа с членом парламента от либерально-демократической партии, который за полночь доказывал необходимость осуждения проамериканского курса Сато и призывал принять документ, разоблачающий коварные замыслы японского правительства. Ученый и депутат прошли через горькие испытания, поэтому они обладают громадной внутренней силой. Эти люди живут, сдерживая порывы души, и только по необыкновенной пронзительности взгляда, обращенного на других, можно догадаться об их исключительно напряженной внутренней жизни. Их, чудом уцелевших на полях сражений Окинавы, память постоянно возвращает к тем суровым дням.

Депутат парламента: молоджавое бронзовое лицо, мохнатые брови, густая щетка ресниц. Опустив голову, он говорит, погружаясь в горькие воспоминания, а за его спиной на фоне ясного неба полщется звездно-полосатый флаг. Депутат принял у себя представителей Ассоциации содействия возвращению Окинавы, которые, «питая надежды» на визит премьер-министра Японии в США, объявили голодовку.

На встрече депутат парламента рассказал о своей юности. В войну он, первокурсник окинавского педагогического училища, воевал вместе с однокашниками в отряде ополченцев. Отступая под натиском американцев, они укрылись в траншее, сжимая в руках гранаты. Юношей терзало неодолимое желание выжить и вдолбленный воспитанием принцип «не сдаваться врагу живым». По цепочке передали слова директора училища: «Вы должны уцелеть». Вечером следующего дня, направляясь домой, в Кунигами, студенты пытались перейти линию фронта, когда внезапно их окружили американские солдаты. Сжимая в руках гранаты, спрятанные в карманах, они сдались в плен.

Юноши из отрядов ополчения носили пилотки, шорты и рубашки с короткими рукавами. Американцы приняли их за солдат регулярной армии. Под палящим солнцем студентов вывели из лагеря, приказали по веревочной лестнице забраться на судно для перевозки цемента. На палубе пленных раздели догола, облили морской водой и согнали в трюм, где нечем было дышать из-за цементной пыли. Появился переводчик и

объявил, что вскоре судно доставит их к месту заключения, и приказал всем сбрить волосы с тела. Что было брить у худосочных юношей, отставших в физическом развитии из-за военных лишений? Вместе со взрослыми в духоте тесного трюма, где пол был просто залит человеческим потом, молодые люди проделали долгий путь до Гавайских островов. У них было время осознать, что система воспитания превратила их в рабов. Необычное путешествие совершил будущий депутат парламента.

Человек, принеший себя в жертву родине, не пользуется защитой конституции, принятой во благо всех японцев. По собственному опыту работы в законодательной комиссии парламента он знает, что депутаты от ЛДП равнодушны к проблемам Окинавы. Он трудится на депутатском посту день и ночь. В тяжелые послевоенные годы, он, сирота, преодолел невероятные препятствия, выбился в люди и даже попал в университет в Центральной Японии. Он мечтал стать юристом.

Люди более молодого возраста, занятые на тяжелых строительных работах, говорят в шутку, что их физический труд идет на то, чтобы зарыть еще глубже в землю конституцию, предназначенную для общенародного пользования.

Рабочие понимают, что пучина, поглощающая конституцию на Окинаве, становится все более злобещей. Свои самые животрепещущие надежды они связывают с возвращением к Японии. Те противоречия и трудности, с которыми им постоянно приходится сталкиваться в разных сферах жизни, развили в них «острый взгляд», особенность трезво соотносить свои надежды с реальностью. Такое впечатление сложилось у меня о молодых окинавцах, участвующих в движении за возвращение к Японии.

Попытаюсь набросать портрет окинавцев, верящих в торжество справедливости и стремящихся постичь психологические сложности характера жителей Центральной Японии.

Учитель одной из средних школ Кодзы. В период заключения японо-американского договора безопасности он возглавлял студенческий комитет Университета Рюкю. В университете было много молодых ученых лет на пять-десять старше его, которые вернулись в родные стены. Среди молодежи, активно участвовавшей в студенческом движении, многие подавали большие надежды, однако после получения диплома им пришлось довольствоваться местом учителя в средней школе. Несмотря на столь скромное положение, они честно служат своему делу.

Мой новый знакомый не только учителем, но еще и много лет возглавляет театральную студию, созданную вместе с друзьями. В его труппе играет и преподаватель сельскохозяйственного училища, расположенного поблизости от базы Гусикава. Там будущих переселенцев в Латинскую Америку обучают испанскому языку и агротехнике в условиях далекого континента. Затем молодые миссионеры навсегда покинут родину, так и

не получив настоящего японского гражданства. Утешает только то, что они составляют незначительную часть послевоенного поколения окинавцев.

Являясь членом педагогического общества, учитель средней школы принимает участие в движении за возвращение Окинавы. Он принадлежит к числу реалистов, которым визит премьер-министра Сато в США прибавил проницательности. Он не уверен, что при нынешнем японском правительстве возможно возвращение в лоно отчизны на таких условиях, которые полностью удовлетворили бы окинавцев. Он говорит, что присоединился к движению, чтобы разобраться, какими иллюзиями живет народ Окинавы. «Правящие круги Японии в дополнение к многовековой дискриминации Окинавы выдвинули еще идею возвращения острова с «ядерной экипировкой». «Не будет ли Окинава, понесшая много утрат в войну и послевоенные годы, вновь безжалостно принесена в жертву?» — спрашивает он. Окинава, превращенная американцами в ядерную базу, стала теперь объектом интересов Японии. Учитель представляет себе возвращение только на «мирных условиях, после ликвидации баз».

Не изменяя своим убеждениям и никому не навязывая их, молодой учитель добросовестно работает в школе. Он побывал на острове Миягусуку, где наиболее остро стоит вопрос о земле. Крестьянам, смирившимся с наступлением американской нефтяной компании, он заявил: «Чужаки заткнули вам рот и уши. Намерены ли вы спасти себя?» Припугнув островитян, он в подавленном состоянии вернулся домой.

Мы прогуливались с учителем по спортивной площадке, когда в воротах школы появился озабоченный полицейский с ребенком, который вел рядом с собой велосипед. Члены Ассоциации содействия возвращению к Японии входят в состав Ассоциации прав человека, созданной общественностью Окинавы, для того чтобы восполнить вакуум вокруг номинальной конституции. В эту организацию поступает много жалоб на самоуправство и грубость полиции. Я, сторона нейтральная, с интересом наблюдая за своим знакомым — удрученным полицейским, с улыбкой вспоминал рассказы о том, что принятие закона о государственных служащих, работающих в системе образования, ослабило позиции стражей порядка. Говорят, многие блюстители закона чуть не плакали от досады и собирались уйти из полиции. Между тем взгляд учителя, обращенный на школьника, становился все более угрюмым. Улыбка сошла с моего лица, когда я услышал историю мальчика. Его отец алкоголик, мать страдает психическим заболеванием. Старший брат — глухонемой. У самого ребенка больное сердце, ему необходима операция, но ни у нищей семьи, ни у школы не хватает средств. Малолетний хулиган прогуливает занятия, вот и сегодня полицейский схватил его в ту минуту, когда он собрался своровать велосипед в школьном дворе. Ни учитель, ни полицейский не

смогли найти для него подходящее наказание.

Тщедушная фигурка ребенка явилась классической иллюстрацией того, что значит для архипелага отсутствие 25-й статьи конституции. Я ни словом не приукрасил, не искадил виденное и слышанное мною на Окинаве.

Прежде всего психические заболевания. На Окинаве их в два раза больше, чем в Центральной Японии, причем большинство больных находятся не в больницах, а предоставлены самим себе. За теми же, кому посчастливилось попасть в больницу, нет надлежащего присмотра. Не создана база для реабилитации. На пристани острова Иэдзима, половина плодородной земли которого отнята под военную базу, я наблюдал следующую сцену. Две умалишенные женщины — полные, с детской стрижкой — метались под улюлюканье матросов и визг свиньи со связанными ногами, которую сгружали с рейсового катера. В тот же день утренняя газета сообщала: «11 числа в половине шестого вечера в один из полицейских участков Нахи в сопровождении толпы зевак был доставлен старик с парализованными ногами, найденный на пустыре в ста пятидесяти метрах от его жилища. Душевнобольной сын старика, напившись, жестоко избивал отца, поэтому несчастный, улучив момент, когда буяна не было дома, решил спрятаться от очередной расправы».

Во-вторых, детская преступность. Количество подростков, заключенных в колонии для малолетних преступников, которых выводит из равновесия рев самолетов на базе Кадэна, неумолимо растет. В предыдущий приезд на Окинаву, два года назад, мне рассказывали, что инспектор токийского суда по семейным делам сделал вывод: в колонии нет системы перевоспитания несовершеннолетних, их просто держат под стражей. Я тогда подумал, что переполненная колония, набитая неуправляемыми подростками, продолжает кое-как влачить существование благодаря самоотверженному труду воспитателей, переживших войну.

Побывав здесь во время второго путешествия по Окинаве, я увидел, что зыбкое равновесие рухнуло. Причина не только в том, что за текущий год совершено 315 преступлений и 149 побегов из колонии. Беда в том, что воспитателям, видимо, уже не удастся совладать с сопротивлением юных заключенных. Железная сетка, ограждающая колонию, зияет наспех залатанными дырами. Они свидетельствуют о частых нападениях шаек, стремящихся отбить своих ценных подручных.

Особенностью детской преступности на Окинаве становится все более тесная связь с бандами. Воспитатели теряются под колючим взглядом подростков с татуировкой, совершенно очевидно принадлежащих к какой-нибудь шайке. Сейчас молодые заключенные с большим почтением относятся не к воспитателям, а к гангстерам, которые с воплями штурмуют тюремную ограду.

Подвижники, выжившие в войне и посвятившие себя

спасению своих младших братьев, — иначе о работниках колонии и не скажешь. Что они могут сделать с поколением, взаимопонимание с которым утрачено? Все воспитатели, на которых взвалили и пересмотр закона о малолетних преступниках, по-моему, видят выход из тупика в возвращении Окинавы Японии.

В-третьих, проблема сердечных заболеваний. Привожу письмо ребенка, которому на редкость повезло: его отправили в Центральную Японию и прооперировали. «На Окинаве нельзя вылечить мою болезнь. Мама говорит, что в наших больницах мало оборудования. На острове много тяжелобольных детей, но помочь им не могут. Нужно очень много денег, чтобы попасть в больницу в Японии. Если там нет знакомых, в больницу сразу не положат».

В любительской театральной студии, возглавляемой уже упоминавшимся учителем средней школы, играет молодой человек, служащий в отделе социального обеспечения муниципалитета Кодзы. Только по его данным, в городе насчитывается 150 детей с различными сердечными заболеваниями, которым необходимо сделать операцию в течение двух лет. С большим трудом удалось договориться о госпитализации двадцати детей в городе Кагосима. Родители собрали необходимую для операции кровь, японская авиакомпания обещала бесплатно перевезти ее, однако все планы рухнули, когда таможенные власти Японии, считающие Окинаву иностранной территорией, запретили ввоз донорской крови.

Молодой служащий муниципалитета, по словам которого «социальное обеспечение на Окинаве равно нулю», не щадя себя работает, для того чтобы хоть как-то прикрыть просчеты в политике властей. Он отдает все силы Кодзе, городу, сконцентрировавшему в себе множество социальных проблем, начиная с детской преступности и проституции, которые обусловлены существованием американской военной базы.

Для членов Ассоциации содействия возвращению к Японии характерна чрезвычайная пестрота взглядов, однако в целом в этом движении, охватившем многих окинавцев, преобладает ощущение беспокойства и собственного бессилия. Актеры любительской студии мечтают о возвращении только к «освобожденной Японии».

«На любых условиях, лишь бы поскорее», — говорил мне молодой человек, с которым мы беседовали в тихом уголке муниципалитета (кстати, в ту минуту, когда премьер Сато вел переговоры с президентом Джонсоном). Я не рискнул поделиться с ним своими мрачными прогнозами.

Мнение служащего отдела социального обеспечения о возвращении как единственном пути спасения разделяют и многие представители беднейших слоев населения города, живущие даже без электричества. А вот бывший его коллега, вовремя сообразивший переменить работу и ставший теперь влиятель-

ным лицом в торгово-промышленной палате Кодзы и по совместительству лидером Ассоциации против возвращения Окинавы, считает эту меру преждевременной. Мне показались сомнительными, хотя отчасти не лишены оснований, выводы этого деятеля о том, что японское правительство судит об экономике Окинавы по современному ее состоянию, когда она «получает долларовые инъекции». Предсказывать результат столкновения окинавских капиталов с японскими, неминуемого в случае возвращения, сейчас трудно.

Окинавцы в отличие от жителей Центральной Японии с трепетом относятся к конституции. Мне хочется обратиться к тем, кто проповедует теорию «конституции, навязанной Америкой». Окинавцы, находящиеся под пятой американцев, стремятся к возвращению к Японии именно потому, что жаждут защиты, гарантий со стороны конституции.

«Кто кормит, тот и повелевает», — говорят на Окинаве. Нехитрая житейская философия пустила крепкие корни. Жители архипелага, начиная с молодого человека, родившегося после войны на островке Ёнакуни, который славится самой большой в мире колонией мотыльков, и кончая ученым из Нахи, которому посчастливилось выжить в войне, нередко упрекают себя за приспособленческие настроения. Быть может, самокритика рождена жизненным опытом, в котором главенствует преклонение перед силой. Склонность окинавцев к самоанализу свидетельствует о скромности и трезвости их натуры. Вполне естественно, что жители Окинавы, наделенные обостренным чувством самокритичности, имеют горькие и серьезные претензии к японцам. Сейчас, в столетнюю годовщину революции Мэйдзи, уместно напомнить пренебрежительное отношение Центральной Японии тех лет к архипелагу. В предвоенные годы в большом ходу у японцев в их взаимоотношениях с окинавцами было высокомерие. Во время войны окинавцы бесчисленными трупами усеяли острова, оставшиеся же в живых оказались под пятой у иностранцев. Японцам не занимать умения тайком извлекать выгоду из американских военных баз на архипелаге и припираться к стене покладистых окинавцев.

Можно привести множество примеров того, как японцы эгоистично игнорируют робко и смущенно раздающиеся голоса с Окинавы. Вот один из наиболее типичных примеров. На севере острова Окинава есть мыс Хэдо, поросший искривленным от сильных ветров бамбуком и персиковыми деревьями. С отвесной скалы виден остров Ёронто, лежащий на двадцать седьмом градусе северной широты. Здесь проходит граница между Окинавой и Японией.

Ежегодно, 28 апреля, в годовщину сан-францисского мирного договора, третья статья которого отрезала Окинаву и ее жителей от Японии и конституции, в море, на двадцать седьмой широте, встречаются японское и окинавское суда. Однажды с окинавского корабля японцам передали сноп сладкого проса.

Сторонники возвращения Окинавы молча, стесняясь выдать сокровенные надежды, с улыбкой провожали взглядом японское судно, на котором активисты движения за мир увозили подаренный сноп. Какие чаяния вложили в него окинавцы? Положим, что необычный дар не прошел карантина и является контрабандой. В японской таможене человека с растениями задержат, и в связи с этим органы массовой информации вспомнят вдруг о дате 28 апреля. А может, хотя бы одно зернышко надежды упадет на благодатную почву в Японии? Однако японцы, прибывшие на церемонию, поступили здраво. Проблем в таможене не возникло: они сказали, что получили сноп в подарок от японских крестьян с острова Ёронто. Естественно, приезжающие на двадцать седьмую параллель японцы по настоящему, глубоко заинтересованы в судьбе Окинавы. Их сердца наполнены сочувствием к разлученным с родиной, однако солидарность с ними обременительна для японцев в силу специфического положения Окинавы. Не горчило ли сладкое просо, привезенное в Центральную Японию?

Остров Ёронто,
Ты как хвостик Японии.
До тебя рукой подать,
Но ты равнодушно зриаешь на нас, чужаков.

Эти строки, написанные окинавским поэтом послевоенного поколения, и волнуют японцев, отправляющихся на ежегодную встречу в море, и одновременно портят им настроение. Стихи — что сладкое просо с горьким привкусом. Автор стихотворения, местный журналист, в каждый мой приезд на Окинаву встречался со мной по заданию газеты. Дважды мы виделись в аэропорту острова Исигаки. У этого человека пристрастный взгляд на всех японцев, населяющих страну от Хоккайдо до Окинавы. Он без обиняков называет вещи своими именами. По его словам, окинавцы, начиная с представителей наиболее консервативного старого поколения и кончая молодежью с открытыми сердцами, связывали множество надежд с визитом премьер-министра Сато в США.

Один японский писатель, широкоизвестный своими произведениями о судьбе окинавцев, говорил, что полностью уверен только в необходимости скорейшего возвращения Окинавы, однако затрудняется ответить, нужны ли гарантии безопасности, следует ли принимать в лоно родины архипелаг со всем его ядерным оснащением.

Возвращение Окинавы с предварительным ее «очищением» представляется на практике делом нереальным — скорее всего японских политиков вдохновляет Окинава в полном боевом «обмундировании». Судя по выборам, Япония еще далека от того дня, когда носители идей социального преобразования обретут политическую власть. Вряд ли возможен честный и

равный диалог между сторонниками реформ, способными лишь высказывать благие пожелания о возвращении архипелага без баз, и окинавцами, которые, принося себя в жертву, ведут неравную борьбу с военизированной действительностью архипелага. Идеи, навязываемые окинавцам, отталкивают жителей острова и рождают чувство недоверия к японцам. Не стоит вступать в дискуссию, не вникнув в настроения окинавцев, к тому же не исключена опасность, что эта проблема может быть использована японскими правыми элементами.

Я познакомился с молодым человеком, уроженцем острова Мияко, который уцелел в войну, спасаясь в пещерах. Услышав об открытии Университета Рюкю, он на утлом суденышке приехал на центральный остров архипелага и обратился к властям с ходатайством о получении образования. Завершив образование в японском и американском университетах, он вернулся на Окинаву и поступил на службу в профсоюз сельскохозяйственных рабочих. На собственные средства он открыл библиотеку, в которой собрал книги по истории и культуре Окинавы. Специалист по агроэкономике является еще одним представителем целеустремленных окинавцев, которые своими усилиями закрывают бесчисленные социальные бреши в жизни архипелага, однако и к его размышлениям об объединении примешивается оттенок горечи. Его точка зрения может быть расценена как помеха движению за возвращение, тем не менее он обеспокоен тем, что ждет в новых условиях экономику Окинавы, существующую ныне за счет американских баз и туризма. Быть может, японское правительство станет выделять субсидии, которые усугубят и без того нестабильное положение Окинавы, населенной в основном бедными крестьянами? Предусматриваются ли другие капиталовложения, помимо средств на содержание баз?

В конце войны один дальний островок архипелага Рюкю был захвачен десантниками из специальных истребительных отрядов. Если в руки им попадались американцы, они их жестоко казнили. Наступил день поражения, и солдаты, зная, что теперь их не будут преследовать за нарушение присяги, вернулись в Центральную Японию. Ответственность за содеянное зло они возложили на островитян.

Подросток, на глазах которого разыгрывался кровавый самосуд, служит теперь в муниципалитете Нахи. Ему довелось проехать Центральную Японию вплоть до северо-восточных районов в составе делегации активистов движения за возвращение Окинавы. Он рассказывает о глубоком разочаровании, постигшем его в путешествии. Даже старшеклассники не знают элементарных вещей об Окинаве. Приходилось рисовать карту и втолковывать, где находится эта самая Окинава. Видимо, виноваты недостатки системы школьного образования. Больше всего раздражал его назойливый вопрос о желательной форме возвращения Окинавы, который японцы задавали с доброжела-

тельным выражением лиц. Ведь только в Центральной Японии перебирают различные варианты, а в сердцах окинавцев живет единственная мысль: воссоединение с родиной. Нечего допытываться, много ли на Окинаве точек зрения на эту проблему. Не честнее ли было бы спросить у окинавцев, какой они хотят видеть всю Японию, включая их архипелаг?

Минувшим летом я еще раз побывал на острове Исигаки. Крыши из красной черепицы, скрепленной известковым раствором. Дома, выглядывающие из-за каменных оград, за которыми притаились мыши и змеи хабу*. Заросли деревьев фукуги*, которые здесь сажают для защиты от ветров, папайя — ее подают вместо овощей, фикусы-исполины, особая гордость местных мальчишек. Бабочки, усердно трудящиеся на плантациях ананасов и сладкого проса. Алые цветы китайской розы. На острове нет американских баз. Может, именно поэтому здесь невольно ощущаешь раскованность души, приволье и красоту земли. Я вдруг вспомнил, что на Окинаве, в лесистой восточной части побережья, есть лагерь для подготовки отрядов по борьбе с партизанами. У подножия скал, где бьются разъяренные волны, находятся черепаши кладбища. Там американские солдаты порой подбирают кости людей, погибших в войну, и приносят их в лагерь. Как это ошеломляет окинавцев, свято почитающих культ предков...

Начальная и средняя школы на острове Исигаки расположены в одном здании. Мы сидим в учительской с директором, который в войну преподавал в профессиональном училище. Он мечтает о немедленном возвращении к Японии. Директор говорит, что дети приходят в волнение, когда видят национальный флаг Японии среди флагов всех стран, поднимаемых на спортивной площадке. По его словам, это свидетельствует о развитом японском самосознании у окинавских школьников.

Преподавательница обществоведения — миловидная женщина с густыми волосами, глубокими черными глазами и твердым рисунком губ, смело возражает директору. Меня в ней удивила открытость «окинавского демократического сознания». «Даже среди моих учеников двое выступают против возвращения к Японии», — говорит она. Другой мальчик беспокоится, что после возвращения Япония и США начнут воевать. «Сама я, сталкиваясь с диктатом американского главнокомандующего и полным игнорированием прав человека на Окинаве, думаю о том, как хорошо было бы вернуться под защиту конституции, однако мои мысли не являются плодом национальных чувств. Скорее я задумываюсь над судьбой Окинавы, которой выпала участь паразитического существования за счет сильных держав: сначала Китая, потом Японии, а теперь США. Откровенно говоря, для меня важнее сознание того, что я — окинавка, а не причастность к японцам», — решительно заключает учительница.

Среди участников студенческого движения в Университете Рюкю есть группировка, посылавшая своих представителей

даже на демонстрацию протеста против строительства аэропорта в Нарите, которая закончилась гибелью одного студента. В числе тех, кто с камнями и палками готов был вступить в бой с отрядами «сил самообороны», находились и молодые люди с окинавскими паспортами. Они, так же как и преподавательница обществоведения с острова Исигаки, отрицают национальные чувства, однако не делают акцента и на своем окинавском происхождении. Они выступают за солидарность людей в широком смысле слова.

На бурном съезде Ассоциации содействия возвращению Окинавы, состоявшемся второго ноября, даже старшекласники продемонстрировали антиамериканские настроения. Они раздавали американским солдатам листовки на английском языке, в которых призывали к солидарности с окинавцами в борьбе за возвращение Окинавы к родине. Старшекласники с усмешкой сказали мне, что не стоит горевать из-за разрыва отношений между премьер-министром Сато и народными массами, происшедшего в связи с гибелью студента в аэропорту Ханэда в день отъезда главы государства в США. Я не осмелился поделиться своей точкой зрения на связь политиков с народом, с этими юношами и девушками, которые не знают другой жизни, кроме как на Окинаве, двадцать два года назад брошенной Японией. Глядя на них, я печально размышлял о том, что любой из этих молодых людей мог быть среди тех, кто получил ранения в окрестностях Ханэды в день демонстрации протеста против визита Сато в США.

Поколению, не знающему войны, стремится передать свой горький опыт доцент Университета Рюкю, подростком воевавший в отряде педагогического училища. Он изучает историю дискриминации Окинавы. Лидеры студенческого движения в Университете Рюкю не расположены воспринимать идеи своего преподавателя, хотя они настроены против войны. Во второе свое путешествие по Окинаве я вновь убедился в том, что ядром всех умонастроений, фокусом самых разумных идей остаются воззрения тех окинавцев, которые детьми участвовали в войне и на протяжении двадцати двух послевоенных лет размышляли о трагедии Окинавы.

Во время трехнедельного пребывания на Окинаве у меня неоднократно брали интервью и непременно спрашивали о моем отношении к возвращению архипелага Японии. Я каждый раз медлил с ответом. Сейчас, накануне отъезда из Нахи, которую я покидаю с тягостным чувством разочарования от результатов переговоров Сато и Джонсона, я решил наконец ответить на этот вопрос. Разочарования? Зная настроения в кабинете Сато, следовало бы заранее предугадать исход его визита в США. Мне чудятся голоса окинавцев, недоумевающих по поводу наивности гостя из Центральной Японии. Тем не менее я рассчитываю на то, что среди них найдутся люди, которые меня поймут.

До приезда на Окинаву я не возлагал серьезных надежд на поездку премьерера Сато в США. Между прочим, на Окинаве, где не в пример Японии гораздо больше «прозревших», способных видеть мельчайшие детали окинавской проблемы, царил приподнятая атмосфера надежды. Подпав под ее влияние, я тоже начал с волнением следить за ходом переговоров. Ученые, исследующие общественное мнение вокруг проблемы возвращения Окинавы, считают, что его основные компоненты — Ассоциация учителей Окинавы, профсоюзы, студенчество — находятся под влиянием прессы, местной и особенно центральной, а также под воздействием реформистских организаций, членов парламента от оппозиции. Нельзя отрицать и влияние курса правительства Японии. Пирамиду зависимости венчает правительство США, осуществляющее политику диктата. Таким образом, общественное мнение находится под влиянием множества факторов и напоминает улицу с односторонним движением. Голоса народных масс Окинавы не доходят до официальных кругов США. Именно поэтому окинавцы, даже сомневаясь в намерениях Сато, в период переговоров глав двух стран вынуждены питать какие-то надежды. Иначе им пришлось бы захлопнуть единственное светлое окошко, созданное их воображением.

Вымученная надежда требует приличествующей маски, которую окинавцы стоически носят, чтобы скрыть неверие и сомнения в политике Сато. Говоря вслух о надежде, народные массы Окинавы «прозревшими глазами» следят за каждым шагом премьер-министра. Следует, однако, подчеркнуть, что надежда окинавцев, видящих насквозь самое потаенное в замыслах Сато, была искренней. Они понимают, что должны напомнить о себе правительству США, иначе их надежды останутся лишь на бумаге.

Во время недельной поездки по архипелагу я стал свидетелем вспышки народного гнева, возникшей из-за отказа премьер-министра Сато принять депутацию руководителей отделения Ассоциации содействия возвращению Окинавы из городка Киян. Положение было угрожающим. Не думаю, что члены Ассоциации, которым бросили в лицо публичное оскорбление — приказ об усилении полицейского надзора, — испытывали доверие к Сато. В момент подписания Джонсоном и Сато совместного коммюнике сторонники воссоединения с Японией провозгласили новый курс. Следует, однако, заметить, что в штаб-квартире Ассоциации царил глубокое отчаяние. Вот оно, наглядное проявление двойственности окинавской души — надежда и прозрение.

Премьер Сато со слезой в голосе рассыпал лицемерные фразы вроде того, что «послевоенный период мы не можем считать мирным, пока не разрешится проблема Окинавы». Народ Окинавы больше всего задело то, что премьер-министр увидел лишь одну сторону в умонастроениях жителей архипела-

га — надежду, не замечая их «прозревших глаз». Сато продемонстрировал пренебрежение к широким массам Окинавы. Не всем придется по сердцу откровенность окинавцев, но хочу привести горькие слова, сказанные пожилым таксистом, который возил нас по местам былых боев. «В сознании премьера еще с довоенной поры укоренилось дискриминационное представление об окинавцах, как о слабых людях, смиренно приносящих себя в жертву».

Быть может, эта черта и является определяющей в окинавском характере, однако в нем есть и другие, совершенно неожиданные для меня грани. Самокритично оценивая особенности своей природы, окинавцы проявляют прямодушие и природную щепетильность. После второй поездки по Окинаве я пришел к выводу, что ее народ оценивает и себя, и окружающих, руководствуясь высокими моральными мерками. Не было ни одного окинавца, который в разговоре о возвращении в «ядерной экипировке» не испытывал бы укоров совести из-за своей вины перед японцами из центральных районов. Не нашлось ни одного окинавца, не говорившего бы с неподдельным стыдом об уродливых сторонах экономического процветания за счет американских военных баз.

Окинавцы, несомненно, испытали гнев и стыд, когда после краха своих надежд они «прозревшими глазами» увидели, как премьер Сато и посол Японии в США Симода, рассуждая о мире, ратовали за возвращение Окинавы с ядерным потенциалом. Особенно были посрамлены те, кто претерпевал трудности послевоенных лет, утешая себя надеждой на компромиссное решение проблем архипелага путем «многоступенчатого возвращения». Простодушный, доверчивый народ Окинавы переживает тягостное состояние гнева и позора. Что же представляет собой политик по имени Эйсаку Сато? Поправ надежды окинавцев, он обратился к ним с лицемерным призывом: «Я верю, что мы сделали шаг вперед, так будем же идти бог о бок, преодолевая препятствия на нашем общем пути». Остается только сказать, что премьер-министр дурачит народ Окинавы.

Когда развеялись иллюзии, в Ассоциации содействия возвращению Окинавы зародилось движение за «полный и немедленный возврат к Японии», и часть активистов, таким образом, обратилась к идеям прежних лет. Новое движение, видимо, решительно отметет любые попытки правительства Сато выставить в выгодном свете результаты визита в США и переговоров с президентом Джонсоном. Предполагается, например, поездка по Окинаве специальной группы из Центральной Японии с целью разъяснения успеха переговоров. Более того, обманутые надежды породили еще одну новую тенденцию в движении за возвращение Окинавы — расчет на помощь со стороны ответственности США, к которой следует обратиться напрямую, минуя официальные каналы.

Любопытно привести в этой связи замечание газеты «Монд»,

проницательно оценивающей события в Азии: «Саботаж жителей Окинавы и трения с американским командованием создают дополнительные трудности США в их войне против Вьетнама».

В заключительный день переговоров Сато и Джонсона окинавские газеты поместили две заметки, говорящие о многом. Первая извещала о решении американских военных властей уничтожить посеvy на незаконно захваченных крестьянами полях в окрестностях деревни Ёмитан. Земли, исконно принадлежавшие этой большой деревне, были заняты под военную базу, и местные жители, проделав лазы в металлической сетке военного объекта, начали тайно возделывать поля. Американская оккупация лишила сотни семейств средств к существованию. Исчезли выгоны для свиней, коров, поэтому крестьянам пришлось расстаться со скотиной. Жители деревни сетуют, что, если американцы и вернут захваченные земли, понадобится много времени, чтобы возродить почвы, утрамбованные тяжелыми бомбардировщиками. Плоды тайных полей кормят не только тех, кто на них работает, но и всю деревню Ёмитан. У ее обитателей нет уверенности в будущем, потому что они подписали документ, гласящий: «В случае необходимости пахотные земли передаются в ведение военных баз США. Командование не несет ответственности за ущерб, причиненный сельскохозяйственной продукцией на нелегально обрабатываемых полях».

Вторая заметка сообщала, что в результате сопротивления жителей города Киян запрещено выделение земель под строительство радарной станции, которая обеспечила бы американским бомбардировщикам Б-52 боевые вылеты с острова Гуам в Северный Вьетнам в ненастную погоду.

Читая два сообщения «прозревшими глазами», приходишь к выводу, что крестьяне, не питая надежд на милость администрации американских баз, собственными силами защитили свои жизненные права.

Результаты визита Сато в США, должно быть, пробудили в разочарованных крестьянах волю к борьбе. Полагаю, что здравомыслящие люди с «прозревшими глазами» не смогут пройти мимо этого события.

Я покидаю Наху с предчувствием, что окинавцы способны самостоятельно открыть для себя новые перспективы. Мне хочется пожелать всем моим знакомым здоровья и бодрости, чтобы преодолеть предстоящие трудности, но смотреть им прямо в глаза сегодня я не могу.

Я вспоминаю людей, с которыми встречался в разных уголках Окинавы. На ярмарке, устроенной в одном из сельскохозяйственных кооперативов, среди простых, добытых честным трудом продуктов была и знаменитая окинавская лапша. Торговец, ловко раскатывая тесто, сказал: «Экономическое положение семьи, конечно, ухудшится, но возвращение необходимо, чтобы дети смогли получить образование». Мастер музыкальных инструментов на ярмарочной площади натягивал змеиную кожу на

хэбикавасэне *, ласкающем звуками своих струн обитателей деревень и отдаленных островков. Работая, он делился со мной мечтой о возвращении к Японии. Вдова, хозяйка небольшой харчевни, вспоминала, как во время войны она бежала с младенцем на руках по полю, где шло сражение, и люди швыряли в нее камни, считая, что американские локаторы наводят самолеты на цель по плачу ребенка. Теперь дочь ее выросла, и ради будущих внуков ей хотелось бы воссоединения с Японией. Вспоминая их искренние, взволнованные голоса, я невольно склоняю перед ними голову.

Перед глазами возникает крестьянин с острова Исигаки, где зарождаются тайфуны. Получив тяжелые увечья во время атомной бомбардировки Нагасаки, он гнет спину, выращивая сладкое просо. Врач обнаружил у него серьезное заболевание печени и настаивает на лечении в больнице, но крестьянин должен от зари до зари работать в поле, чтобы прокормить семью.

Когда он повез удобрения на ананасную плантацию, его жена, убитая горем, сказала мне: «Кабы знать, что ждет после возвращения к Японии. Как будет с оплатой за лечение в больнице для жертв атомной бомбардировки? Что с нами, крестьянами, станет?»

Я промолчал в ответ.

1967 г.

ДИАЛОГ С ИТАКО*

Наверно, в каждом глубинном районе существует поверье, что умерший человек покидает этот мир и уходит куда-то далеко в горы. Крестьяне района Тохоку издавна считали, что у них таким местом была гора Осорэдзан, расположенная в центре полуострова Симокита за девственным кипарисовым лесом. Они и теперь так считают.

Само название „Осорэдзан“ вызывает у людей священный трепет, да и от картины, открывающейся взгляду человека, пришедшего туда сквозь кипарисовый лес, невольно мороз продирает: черно-синее вулканическое озеро, окруженное сероголубыми и белыми базальтовыми осыпями, мрачные расщелины, бесчисленные пульсирующие воронки с поднимающимися из них сернистыми парами и острый запах серы, которым пропиталось все вокруг. Где, как не здесь, блуждать душам умерших. Среди всех гор, куда уходят покойники, Осорэдзан пользуется особым авторитетом. И этот авторитет остается неизблемым по сей день. Слово «осорэ» восходит к «усори», что на языке айну* означает «впадина», и прежде им просто обозначалась гора с вулканическим кратером. Иероглиф же «осорэ» — страх — был придуман, очевидно, под влиянием необычности окружающего пейзажа. Но, раз получив название „Осорэдзан“ — гора страха, этот вулкан, эта необычная гора стала ассоциироваться в головах людей с местом, скорее подходящим для пребывания мертвецов, чем живых людей. Я люблю подобную магию слова и всегда испытываю родственные чувства к людям, верящим в магию слова.

Вечером, накануне подъема на Осорэдзан, я смотрел в Танабу — небольшом городишке у подножия горы — танцы ноо* в исполнении окрестных крестьян. Это была смесь стилизагаура*, танца львов и жанра Кабуки*. Танцы исполнялись на деревенский манер — шумные, веселые, подчас эротические, они доставляли самим исполнителям не меньшее удовольствие, чем зрителям. От непрерывных выкриков, которыми подзадоривали себя танцоры, у меня разболелась голова, я ушел в гостиницу и до самого рассвета ворочался в постели, мучимый кошмарами, в которых главную роль играли страшные мертвецы. По-

видимому, я принадлежу к типу людей, чересчур подверженных магии слова.

На следующее утро я сел в автобус, битком набитый пожилыми крестьянками из окрестных деревень, и отправился на Осорэдзан. Сначала автобус ехал среди леса из красных сосен и криптомерий. Юная кондукторша затянула песню паломников, и растрогавшиеся крестьянки тихо ей вторили. Они были из разных деревень, прежде никогда не встречались, но совместная поездка в автобусе сблизила их, и это чувствовалось и в том, как они складно пели, и в том, как весело и счастливо смеялись. Проспав ночь вповалку на храмовом постоялом дворе, исполнив у горячих источников еще раз песню паломников и хвалу Будде, они настолько сблизились, что стали восприниматься как единое целое.

Наконец автобус въехал в первозданный кипарисовый лес. Лес казался густой и широкой зеленой стеной, отгораживавшей мир живых у подножия горы от мира мертвых на вершине Осорэдзана. Надо сказать, что в какой-то степени священный трепет, испытываемый к Осорэдзану, охватывал всех уже при въезде в кипарисовый лес.

Когда наш автобус миновал поросший кипарисами перевал и начал спускаться вниз по крутому склону, мое нетерпение и любопытство достигли апогея. Слева показалось кратерное озеро, и в нос резко ударил запах серы. Автобус помчался по дороге, огибавшей озеро. Светлый кобальтовый цвет воды у берега постепенно переходил вдали в черно-синий. Черно-синей казалась и обширная роща вдали. Она незаметно переходила в тот самый кипарисовый лес, который мы недавно миновали. В открывшемся нашим глазам пейзаже темными тонами были окрашены лишь даль озера и лес кипарисов за ней. Пустынная громада кратерной чаши, по которой мчался наш автобус, ослепительно сверкала. Я буквально ослеп от лучей летнего солнца, пока проходил короткий путь от остановки автобуса до молельни Дзидзо*. Этот раскаленный добела свет напоминал кадры из американского фильма, изображающие рудник среди пустыни, и, если следовать этому сравнению, там и сям разбросанные хибарки для отдыха паломников, кладбищенский храм и сарайчик для принятия ванн, куда подведена вода из горячих источников, — все эти строения походили на лацуги шахтеров.

Вокруг молельни Дзидзо уже расположились итакo, вызывающие духoв умерших. Большею частью это слепые, обрюзгшие, нездоровой полноты женщины, внешний облик которых, пожалуй, соответствует их профессии. Выпрямив спины, они сидят на виниловых циновках и, потирая ладонями крупные горошины четок, вещают либо в ритме песни паломников, либо в стиле гидаю*. Итакo вещают голосами умерших, а крестьянки тихо сидят перед ними, сдвинув колени, и слушают. Крестьянки, желающие побеседовать с духами умерших, выбирают себе по

вкусу итакo, садятся перед ней и сообщают дату кончины того, кого они хотели бы вызвать. Этого достаточно. Итакo, потерев между ладонями горошины четок, сразу же начинают вещать голосом умершего. Мгновенный контакт итакo с духом покойника всегда впечатляет. В зависимости от индивидуальности итакo первые слова покойника звучат по-разному. Один, например, говорит так:

«Благодарствую, благодарствую за то, что вызвали меня из мрака в такое светлое, прекрасное место. Благодарствую, благодарствую».

Другой сразу же обращается к людям, живущим в реальном мире, с просветительскими поучениями:

«Если мир пойдет по пути процветания, то...»

По-видимому, каждая из крестьянок после некоторых поисков выбирает среди многочисленных итакo ту, которая по стилю вещания наиболее подходит к ее эмоциональному настрою. Даже человек, не верящий, что, благодаря способностям итакo дух умершего общается с крестьянкой, навряд ли будет сомневаться в том, что здесь, на горе Осорэдзан, происходит глубоко человеческое общение между итакo и деревенскими женщинами.

Крестьянки молча прислушиваются к доносящимся до них голосам покойников, на глазах появляются слезы, которые вскоре проливаются очищающим душу потоком.

Привлекает внимание простая, но очень милая и чистая одежда итакo и крестьянок. Особенно яркие и светлые наряды крестьянок, которые как бы перекликаются со светлыми тонами кратерной чаши Осорэдзана. Все это решительно противоречит предвзятому мнению, будто район Тохоку мрачен. Тем не менее, глядя на яркие и светлые наряды крестьянок, я видел в этом не результат того, что деревенская жизнь в Тохоку становится светлее, а скорее то, что крестьянки, пришедшие к горе, где бродят духи покойников, решили провести несколько веселых деньков, пожить в свое удовольствие, на время позабыв о своих повседневных заботах. Я уверен, что именно так следует понимать их наряды.

Для посещения Осорэдзана крестьянкам особых затрат не требуется. Достаточно в течение года накопить около тысячи иен, и этого вполне хватает на проезд автобусом до горы Осорэдзан, на оплату в течение четырех праздничных дней места на храмовом постоялом дворе, на купание в горячих источниках (нельзя отказать в смелости тем, кто с легким сердцем принимает ванны в общем бассейне), на оплату итакo и благотворение усопших, и еще остается малая толика на покупку гостинцев. По обе стороны дороги к молельне Дзидзо выстроились палатки, где за пятьдесят-сто иен можно приобрести всевозможные подарки — от детских игрушек до предметов обихода.

Поговорив через посредство итакo с духами покойников и

поплавав, крестьянки, миновав серо-голубые и белые осыпи и долину серных источников, выходят на тропинку, которая вьется вокруг кратерной чаши. Это своеобразный обход разных кругов буддийского ада. Источники, холмы и пруды, встречающиеся по пути, имеют устрашающие и повергающие в священный трепет названия: огненный ад, кровавый ад, детский ад, ад для азартных игроков... Вдоль пути по кругам ада стояли сложенные из камней башенки разной величины. Проходя мимо, крестьянки щедро рассыпали у подножия башенок похожие на драже красные, синие, розовые и желтые сладости, приготовленные ими из рисовой муки и сахара. То же самое они делали перед статуями бога Дзидзо, которые с камушками, насыпанными им на колени, чем-то напоминали крабов с икрой. На сладости, разноцветной мозаикой украшавшие башенки из камней, слетались тучи пчел с черными и светло-желтыми полосками на брюшке, каких в равнинной местности и не встретишь. Время от времени на пчел нападали сойки, с резкими криками вылетавшие из зарослей рододендрона и багульника. Чтобы дополнить картину, следует упомянуть о сидевших по обе стороны тропинки многочисленных монахах-молельщиках, продававших заодно амулеты, итако, которые предпочли эту тропинку соседству с молельней Дзидзо, и даже хиромантов. Короче говоря, здесь можно было столкнуться с носителями всех местных обычаев и верований крестьян района Тохоку.

Прежде Осорэдзан был излюбленным местом для священных действий различных религиозных сект, но теперь ни итако, ни другие собиравшиеся здесь носители местных обычаев и верований никакого отношения к ним не имеют. Да и сами крестьянки посещают Осорэдзан не как священное место, связанное с определенной религией, а скорее как гору, куда после смерти, как они верили, они попадут и где сейчас бродят души их умерших родственников.

В день, когда я вторично поднялся на Осорэдзан, чтобы посмотреть церемонию прозрения бога Дзидзо, праздник, ежегодно отмечающийся с двадцатого по двадцать четвертое июля, был в самом разгаре, и на Осорэдзане царило особое оживление. Нигде в сельской местности я не встречал столько иностранцев, как на горе Осорэдзан. Американцы, французы, немцы — все они стрекотали киноаппаратами, а покончив со съемками итако, начинали буквально преследовать монахов. У меня создалось впечатление, что эти иностранцы совершенно не были обучены соблюдению японских обычаев. По-видимому, из всего того, что привлекает любопытство иностранцев в Японии, гора Осорэдзан нынче пользуется особой популярностью.

Мода на посещение горы Осорэдзан привлекает сюда многочисленных студентов из Токио. Студенты буквально кишат вокруг вызывающих духов итако и проливающих слезы крестьянок, щелкают фотоаппаратами, суют под нос магнитофоны, а

те, у кого нет такой современной техники, стоят рядом, присутствуя при сем с каким-то стыдливо-неопределенным выражением на лицах.

Никто из студентов не верит в происходящее у них на глазах общение между итако и крестьянками. Вещание итако и слезы деревенских женщин вызывают у них чувство стыда, но те, кто вооружен фотоаппаратами и магнитофонами, выставив их, как защитную стенку, считают себя отгороженными от итако и крестьянок, а значит, стоящими на критических по отношению к ним позициях, и постепенно преодолевают чувство стыда.

Какое холодное выражение превосходства на их лицах! Но когда один человек, придя в экстаз, говорит, а другой, проливая слезы, слушает его, — разве в этом случае не происходит некоего специфического, наполненного истинным содержанием общения независимо от того, передаются при этом слова покойника или это всего лишь простая выдумка? В этом ведь и состоит магия слова. Мне хотелось бы, чтобы друзья-студенты почувствовали к этому уважение, чтобы в их души иногда закрадывалось сомнение: не являются ли при определенных обстоятельствах четки итако с нанизанными на них зубами зверей предметами большей культуры, чем фотоаппараты и магнитофоны.

Сегодня, когда концентрация культуры в городах приобрела колоссальные размеры, путешествия студентов в период летних каникул по различным районам Японии, безусловно, представляются желательными. Но при этом в первую очередь необходимо, чтобы студенты с уважением относились к имеющейся в этих районах культуре, к живущим там людям, научились бы по-настоящему общаться с ними.

Если же они поставят себя в положение белых, общавшихся с индейцами в эпоху колонизации, то это приведет не к истинному общению, а, напротив, к вреднейшей разобщенности.

После празднеств на горе Осорэдзан я отправился на самую северную оконечность острова Хонсю, к маяку Омасаки, чтобы полюбоваться оттуда на необычные формы туфовых скал в Хотокэгауре, образовавшиеся под воздействием ветра и волн. По пути наш пароход проплыл мимо нескольких бедных рыбацких поселков. Серые дома рыбаков были повернуты к морю черными дырами входов, словно там обитали не люди, а некие насекомые. В одном из таких поселков на общие средства жителей была открыта лавка в Хотокэгауре. Остановившиеся здесь на бивак студенты разорили эту лавку настолько, что восстановить ее не представляется возможным. В глазах студентов это была всего лишь безобидная шалость. На самом же деле именно такие «шалости» совершали белые в индейских поселках.

Но вернемся на Осорэдзан. Наш фотограф, желая запечатлеть итако, вещающих голосами усопших, и крестьянок, беседу-

ющих с ними и проливающих слезы, рано утром в последний день праздника отправился к Горе Плача, надеясь, что хоть там не попадут в его объектив приезжие из Токио. Горой Плача крестьянки называли склон, покрытый бесчисленными сложенными из камня пирамидами. Однако фотографу пришлось довольно далеко углубиться в кустарник, чтобы услышать плач и причитания крестьянок, вынужденных там скрываться от любопытных глаз. По возвращении к кратерному озеру фотограф сел в Гокуракугахаме в автобус, битком набитый крестьянками, уже бывшими навеселе. Фотограф приветствовал их, кое-как устроился на краешке сиденья и стал прислушиваться к разговору. Одна из крестьянок, по виду старшая группы, сказала:

— Тем-то и хорош Осорэдзан, что здесь можно и поплакать вволю на Горе Плача, и потом выпить чего-нибудь крепкого в Гокуракугахаме, спеть, поплясать. Настоящий праздник!

«Настоящий праздник»! Крестьянки Тохоку, вырвавшись из скучной повседневной жизни, проливают слезы, слушая вещание итако, вечером выпивают на постоялом дворе и пляшут, смело заходят в общий бассейн, плачут навзрыд в отдаленных уголках Горы Плача, снова пьют сакэ в Гокуракугахаме, снова поют и пляшут. Это прекрасное по своей сути освобождение от тягот повседневной жизни и есть содержание того, что они называют «настоящим праздником».

Применение слова «праздник» к указанной ситуации свидетельствует о том, что крестьянки Тохоку издавна обладают мудростью понимания магии слова, и эта мудрость постоянно обновляется. Искусство итако оказывается действенным именно благодаря тому, что имеет столь достойных партнеров.

Сейчас меня больше всего страшит то, что может наступить день, когда гости из Токио загонят итако и слушающих их вещание крестьянок куда-нибудь в самую чашу кипарисового леса. Ведь уже сегодня крестьянки не имеют возможности наплакаться вволю на Горе Плача и вынуждены прятать свои слезы от чужих глаз в зарослях кустарника.

1965 г.

О ЧЕМ МЫ ДОЛЖНЫ ПОМНИТЬ?

Что такое забвение? Каким образом и что мы вычеркиваем из нашей памяти? Для человека честного этот процесс есть не что иное, как сознательное желание что-то забыть. Безмятежные детские сердца с легкостью освобождаются от бремени памяти, но нам, взрослым, не удастся смахнуть небрежно, как пыль серьезные, но ставшие уже ненужными воспоминания. Мы можем забыть лишь благодаря усилию воли. Таким представляется механизм памяти и забвения применительно к индивидууму. Если же речь идет о группе людей или обществе в целом, процесс отмирания памяти оказывается более наглядным. Следует подчеркнуть, что в век массовых коммуникаций пропаганда способна препарировать в нужном для нее виде событие, правду, словом, все приговоренное к забвению. Вам, вероятно, приходилось слышать вокруг себя подозрительно-настороженный шепоток: «Почему он помнит то, что все давным-давно похоронили?»

«Прилично ли одному хранить в голове то, что забыто всеми?» — спрашивают более решительные. Тем не менее я верю, что человек, оказавшийся в одиночестве или изоляции, способен приказать своей памяти хранить те или иные события. Однажды к печати готовилась книга. В ней были сконцентрированы события и факты, которые надлежит хранить в нашей памяти вечно, каких бы страданий нам это ни доставляло. Человеческие трагедии, запечатленные на страницах этого произведения, повергают в ужас, гнетущая тоска сжимает сердце. Но именно сейчас мы обязаны внимательно вчитаться в каждую строку этой книги. Для нас, японцев, уцелевших в войне, утрата памяти равносильна позорному предательству жертв Хиросимы, всех, кто еще сегодня продолжает мучиться. Правительство нашей страны должно сознавать, что оно скорее всего подвергнется международному остракизму, если на практике не подтвердит прекрасные рассуждения о памяти. К сожалению, единственное, на что способно, пожалуй, японское правительство после поражения во второй мировой войне, — это самодовольная изоляция.

Еще летом 1950 года хиросимцы выразили готовность издать

такую книгу: «Записки очевидцев атомной бомбардировки». В 1948 году была составлена небольшая книжечка в сто тридцать страниц из воспоминаний 164 жертв атомной трагедии. Ее напечатали, но «Записки» так и не увидели света. Причина крайне проста: запрет американских оккупационных властей. «Записки», правдиво излагавшие факты, по мнению американцев, натуралистически изображали последствия атомной бомбардировки и содержали нападки на США.

Чем был знаменателен 1950 год? Летом того года началась война в Корее. Сейчас каждый знает, что ядерное оружие в ней не применялось. Однако полтора десятилетия назад мы, простой народ, не могли быть абсолютно уверены в том, что атомная бомба вновь не пойдет в дело. Вряд ли можно отрицать, что американские стратеги не исключали возможности использования оружия массового уничтожения на корейском театре военных действий.

Вспоминая одну историю, услышанную мною в Хиросиме. Американский журналист, приехав в Хиросиму в первое лето войны в Корее, встретился со стариком, ослепшим в августе 1945 года в результате атомного взрыва.

— Как вы полагаете, окончится ли война немедленно, если в Корее будет применен опыт Хиросимы и Нагасаки? — спросил американец.

— У меня нет сил протестовать против новой атомной трагедии. Одно я знаю твердо: если США и победят, прибегнув к этому оружию, то в мире не останется людей, доверяющих вашей стране.

Я не могу без боли думать о том, какой удар в сердце жертв атомной бомбардировки нанес приказ американских оккупационных властей о запрещении «Записок». Воспоминания создавались, когда после взрыва не прошло и трех лет. Почему же изувеченные люди взялись за перо и вновь душой пережили ужас того дня? Ведь именно они должны были бы поскорее забыть атомный кошмар и хранить безмолвие! Поражает спокойствие и смиренность тона их повествования. Что значили для них эти «Записки»?

Выскажу собственное мнение. Несомненно, стимулом для написания воспоминаний послужили размышления жертв о том, какова историческая ценность их трагического прошлого, их неутешного горя. Каким образом извлечь нравственный урок из атомного взрыва? Авторы воспоминаний, конечно, стремились, поделившись собственным горьким опытом, способствовать утверждению мирной жизни сегодня и в будущем. Когда из пережитых мук удается выкристаллизовать зерна нравственных ценностей для завтрашнего дня, человек испытывает очищение от страданий и видит путь к возрождению.

Жертвы Хиросимы готовы молиться за сохранение жизни на Земле. Для осуществления их надежд нужно совсем немного: их трагический опыт должен стать путеводной нитью к миру на

нашей планете. Их воспоминания — это искреннее послание всем, кому посчастливилось не оказаться в Хиросиме 6 августа 1945 года.

Слово «мир», которое я часто употребляю, быть может, раздражает некоторых читателей. В наши дни оно воспринимается как что-то захватанное грязными руками, назойливо повторяющееся понятие со стертым смыслом. Однако большинство людей, видимо, защищают его непреходящую молодость. Сам я, признаться, устал от этого слова. За два послевоенных десятилетия оно не раз тонуло в мутных водах демагогии, истолковывалось на различные лады, подвергалось осмеянию. Его изначальный смысл кажется порой оторванным от реальной жизни и погребенным в суетной болтовне, щедро рассыпанной по страницам книг и газет. Несет ли в себе сегодня слово «мир» свою первозданную внушительность и красоту? Полагаю, что подобные сомнения разделяют многие. Пусть тот, кому небезразлично будущее планеты, хотя бы раз задумается над участью этого слова в современной жизни.

Воспоминания, собранные в «Записках очевидцев атомной бомбардировки», не дают повода сомневаться в их искренности. Рукой каждого автора водило стремление к человеческому возрождению. Жертвы Хиросимы выстрадали понятие «мир». Их голоса, зывающие к миру, исполнены целомудренной чистоты, искренности, негибимой правды. Насмехаться над зовом хиросимцев может только отпетый негодяй.

«Нет войне! Будь проклята война!» — звучит печальный и страстный голос переживших атомную трагедию. Крик души, страждущей мира. Мы хотим, чтобы атомное безумие никогда больше не обрушилось на Землю. Мы зываем к тебе, человечество! Лозунг «Нет новой Хиросиме!» должен реять над планетой, живущей в обстановке постоянной политической напряженности. Не дайте нашему призыву угаснуть у памятника жертвам атомной бомбардировки на берегу реки Отагава.

Если грянет новая война, которая задушит порыв страдальцев Хиросимы к возрождению, а их призыв останется на страницах запрещенной книги, то глас во имя мира действительно замрет у подножия мемориала в хиросимском парке. Что переживут тогда жертвы Хиросимы? Имеем ли мы сегодня право абстрагироваться от угрозы нового пожара на Земле?

Многие из авторов «Записок» ушли из жизни, так и не увидев своих воспоминаний в напечатанном виде. Семнадцать лет истекло с поры создания мемуаров. Вряд ли можно оптимистически думать о состоянии здоровья тех, кто уцелел в атомном смерче. Сейчас, на пороге двадцатого, послеатомного лета, «Записки» готовятся к изданию, и мы наконец получим доступ к бесценному документу памяти. Однако воздать должное умершим авторам за их отчаяние, гнев, обманутые надежды, пережитые ими на закате жизни, уже невозможно. А что было бы с ними, если бы они узнали, что перспектива запрещения

ядерного оружия до сих пор теряется во мраке? О каком прояснении горизонта может идти речь, когда арсенал оружия массового уничтожения растет день ото дня? Нашу планету буйной порослью разукрасили ядерные цветы. Разве нам, живым, дано прочувствовать глубину отчаяния тех, кто умер в одиночестве, сознавая, что их призыв к запрещению атомного и водородного оружия остался пустым звуком?

Жертва атомной бомбы на пороге небытия не может обрести веру в то, что она последняя в списке этих мучеников, что ее смерть откроет глаза будущим поколениям на антигуманную сущность войны. Наоборот, человек сознает, что он лишь первое звено в бесконечной цепи людей, которые в будущем подвергнутся атомной бомбардировке. Выходит, вся его жизнь, все его страдания напрасны. Вряд ли нам удастся найти слова, способные умерить то отчаяние, которое тяжким бременем придавило хиросимца, умирающего в нечеловеческих муках.

Вина за оскорбительную расправу, учиненную пятнадцать лет назад над «Записками», лежит на американских оккупационных властях. Если воспоминания жертв атомной бомбардировки не будут изданы, то призвать к ответу сегодня должно нас. Мы несем ответственность перед будущим. Откровенно говоря, я без оптимизма смотрю на судьбу этой книги. Не суждено ли ей затеряться в потоке литературы, наводнившей современную жизнь? Хотя воспоминания и потрясут нас, мы постепенно забудем голоса жертв Хиросимы и наши сердца вновь забьются размеренно. Не поблекнет ли в нашей памяти впечатление о безысходном молчании, в которое погрузились жители убитой Хиросимы? Не вытеснят ли разнообразные несчастья наших дней память о прошлом? Быть может, мы не устыдимся своего ничтожества перед удивительной человечностью и величием духа, которые проявили хиросимцы в бездне страданий, а, щадя себя, скользнем равнодушным взором по бесценным страницам «Записок», которые необходимо навеки сохранить в памяти. Мои предсказания, увы, не беспочвенны.

Разве мы уже не похоронили множество поистине драгоценных книг? Формально мы не облечены полномочиями, глядя в глаза жертвам атомной бомбардировки, отвечать на их вопросы о современном состоянии ядерного оружия.

Первый редактор «Записок» в предисловии к ним писал: «Неужели люди планеты не услышат страстного призыва к вечному миру, с которым обращаются к ним те, кому выпал трагический жребий первыми испытать неведомое человечеству зло, испытать до дна чашу страданий и найти в себе силы создать священные воспоминания?»

Люди планеты — это мы. Прошло пятнадцать лет со дня написания предисловия, но все ли вняли мольбе о мире? Правильнее сказать, что она не была услышана. Скорее, повсюду на Земле окрепло стремление забыть трагический август. Было бы лицемерием утверждать, что «Записки очевид-

цев атомной бомбардировки» ждет радужное будущее. Повторяю, забвение достигается сознательным отключением аппарата памяти. Ответственность за умышленно изъятое из сознания лежит на самом человеке.

Если мы забудем стон, взывающий к миру, значит, мы сознательно уклонились от проблемы ядерного оружия, испугавшись его сокрушительной власти. Ответственность за беспмятство ляжет на нашу совесть, и не будет нам оправдания ни сейчас, ни в будущем.

Забвение японцами Хиросимы и Нагасаки — это ли не самая преступная подлость, которой отмечено послевоенное двадцатилетие?

«Записки очевидцев атомной бомбардировки» даруют нам то, что непременно должно хранить сознание каждого человека. Они учат нас священной памяти. Воспоминания жертв атомной бомбардировки впервые подвергают взыскательной проверке наши нравственные качества.

Память о Хиросиме и Нагасаки необходима для нашего нравственного здоровья.

1965 г.

ЭРАЗМ ЯДЕРНОГО ВЕКА

На страницах своих произведений я часто рассуждаю о том, что такое сила воображения, память, духовное наследие. Я сужу не с позиций ученого или искушенного политика и отдаю себе отчет в ограниченности мировоззрения, эмоциональности и причудах, свойственных мне, человеку творческому. Быть может, желание испытать на прочность представления о воображении, памяти необходимо мне, как инъекции камфары?

Особенно меня волнует проблема войны и мира. Недавно я прочитал книгу Уилфреда Барчетта* о его второй поездке в Северную Корею. Скажу без преувеличения, она заставила меня содрогнуться. Меня потрясла та часть книги, в которой автор глазами народа Северной Кореи анализирует японский план «трех стрел»*. Я пережил состояние шока, когда этот проект был представлен в парламент. До сих пор отчетливо помню ощущения тех дней. Что повергло меня в ужас? Воинская повинность и другие меры по программе всеобщей мобилизации в государственном масштабе. Мне, находящемуся под защитой конституции, ясно давали понять, что моими правами гражданина Японии могут с легкостью пренебречь. Вернее было бы сказать, что правам и свободам личности не просто угрожали, а в открытую покушались на них.

Я не осмелился дать волю воображению и представить себе настроение народов Северной Кореи и Китая, которых план «трех стрел» превращал в мишень ядерной войны. Совершенно очевидно, какое впечатление произвела эта затея на жителей Кореи, собственными силами возродивших разоренную родину и строящих новую жизнь. Во время обсуждения «трех стрел» в парламенте я, упоая на гарантии конституции Японии, всерьез не задумывался о последствиях этого проекта для народа Северной Кореи. Барчетт снял пелену с моих глаз и заставил содрогнуться. Я переживал беспокойство, размышляя над собственным политическим скудоумием, узостью взглядов, неумением видеть перспективу.

Я читал книгу У. Барчетта с надеждой, что она расширит мои горизонты в области политики. Почему мной владело такое стремление? Дело в том, что в ядерный век основы челове-

ского существования зиждутся на силе политического воображения, и нас, людей, должна тревожить неразвитость идейной проницательности.

Мое знакомство с У. Барчеттом началось с его книги «К северу от семнадцатой параллели», и я не перестаю восхищаться стойкостью этого талантливого журналиста. Просматривая проспект серии «О войне и мире» в семидесяти двух томах *, я понял, что многие из включенных в нее произведений стали путеводными в моей судьбе, придали мне мужества, избавив от страхов, неуверенности и нервозности. В то же время я со жгучим стыдом вспоминаю «горячечный озноб», до которого нередко доводили меня те же самые произведения. С тревожным сознанием того, что живу в ядерный век, я оглядываю полки в своем кабинете, на которых собраны книги, составившие серию «О войне и мире», и те, что не вошли в нее, но имеют самое непосредственное отношение к этой теме. Как много удалось сберечь, думаю я. Размышляю о доброй привычке человеческой привязанности к вещам, благодаря которым сохраняется немало ценного. На полках выстроились книги, без прикрас повествующие о несчастьях и трагедиях. Почему они так близки сердцу? Причина не в задушевном отношении к произведениям «на тему мира». Дело в неистребимой тяге к книгам о войне.

В проспекте я обнаружил две незнакомые книги. Я прочитал их — новое произведение «Если начнется ядерная война» и брошюру «Воззвание к миру». Мне показалось, будто я раньше уже читал известную книгу Ральфа Лэппа *, но сейчас я испытывал совершенно особое чувство. Вероятно, память подвела меня, и я взялся за книгу «Если начнется ядерная война» второй раз. В пору первого знакомства с этой книгой я, видимо, не был готов к восприятию идей Лэппа. Ученый не только проанализировал ситуацию в современном мире, подойдя по-новому к оценке международных событий, но и смело осудил сползание к ядерной бездне.

«Воззвание к миру» я читал действительно впервые. Нельзя сказать, чтобы эта книга имела прямое отношение к гордости моей библиотеки — труду Кадзуо Ватанабэ «Люди французского Ренессанса» *.

Можно найти глубокую кровную связь между книгой Р. Лэппа, ученого в области ядерной физики, написанной в 1962 году, и произведениями, которые 450 лет назад создали великие гуманисты. Размышляя над родством книг разных эпох, я должен подчеркнуть, что именно книги о немислимых человеческих страданиях из многотомной серии «О войне и мире» произвели на меня неизгладимое впечатление. Большинство ее произведений воистину созданы руками гуманистов.

В понятие «деяния гуманиста» я вкладываю два значения. Я хочу пояснить свою мысль на примере произведений Ральфа Лэппа и Эразма Роттердамского. Прежде всего оба гуманиста

сознавали, что живут в страшную эпоху войн. Необходимо подчеркнуть, что, находясь в пучине бед и отчаяния, они не утратили ни остроты чувства, ни прозорливости взгляда. Их способность видеть можно описать словами еще одного гуманиста, современника Эразма. «Познав свет, мы оказались вновь ввергнутыми во мрак». Так написал Себастьян Кастельон в книге «В чем должно сомневаться и во что верить».

Глаза, видевшие свет, мрак и отчаяние, взирают на мир и в наше время. Пред ними, свидетелями событий средневековья, революционных бурь, в наш ядерный век предстали невиданные ранее ослепительный свет и устрашающий мрак. Спокойные, рассудительные глаза гуманистов, не витающих в облаках, но и не впадающих в отчаяние.

Во времена Эразма войны вспыхивали из-за «людского честолюбия, ярости и безумия». В эпоху Р. Лэппа войны тоже результат «людской глупости», однако в наши дни они ведутся оружием, которое может привести к тому, что после уничтожения человечества «Землю вместо глупцов населят организмы, обладающие незаурядной жизнестойкостью. Их единственными противниками в войне станут насекомые и бактерии». К высказываниям Эразма ядерного века о причинах гибели человечества в войне следует добавить, помимо «честолюбия» и «ярости», еще «случайность» и «просчет».

Р. Лэпп пишет: «Каждый гражданин, пользующийся благами демократии, держит в руке свечу. Разве тысяча свечей не создает света? Он ведь способен озарить весь мир».

Эти слова естественно связаны с другим высказыванием Эразма Роттердамского: «Простой народ в большинстве своем ненавидит войну и молит о ниспослании мира. И лишь горстка негодяев, наживающихся на людском горе, жаждет войны. Следовало бы каждому рассудить, сколь справедливо то, что банда злодеев берет верх над добрыми чаяниями большинства».

Я верю, что в конечном счете человечество уцелеет в ядерный век и передаст свою цивилизацию будущим, более совершенным поколениям. Уверенность я черпаю из сознания того, что наряду с историей войн — от бесчисленных религиозных войн поры мрачного средневековья до современной ядерной — существует и другая, непреходящая история, которую творили и творят гуманисты от Эразма Роттердамского до Ральфа Лэппа, хорошо знавшие «безумие и глупость людей».

Серия «О войне и мире» подтверждает стойкость жизнеутверждающих идей лучших умов человечества. Можно ли, однако, найти способ гуманного сопротивления «случайности» и «просчетам»? Ведь ядерный век действительно чреват ими.

СЕМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ: ВРЕМЯ, КОГДА ВЫМИРАЮТ КИТЫ

Я приехал на Окинаву, размышляя о том, чем был для нас 70-й год. Прибыв в Наху, откуда начинаются пути в Азию и Индию, я сразу ощутил, что перенесся из токийской зимы в конец лета, проделал своего рода обратный путь и словно вновь окунулся в самую гущу событий 70-го года. И вот в ожидании выборов, которые должны были состояться на следующий день, я слонялся по международному сектору, уныло слушал речи кандидатов и все больше и больше утверждался во мнении, что все события 70-го года, все опаснейшие политические маневры сутью своей неизменно упираются в проблему Окинавы; рассмотрение ее так же необходимо, как необходимо ежедневно дышать воздухом (пусть и в достаточной степени загрязненным). Вот с Окинавы и начнем — и еще не раз будем к ней возвращаться.

Может показаться, что я сгущаю краски, однако в событиях 70-го года я усматриваю вполне подтверждаемые фактами зловещие признаки конца. Именно поэтому я собираюсь написать воспоминания об этом годе, понимая в то же время относительность вышесказанного. Все бессонные ночи, когда я лежал в постели, погруженный в мрачные мысли о 70-м годе, в моем сознании, словно вспышки галлюцинаций, одна за другой мелькали картины близящегося конца этого мира и населяющего его человечества.

Чтобы понять, отчего же столь значителен именно 70-й год, надо попытаться подробно и не спеша разобраться в этих страшных сневидениях. Но сначала я хотел бы припомнить, хотя это почему-то нелегко, события Всемирной выставки, совершенно стершиеся в нашем сознании. Дело было в прошлом году. Однажды, сойдя на станции Юракутё, я увидел на электронном табло броскую, сверкающую, как бы кому-то угрожающую надпись: «Осталось ... дней». Поначалу, запыхавшись, я не сообразил, что это такое, однако постепенно понял: табло всего лишь сообщает, что до открытия Всемирной выставки осталось 10, 9, 8 и так далее дней, и надпись эта вроде бы не должна была меня особо волновать. Однако вдруг все переменялось. Цифры на табло стали означать нечто совсем

другое, пробудили во мне сознание близящегося конца. Этот безгласный символ до сих пор стоит у меня перед глазами.

И еще одно: я начал говорить о Всемирной выставке не только потому, что она меня интересовала, но прежде всего по причине в корне неверного ее восприятия; мысль об этом до сих пор беспокоит меня, подобно ощущению чего-то кислого, проглоченного по ошибке.

Я был заинтригован сообщениями о том, что на Всемирной выставке, которая будет проводиться у нас в стране, в городе Осака, все так называемые футурологи объединят свои усилия. Что такое футурологи? Вряд ли это тип людей, которые будут решать политические проблемы будущего; скорее это свободомыслящие интеллектуалы философского склада. И вполне возможно, что среди них найдется немало таких, кто может профессионально подойти к проблеме конца человечества.

Склонный к поспешным выводам, я думал, что эти футурологи быстренько вырубят в непроходимых зарослях обширнейшее пространство, которое станет полем деятельности их изысканий по проблеме близящегося конца. Однако, когда я увидел фотографии строящихся павильонов: причудливые конструкции, которые возводят гонконгские богачи, кричащие краски «Тигрового парка», дурной вкус с претензией на серьезность в других сооружениях, — все это ассоциировалось у меня с неистовым весельем ада и ожидания стали тускнеть.

Однако законченные здания, сложные из материалов будущего (построенные так, чтобы их можно было быстро и легко разобрать, в этом смысле они — как бы предтечи грядущего конца), в общем-то, почти не заставляли думать о будущей гибели человечества. Тем более что фреску, символически изображающую водородную бомбу, с помощью технических средств сделали неузнаваемой, чтобы она не шокировала посетителей.

Выдающиеся политики нашей страны уже не раз сокрушались по поводу глубокого пессимизма, который порождают исследования особенностей восприятия действительности японцами. Быть может, поэтому на Всемирной выставке нашими футурологами было продемонстрировано весьма одностороннее понимание категории «будущее» (в отличие, скажем, от научной фантастики, где мир изображается с четырех, с пяти да вообще — с любой точки зрения); реальным образом будущего было объявлено только такое будущее, которое устраивает заправил выставки (а ими были те, кто имеет реальную силу и власть, и они совершенно открыто игнорировали мнение остальных); взгляд на будущее как хаос был назван фантастическим и антинаучным, а ведь именно так представляет себе будущее современный японец.

Среди прочих ликов будущего, увиденных на этой выставке, хочется упомянуть об одном феномене, получившем презрительное название «крестьянская солидарность». Когда я своим умом

неспциалиста начинаю размышлять о структуре будущей экономики Японии, мне кажется, что именно крестьянам труднее всего ясно представить, какое будущее их ожидает. Эти люди бродили в толчее выставки, среди «контуров будущего», расталкивая посетителей. Они глазели на диковинные павильоны, конструкции, недоступные пониманию их обыденного сознания, так, как смотрел на учителя улыбающийся кот со страниц «Алисы в стране чудес», — вероятно, футурологи презирали именно эту улыбку.

Как раньше, собравшись группами, крестьяне ездили на поклонение в синтоистские или буддийские храмы, так теперь они пришли посмотреть на мир, предвещающий их конец. Упрощая и схематизируя, можно сказать, что это было похоже на встречу ада с раем; для крестьян это было время, когда стимулированная увиденным сила их воображения раскрыла перед ними всю очевидность близящегося конца мира — то, что раньше они лишь смутно ощущали. Во время, свободное от сельскохозяйственных работ, трудились их души; ответом на их ожидания было всеобщее презрение, возникшее вовсе не от большого ума.

Г. Дж. Уэллс, один из немногих, кто действительно заслуживает имени футуролога, считал, что в начальный период человеческой цивилизации люди объединялись отнюдь не в гармоничные общины, но в визжащие и дерущиеся стада. Если найдется человек, утверждающий, что на Всемирной выставке 70-го года в Японии мы видели вовсе не визжащее стадо, а общину, следующую по пути «прогресса и гармонии человечества», я бы с гадливостью предложил его кандидатуру на пост почетного председателя японской «Академии футурологии».

Посмотреть Всемирную выставку приехало много людей и с Окинавы. Разумеется, они были ослеплены блеском контуров научного будущего на основной территории Японии и не должны были заметить симптомов грядущей трагедии, корни которой, скрытые завесой человеческой глупости, намертво вцепились в сердцевину современности.

И вот, как только они вернулись к себе на острова, на Окинаву с небывалой скоростью надвинулись все бедствия научно-технического прогресса в облике невероятного загрязнения окружающей среды.

Написав эти строки, я вышел на улицу Нахи. На Окинаве был день выборов в местные органы власти. Со вчерашнего дня погода переменялась: дул сильный ветер, шел холодный, как зимой, дождь.

В углу сада Ёги, расположенного на окраине города, собрались человек тридцать студентов, призывающих бойкотировать выборы. «Империалистические репрессии на островах Рюкю» и другие выражения такого рода часто мелькали в их призывах, которые они выкрикивали в громкоговорители. Эти же слова звучали и во вчерашних вечерних речах кандидатов, говорив-

ших, что жестокий политический режим, установившийся на основной территории, и ранее, и теперь «оказывает давление на Рюкю». Студенты, однако, вкладывали в свои выступления несколько иной смысл: они опасались, что теперь действия центрального правительства выйдут за рамки простого «оказания давления на Рюкю», и в этом отношении они трезвее смотрели на действительность, чем студенты с основной территории, также участвующие во всевозможных движениях. Однако, оценив размах этого выступления — кучка людей в углу парка, — я ясно понял его тщету; такое же чувство возникло во мне вновь, когда я по пути в Токио попал в окинавский порт Накагусуру.

На защищенном от ветра острове Хэндза не было видно терминала по перекачке нефти компании «Галф Азия»; говорили, что он вот-вот вступит в действие. Нефтеочистительный завод совместной японско-окинавской нефтяной компании располагался вплоты к небольшой деревушке. Бурые водоросли уже совершенно исчезли из залива. Улов крабов снизился вдвое. А если на материке построят еще и завод, сернистый газ, выбрасываемый с дымом многочисленными трубами, начнет отравлять все вокруг.

Правительство Окинавы, к которому апеллируют рыбаки, руководствуясь прежде всего интересами промышленности, подавляет выступления протеста. А ведь следовало бы понять, что здесь нельзя повторять ту же ошибку, что и на основной территории, где японцы получили осязаемый урок загрязнения среды. То, что оно надвигается, все прекрасно понимают, и печальный пример основной территории показывает, к чему оно может привести. Еще есть время пробудить воображение людей, чтобы они представили себе свое будущее. Но люди предпочитают закрывать глаза и затыкать уши, когда шаги несчастья уже слышны. Если бы перенесение сюда промышленных объектов с основной территории оказалось в центре внимания общественности, то голоса недовольства и широкие выступления протеста на Окинаве стали бы, как и у нас, повседневными. Если в акте приемки появилась бы оговорка типа «неизвестно, произойдет или нет в будущем загрязнение, как это случилось на основной территории», предприятие не смогло бы начать работу. Все, однако, ясно понимают, что загрязнение среды произойдет в ближайшем будущем. Разумеется, на основной территории при таком положении новый завод в действие не вступит. Потому-то и решили строить заводы на Окинаве. На основной территории громко звучат голоса протеста и недовольства, на Окинаве же к голосу рыбаков никто не прислушивается; их выступления подавляют, осуществляя параллельно самоубийственную программу «привлечения промышленности».

Стадия «мер в отношении Рюкю» уже пройдена; на Окинаву вновь как ураган обрушились японские пираты вако*. Похоже,

нам остается только наблюдать, как в скором будущем настанет конец Окинавы, а затем стать свидетелями неизбежного конца основной территории Японии.

Жители основной территории первыми испытали на себе наступление и ужасные последствия загрязнения окружающей среды. Не имея достаточно эффективных средств противостоять ему, мы медленно движемся к гибели. Подобный процесс начался на Окинаве позже, но развивается с такой ошеломляющей скоростью, что Окинава погибнет раньше нас, и мы, вполне естественно, сможем заранее увидеть свой собственный конец. Образно ситуацию можно представить себе в виде больничной палаты, где лежит крепкий мужчина с хорошей сопротивляемостью организма, замедляющей развитие болезни, а рядом — хилый ребенок, которого он заразил и состояние которого быстро ухудшается. Если бы японцы с основной территории могли в 70-м году увидеть состояние дел на Окинаве, их смутные мысли о том, что вернуться к прошлому уже не удастся, превратились бы в твердую уверенность. Если бы они поняли, что и те, кого выдвинули кандидатами в органы власти, и те, кто усиленно призывал бойкотировать выборы, и большинство населения, молча наблюдающего за происходящим, самоустраиваются от решения проблем, им бы не оставалось ничего другого, как бродить по улицам Окинавы, остро сознавая свое одиночество. А ведь если, почувствовав сладковатый запах сернистого газа, сразу не забеспокоишься...

Проходя мимо журнальных лотков, я не мог не заметить, что почти все номера женских еженедельников помещают на обложке фотографии европейских или американских девушек, а на первой странице — цветные изображения императорской семьи. Иностранцы часто спрашивали меня, почему так делается, а я не спешил отвечать. Не отвечал, хотя и знал ответ. Иностранцам было бы трудно признать мою правоту, а мне как японцу было стыдно за содержание такого ответа.

А дело просто в том, что прослеживается четкая тенденция: среди огромного числа читателей женских еженедельников, в основном девушек, которым предстоит стать основой японских семей, нарастает стремление «к преодолению Азии».

Перед тем как рассмотреть концепцию «преодоления Азии», разработанную Фукудзавой Юкити *, посмотрим, как это выглядит в повседневной жизни.

Японки, родившиеся после войны, получающие чрезмерные похвалы за красоту, желают во всем походить на европейских и прежде всего американских девушек. Они не расстаются с заткнутыми в сумочки еженедельниками, на обложках которых изображена белокожая девушка, отвергающая их (по их представлениям) как людей иной расы. Они считают, что достаточно избавиться от ощущения несходства с улыбающимися белыми девушками, изображенными под названием журнала, написанным иероглифами, чтобы быть такими же, как они.

Белыми они пока еще не стали. Все происходит, следовательно, лишь на уровне сознания и представляет собой невинный обман. Однако в жизни происходит следующее: в ночных телепрограммах часто участвуют «модели», разукрашенные, как искусственные цветы, как правило, смешанной крови (кстати сказать, дискриминируют их очень сильно), и в попытках походить на эти «модели» девушки приобретают различные косметические товары, изощряются в их применении, а бывает, дело доходит и до крайностей типа пластических операций.

Таким образом, в сознании японских девушек тяга к «отстранению от Азии» достаточно очевидна. Мы хотим стать такими же, как вы, иметь те же мечты, что и вы, — взывают они к светлокожим девушкам Европы и Америки. Ну, а что же означает фотография императорской семьи? Униженная лесть, восхищение белокожими женщинами Европы и Америки, высокомерный отказ от родства с народами той же монголоидной расы, а рядом как бы извинение: нет, мы ведь все происходим из императорской фамилии, то есть связаны кровно с Азией,

Достаточно очевидно, что тенденция к «отстранению от Азии» проявляется у этих не столь уж наивных девушек двояко: с одной стороны, это пылкие сердца, стремящиеся вырваться из Азии и стать как те, другие; с другой — холодные сердца, стремящиеся покинуть Азию, напрочь отвергая себе подобных. Основа такого рода вульгарного сознания, центром которого сейчас является Токио, все расширяется, и вряд ли духам предков удастся сохранить Японию, как это мыслилось Фукудзавой в его концепции «отстранения от Азии». Пожалуй, именно наши «гвоздики земли Ямато»* с торчащими из сумок женскими еженедельниками, старающиеся походить на полукровок европейского вида, без оглядки бросающиеся в океаны косметики, и есть те самые колдуньи, которые ритмами своего безумного танца возрождают несколько трансформировавшуюся концепцию «отстранения от Азии».

Если бы для нашей страны это было просто единичным, а не обычным явлением, о нем из гигиенических соображений следовало бы поскорее забыть, как об увлечении, которое скоро отомрет, и чем скорее, тем лучше. Это было бы так же безопасно и безвредно, как изображение на обложке женского журнала представительницы «Общества женщин — защитниц страны» с копьём в руках.

Однако стремление «отстраниться от Азии» ширится во всех слоях японского общества; если вспомнить, что в 1972 году намечается возвращение Окинаве административного статуса, то возникает мысль: а может, действительно торжествуют духи предков, на которых уповал Фукудзава?

Воспользовавшись возвращением Окинаве статуса административной единицы и концентрируя свои действия прежде всего вокруг вопроса об Окинаве, станем ли мы, японцы, искать новые пути взаимопонимания со странами Азии? Действитель-

но, станет ли это возвращение поводом к восприятию сознанием японцев более масштабных проблем, и в частности наших отношений с Азией?

Или, напротив, мы, японцы, сочтем, что вопрос с Окинавой полностью разрешен, и один из районов страны, затерявшийся в азиатских глубинах, благодаря удачному стечению обстоятельств возвращен под сень родины; решим, что Окинаву следует теперь рассматривать не как отдельную, самостоятельную единицу, но как подчиненный японской государственной власти район, и с легким сердцем отстранимся от Азии?

Что принесет это возвращение: углубление внимания к Азии или полное ее забвение?

Для того чтобы народ Окинавы стал действительно независим, Японии, расположенной в Азии, следует стать на новую, «азиатскую» позицию и сделать Окинаву реальным, органическим звеном, связывающим ее с Азией. Если этого не произойдет, на Окинаве очень скоро станут заметны признаки приближающегося конца. А перед Окинавой будет маячить образ собственно Японии, где эти признаки видны уже сейчас.

Какой предстает Окинава перед взором, выражаясь словами Фукудзавы, «плохих друзей из Азии» (по правде говоря, их следовало бы назвать добрыми товарищами — так долго они являли собой символ мира и для Окинавы, и для Японии)? Можно представлять себе все, что угодно, однако в условиях, когда на Окинаве полно американских военных баз, где хранится ядерное оружие, часть которого перейдет к японским вооруженным силам, остров видится Азии не иначе, как одна военная база, направленная против всего региона. То, что японцы, предпочтя в политическом отношении вернуть Окинаве административный статус, не приложили ни малейших усилий для уменьшения той опасности, которую эти базы представляют для Азии, не осталось незамеченным всеми азиатскими странами — это ясно даже такому дилетанту, как я.

За всеми этими событиями 70-го года мне видятся признаки конца этого мира. И те счастливые настроения, которые мы сейчас наблюдаем на Окинаве, очень скоро исчезнут.

Сейчас уже определились победители на выборах; из расположенного неподалеку от места, где я живу, здания Союза борьбы за реформы слышатся аплодисменты, а я, закрывшись в своей комнате, глядящаясь в будущее, когда наступит конец для всей Японии, включая и Окинаву.

Завтра я покидаю Окинаву, мой путь лежит дальше — через всю Азию в Индию. Посмотрев путеводитель, изданный Японской туристической компанией, я пришел в уныние; вот, например, такой отрывок: «До сих пор развлечения были главной целью всех путешествий на Тайвань. Ночные развлечения начинаются обычно около восьми часов вечера, по окончании ужина в отеле или ресторане. Охрана правопорядка на высоте, и вы можете спокойно бродить одни по ночным улицам

и развлекаться, не опасаясь нападений».

Обо многих странах Азии, указанных в путеводителе (а там говорится почти обо всех), сказано, что японцы могут без опасений одни ходить по их ночным улицам; вот только насколько это приятно в полицейском государстве Тайвань? К 70-му году мы, японцы, бывали только в тех странах Азии, где обеспечивался жесткий «правопорядок». Японцы не могли рассчитывать на безопасность на основании только лишь доброго отношения к азиатам. Благодаря японцам, отправляющимся в «путешествия» по азиатским странам с гарантированным «правопорядком», чрезвычайно преуспевают аэропорты. Сейчас перед моими глазами предстает Япония 70-го года в том обличье, в котором ее видели из самых отдаленных мест. В эти несколько дней находившиеся в своей первой зарубежной поездке туристы из великой промышленной державы Японии, разбогатевшей на валютных поступлениях, толкались по беспошлинным магазинам на Окинаве, и им были абсолютно безразличны выборы в окинавские органы власти, хотя определенным образом это касалось и их. Будет ли слишком пессимистичным сказать, что для избранных депутатов эти ничем не примечательные путешественники были прототипами обитателей великой Японии?

Повсеместно в Азии японцев стали называть «экономическими животными». Разумеется, сперва это была презрительная кличка, однако вскоре японцы, склонные, как Нарцисс, к самолюбванию, непонятным образом сумели вложить для азиатов в это словосочетание иной, разудало-веселый смысл.

Разве в слове «животное» не выражена мощная жизнеспособность, разве это не очевидно? Животное, своим существованием выражающее природную независимость, в котором проявляется огромная жизнеустойчивость, — разве это не чарующе? Однако именно японцы наносили природе наибольший ущерб, с самого начала ослабляя ее жизнеспособность. Если так, то в словосочетание «экономическое животное» следовало бы вкладывать иной смысл.

Французское слово «bête»¹ начиная с эпохи Декарта стало также означать и нечто механическое. В ту же эпоху было отмечено, что человек, помимо души, сходной с ангельской, состоит, подобно животным, также и из плоти; скажем, плотская система кровеносных сосудов исполняет механические функции, и никакого отрицательного смысла в этом нет.

Когда мы рассматриваем экономическое bête как экономический животный механизм, то оказывается, что наше самовлюбленное понимание выражения «экономическое животное» является не таким уж и натянутым. Объективная оценка японцев всеми азиатскими народами как биологического механизма, мечущегося в поисках экономических выгод, далеко не изжила себя.

¹ Животное (фр.).

За двадцать пять лет этот «животный механизм», мечущийся в поисках экономических выгод, достиг больших успехов в разрушении природы и извращении душ у народов стран Азии. Это, безусловно, была работа механизма с большой выходной мощностью, но отнюдь не деятельность животного с большой жизнеспособностью. Если в механизме испортится какая-нибудь одна часть, он только лишь остановится; мертвое же тело животного вернется к состоянию первоначальных органических элементов и ничем не обогатит чрево жизни, его породившее.

И что говорить об Азии, когда уже вокруг нас самих начинаешь все больше замечать валяющиеся в беспорядке поломанные «животные механизмы». Уставшие или раненые звери восстанавливают свои силы естественным путем, в природной среде; по сравнению с ними «животный механизм» не только не может сам себя излечить, но сам же ослабляет свои защитные инстинкты. Он сам создает для себя такую среду, в которой ему не остается ничего другого, как есть неочищенный рис и пить полную микробов воду; когда же случается нечто, что может угрожать его жизни, он, не в силах своими ослабленными инстинктами распознать природу случившегося, просто пьет широко разрекламированные таблетки, что очень напоминает применение машинного масла.

Японец, к 1970 году скопивший в своем теле такое количество загрязняющих веществ, которыми он одновременно нанес невосполнимый урон природе, умерев и будучи сожжен, оставит в дыму и пепле столько опасных веществ, что, вероятно, кому-то придется брать на себя ответственность за их дальнейшую переработку.

Возникает сомнение: неужели японцы, спокойно вззирающие на то, как мягкая, спокойная девушка посредством пластической операции до неузнаваемости изменяет себя вводом под кожу инородных химических веществ, настолько толстокожи? Японцы, традиционно привыкшие под давлением жестких обстоятельств гнуться, как карликовые растения «бонсай», искривляют, как сосну в горшке, и свою внутреннюю телесную форму. Поневоле возникает мысль, что это и есть их истинная сущность, и тогда становится страшно. Даже если бы в эту затхлую атмосферу вдруг ворвался ураган новых образов и перспектив, смогли ли бы «механические животные» их осмыслить? Среди них не нашлось бы ни одного, достойного получить «право приблизиться к древу жизни». И если бы все эти «механические животные» разом погибли, от них осталась бы одна грязь и мерзость запустения.

Нельзя сказать, что в 70-м году в различных городах и деревнях нашей страны было так уж мало людей, ощутивших признаки приближающегося Апокалипсиса — как первое дуновение ветерка, как первую каплю дождя, попавшую на щеку.

В этом году самым значительным визитом в Японию был приезд поэта и ученого Скотта Макуэя, организатора движения

в защиту китов, обратившегося ко всему человечеству со своими яркими стихами, по сути — единственного человека, борющегося на стороне китов, с которым мне довелось встретиться. Подобно паломнику, он разъезжал по странам с призывом включаться в движение за спасение китов, и с этим же прибыл и в Японию. К галстуку его была прикреплена маленькая картинка с изображением кита, с собой он вез записанную на кассетах «Песнь китов». Прослушав запись «Песни», мы ощутили, что в ней слышится Апокалипсис мира китов. Она была прекрасна и в то же время трагична; казалось, что звучат голоса со дна океана, перекрываемые шумом волн, что некие существа пытаются бежать от приближающегося конца мира, а не знают — куда.

Я не верил, что визиты Скотта Макуэя в Японское общество по охране китов и в министерство, где занимались теми же вопросами, дадут какие-либо результаты. Для того чтобы смысл его паломничества был понят, ему следовало бы отказаться от употребления слов и использовать более доходчивое средство: достать кассету с записью «Песни китов», молча дать оппоненту ее прослушать, не отрывая взгляда от его лица, и ждать ответа; этим можно было бы попытаться внести в сознание слушающего истинное видение проблемы, то есть то, что будущее китов, поголовье которых уменьшается из года в год, выглядит весьма печально — их ждет полное вымирание, а ведь это первый этап в процессе вымирания всего человечества; чтобы это понять, оппонент должен обладать достаточной силой воображения.

Среди его немногочисленных стихотворений есть одно, очень грустное, где говорится о необычной черте поведения китов — собираться вокруг умирающего вожака. Смысл его в том, что нам, людям, кажется непонятным и таинственным это сумасбродное поведение китов, собирающихся в одном месте и как бы призывающих смерть; не следует ли и людям поступать так же, со вздохом спрашивает автор.

Вот так мы, люди, не разумея глубинного, таинственного смысла, наносим природе и живым существам трудновосполнимый урон; живых примеров тому вокруг нас сколько угодно. Одним словом, японцы, эти «экономические животные механизмы», не боясь ничего, что выходит за рамки человечности, не довольствуясь малыми выгодами, особое внимание уделяют делу разрушения, «остро» ощущая «смысл существования». Расплата за это уже началась; собственно, 70-й год можно считать тем отправным моментом, когда впервые отчетливо проявились признаки близящегося возмездия, и это надо хоршенько запомнить. Однако много помнящие люди долго не живут; не усматривается ли в этом будущее нашей страны?

Макуэй приехал в Японию, с тем чтобы предложить Обществу по охране китов план контроля за осуществлением этой охраны, однако поэт попал в самое логово главаря хладнокровных убийц, не подозревая об этом и не приготовившись к схватке, — сейчас я с болью в сердце это понимаю. Несколько

лет назад мы беседовали с ним об одной научно-фантастической повести. В ней говорилось, что в ближайшем будущем океан можно будет перегородить ультракороткими волнами так, чтобы в одной его части паслись киты, а в другой — соорудить садки для планктона и, таким образом, решать проблему продовольствия для всех стран в мире. Далее говорилось, что все ученые направили свои усилия на создание мест пастбищ для китов, а вскоре появился «мудрец с востока», отрицавший любую мясную пищу, и все ученые склонили перед ним головы, и через некоторое время садки с планктоном стали основной заботой для всех стран.

Мне кажется, что Макуэй, разъезжая со своими страстными призывами спасти стоящих на краю гибели китов, грезил о том, что когда-нибудь появится такой «мудрец с востока», который спасет всех китов и всех людей; хорошо было бы тогда пригласить его в Японию.

Слушая по ночам плачущий голос китов, запись которого он мне оставил, я думал, что японцам не остается ничего иного, как ждать встречи с «мудрецом с востока», и горячее желание его прихода крепло во мне, и я молил об этом, несмотря на то, что не имел никакого религиозного опыта. Иногда я вдруг обнаруживал, что невольно подражаю голосам китов. Тело мое было откинута назад, и из гортани неслись звуки: «Уэ, уэ, уэ! Уэ-э-э-й, уэ-э-э-й!»

На Окинаве, когда я стоял рядом с маленьким домом рыбака, у которого собрались немногочисленные и мало что способные изменить борцы против загрязнения окружающей среды, ветер нес мне в лицо холодные капли дождя, а я тихонько подражал плачущему голосу китов. Даже одна эта песнь китов, которую я тогда исполнял почти про себя, была первым, хотя и слабым, признаком зарождающегося стремления приблизиться, насколько это возможно, к древу жизни и обрести право на жизнь в этом мире, где апокалипсические разрушения уже начались. Я превратился в кита, своим голосом — уэ, уэ, уэ-э-э! — упорно воодушевляющего рыбаков не оставлять борьбу.

И вот я в Индии; рассвет, наш корабль плывет по Гангу к Бенаресу. На востоке совершенно красное солнце медленно отрывается от равнины, почти не возвышающейся над уровнем красно-коричневой реки. Нет даже намек на облака. Если смотреть на запад, видны башни храмов и старые земляные стены; с каменных ступеней спускается толпа нищих, индуисты до половины тела погружаются в Ганг, набирают воду, совершают омовение, молятся. Спасаясь от попрошайек, которыми усыпаны все улицы Бенареса, особенно от толп полураздетых ребятишек, я убежал на корабль, но все равно кричащая индийская бедность, верующие, совершающие омовение, вызывали лишь слова: «Се человек!»

Это была не та человеческая нужда, когда слышатся крики погибающих людей, как я себе представлял в Токио. Это была нужда, как бы омытая и выставленная напоказ. Вполне естественно, что из среды таких бедняков мог появиться мудрец, причем мудрец общечеловеческого значения.

Их вера не была, как я представлял в Токио, нечеловеческой верой, в которой люди убивают самих себя. Женщина средних лет, бросающая в воду прикрывающее ее тело сари, горячо молящаяся и надевающая его снова, — эта женщина хорошо знает свое место в жизни. Она в состоянии ожидать рождения неподалеку от своего места жительства святого мудреца, который появится ради пользы всех.

За день до этого для радиокomпании Би-би-си я выступал на тему: «Харакири Ю. Мисимы»*. Индийские газеты, желая, видимо, смягчить резкость высказываний западноевропейцев, в словах которых сквозила некая навязчивая идея «самурайского духа», якобы присущего нашей стране, помещали заметки, в которых говорилось, что этот писатель, так любивший Индию, верил в теорию круговорота человеческих существований.

Если бы женщина, молящаяся и совершающая омовение в Ганге, подняла глаза на медленно проплывающий мимо пароход и спросила стоящего на палубе японца: «Что же это было в действительности?», — я бы ей ответил следующее.

Разве писатель — это человек, предчувствующий конец человеческого бытия? Нет, скорее он чувствует «бренность всего», но не видит пути спасения. Такой писатель, будучи охвачен ощущением самоуничтожения, постепенно утрачивает способность бороться с этим чувством. В этом безысходном состоянии ему не остается ничего другого, как издавать жалобные вопли.

По правде говоря, японский меч, которым делают харакири, ассоциируется у меня с похищением самолета отрядом экстремистов, сообщения о котором ненадолго заполнили практически все японские телепередачи. Можно ли говорить, что грубая сила этих студентов была вызвана «действительным» импульсом внутреннего саморазрушения? Что их внутреннее, сущностное чувство саморазрушения каким-то образом приняло внешнюю форму и реализовалось таким вот образом — как изо всех сил, хотя и бестолково, кричали многие...

Говоря о себе самом, я не могу сказать, что имею полное право порицать саморазрушительный импульс; действительно, если в 70-х годах всех японцев обуяла жажда саморазрушения, то кто же из них имеет право упрекать других? Все же я ценю человеческую песню китов (как ни странно называть это песней), которых, возможно, вскоре полностью уничтожат, гораздо выше грубых индивидуалистических акций, во имя какой бы формы общества будущего они ни совершались (будь это «Да здравствует революция!» или «Да здравствует его величество император!»).

Мне кажется, что хотя я и видел людей, спорящих с пеной у

рта, но для большинства людей, молящихся и совершающих омовение в Ганге, для ночующих на улицах Бенареса не представляет ни малейшего интереса — был инцидент с захватом самолета ритуальным харакири или нет.

И, если подумать, это вполне естественно. Здесь с давних пор, так же давно, как течет Ганг, идет обычная жизнь, со своими конкретными, неприкрытыми, повседневными проблемами, а Юкио Мисима, который, без сомнения, обладал достаточно острой проницательностью, стал бы и здесь говорить о своем глубоком потрясении, как это было в расположении «сил самообороны», где собравшийся «народ» сразу понял всю эгоцентричность его призывов и освистал его.

Солнце на востоке поднималось все выше, движения купающихся в Ганге людей были все так же спокойны, и я вместо гвалта бедноты на утренних улицах Бенареса услышал «Песнь китов», голоса дорогих друзей. Пусть в Ганге киты и не водятся, но живущие по его берегам обычной жизнью люди ни на йоту не приблизят их гибели. И еще: это люди, могущие своими бесхитростными, земными усилиями открыть простой, но действенный способ, дающий возможность и людям, и китам жить как можно дольше. Эти люди XX века, наиболее соответствующие гармонии «Песни китов», в невинном неведении сопротивляются уничтожению, вместо того чтобы издавать боевой клич саморазрушения.

И снова я стал подражать песне китов — уэ, уэ, уэ, уэ-э-э-й, — стараясь изо всех сил, чтобы зародилось во мне самое человеческое, основное. В гармонии с этой песней звучали слова полурядетого капитана, произносимые на бенгальском языке — одним из многих, на которых говорят в Индии.

Бенарес, 1970 г.

ПОНУРО ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА ПОСЛЕВОЕННОЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЕ

Врачи с потемневшими от злости лицами, не имея ни секунды для отдыха, бесконечно усталые от постоянного напряжения, оказывают помощь людям с обожженной, воспалившейся кожей. Все лечение состоит в том, что они смазывают несколькими каплями масла обожженные участки тела. Что же касается внутренних поражений, того, что под кожей, — с этим они ничего сделать не могут. Но им надо хотя бы постараться узнать, что происходит там, внутри. В слабоосвещенной комнате барака врачи вскрывают тела умерших и, извлекая внутренности, в растерянности смотрят на них, словно перед ними нечто совершенно фантастическое. «Врата современной цивилизации» — врачи, написавшие новейшие пособия по патанатомии, в этом подобии прозекторской с ужасом разглядывают многократно описанное, видя в нем нечто непостижимое. Затем они возвращаются, чтобы снова смазывать несколькими каплями масла обожженную кожу людей, все прибывающих и прибывающих без числа. Вполне возможно, что и их собственный организм уже поражен радиацией, что и у них есть ожоги и температура, как это было с теми, тела которых они анатомировали в прозекторской, однако сейчас они с потемневшими, злыми лицами работают и работают, не давая себе ни секунды отдыха...

Самым суровым и острым чувством, которое я испытал в это лето, было чисто человеческое осознание сути ядерной бомбардировки Хиросимы. Тщательнейшим образом изучив все фото- и киноматериалы, снятые в Хиросиме сразу же после ядерного взрыва, я понял одно: злые, растерянные, потемневшие лица врачей, выражающие беспокойство, непонимание того, что произошло, еще раз подтверждают, что летом 1945 года японцы, или, точнее сказать, все человечество, вступили в новую эпоху, словно пережив вселенский потоп. И с тех пор нет никаких фактов, свидетельствующих о том, что человечество сделало какие-либо новые открытия, новые изобретения, направленные на изменение ужасных обстоятельств этого нового развития. Все двадцать пять лет с тех пор человечество жило, подавленное мощью ядерного оружия. Выглядит это гротескно:

двадцать пять лет в этом мире волю диктует античеловеческое ядерное оружие; люди же постоянно остаются в проигрыше. Великий (!) homo sapiens за эти двадцать пять лет мог поддержать порядок в мире только силой ужаса, внушаемого созданной им же бомбой. За эти двадцать пять лет человечество не смогло ни открыть, ни изобрести ничего нового, ничего более человеческого, что сменило бы на императорском троне ужас ядерного оружия.

Человек впервые ступил ногой на лунную поверхность. Но все техническое совершенство космического корабля «Аполло», сконструированного человеком, не смогло подорвать позиций, занимаемых ядерным ужасом. Наоборот, этот факт еще раз как бы оттенил авангардную роль ядерного ужаса. Живущий в Нагасаки Ютаюки Нисимура пишет в своих воспоминаниях о том, как сын человека, пострадавшего от атомной бомбардировки Нагасаки и совершившего позже самоубийство, заявил в день старта «Аполло»: «Америка — это здорово!», а ведь в тот же день (16 июля) в 1945 году в штате Невада было произведено первое в мире испытание ядерного оружия.

Мир как бы оцепенел от ядерного ужаса. Человечество переживает застой в то время, когда вроде бы должно было совершаться его ускоренное развитие. Мы видим постоянное топтание на месте и бесплодное повторение одного и того же. Мир смахивает на загробный покой. Более того, именно потому, что различные районы мира по рукам и ногам скованы проклятием этого смертного покоя, может начаться новая, ужаснейшая война; в нашей стране ее непосредственным потенциальным очагом является остров Окинава.

То, что мы продолжаем жить, охваченные страхом, не открыв и не изобретя ничего взамен гнетущему ядерному ужасу, абсолютный факт; а ведь в Хиросиме сразу после взрыва люди всеми силами старались постичь неведомый доселе феномен, не будучи еще в состоянии осознать всю его разрушительную силу; врачи, пытавшиеся жалкими средствами лечить страшные раны, достойны всяческого уважения, но мы ни на шаг не продвинулись дальше них. Они, эти врачи, были людьми, положившими первый камень в фундамент нового дома, строящегося на месте разрушенного мощным наводнением. И вот на протяжении двадцати пяти лет человечество живет в состоянии оцепенения, как это было до разрушительного наводнения, и, если случится новое наводнение, те, кто выживет, будут, так же как врачи в Хиросиме и Нагасаки после взрыва, приносить и складывать свои маленькие камешки. Если вдруг произойдет новое «наводнение» в облике атомной бомбы, не исключено, что врачи окажутся совершенно бесполезными. Однако те камни, которые люди после «наводнения» принесут, для того, чтобы строиться заново, не превзойдут тех, что закладывали в Хиросиме и Нагасаки в 1945 году злые и усталые врачи, сами уже пораженные радиацией. Так можно ли назвать эти двадцать пять лет

застоя творческих сил человечества, парализованных ядерным ужасом, четвертью века блистательного процветания?

Именно потому, что сегодня застой углубляется, расширяется и укореняется все прочнее, люди, идущие ему наперекор, и в Хиросиме, и в Нагасаки сталкиваются со все большими трудностями в собирании камней для перестройки фундамента человеческих отношений (их складывают, а они рассыпаются); их работу можно было бы охарактеризовать словами Хомэя: «яростная храбрость отчаяния». Он был в полном смысле гуманистом, его спокойные, исполненные беспредельного терпения горькие слова одновременно поражали и своим устрашающим юмором, и резким, сердитым, суровым тоном; наконец, это голос человека, вызывающего о помощи, в какой-то ему было отказано.

В книге «Скорбные песни» Фукакусы Сисиро, жителя Хиросимы, поэта, медика, пострадавшего от атомной бомбардировки, рассказывается о будничной работе врача, у которого есть татуированный больной с диагнозом «приапизм, возникший, возможно, от хронической лейкемии костного мозга, вызванной последствиями воздействия радиации».

Вот строки его дневника:

«...Пример заболевания лейкемией, которая в свою очередь возникла из-за атомного взрыва.

Возникновение причины и неизбежность следствия — вот в чем проблема...

Первый случай в мировой практике.

И почести за скрупулезный отчет о болезни, и страдания выпадают на долю одного человека.

Не спится ни днем, ни ночью.

Встал и проклял атомную бомбу.

Только бы это не повторилось ни в этом городке, ни где-нибудь еще.

Своего рода испытательный полигон для всего мира.

Ночь тонет, тонет...»

Эти похожие на стихи строки, в которых предельная, отчаянная ярость соседствует с безумием, далее звучат как реквием.

«День, начало осени.

Ночь, встают восемь облаков.

В Идзумо и Эцу создали санатории при горячих источниках для жертв атомной бомбардировки.

Поэтому

выжившие жители Хиросимы
построили забор в несколько рядов,
чтобы качели за этим забором
вечно

качались

в

моем доме».

Не думай об ужасах ядерного оружия; не думай о мире, в котором оно господствует; не думай об Окинаве — небольшой подпорке владычества этого ужаса; не думай об Азии, на которую с Окинавы излучается радиация угрозы. Нет уж, раз живешь в этой островной стране, то не своди глаз с ее сегодняшнего процветания. В послевоенное двадцатипятилетие первые пять лет и правда были смутным временем, но остальные двадцать лет вполне можно назвать удачным политическим периодом, разве не так? Такие речи слышишь часто.

После первых пяти лет думали: ну все, кончилось смутное время, так нет — разразилась корейская война. Есть много способов периодизации этой двадцатипятилетней эпохи; я же пока воздержусь высказывать свое мнение по поводу входящего в него «периода смут».

Хотя что уж там — я пришел к убеждению, что первые пять лет из послевоенного двадцатипятилетия, безусловно, были смутным временем, однако это смутное время продолжалось на протяжении и последующих двадцати лет. В чем отличие смутного времени сразу же после войны и в настоящий момент? Это уже другая тема. Ответ возникает сам собой в каждом конкретном случае.

«Мы, японский народ, желаем вечного мира и преисполнены сознания высоких идеалов, определяющих отношения между людьми; мы полны решимости обеспечить нашу безопасность и существование, полагаясь на справедливость и честь миролюбивых народов мира. Мы хотим занять почетное место в международном сообществе, стремящемся сохранить мир и навсегда уничтожить на земном шаре тиранию и рабство, угнетение и нетерпимость. Мы твердо уверены, что все народы мира имеют право на мирную жизнь, свободную от страха и нужды». (Преамбула конституции Японии.)

В Токио к одной из станций не то государственных, не то частных железных дорог прибывает электричка. «Тёко! Приехали!» — кричат на платформе школьники высшей ступени. Никаких слов больше не добавляется. Всем ясно, что появились школьники-корейцы, «тёсэн кокосэй» — отсюда сокращение «тёко», и наши отвратительные юные собратья — школьники высшей ступени — набрасываются на них, бьют и пинают, валят с ног ударом нунчаков — оружием, употребляющимся в каратэ, выхватывают у них из рук и карманов разные вещи. В последнее время такие случаи участились. К примеру, за период с 8 апреля по 25 мая 1970 года зафиксировано 29 случаев подобного хулиганства. Между преподавателем корейской школы высшей ступени и хулиганом учеником произошел однажды следующий диалог:

Вопрос. Почему вы сегодня собрались?

Ответ. Собрались поговорить.

В. Зачем вы собрались? Ждете корейских школьников?

О. Собрались, чтобы этих гадов предупредить.

В. Предупредить о чем?

О. Предупредить — в смысле избить. Отомстить им.

В. Отомстить за что?

О. Меня один школьник «тёко» бил.

В. Когда и где это было?

О. Летом, два года назад.

В. Какой у тебя тогда был год обучения?

О. Первый год. Летом было.

В. А какой у тебя сейчас год?

О. Второй.

В. Говоришь, что было это два года назад, а ты сейчас — второго года; как-то это странно.

(Молчит и не отвечает.)

В. А где били?

О. Места не помню.

В. Зачем вы их били?

О. Лучше бы «тёко» вернулись в свою страну. А в чужих странах носа чтобы не задирали.

Возможно, это не совсем характерный пример, однако стремление этих распоясавшихся японских школьников «подчинить» других своему «диктату», их поведение, бесстыдное, как прикосновение к срамным местам, чем-то напоминает ту «сильную власть», которая существует в нашей стране. Эти группы, избивающие корейских школьников, вовсе не состоят из преступных малолеток, отрезанных непреодолимой стеной от всего в мире. Это самые обычные хамы, безнаказанно развлекающиеся своим хулиганством, как если бы это была разновидность спорта, защищающие интересы «своей среды». Однако эти хамы олицетворяют среднего японца.

За двадцать пять послевоенных лет у японцев так и не выработалось человеческих отношений к Китаю на основе живой, гибкой политики, основанной на достаточной силе воображения. Что же касается Кореи, то и в отношении ее мы лишь пускались на мелкие уловки, чтобы сгладить острые углы, а тем временем проводили политику, основанную на ядерном ужасе. В отношениях с Кореей был не просто застой, здесь неуклонно накапливались исключительно неблагоприятные инциденты. Хулиганские выходки в отношении корейских школьников участились с 1951 года, когда начались «японо-южнокорейские переговоры», и — следует взглянуть правде в глаза — их число особенно увеличилось непосредственно до и после подписания японо-южнокорейского договора. Наглые хулиганы школьники очень чутко уловили суть «интересов государства».

За двадцать пять послевоенных лет в отношении Кореи японцы отнюдь не переусердствовали, чтобы «глубоко осознать величественные идеалы взаимного урегулирования человеческих отношений во имя прочного мира». Они смирились с тем, что в условиях ядерного ужаса застой твердеет, как грязь в

жаркую погоду. Все двадцать пять послевоенных лет никто всерьез не задумывался над нашими отношениями с Кореей. Таким образом, возник благоприятный момент для «сильной власти», поворачивающей историю вспять, продолжающей поддерживать «угнетение и отсталость», как в темные времена прошлого.

Во время так называемого инцидента с угоном японского самолета* парламентский заместитель министра, «сама человечность», приложивший много стараний для скорейшего подписания японо-южнокорейского договора, явившегося прямым враждебным актом против северокорейской стороны, открыто учинил хулиганскую выходку в палате представителей. Сам я в то время, глубокой ночью, сидел в зале на местах для публики и записал все дословно. Этот член парламента после того, как Америка совместно с Японией незаконно влезли на территорию и в воздушное пространство Кореи, летал над ее северной частью. Как говорили, эта «сама человечность» трясся как осиновый лист, что вполне естественно. Ему ли быть храбрым человеком? (Разве что таким же храбрым, как наши юные соотечественники, бьющие и пинающие корейских школьников.)

Однако, похоже, не много было японцев, связавших воедино «человечность» парламентского заместителя министра с его хулиганскими выходками, имевшими целью ускорить заключение японо-южнокорейского договора. Поистине это мир, погрязший в тине застоя, где прервана связь времен. Я утверждаю, что двадцать пять послевоенных лет застоя, оцепенения от ядерного ужаса именно этим и объясняются.

Однако за этот период оцепенения произошло множество событий. Народы, превозмогшие застой, обретшие силу политического воображения, все эти двадцать пять лет пристально смотрят на нас из разных мест Азии.

А мы под их пристальным взглядом угрожаем им, попираем их в послевоенное время, так же как делали это в промежутке между мировыми войнами. Самая знаменательная переоценка ценностей, происшедшая за двадцать пять послевоенных лет в этой «хранимой чудесною силою слов стране», заключалась в том, что японцы перестали верить в истинное значение слова.

Слова, как конкретное, реальное бытие, играют в этом мире такую же роль, как люди и вещи. Но именно в эту основную функцию слов японцы и не верят. Они не считают, что группа слов, образующая осмысленное выражение, является чем-то реальным. Они недооценивают их, не верят в их силу, не пользуются ими серьезно. К тому же, по совести говоря, никто не ожидает от людей, что они будут подробно и добросовестно подгонять форму под содержание мысли: так прядется бесконечная нить пустых, бесплодных слов. Поскольку действительность трудно полностью выразить в словах, их отбирают и всего лишь слегка искажают; это теперь в порядке

вещей, хотя и приводит к описанию одними и теми же словами диаметрально противоположных понятий, утопленных в словесной мишуре.

За двадцать пять послевоенных лет мы привыкли к тому, что слова преамбулы конституции отнюдь не подтверждают реальную действительность. Читая эту преамбулу, поневоле краснеешь, понимая, что это расхождение основано на малодушии самих японцев.

И все же, несмотря на то, что нам, как стране, со всех сторон окруженной Азией, за эти двадцать пять лет так и не удалось сохранить состояние «гарантированной безопасности и мирного сосуществования, основанного на взаимном и справедливом доверии всех стран», мы быстро и нарочито отказались от своей «решимости», что свидетельствует о склонности японцев выдумывать всяческие страхи и ужасы. Нечего и говорить, эти воображаемые страхи и ужасы красиво расписывались государственной пропагандой. Более того, из-за такого рода необоснованных страхов наша решимость «сохранить мир» заметно пошла на убыль, а азиатские народы, пристально наблюдающие за происходящим, увидев это, отнюдь не пришли в восторг.

В договорах с иностранными государствами, различных совместных заявлениях японцы видят лишь бессмысленный набор слов; не стоит расстраиваться, думают они, и выуживать из них наихудший смысл, ведь даже если бы смысл был наилучшим, все эти документы все равно остались бы бессмысленным набором слов. В случае с Договором безопасности и Совместным заявлением Сато и Никсона относительно возвращения Окинавы* все обстояло именно так.

Однако было бы неверно недооценивать слова, видя в них только политическую пропаганду; такое отношение к словам характерно для всех японцев, сколь бы ни был широк их кругозор. Что думает председатель той или иной политической партии о совместном заявлении в Москве и о совместном заявлении, которое он собирается подписать в Пекине: улыбается про себя, говоря, что это всего лишь слова, признает магическую власть слов или допускает обе возможности?

Наша «храняемая чудесною силою слов» страна хоть и не совершает особых бесчинств, однако вовсе не представляется внимательно наблюдающим за ней азиатским странам милой и добросердечной, честно верящей словам: у одних она выуживает прощение посредством пустых слов договоров, других ставит в безвыходное положение, третьих устрашает с помощью тех же договоров. Интересно, как будут вести себя японцы, когда за все эти слова им предъявят счет? Тогда сразу станет ясно, иссяк ли поток слов или борьба будет вестись способом словесных баталий.

Взглянув на дело принципиально, мы увидим, что слова есть средство самовыражения по отношению к другим людям. Слова, неприемлемые для других людей (или других стран), вроде бы

не должны считаться словами. Однако за двадцать пять послевоенных лет мы, японцы, обращались со словами исключительно небрежно.

В настоящий момент вопрос об Окинаве стал самоочевидной попыткой свалить ответственность за сказанные на протяжении двадцати пяти послевоенных лет слова на других. Америка настоятельнейшим образом требует уплаты по счету за Совместное соглашение о возврате Окинавы. А Япония, похоже, не собирается платить за слова, сказанные японцам, проживающим на Окинаве. Доколе же она сможет избегать уплаты?

Среди прочих воспоминаний о лете 1945 года особо запомнилось одно, тревожащее меня до сих пор, — о том, как я, чертенок из провинциальной горной деревушки, без конца спрашивал вернувшегося с войны учителя: «Почему Япония проиграла войну?», — пока не вынудил его ответить: «Потому, что японцам не хватает научности мировосприятия».

Я довольно долгое время хотел заниматься в институте естественными науками, но, видимо, к счастью, переключился на гуманитарные. Такого рода намерения были характерны не для меня одного. На протяжении двадцати пяти послевоенных лет в массе японцев я наблюдал слепую приверженность естественным наукам.

В японце, задействованном в системе ядерного ужаса в роли безропотного раба, очень сильна тяга к естественным наукам, которые и привели к созданию ядерного оружия. Ничто не говорит о том, что японцы, народ, не понаслышке знакомый с трагедией атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, проявляют к ядерному оружию болезненную чувствительность. Вероятно, именно потому, что в нас, японцах, так сильна вера в естественные науки, создавшие в числе прочего и ядерное оружие, мы сами доверчиво влезли под американский «ядерный зонтик».

Мало кто в нашей стране прямо выражает сомнение в необходимости «ядерного зонтика». И все же эти немногие говорят: японцам не хватает научного мышления; наши душевные раны продолжают болеть с лета 1945 года.

За двадцать пять послевоенных лет мы с невероятной быстротой создали себе серьезнейшую проблему загрязненности окружающей среды, создали потому, что не нашли в себе сил воспротивиться божественному кумиру — науке, одним словом, причина была одна: слепая вера в науку.

Ширится круг людей, которые, подобно хиппи, сознательно вырвались из этого общества слепой веры в науку и прогресс, или, как говорится по-английски, *dropped out*, то есть «выпали». Этот процесс «выпадения» встречается в нашей стране в штучки, как свидетельство человеческой деградации. И тем не менее отдельные люди активно протестуют против загрязнения окружающей среды и смело «выпадают» из этого общества слепого поклонения науке и прогрессу.

Двадцать пять лет назад я, чертенок из горной деревушки, мечтал о многом. Теперь мне, человеку средних лет, понуро оглядывающемуся на прошедшее двадцатипятилетие, этот чертенок из горной деревушки представляется мальчиком, стоящим в солнечный летний день с новенькой брошюрой конституции Японии в руках и глядящим блестящими глазами во тьму неизвестности. Правда, в ту пору, в тот летний день, когда из репродуктора только что перестал звучать голос человека, называвшегося императором, новая конституция еще не была написана...

С тех пор прошло двадцать пять лет; мир продолжает существовать, а бывший чертенок — ныне мужчина средних лет, живущий в загрязненном городе; он пока счастливо избежал дорожной катастрофы, но неумолимо приближается к смерти от рака или другой болезни. Когда придет мой смертный час, последней моей мыслью будет: найдутся ли у нас по-настоящему свободные люди, способные вывести страну из состояния застоя и оцепенения от ядерного ужаса? Или хотя бы пришедшие с опозданием, одинокие, протестующие люди, способные осуществить «выпадение» из общества, загрязненного слепой верой в силу науки?

1970 г.

Письма к молодежи

ОПЫТ КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Расшифровка собственной модели мира

Юный друг! Я уже писал прежде, что создать произведение искусства — значит построить модель окружающего мира и личностную модель художника. Так считает советский специалист по семиотике Ю. М. Лотман*.

Так вот, в течение уже двадцати лет — с юности до нынешнего возраста, который называют средним и в котором, кстати сказать, люди нередко испытывают оцепенение души, — я пишу романы и печатаюсь. Стало быть, с помощью созданных мною моделей ты можешь получить конкретное подтверждение концепции, которую я излагал, опираясь на Ю. Лотмана. В романах, написанных мною в первую половину моей литературной деятельности, отразилась модель мира, каким я видел его в молодости, а также мой внутренний мир тех лет.

О том, какое значение я придаю произведениям молодых писателей и соответственно их моделям мира, я уже писал. Внимание публики всегда привлекают построенные молодыми авторами картины мироздания и личности самих творцов. Это подтверждается огромным интересом прессы к творчеству молодых, входящих сейчас в литературу. А все дело в том, что молодежь принадлежит не столько современности, сколько будущему. Молодой писатель показывает меняющийся мир; в его личностной модели, а также в модели мира, декларируемой произведением, обозначены, таким образом, контуры будущего. Люди же склонны заглядывать в свое будущее, хотя и предполагают, что необязательно оно будет таким, каким видят его сегодня молодые авторы.

Чтобы убедиться в верности сказанного, подумай, мой друг, о моделях картины мира и личностных моделях обычных людей, достигших старости. Не берись утверждать, что это абсолютно справедливо в отношении всех, но обычно старые люди принадлежат не столько современности, сколько хранимому в себе прошлому. Существующие в мире консервативные

порядки они принимают как нечто естественное. И потому нередко новое связывается у них с чувством утраты. Свои модели они создают, искусно проецируя элементы прошлого на сегодняшнюю картину мира. А молодежи приходится создавать свои модели — и мира, и личностные — в борьбе с моделями стариков. И я навсегда усвоил истину, что развитие искусства — любого вида и жанра — зиждется именно на таком противоборстве.

И вот тут, юный друг, я предугадываю возражение следующего рода. Конечно, модели мира, личностные модели, творимые молодыми, то есть обращенные к будущему модели меняющегося сегодня, в своей основе радикальны. Это, безусловно, так. Но не слишком ли они худосочны, будучи созданными молодыми людьми, недостаточно хорошо знающими жизнь? Отрицать это категорично не берусь; наоборот, отмечу два обстоятельства, подтверждающие правомерность молодых писателей выносить на читательский суд свои модели.

Обстоятельство первое: модель в искусстве не есть то же, что модель в науке. Здесь опять сошлюсь на Ю. Лотмана, который утверждает следующее.

Научная модель, как правило, строится после того, как аналитически уже определена концепция структуры объекта в целом либо же структуры составляющих его элементов. В первом случае структура становится конструктивным чертежом модели, цель которой — выявить сущность объекта, что в реальности в силу тех или иных причин сделать затруднительно. При этом первый случай удобен тем, что позволяет строить модель исключительно на основе общей идеи объекта; хотя в целом модель аналогична объекту, отдельные составляющие ее необязательно гомогенны элементам объекта.

Во втором случае структура объекта в целом неизвестна, требует дефиниции; основой построения модели в таком случае становятся сведения, полученные на предварительных этапах исследования элементов структуры. Конструктивной идеей модели становится гипотеза относительно структуры объекта в целом; сравнение функциональных особенностей моделей и объекта позволяет выяснить, насколько эта гипотеза соответствует реальности.

Развивая далее эти мысли Лотмана, я, мой друг, опираюсь в рассуждениях на собственный опыт писателя и в отличие от советского ученого полагаю, что при моделировании картины мира в искусстве, во всяком случае в литературном творчестве, писатель не имеет общего представления об объекте в его цельности. А если нет даже этого, то можно ли вообще построить модель какого-нибудь объекта? Да, писатель стремится охватить общую картину того или иного объекта. Но нельзя упускать из виду, что он наделен мощным целенаправленным сознанием; стремясь придать конкретность этой целенаправленности, он прибегает к помощи слов. В конечном счете так и

создаются модели мира и индивидуальные личностные модели. Слово, являющееся и строительным материалом для построения модели, и самой моделью, проявляет свою огромную, только ему свойственную силу. В отличие от пластмассы, стекла или проволоки слово — нечто особое, живое, проходящее через мир человеческой индивидуальности, через личность и общество.

Я об этом говорю, мой друг, для того, чтобы обратить твое внимание еще на одно замечание Ю. Лотмана по поводу модели в искусстве. Это особенно существенно, когда размышляешь о литературном произведении.

Лотман считает, что структурная модель, которая воспринимается как нечто однородное со структурой самого объекта, отражает одновременно сознание писателя, структуру его миропонимания. Исследуя художественное произведение, мы получаем представление о структуре объекта. Но в то же время перед нами раскрывается и структура сознания автора; созданная его сознанием структура мира является слепком определенного социально-исторического мировосприятия.

Таким образом, в отличие от научной модели модель в искусстве включает в себя как один из важнейших компонентов сознание и мировоззрение автора, и, следовательно, модель, принадлежащая житейски неопытному молодому человеку, претендует на равные права с моделью опытного пожилого или старого человека. «Правильно ли, неправильно ли, но я вижу мир и себя так, а не иначе». И, конечно же, модель обращенного к будущему меняющегося сегодня и личностная модель молодого автора, отражающая его сознание и мировоззрение, чрезвычайно динамичны. Знакомство с представляемой молодой моделью мира и их личностной моделью, которым, кстати говоря, свойствен не только динамизм, но и явные искажения, делает нас самих активными участниками процессов сегодняшнего мира. Это нам хорошо известно из собственного опыта. Мы, читатели, имеем свое, только нам присущее сознание, мировоззрение; в то же время мы вовлечены в постижение иных моделей мира. При раскодировании созданной кем-либо художественной модели между выраженным в ней чужим сознанием, мировоззрением и между нашим собственным сознанием, мировоззрением обязательно возникает динамичная напряженная связь. И тогда динамизм, присущий модели молодого автора, соединяется с динамизмом этой напряженной связи, становясь элементом структуры. Более того, читатель — а молодой читатель обязательно — изначально обладает внутренним динамизмом.

Молодой же писатель — здесь я говорю о себе — на протяжении многих лет в форме литературных произведений создавал и обнародовал художественные модели, стремясь при этом максимально чутко уловить свое время. Надеюсь, эти попытки не были напрасными. Сам я, конечно же, хорошо понимаю свои произведения, а читателей прошу учесть и фактор времени:

двадцать лет — срок немалый. Надеюсь также, что вы сможете найти в них достаточно много объективного, чего, кстати, требует и форма этого моего послания к тебе, молодой читатель.

Я начал печататься в первой половине 1955 года, то есть спустя десять лет после поражения нашей страны в войне. Было мне тогда немногим более двадцати. Решение стать профессиональным литератором в немалой степени было вызвано демократическим по духу воспитанием, которое я смог получить в первые послевоенные годы. Сейчас я отчетливо сознаю, что в период крупных социальных перемен, наступивший после поражения Японии в войне и совпавший с периодом моего взросления, я чрезвычайно остро ощутил свободу, получил такой заряд ее, который стал определяющим фактором всей моей жизни.

Я уже упоминал в письме к тебе, мой друг, имя Сики* — литератора эпохи Мэйдзи, родившегося в городе Мацуяма. Человек из провинции, он не только не ощутил смятения перед реформами в области литературы, которые происходили в центре Японии, но, наоборот, был глубоко ими захвачен; в то время он был совсем молодым юношей и связывал их с идеями демократических свобод, с реальной борьбой за эти идеи. Реформы не ограничивались для него областью чистой литературы, но являлись живительной силой, вдохновлявшей молодого литератора на борьбу за переустройство общества, наполнявшей его ощущением реальности движения общества к демократическим свободам. Огромный скачок в сознании и душе Сики пришелся на пору возмужания. Как я уже писал, в свои юные лета он понял, что должен находиться в центре страны, в Токио. Вынужден повториться: я ни в коем случае не стремлюсь вознести себя на одну высоту с этим выдающимся писателем, но хочу отметить, что испытал те же порывы в своей душе, и они так же проистекали от движения вперед современного мне общества.

Во времена Сики город Мацуяма имел культурные традиции; из Коти* и Тосы* туда приезжали выступать активисты движения за свободу и народные права. Я же родился и рос в глухой деревне, в условиях отнюдь не столь благоприятных в культурном отношении, хотя никогда не считал родные места совсем далекими от культуры.

Но дело вовсе не в невежестве. Вскоре я, очень простодушный от природы, уехал в большой город, где, по терминологии Эриксона* искал свое место в культурном ядре сообщества, стремился самоотжествиться. При этом мне пришлось испытать переживания гораздо более сильные, чем те, которые могли бы выпасть на мою долю, останься я в своей затерянной меж гор деревушке. Кстати, мой роман «Футбол 1860 года» как раз повествует о молодом человеке, уехавшем в город, но затем после неких потрясений, вернувшемся в свою деревню, где он

пытается то насилем, то отчаянным весельем внести живую струю в сообщество; в конце концов герой кончает с собой.

Возвращаясь мысленно к окружавшей меня в юности среде, должен признать, что в культурном аспекте в истории Японии, думается, не было другого периода, когда так отчетливо противостояли друг другу «центр» и «периферия». Эта моя точка зрения опирается на аргументы социального порядка — ведь не случайно послевоенный период в побежденной Японии стал периодом демократических преобразований.

Надо сказать, что впоследствии я тоже испытывал сочувствие к периферии, далеко отстоявшей от центра. Оттого занялся изучением острова Окинава, снова вернулся к работам Кунио Янагиды*, позднее почувствовал интерес к космогонии Масао Ямагучи*.

В юную пору я считал, что географические различия легко преодолимы и общество Японии постепенно становится однородным; теперь я весьма критически отношусь к прежнему своему суждению. И все же мне очень близок тот мальчишка, который вместе со всеми переживал драму послевоенного периода. Мне, отроку, казалось тогда, что воля и труд народа поверженной страны поведут Японию по новому пути, более того, мне казалось, что моя страна уже идет по желанному пути. Мое воображение всколыхнуло колоссальные перемены в обществе, выразившиеся в замене старой конституции новою, лавину дум и горячих чувств вызывали во мне перемены в общественной жизни.

Мой юный друг! Тебе наверняка покажется странным, что подросток десяти — пятнадцати лет под воздействием растревоженного конституцией воображения может выработать собственное отношение к обществу, стране. Следует добавить, что мне в то время приходилось слышать громкие голоса недоверия — и они порой перекрывали отзвуки позитивных перемен, — приходилось слышать голоса тех, кто занимал резко отрицательную позицию по отношению к новой конституции. Выстоять, закалиться в борьбе мне помогала и помогает сила воображения, стимулируемая литературной работой.

Гастон Башлар* дает следующее определение воображению (оно лежит в основе всех моих раздумий): «Люди до сих пор считают, что воображение есть некая сила, способная вызвать образ. Однако скорее это сила интеллекта, искажающая образ. В частности, воображение освобождает нас от основополагающих образов, оно изменяет образы. Если бы образы не менялись, если бы не было неожиданных сцеплений, мы не обладали бы силой воображения, не было бы действия, которое мы именуем воображением». («Небо и мечты».)

Мое детство от шести до десяти лет, моя душа и помыслы формировались под влиянием тихоокеанской, или, как ее у нас называют, Великой восточноазиатской войны, под влиянием военной муштры в школе. Вспоминается, что каждый день

директор школы или классный руководитель задавал один и тот же вопрос: «Как ты поступишь, если Его Императорское величество прикажет тебе умереть?» И, стоило мне хоть чуть-чуть задуматься, прежде чем дать единственно возможный ответ, я получал увесистую оплеуху. (Бывало не только это...) Ужаснее всего было то, что я боялся, что не успею подрасти и попасть на войну. Об этом я позднее писал в романе "Опоздавшая молодежь».

В начале своей литературной деятельности почти одновременно с работой над названным выше романом я опубликовал другое произведение — «Наше время», один эпизод которого вызвал в те годы немало толков. История, связанная с героем этого романа, непосредственно отражает мою собственную жизнь — чувства и помыслы молодого человека, спустя десятилетия после окончания войны ставшего студентом Токийского университета.

«Я был еще совсем ребенком, когда шла война. В то героическое время молодежь жила мечтой — ею светились глаза, она играла на губах. Да, это было действительно так... Одни мечтали о победе, другие — о том времени, когда война закончится и, скинув тяжкий груз со своих сильных загорелых плеч, с замирающим сердцем они вернутся в тихие лаборатории. На грозном поле боя, где решался простой вопрос — жизни или смерти, у людей были мечты, была надежда. И дружба между людьми в военное время была особой. Теперь же вокруг нас только неверие и сомнения, кичливость и презрение. Мирное время — время недоверия, время, когда люди одиноки и ненавидят друг друга. «Великое единение» — выражение из французского романа — тоже образ военного времени; в нем слышен грохот атаки в бушующей черноте ночного моря. О мечты и надежды, дружба, «великое единение»!.. Я никогда не имел возможности ощущать вас. Я слишком поздно родился. Но и слишком рано — когда грядет она, новая эпоха дружбы и мечты?..»

Выражение «великое единение» в передаче замечательного содружества переводчиков Кэя Ниномии и Кадзуо Ватанабэ соответствует выражению Пьера Гаскара * «cette immense communion», которое в оригинале употребляется, правда, не столь однозначно.

Дитя войны, я сам не ощущал Великую восточноазиатскую войну как исключительно «героическую битву»: хорошо помню и то, как насилие и страх деформировали мою жизнь, тогдашние мои чувства и помыслы.

Хочу заметить здесь, что спустя десять лет после этой войны я, токийский студент, вновь испытал острую боль от новой страшной волны насилия и ужасов, которую породила война в Корее, хотя нам она принесла относительную экономическую стабильность.

О том, как насилие и ужасы войны в соседней стране

воздействовали на провинциальную молодежь, я рассказал в повести «Неудовлетворенность»; в ней я основывался на пережитом во время учебы в средней школе — той самой, где когда-то учился Сики. Прочитирую один абзац.

«Выступал у нас в школе представитель полиции:

— Создается новое воинское формирование, подчиненное полиции. Набираем людей. Впервые в жизни вам предоставляется возможность проявить свой патриотизм.

Полицейский выступал на уроке физкультуры — странном занятии, к которому мы относились совсем несерьезно, потому что на этих уроках постоянно дрожали от холода и, кроме царапин на всем теле, ничего от них не получали.

Зябко ежась, полицейский удалился, а мы, в белых спортивных трусах и майках, посиневшие от холода и покрытые бесчисленными, как звезды в Галактике, пупырышками, пребывали в глубокой задумчивости.

Еще до прихода полицейского по школе ходили мрачные слухи об исчезновении нескольких старшеклассников, о том, что их отправили на войну в Корею. Может быть, туда же собираются отправить и это подчиненное полиции формирование? Все эти затеи Макарута*... Поползли слухи, что если будет мало добровольцев, на службу принудительно призвуют всех, кто оставил учебу, кто не успел еще устроиться на работу. Возможно, даже специально будут закрывать школы.

Для меня, как и для Кикухико, не было ничего страшнее, чем быть принудительно отправленным неведь куда, тем паче в чужие края, чтобы воевать там, слушая иноязычные команды какого-нибудь офицера...»

Вернемся, однако, мой юный друг, к Башлару, которого я цитировал выше. Он трактует воображение как способность исказить заложенные в нас образы, освобождать от изначальных образов, как способность искусственно, силою воли изменять образы.

Когда я размышляю об этом, в голову мне приходит следующая мысль.

Мальчишкой я воспитывался в милитаристском духе, мое детство и отрочество прошли под знаменем принципов Императорской конституции Великой Японии (старой конституции); последовавшее за поражением в войне время перемен стало для меня периодом бурного развития воображения, занятого постижением конституции Японии (новой конституции), — я старательно изучал ее по школьным учебникам. Как же в те годы трансформировались во мне представления об императоре и государстве? Как в этом процессе я освобождался от вдолбленных в меня во время войны образов императора и государства? Ведь тогда вокруг меня, юнца, широко раскрытыми глазами глядевшего на мир, кипели еще всевозможные дискуссии, действовал драматически провозглашенный императором Рескрипт о его обыкновенной человеческой сущности, по

горным дорогам на джипах разъезжали солдаты оккупационных войск...

Взгляните на некоторые статьи Императорской конституции Великой Японии:

«Статья 1. Император Великой Японии, чей род вечен, осуществляет управление страной.

Статья 3. Император священен и неприкосновенен.

Статья 11. Император является Верховным Главнокомандующим сухопутных войск и военно-морских сил.

Статья 13. Император объявляет войну и мир, заключает договоры...»

А теперь прочитайте следующие ниже несколько абзацев из новой конституции Японии и сравните со старой. (Новую конституцию мы проходили на уроках; в то время, сразу после войны, учебники представляли собой тоненькие брошюры, конституция же излагалась и комментировалась в довольно толстой книге, которая даже была иллюстрирована. Замечу еще, что сразу после поражения в войне и в период последовавших за этим перемен взрослые люди в провинции в немалой степени потеряли чувство уверенности и прислушивались к спорам школьников о конституции. Здесь на память приходит и то, что четырнадцати-пятнадцатилетний Сики со своими друзьями также устраивал дискуссии и собрания, на которых горячо спорили о парламенте, свободах, народных правах.)

«Статья 1. Император является символом государства и единства народа, его статус определяется волей всего народа, которому принадлежит суверенная власть.

Статья 9. Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров.

Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признается».

В период между двумя конституциями мне пришлось переосмыслить жившие во мне образы императора, государства, изменяя отношение к обществу в целом, развивая таким образом свое воображение. Я не только убедился в том, что образы императора, государства изменчивы и что процесс этот, безусловно, естествен, но почувствовал, что сам участвую в динамике всех этих перемен.

Мне стало ясно в те годы, что я должен отправиться в Токио, колыбель всех нововведений, и не оставалось никаких сомнений относительно того, что ради собственного развития мне необходимо покинуть деревню, уехать сначала хотя бы в префектуральный центр, а затем и в столицу. Но, кроме этой жажды перемен, меня влекла еще и литература.

В свое время в период активизации движения за свободу и народные права так поступил Сики: юношей уехал в город, затем в столицу; я принял такое же решение, хотя, еще раз оговариваясь, это вовсе не означает, что я пытаюсь встать на одну с ним высоту.

Вот так — в русле послевоенных демократических преобразований — начиналась моя писательская деятельность. Этим, друг мой, обусловлено то, что в самом начале литературной работы, то есть в созданных в течение третьего десятилетия моей жизни произведениях — моделях мира и моих личностных моделях, — я отражал глубокие качественные перемены, катаклизмы первых десяти послевоенных лет. В тогдашних моих моделях мира отражался остро ощущавшийся мною разлад человека с самим собой и с обществом. Это сразу можно почувствовать и по тем цитатам из ранних произведений, которые я здесь приводил. В романе «Неудовлетворенность», например, речь идет о юноше, потерявшем жизненную опору; тревога, которая гложет его, проистекает от обстановки, сложившейся в результате выхолащивания содержания статьи 9 конституции, а также в результате войны в Корее. Я сам наблюдал мучавшихся сомнениями одноклассников: поступать ли в высшие военные школы? В тот год, когда я стал студентом, было создано Управление национальной обороны, учреждены «силы самообороны».

На таком социальном фоне, друг мой, началась у меня в Токио студенческая жизнь, через три года незаметно перешедшая в жизнь профессионального литератора. Оглядываясь назад, я совершенно отчетливо понимаю, что то были для меня годы «кризиса идентификации», а мои первые произведения вполне можно назвать «репортажами с места событий».

В письмах к тебе, юный друг, упоминая о своей студенческой жизни, я говорил о «сообществе» (это слово я брал в кавычки), о душевном оцепенении — состоянии, в котором мне, юноше, пришлось утверждать свою индивидуальность. И ежели, друг мой, ты перечитаешь написанное мною в начальный период литературной деятельности, то увидишь, что я откровенно показывал в них собственную студенческую жизнь (хотя то и не были произведения «это»-беллетристики), рассказывал о собственном «кризисе идентификации» и связанных с ним переживаниях.

Было у меня, правда, и несколько рассказов от первого лица. Один из них, самый первый, «Чудная работа», — о студенте, которому, чтобы прокормиться, пришлось стать собачником-живодером; второе мое произведение, рассказ «Высокомерие трупов», — о студенте, который переносит трупы. Оба написаны от первого лица, в обоих запечатлен мой характер, схожими эти произведения делает и то, что героев в конце концов постигают неудачи. Я был переполнен идеями, которые хотел выплеснуть в этих ранних произведениях, и, используя себя в качестве

прототипа, смог, как мне кажется, достаточно энергично их выразить.

Мой друг, вот какую картину я иногда себе представляю.

Приходит ко мне, пожилому писателю, бледный худощавый юноша, показывает свои два рассказа и просит, оценив их, сказать, выйдет ли из него писатель. Сам я, к слову говоря, будучи юношей замкнутым, с несколько гипертрофированным чувством собственного достоинства, с такой просьбой никогда ни к кому не обращался. Так вот, случись все же такое, я, человек средних лет, переживающий оцепенение души, ответил бы юноше, пребывающему в подобном же состоянии, примерно следующее:

«В этих двух вещах тебе вполне удалось передать свои чувства. Правда, герои рассказов занимаются довольно странной работой, но замечательно, что ты смог очень достоверно изобразить такую необычную ситуацию. Однако и сама тема, и ее развитие в обоих сочинениях совершенно одинаковы, а это свидетельствует о слабом владении ремеслом. Иначе говоря, мне трудно сказать, выйдет ли из тебя писатель. Если все же ты решишь стать им, тебя в трудную минуту выручит то, что наличествует в твоих сочинениях, но о чем ты сам, возможно, и не догадываешься, — юмор.

А что, кроме писательской карьеры, никакой другой для себя ты не мыслишь?»

В моих первых произведениях, друг мой, есть еще один важный мотив, присутствующий до сих пор во всех моих работах. Я говорю о духе «сообщества» — о том, что мы потеряли, но в чем так сильно нуждаемся. Этой темы я касался, изображая юного героя романа «Наше время». Особенно активно я разрабатывал эту тему в своем первом романе, «Губители сорняков».

Оценивая свое творчество с позиции теории Эриксона о «кризисе идентификации», я могу заключить, что в названных до сих пор произведениях строил модели, через которые выражал переживавшийся мною в юности «кризис идентификации» на уровне поиска идентичности личности самому себе; теперь же поведу речь о другой группе произведений, главным образом о романах, в которых основным мотивом было стремление к идентичности личности с культурным ядром сообщества.

В своих произведениях я стремился предельно ярко отразить запечатлевшееся в памяти «великое единение», с которым было связано мое военное детство. В романе «Губители сорняков» речь идет об изгоях Великой японской империи — подростках из исправительного учреждения, эвакуированных в горную деревню. Так же непримиримо изгоняют их из своего «сообщества» и жители деревни. Когда на последних обрушивается эпидемия — самая «антиобщественная сила», — «сообщество» распадается, поскольку местные жители покидают

свою деревню. На том месте, где она была, подростки создают свое истинное «сообщество». В него входят и корейский юноша, с чьим присутствием не могло смириться прежнее окружение, и дезертировавшие из императорских войск солдаты — то есть отвергнутые «сообществом»-государством.

Подростки ощущали себя полноправными преемниками прежнего «сообщества», даже отмечали местные традиционные праздники. Но вот крестьяне вернулись и силой подчинили себе «сообщество» юных. Лишь один юноша — рассказ ведется от его лица — не покорился и убежал. Таков сюжет романа. Я хочу привести здесь отрывок из него — не потому, что этот роман мне особенно дорог, но потому, что, как мне кажется, в нем убедительно воспроизводится мое тогдашнее состояние: мне было в то время чуть больше двадцати, крепла решимость профессионально заняться литературным трудом. Интересно, что в рукописи вообще не было этого эпизода; помнится, я вписал его на полях рукописи прямо в издательстве.

«Ночью я убежал от взбешенных жителей деревни в лес. Долго бродил по нему, не зная, как защититься от грозившей опасности. Не мог понять даже, хватит ли у меня сил бежать дальше. Я был всего-навсего ребенком, к тому же совершенно изможденным; глотал слезы от душившего меня гнева, дрожал от холода и голода. Порыв ветра вдруг донес до меня топот приближавшихся людей; они были совсем близко. Сжав зубы, я заставил себя подняться и юркнул в глубь леса — туда, где деревья, кусты и травы были еще чернее».

Какие же чувства, друг мой, вызывает сейчас во мне этот роман двадцатилетней давности? Допустим, «сообщество» ребят, кстати сложившееся очень легко, было разрушено (хотя это не так — в конце романа четко проводится мысль о том, что сама идея «сообщества» молодых людей оказалась жизнеспособной), но здесь важно другое. Для меня тут важно, что «сообщество» было организовано в деревне, напоминающей мою родную, что оно было основано людьми, пришедшими со стороны, которые, исключив из своего «сообщества» местных жителей (в действительности было наоборот — деревенские жители не желали иметь ничего общего с подростками), смогли объединиться.

Я писал уже, что отношусь к тем людям, которых чрезвычайно тянет в родные места. И потому, мне кажется, нет ничего удивительного в том, что мое воображение поселило «сообщество» в деревне, столь схожей с дорогими моему сердцу местами. Но, повторяю, это место (то, что осталось от деревни) заняли люди со стороны. Кстати, и в другом романе — «Футбол 1860 года» — была попытка организовать в деревне молодежное «сообщество». Это пытался сделать молодой человек, когда-то покинувший свою деревню, побродивший по белу свету и на время вернувшийся в родные места. «Сообщество», правда, создавалось праздное, ненастоящим был и мятеж. В

следующем романе — «Объяли меня воды до души моей» — события происходят в атомном убежище, которое также можно представить как миниатюрную горную деревушку атомного века. Скрывающийся от людей герой романа оказывается среди подростков, противопоставивших себя обществу; побыв недолго членом их «сообщества», он умирает...

Так вот, друг мой, с тех пор, как я стал писать (а это совпало с переживавшимся в юности «кризисом идентификации»), прошло двадцать лет. Я постарел, но и теперь не свободен от душевного оцепенения, которое ничем иным не назвать, кроме как «кризисом идентификации» человека средних лет.

Только что я закончил работу над новым романом, в котором пытался показать, как писатель среднего возраста преодолевает «кризис идентификации». В новом романе мне впервые удается примирить «место» — дорогую сердцу деревню — с людьми, создающими на этом месте свое «сообщество». Роман называется «Игры современников» и повествует о том, как людям, вытесненным в море, удалось достичь берегов, как затем они, направившись вверх по течению реки, добрались до лесов, где организовали свое «сообщество»; много места уделено в книге легендам и историческим фактам, связанным с появлением «сообщества».

Я хотел показать, друг мой, что людям удалось создать в лесах свое «сообщество» — древнее государство — главным образом благодаря антиабсолютистскому, тяготеющему к периферии типу культуры, который был противопоставлен типу центристскому, абсолютистскому. (Вскользь я касаюсь тут и такого момента: а не действовали ли эти люди как захватчики?)

Японская культура — модель мира, вершину которого заключает символ центристской силы — император, потомок вечного Небесного Божества (Амацуками). Ей противопоставит модель мира с Земным Божеством (Куницуками), множествен ностей связанным с периферией. В этом романе я преследовал цель в рамках именно такого культурного типа гипотетически создать желаемое культурное ядро сообщества, с которым оптимальным образом взаимодействовало бы ядро личности. И, друг мой, полагаю, что в романе мне удалось добиться идентификации и на уровне осознания личностью своего места в окружающем мире, и на уровне внутриличностного самоощущения. Хотя это вовсе не означает, что переживающий душевное оцепенение человек средних лет, то есть реальный «я», уже благополучно преодолел «кризис идентификации»...

Я признаю, друг мой, что новый роман представляет собой модели мира и моей личности, которые создавались под влиянием теорий центробежной космогонии. Можно в подро-

ностях проследить, как в тесном соприкосновении с современностью, особенно в последнее десятилетие, создавались эти модели.

Идея романа появилась у меня, когда, будучи в Индии, я услышал по Би-би-си сообщение о попытке Юкио Мисимы организовать военный путч и последовавшем за этим его самоубийстве. Ощущение глубокого кризиса побудило меня искать многообразную центробежную модель мира в противовес центростремительной модели — культурной схеме абсолютизма, которую продемонстрировал Юкио Мисима.

Один критик — из людей моего поколения он наверняка первым будет принят в члены Академии искусств — написал обо мне так: «Прежде ты допускал возможность различного отношения японцев к императору; сейчас же, вместо того чтобы полностью подтвердить это право, ты обрушиваешься на нас с нападками, заявляя, что все члены Академии искусств — рабы монархии. Душа болит от подобной нетерпимости».

Дело в том, друг мой, что двадцать лет назад, безусловно поддерживая демократические тенденции в послевоенной Японии, в каком-то выступлении, касающемся различий между старой и новой конституцией, я заявил, что приемлю взгляды людей, которые в соответствии с новой конституцией считают императора «символом» страны. Да и сейчас мое отношение к новой конституции в принципе не изменилось. Однако я замечаю, что в последние двадцать лет историческое развитие страны логически привело к политическому усилению центростремительных тенденций абсолютистского культурного типа. Инцидент, связанный с именем Юкио Мисимы, — кровавое доказательство этого, как, впрочем, и приведенное здесь чрезмерно назидательное высказывание критика.

В такой политико-культурной ситуации художник, создающий модель мира и своей личности, стоит перед опасностью быть поглощенным Академией искусств, которая непосредственно смыкается с монархической системой. И обласканные всенародной славой художники, за совсем небольшим исключением, не только не восстают против системы, но, напротив, находят в ней рабское утешение. Размышляя о культуре японцев, я не могу отвлечься от этой нездоровой тенденции. А когда высказываюсь критически, слышу в ответ, что душа болит от моих слов. Мне же думается так: нельзя мириться с таким положением дел, пусть уж лучше у меня болит душа.

Я рассказал о двадцати годах своей писательской жизни, о некоторых этапах деятельности своего воображения, корнями уходящего в социальную действительность, о процессе создания моделей мира и собственных личностных моделей.

Своей последней модели мира и личности — я говорю о романе «Игры современников» — я придаю огромное, этапное

для себя значение, поскольку в нем удалось достичь гармонии между «местом» (идея милой сердцу деревни) и «сообществом» людей, которые вросли в это «место» корнями. И если, мой друг, ты прочтешь этот роман, если критически отнесешься к нему и он при этом станет катализатором поисков твоего собственного «сообщества» и своего «я» в нем — между нами установятся отношения, желаннее которых быть не может.

Я рекомендую тебе знакомиться с моделями мира и личностными моделями молодых писателей, имея в виду, что, опираясь на них, ты сможешь построить собственную модель своего «сообщества».

Я писал уже о трагедии попрания личности в добровольно созданном «сообществе» в связи с инцидентом «Асама Сандзо» *. В пике такого рода «сообществам» идеологи, представляющие новое консервативное течение, призывают к созданию других, внешне радужных «сообществ». Поднимают головы фанатики ультрапатриотизма, занимающие позицию противостояния Советскому Союзу и ведущие свою оголтелую пропаганду.

Вот в какое время мы живем. И мне, человеку средних лет, хочется убедить тебя, юный друг: приложи максимум старания, чтобы самому, своими силами построить собственную модель мира и свою личностную модель, ни в коем случае не позволяя себе быть пассивным. Мой рассказ о своем двадцатилетнем пути, о своих моделях мира и личности я вел здесь только ради того, чтобы внушить тебе эту мысль.

ПИСЬМО ПОЖИЛОГО РОБИНЗОНА

Эти заметки я пишу в форме писем воображаемому молодому человеку, чей образ синтезировался благодаря многочисленным письмам от молодежи. Я хотел бы показать в них себя — каким был 25 лет назад, показать своих сверстников — то, что когда-то было выражено ими словом или безмолвно. Я решил облечь свои мысли — мысли пожилого теперь уже человека — в форму писем к молодым. Я не педагог; должен признаться к тому же, что в результате несчастного случая мой старший сын навсегда остался ребенком, что, естественно, обуславливает ограниченность и специфичность моих представлений о молодежи.

Вот они передо мною, письма, полученные от юношей и девушек. Их особенность — а в последние годы она стала заметнее — состоит в том, что почти в каждом из них встречаются слова: «меня изводит меланхолия», «я нахожусь в подавленном состоянии» — и тому подобное. И в самом деле, моя память хранит сколько угодно имен конкретных молодых людей, которым я мог бы сказать: да у тебя, друг имярек, меланхолия! Уж очень много у меня писем с сетованиями на эту беду, да и друзья отмечают распространенность такой тенденции. Что же,

мне есть что сказать молодежи, которая так ощущает себя в жизни.

Уныние. Состояние подавленности... В том, что я собираюсь высказать, возможно, будет — нет, наверняка присутствует, и в немалой степени, — толкование превратное, слишком мрачное. Вероятно, не случайно именно мне адресовались письма, написанные под воздействием чувства угнетенности, как не случайно и симпатия, которую вызывали во мне эти корреспонденты, так откровенно и с пронзительной болью рассказавшие о движениях своей души. Мне кажется, в этих письмах есть предшествующая исповедальности незащищенность, есть то, что толкает авторов к предельной откровенности, к стремлению объективно, самокритично рассуждать о себе. Говоря о своей меланхолии, эти молодые корреспонденты не стремятся оправдать себя, возлагая вину на окружающих, семью, других людей. Более того, я усматриваю в этих молодых людях наличие способности к восстановлению, которая должна помочь им освободиться от своей подавленности и обрести душевное равновесие.

Будучи сам в другом состоянии, я отвечал своим корреспондентам: да, бывают молодые люди, которым и врачи могут поставить диагноз: меланхолия. Это люди, которые в буквальном, научном смысле слова постоянно испытывают подавленное душевное состояние. Собственными усилиями они не могут справиться с болезнью, они вынуждены консультироваться у врачей и даже прибегать к лекарствам. Что же в таком случае может сказать неспециалист? Да еще если он и сам подвержен меланхолии? Добавить лишь, что впереди маячит разрушительная смерть?

А как мне ответить тем молодым людям, кто говорит о себе, не прикрывая свою незащищенность иронией, обычным молодым людям — не больным психически, но находящимся временно в подавленном состоянии? Ответ зависит от каждого конкретного случая. И все же, помню, в глубине души рождался такой ответ. Ты говоришь, что испытываешь в настоящее время угнетенное душевное состояние. Мне, кстати, не нравится в твоём высказывании ограничительное «в настоящее время». А может быть, надо отбросить модное словечко «меланхолия» и попытаться взглянуть на себя, нынешнего, новыми глазами? Сам-то я именно так стараюсь поступать...

Стоит немного вдуматься, и станет ясно, что примелькавшиеся ныне слова «меланхолия», «депрессивное состояние», «состояние возбужденности» таят в себе неординарную опасность. Пустили эти слова по миру, употребляя их всеу, писатели среднего и старшего поколения. Тут я не могу избавиться от досады вот какого рода. Эти писатели, дорогой мой друг, заявляют, что испытывают угнетенное состояние, меланхолию. Да ведь они «старые лисы». Каждый из них прекрасно знает, как избавиться от этой «угнетенности». Вы же повторяете вслед за ними, не понимая, что все это просто лицемерие, что это

чрезвычайно вредно, поскольку вы, молодые люди, легко возбудимы, остро реагируете на словесное внушение. И вполне может статься, что толкующие о меланхолии молодые люди в момент произнесения этого слова действительно наносят непоправимый ущерб собственному равновесию и провоцируют в себе настоящую болезнь.

Вот о чем я долго раздумывал, сочиняя эти письма. Может быть, не стоит относить себя к страдающим меланхолией, определять свое состояние как подавленное, позволять себе подвергаться этой напасти? Может быть, следует освободить свой дух от этих мыслей и очень серьезно, с предельной ответственностью приглядеться к той силе, которая порождает душевное оцепенение, может быть, имеет смысл пристально взглянуть в собственную оцепеневшую душу?

Наверняка в такой моей реакции проявляется и определенная душевная глухота, и недостаток великодушия (я сам это вижу в себе!), которые вступают в противоречие с возникающей во мне симпатией к тем, кто предпосылает своей исповеди признание в подавленности. Постараюсь, однако, быть последовательным, отвечая на поставленные тобою вопросы. Мой юный друг, не раз мне доводилось возражать таким, как ты: то вы говорите о состоянии сильного возбуждения, то размышляете о меланхолии — а может быть, это свидетельствует о безответственном отношении к адаптации собственной личности? Как писатель, ставящий перед собой задачу показать многомерность человеческой природы и особенно то, что присуще ей в настоящее время, как писатель, призванный разнообразнейшими приемами реконструировать жизнь, я должен признать здесь противоречивость в самом себе, порождаемую недостатком великодушия. То есть, занимаясь проблемами молодых корреспондентов, я должен говорить и о собственных противоречиях, распирающих меня, человека средних лет; соответственно я не могу обойти молчанием собственные кризисные ситуации. И хотя сам для себя я нынче отвергаю такие понятия, как «меланхолия», «депрессия», однако не могу тем не менее утверждать, что совсем не ведаю уныния. Письма же таких ранимых молодых людей — именно потому, что в них угадывается мое собственное удрученное состояние, — еще хуже действуют на мое состояние. Но я такое состояние не называю ни меланхолией, ни подавленностью. Когда-то я уже писал, что человек, ожидая услышать какую-нибудь особую мелодию, заранее на нее настраивается; подобным образом я стал предчувствовать перемены в моем душевном состоянии.

Выражение «душевное оцепенение» я воспринял из «Курса лекций», вышедших, когда мне было 18—20 лет. Это было время, когда я, пользуясь словами Эриксона, переживал «кризис идентификации»; это выражение глубоко запало мне в душу. Я только-только приехал из провинции учиться в Токио, где попал в студенческое «сообщество» (намеренно ставлю кавыч-

ки). Утверждая себя, юного, в открывшемся передо мною «сообществе», я должен был как-то проявлять активность. Почти двадцать пять лет прошло с тех пор, и все же я должен сказать, что теперь снова в соответствии с эриксоновским «кругом жизни» переживаю новый период душевного оцепенения — период критический, хотя и отличный от того, что был в юности. Новый период связан с состоянием тела и духа, с моими нынешними помыслами и делами и проявляется, на мой взгляд, как ощущение застоя. Несколько отвлекаясь от дефиниций Эриксона, могу сказать, что мое нынешнее оцепенение является попыткой преодолеть все тот же кризис, который я переживал еще в юности, — он рожден изначальными сомнениями относительно первых литературных опытов, касается нынешнего моего творчества и наверняка распространится на будущее. Мой юный друг! Тебе, неоперившемуся еще, конечно же, нет нужды доверять проповедям писателя, дилетанта в психологии. Лучше непосредственно обратиться к сочинениям Эриксона. Да и мне лучше вернуться к литературе, уповая на большую точность своих высказываний в этой области.

Как я уже сказал, в ранней юности мне на глаза попались слова, которые помогли мне справиться с унынием, более того, оказались спасительной веточкой, ухватившись за которую я смог выйти из состояния глубокой тоски. «Душевное оцепенение» — вот эти слова. Я их прочел в «Лекциях по литературе», вышедших в издательстве «Иванами», в предисловии «От издателя». Теперь мне известно, что это предисловие, несколько исправленное редколлекцией, первоначально составлялось как план-проспект книги, а его автором был Ёсими Такэути*. Таким образом, это выражение принадлежит ему. В доказательство мне хочется отметить, что эти слова удивительно подходят к облику мудрого старца, в них чувствуется его собственный стиль. Однако все это лишь эмоции по поводу. Предисловие «От издателя» начинается следующим текстом:

«Литература — воплощение души. И если душа в оцепенении, литература не может расцвести полным цветом. Но и тогда она необходима — именно для того, чтобы снять с души оцепенение. Стоит подумать о положении дел в сегодняшней Японии — и мрак заполняет душу. Кажется, что любые усилия бесполезны, что не разбить стены, скрывающие нас. Неужели освободиться от сил, давящих на нас не только извне, но и изнутри, — задача непосильная?»

Мы верим, что нелегкая эта задача успешно решится лишь в том случае, если душа народа станет свободной и сумеет выразить себя, если все силы души народной сольются воедино. Прошло время, когда литература принадлежала части народа. Именно сейчас стало особенно ясно, что она должна быть всенародной. Народ должен иметь свою литературу. Смысл жизни нам видится в том, чтобы работать ради этого».

Провозглашенный в конце цитаты призыв — создать общена-

родную, собственно народную литературу — вызвал к жизни весьма продуктивную дискуссию, в центре которой был Ёсими Такэути. Будучи его последователем и выполняя свою литературную работу, я, увы, не могу сказать, что мое творчество вполне отвечает этому призыву. Размышления о будущих произведениях, о том, чего мне не удалось и, видимо, никогда уже не удастся достичь, приводят меня, немолодого уже писателя, к выводу: причина моего душевного оцепенения — в этой неудовлетворенности. Все дело в застое. В современной латиноамериканской литературе одно за другим появляются произведения, достойные именоваться народной литературой; о таком высоком образце, как «Война и мир» Л. Толстого, и говорить не надо. Поэтому становится отраднo, когда я встречаю в нашей литературе произведения, пробуждающие в людях мысль. И пусть не все в них отвечает заветам Ёсими Такэути, но литература развивается успешно.

Тогда, в далекой юности, я не испытывал особого интереса к тому, что зовется народной литературой, но слова Такэути об оцепенении души оказали колоссальное воздействие на мои дела и помыслы. Будучи неотделимо от индивидуума, душевное оцепенение какими-то нитями связывает человека с обществом, вообще со всем миром. Так полагали многие, и я в том числе. Именно во внешнем мире, казалось мне, я найду путь к освобождению от душевного оцепенения. И я находил в себе силы, чтобы бороться со своей бедой, чтобы правильно видеть себя в этой нелегкой ситуации.

Возможно, мой юный друг, ты решишь, что в моих воспоминаниях проявляются свойства души человека, выбравшего на всю жизнь литературный труд, живущего в мире слов; иначе говоря, ты можешь решить, что сказанное мною в принципе неубедительно и для тебя ничего не значит. Тогда я отвечу тебе так: попробуй все-таки представить себе меланхоличного юношу, сменившего провинцию на столицу, переживающего кризис идентификации; именно таким я был двадцать пять лет назад. А затем взгляни как бы со стороны на самого себя — человека, который, как ты утверждаешь, находится в подавленном состоянии. И попробуй определить разницу между юношей, заявляющим о своей меланхолии, и человеком, который ощущает в себе душевное оцепенение, но предпринимает при этом какие-то шаги вперед.

Причиной моего душевного оцепенения в те ранние юношеские годы, точнее, одной из них, но крайне важной, был малозначительный эпизод, о котором в моем почтенном возрасте трудно рассказывать молодым. Как-то в газете я прочитал об обезьяне-самке, носившейся по лесам, обнимая давно погибшего, ставшего мумией детеныша. Так вот, я вижу себя такой же обезьяной.

В период юношеского душевного оцепенения тайной опорой служила мне еще одна фраза. Поскольку я не могу сейчас найти

работу этого ученого и точно ее процитировать, не буду называть имени автора, скажу только, что это был ученый-психиатр. Сказал же он примерно следующее: «Каким бы ничтожным ни было страдание, опыт преодоления его составляет ценность; человек, познавший страдание, сделал важный шаг в своем развитии». Я не могу сказать, что в те годы я испытывал какое-то особое давление извне, не думаю, что преодоление его породило какую-либо особую ценность. И все же как часто цеплялся я за эту фразу! И нынче, будучи в солидном возрасте, давным-давно преодолев страдания юных лет, я хотел бы внушить тому худому мрачному юноше, который жил двадцать пять лет назад, что, преодолев те, пусть незначительные, страдания, он приобрел некоторый опыт и, безусловно, шагнул вперед.

На основе своего жизненного опыта я убедился в одном: уверовав в свою болезненную меланхолию, невозможно справиться с состоянием подавленности. И уж тем более в таких случаях не достичь уровня, на котором ставится вопрос: как, какой работой души преодолеть угнетенность и сделать шаг вперед. Ты в ответ скажешь, друг мой: у вас нет оснований для таких выводов. Тогда почему же ссылки на меланхолию так регулярно повторяются в твоих письмах ко мне, равно как и в письмах твоих сверстников? Вам не переубедить меня.

Человек я уже немолодой, и то душевное оцепенение, которое порой испытываю сейчас, совершенно отличается, как и писал Эриксон, от юношеских тревог. Я отдаю себе в этом отчет и обращаюсь к молодежи как человек, преодолевший те сложности, которые сегодня беспокоят вас. Думается, мне нет смысла говорить о «кризисе идентификации», который переживаешь ты, мой юный друг. Хотя я прекрасно понимаю, что именно такая позиция педагога была бы необходима и эффективна. С полным уважением признавая это, должен заметить, однако, что сам никогда в жизни не брался за роль педагога и понимаю, что иная выбранная мною позиция легко может быть подвергнута критике. Тем не менее с большей или меньшей уверенностью я могу рассказать лишь о том, благодаря чему мне удалось познать самого себя в период юношеского душевного оцепенения, и поделиться с тобою тем, что беспокоит меня в зрелом возрасте. Ты, мой друг, познакомишься с иным, чем у тебя, нынешнего молодого человека, оцепенением души, а после того, как четко уяснишь, сопоставишь эти два вида душевного состояния, надеюсь, согласишься с тем, что для тебя может оказаться небесполезным опыт пожилого человека, пережившего некогда то, что беспокоит тебя сейчас.

В помощь своим дальнейшим рассуждениям я хотел бы взять книгу, которую читал в подобном состоянии и которая подействовала на меня успокоительно. Вообще-то книгу эту автор предназначал не взрослому читателю, а детям, которых проблема идентификации еще не касалась. Я имею в виду книгу

Мишеля Турнье * «Новый Робинзон Крузо» (перевод Касивабара Кодзо, издательство «Иванами»). Для автора этой книги было характерно сочетание (слово «сочетание» я не раз употреблю в дальнейшем и прошу помнить при этом Турнье) глубокой немецкой образованности с живостью мысли и острой восприимчивостью француза. Сначала Турнье писал книгу для взрослых читателей, но затем переработал ее для детей. В оригинале она называется «Пятница, или Жизнь дикаря». Его современник, ученый-этнограф предложил другое название: «Мысли дикаря». Я принимаю их оба.

Замечательный пример правильного прочтения этого романа дает работа Хисао Оцуки, в которой он, опираясь на цитаты из Макса Вебера*, полно и четко определяет место этого произведения в социально-экономической истории. Работа Оцуки написана языком понятным и для меня, дилетанта (издательство «Иванами»). Несколько выдержек из нее я хотел бы привести здесь.

Утверждая, что жизнь Робинзона на необитаемом острове изложена так, что позволяет нам говорить о некоей социальной модели общества, Оцука определяет: речь идет об образе жизни среднего промышленного слоя аграрных районов Англии конца XVII — первой половины XVIII века. Именно описываемый социальный слой определял будущее Англии. Больной подагрой отец Робинзона уговаривает сына направить свой ум не на путешествия в далекие страны, а на прилежный труд в собственной стране. Но Робинзон отвергает привычное и уходит в далекое плавание. Далее раскаивающийся Робинзон описывает кораблекрушение и свой образ жизни на необитаемом острове.

По мнению Оцуки, герой романа Дефо на необитаемом острове «мыслил и действовал абсолютно реально и рационально». Поймав дикого козленка, Робинзон приходит к мысли о целесообразности разведения коз, благодаря чему обеспечивает себя мясом, одеждой, головным убором и даже защитой от солнца. Продолжая действовать, Робинзон изготавливает из глины посуду. Стремясь предохранить себя от возможных случайностей, бережно делит на части корабельный порох, который нельзя изготовить своими руками. Он отличный хозяин и надежный работник, в нем «великолепно сочетаются все качества, необходимые для управления современной ему индустрией; рассуждения и практические действия рациональны, экономичны; так и должны действовать управляющие и рабочие». Оказавшись на необитаемом острове, Робинзон прежде всего разрабатывает годовой баланс и лишь «после принятия рациональных мер обустройства возносит хвалу господу». «Помыслы и дела его пронизаны безграничным рационализмом, он свободен от мистического иррационализма» типа гадания по звездам и пр. Он также «абсолютно защищен от спекулятивной иррациональности», присущей в прошлом торговле.

Оцука полагает, что при создании экономической науки теоретической предпосылкой, ее, так сказать, моделью послужил человек склада Робинзона, именно этот герой романа Дефо наполнил понятие «хомо экономикус» конкретным содержанием. Я писатель и поэтому не вправе рассуждать о научно-экономической стороне дела, но могу выразить свое восхищение тем, как Хисао Оцука воспринимает текст данного романа, как тонко схватывает органичность всех деталей, структуры произведения, символов, метафор и так далее, — то есть относительно литературной стороны дела. И если современный писатель задумывает вновь осмыслить жизнь Робинзона на необитаемом острове, да еще в совершенно противоположном ракурсе, то, думаю, тезисы Оцуки представляют собой совершенно точные ориентиры для обдумывания такой «обратной» модели. То есть, мой юный друг, между творениями Дефо и Турнье я хочу поместить замечательную работу Оцуки.

Современный французский писатель Турнье, предлагая по прошествии ста лет свою версию приключений Робинзона, рисует его молодым англичанином, отправившимся путешествовать, оставив дома жену и детей. На этом он акцентирует внимание. Вероятно, писатель хотел подчеркнуть в своем герое тягу к отшельничеству. Мне же, кроме того, кажется, что сам Турнье испытывает чувство одиночества и жизнеописание Робинзона строит так, как это произошло бы с ним самим, окажись он на необитаемом острове. В «Новом Робинзоне Крузо» вся первая половина книги — кораблекрушение, спасение на необитаемом острове обустройство на нем, — по существу, повторяет роман Дефо.

В своем Робинзоне Турнье отмечает некоторые особенности (они присутствуют, впрочем, и в романе Дефо): построив слишком большую лодку, Робинзон так и не смог подтянуть ее к воде, что очень огорчило его и повлекло за собой ряд неправильных поступков, так сказать, движений вспять. Робинзон стремится к болоту, где на поверхность выходит опьяняющий человека газ (это описано довольно символично). Не однажды посещает он эти места. «Робинзон был изможден и беспредельно печален. Не удержавшись, последовал он примеру диких кабанов. Сняв пиджак, Робинзон лег лицом в грязь, стараясь лишь удержать над жижей лицо.

Он провел так несколько дней — лежа среди болотной травы, кувшинок и лягушачьей икры.

Исходивший от застоялой воды газ одурманивал Робинзона. Ему чудилось, что он в Йорке, в окружении семьи, слышались даже голоса детей и жены.

А порой он ощущал себя ребенком в колыбели; под порывами ветра над его головой раскачивались деревья, а ему казалось, что над ним, ребенком, склонились взрослые.

Когда однажды вечером он вылез наконец из прохладной жижи, голова казалась ему ватной. Передвигаться можно было

только на четвереньках. Не поднимая головы от земли, совсем как кабан, ел он что попадется».

У Дефо в романе можно найти не одно место, где Робинзон описан в состоянии уныния; об этом герой прямо признается в своих дневниках. И потому, говоря о малодушии Робинзона, Турнье только усиливает черту характера, которой снабдил своего героя Дефо. Так что упреки в том, что Турнье в главные герои вывел совершенно другого, не такого, как у Дефо, человека, мне кажутся несправедливыми. В конце концов у Турнье Робинзон после морального поражения ощущает стыд, переоценивает свою жизнь и снова, как у Дефо, возвращается к труду. Да не просто работает, а, наказывая себя за прошлую слабость и стараясь оградиться от будущей, работает яростно. «Когда рядом нет никого, кто мог бы тебе помочь, трудно оставаться человеком». Робинзон понимал: чтобы выжить в такой опасной ситуации, изменить ситуацию в лучшую сторону, нужны труд, самодисциплина, использование всех ресурсов, которые имеются на необитаемом острове. «Робинзон устоял, выбрался из позорного плена болота».

Я уже говорил, что, как и Робинзон у Дефо, герой Турнье — великолепный управляющий, надежный работник; его дела и мысли рациональны и экономичны не только в сфере производства, но и потребления. Мне кажется, что личностные качества у обоих Робинзонов в основе своей одинаковы. Герой Дефо, возможно, также совершает позорные отступления, просто он не упоминает о них в своем дневнике. Разве мы не знаем современных «хомо экономикус», иногда малодушничавших, но всегда стремящихся в глазах других выглядеть непогрешимыми? Наконец, появляется Пятница. В романе Турнье Робинзон в это время уже пожилой человек; он ведет себя как правитель острова и подчиняет себе дикаря Пятницу.

Но тут в истории о Робинзоне обозначается тщательно подготовленный двумя писателями переход. От брошенной Пятницей трубки воспламеняется столь драгоценный для Робинзона порох. Дефо показывает, как его герой застраховывает свою жизнь, поделив порох на несколько частей (в этом проявляется интерес писателя к зарождавшейся в то время в Англии системе страхования). Турнье же изначально, сознательно и детально сосредоточивает внимание читателя на недостатках своего Робинзона.

«Так из-за оплошности Пятницы Робинзон потерял все — окультуренное поле, ферму, строения, все запасы, хранившиеся в пещере.

И все же злобы к Пятнице Робинзон не питал. К этому острову же — скучному, нелегкому для жизни — он давно уже испытывал отвращение. А силы улучшить свое существование на нем в себе не находил.

Теперь оба стали совершенно свободны. Робинзон охвачен любопытством: как все сложится отныне? И вдруг осознает, что

отныне Пятница будет главенствовать, руководить им».

«Неузнаваемо изменившийся, или, точнее, заново родившийся, Робинзон из романа Турнье порывает с образом жизни «средних промышленных кругов», символом которых был Робинзон у Дефо. Нет больше загонов для скота, ушли в прошлое одежда и головные уборы, навесы от дождя, не надо отныне лепить посуду, потому что теперь Робинзон руками ест пищу дикарей, которую готовит Пятница; а ведь прежде, бывало, он вспоминал, как, тщательно одевшись, вкушал блюда Йоркской кухни. Следует отметить, что элементы спекулятивной иррациональности в характере Робинзона не проявлялись — он превратился в дикаря, отказавшись от жизни торговца нового времени. Но вот мистический иррационализм стал для него источником радости. Робинзон и Пятница забавляются игрой с куклами, сотворенными ими по подобию своему, и ради развлечения меняются ролями. Эти их действия можно расценить как попытку опрокинуть формальный рационализм.

Единственная ценность — оставшийся в малом количестве порох — годится лишь для фейерверков. Робинзон и Пятница загадывают друг другу загадки, изобретают язык жестов, из шкуры мертвой козы делают воздушного змея, из черепа — музыкальный инструмент... Труд ради непроизводительных игр становится содержанием жизни преобразованного Робинзона — человеческого типа, совершенно противоположного «хому экономикус». «Пятница выдумывал грубые, закаляющие тело забавы, и в этих нелепых выдумках проходила их спокойная, счастливая долгая жизнь».

Таким — избежавшим кризиса старения, душевно абсолютно спокойным — находит пятидесятилетнего Робинзона приплывший из цивилизованного мира корабль. Как поступит Робинзон? Вернется в Англию, подобно герою Дефо? Забудет жизнь дикаря? Нет, в романе Турнье остров покидает Пятница, зачарованный плывущими в облаках высокими мачтами, а на необитаемом острове остаются Робинзон и сбежавший с корабля юный матрос.

«Робинзон говорит юноше:

— Назову тебя Воскресеньем. Ведь Воскресенье — это праздник, день смеха и забав. И ты для меня навечно останешься дитятею Воскресеньем».

Хотя я в принципе не люблю исповедываться, но здесь хочу признаться, что вывернутый наизнанку классический роман, каким он предстал в обработке Турнье, успокоительно воздействовал в те годы на мою мятущуюся душу. Это, друг мой, еще одно признание, которое я тебе делаю, не считаясь с разницей в возрасте. Сейчас те юношеские печали кажутся мне малозначительными. У вас, нынешних, живущих юной жизнью, отраженный в зеркале книги Турнье мой тогдашний внутренний мир,

возможно, вызовет лишь сочувственную улыбку. Однако я не могу не сознаться в том, что эта книга, предназначенная ныне для детей (не вся, правда, а часть ее), действовала на меня примерно так же, как на Робинзона испускающее миазмы болото, заставляющие его превращаться то в ребенка, то в дикого кабана; не могу отрицать и того, что, пока я читал эту книгу, она все более и более внушала мне сладостные до одури мысли, и это было подобно описанному Турнье влечению Робинзона к влажной дыре пещеры, подсознательно напоминавшей ему материнское чрево.

Но потрясение от «Нового Робинзона Крузо» было гораздо большим из-за влияния этой книги на мое развитие как личности. Выражаясь языком господина Оцуки, рассматривавшего это произведение в контексте истории социальноекономических учений, меня, представителя цивилизации «хомо экономикус», заинтересовала «дикарская идеология», возбуждал «дикарский образ жизни».

Будучи писателем, я живу жизнью несколько своеобразной, далеко не всегда реальной и рациональной; скорее я чаще бываю совершенно иррационален, не имею ничего общего с протестантским капиталистическим духом. Но тем не менее являюсь все же членом цивилизованного общества, управляемого во многом законами «хомо экономикус». И получается, что, живя в обществе, я вынужден ежедневно бороться с собственным душевным оцепенением. Вероятно, тебе стало ясно, мой юный друг, что счастливый Робинзон из книги Турнье не мог стать для меня учителем жизни. (Робинзон сам учился такому образу жизни у Пятницы.) Впрочем, то же, вероятно, можно сказать относительно самого Турнье. Его Робинзон в каждом дне стал видеть праздник и достиг абсолютного освобождения, уже будучи у края могилы, разорвав все связи с «сообществом» людей, с цивилизацией. И оттого на корабле — символе цивилизации — не к молодому Пятнице, а к юному Воскресенью он обратился со следующей фразой: «Наверное, больше никогда ты этого не увидишь».

Мне кажется, необходимо подчеркнуть, что для самого Турнье проблема двух поколений не решена. Можно убежать на необитаемый остров, можно попытаться переделать себя, вырвавшись из толпы «хомо экономикус», оградившись от их влияния, — и все же жизнь не превратится в сплошной праздник. Это касается и меня, немолодого человека, и тебя, мой юный друг, поскольку мы живем в одной цивилизации. Проблема остается нерешенной. Допустим, мы в самом деле задумаем коренным образом изменить свою жизнь, допустим, найдем в Тихом океане остров и обоснуемся на нем — он окажется загрязненным ядерными испытаниями или же разработками каких-нибудь месторождений. Если мы присоединимся к хиппи, очень скоро обнаружим, что в основе их жизни лежит подчинение ценностям (издержкам) все той же цивилизации.

Нет для нас убежища, подобного тому, какое нашел Турнье для пожилого Робинзона и юного Воскресенья. Так что и неудивительно, что все больше и больше людей — и пожилых, и молодых, — проплыв по волнам жизни и потерпев крушение, ощущают меланхолию, от которой нет иного спасения, кроме врачей и лекарств.

Да и сам я, отбросив в сторону дурманящую концепцию Турнье, осознаю, что мое душевное смятение не найдет выхода, если даже я буквально или метафорически удалюсь от всего мира и спрячусь на необитаемом острове, то есть убегу от всего, что связывает меня с сообществом людей. Не случайно упоминавшийся ранее Ёсими Такэути прилагал выражение «душевное оцепенение» не только к внутреннему миру индивидуума, но связывал это состояние с миром, его окружающим; я потому и пользуюсь этим словосочетанием как наиболее подходящим к случаю, имеющему, кстати, отношение ко мне самому.

Хотел бы привести здесь часто употребляемую цитату из Эриксона, прямо выражающую его мысли; определение идентификации, которое в ней дается, в равной степени подходит и для вас, молодых, и людям зрелого возраста. «Идентификация — это действие, направленное на обнаружение идентичности личностного ядра индивидуума с культурным ядром его сообщества; иначе говоря, стремление к достижению единства двух этих начал». («Истина Ганди», издательство «Мисудзу Сёбо».)

В реальной повседневной жизни, которой мы живем, «сообщество» в приведенном выше главном значении представляется мне чем-то множественным, состоящим из многих слоев. Вряд ли на уровне отдельного индивидуума, при его стремлении обнаружить собственную идентичность, «сообщество» будет восприниматься как нечто монолитное, хотя объективно оно может казаться неким цельным единством. Когда же «сообщество» вступает в связь с попытками людей обнаружить в нем собственную идентичность, оно вообще перестает казаться окончательно сформировавшимся, устоявшимся объектом.

Я всегда был непричастен к политике, не принадлежал ни к какой партийной группировке, жил впечатлениями ничем не связанного человека, так что по своему мировосприятию был далек от молодежи, которая углубляется в идеологию, но, прочитав отрывки из судебных протоколов по делу «красных бригад»*, почувствовал себя так, будто огромная неведомая сила вновь повергла меня в душевное оцепенение. Члены их принадлежали прежде к двум группировкам; после их слияния в «красные бригады» внутри этой организации появилось множество почти не отличающихся друг от друга (со стороны, во всяком случае) маленьких «сообществ», объединенных личностью руководителя группы. Члены бригад не имели права сами выбирать свое «сообщество»; более того, в случае возникновения осложнений их принуждают к самоубийству. Эта невероятно мрачная картина и явилась причиной моих новых душевных

терзаний. Насколько жестоким должно быть личностное ядро каждого из них! Как они раздавлены презрением и растоптаны самими собой и своими единомышленниками! При таком положении вещей какое «сообщество» они бы ни выбрали, идентификация была бы для них не чем иным, как саморазрушением.

Не переставая размышлять об этом чрезвычайно трагичном «сообществе», я хотел бы увидеть, насколько эффективно прочитают историю Турнье о перерождении Робинзона те, кто не убегает на необитаемый остров, но, живя обычной жизнью, стремится преодолеть душевное оцепенение. Собственный опыт не дает мне основания полагать, что роман, так поразивший меня, зовет человека назад — к миазмам, превращающим человека в скота, или же к склизким стенам пещеры, напоминающей материнское чрево.

Турнье акцентирует внимание на постепенной подготовке своего героя к резкой перемене образа жизни; его Робинзон на сто лет моложе канонического героя Дефо, но, несмотря на все различия, является его преемником и, безусловно, так же представляет «средний промышленный слой Англии». На необитаемом острове он создал «сообщество», состоящее, правда, из него одного, и в условиях жизни на этом острове он идентифицировал свое личностное ядро с культурным ядром «сообщества» страны, из которой прибыл. Лишь после этого он обретает покой. Как известно, у Дефо Робинзон все время, вплоть до возвращения в свое настоящее «сообщество», продолжал сохранять достигнутую им идентичность между собой и «сообществом».

И вот Турнье через поступки молодого Пятницы, представителя «дикой жизни», до основания разрушает, а затем как ненужное отбрасывает созданное пожилым Робинзоном «сообщество». После этого Турнье выставляет Робинзона — его чувства, психику, даже тело — в новом, совершенно трансформированном ракурсе. Я, человек в возрасте, совершенно живущий реальной жизнью, не убегающий от душевного оцепенения, но стремящийся к активному его преодолению, испытываю огромное потрясение от поворота событий, при котором Пятница становится учителем Робинзона, от перемены Робинзоном отношения к «сообществу», от вывернутой наизнанку его индивидуальности. Но причина потрясения не заключена лишь в сказанном выше; причиной подобной реакции стали мои собственные связи с обществом, моя частная жизнь, литературная работа — все это, вместе взятое, задачи, которые я поставил перед собой, плюс еще проблемы, волновавшие меня последние несколько лет.

Разумеется, я не живу один на необитаемом острове, но, когда думаю о трансформации нового Робинзона, с ног на голову перевернувшего классический образ, я тем более воспринимаю это как сюжет о себе и многослойном «сообществе», с которым вступаю в ежедневные связи. Из этого прежде всего

становится ясной необходимость различными средствами оживить в себе застывшее многоликое «сообщество», а также дремлющую собственную индивидуальность. А для реализации этой необходимости — и для восприятия своего «сообщества», и в интересах самой индивидуальности — нужен внутренний сопротивляющийся материал: человек «не-я» и предметы «не-мое».

Так проявляется осознание своего «сообщества» и многообразии собственной индивидуальности. Так во взаимодействии индивидуума и его «сообщества» реализуется попытка резко перестроить прежние отношения элементов «центр — периферия», достичь абсолютной трансформации. Действенным средством для этого может быть сознательно разыгрываемая клоунада, которая позволит разрушить окаменевшие и соотнести между собой новые представления о «сообществе» и о себе самом.

Ты, мой юный друг, несмотря на критическое порой отношение к моей литературной работе и вызванные ею споры, считаешь себя, как сам говоришь, моим постоянным читателем. И сейчас в ответ на представленные мной рассуждения можешь возразить: «Ежели свои суждения Вы намереваетесь увенчать идеей о праздности бытия, это будет означать, что Вы, прибегая к помощи ученых-этнографов, опираетесь исключительно на методологию литературы. Разве не доказал сам Турнье, что вечный праздник возможен исключительно для пожилого Робинзона и юного Воскресенья?»

И ты будешь прав. Я тоже не могу сказать, что способен в реальной жизни каждый свой день сделать праздником. Более того, даже в области литературы, я, профессиональный писатель, не застрахован от ошибок, пытаюсь с помощью слов материализовать свое воображение. «Сообщество», с которым я невидимыми нитями связан и которым ограничен, а также себя как соответственно ограниченного индивидуума я изображаю, показывая многократные трансформации порядка вещей в себе, в многомерном переплетении столкновений себя с «не-я» и «не-моим». Я пишу, а не занимаюсь чем-то другим, потому что являюсь писателем; но написанное мною не обретет самостоятельной жизни до тех пор, пока изображенные в произведениях миры не будут восприниматься в синтезе.

Следовательно, если будет разрушена великим трудом достигнутая гармония между стремлением многообразить и расширить рамки произведения изнутри и попыткой в предельной степени синтезировать составляющие элементы, как писатель я почувствую наступление кризиса, что незамедлительно приведет к душевному оцепенению, которое нарушит обычное течение моей реальной жизни. Еще раз приведу слова, которые нашли столь горячий отклик в моей душе: «Если душа в оцепенении, литература не может расцвести полным цветом. Но и тогда она необходима — именно для того, чтобы снять с души оцепенение».

Итак, это мое письмо — не размышления человека, который, подобно прагматичному Робинзону у Дефо, достиг самоотождествления с обществом; письмо это не является также и плодом раздумий человека, который, подобно Робинзону у Турнье, успешно окунулся в стихию вечного праздника, хотя и составлено оно на примере двух Робинзонов, от которых я столь далек. Ты, мой друг, имеешь возможность сам выбрать свое будущее. В связи с этим мне и хотелось адресовать тебе это послание (пусть в форме письма воображаемому юному читателю), которое выходит за рамки чистой литературы и, надеюсь, приобретает универсальный смысл.

В этом письме я уже употреблял заимствованный у Юнга термин «сочетание»; я использую его и сейчас, правда, несколько своеобразно. Ассимилирую в себе «не-я» и «не-мое», иначе говоря, разносторонне толкую действительность, сопоставляя различные суждения, используя резкие контрасты, я пытаюсь «высветить» противоречия, скрытые в моем восприятии «сообщества» и во мне самом как в индивидуальности. Людям свойственно сочетать с уже имеющимся приходящее новое. Благодаря этому моя духовная и эмоциональная деятельность обрела в свое время силу, которая стала основой преодоления юношеского «кризиса идентификации». Юноше необходимо расшевелить себя — столкнуть себя с неблагоприятными обстоятельствами, с «не-я» и «не-моим», ассимилировать в себе «чужое» и таким образом пересмотреть, углубить свои воззрения на «сообщество» и себя самого. Соединить в себе элементы новые с тем, что имелось изначально, преодолевая их взаимные противоречия, даже полярную противоположность, — это огромная духовная, эмоциональная работа индивидуума ради обретения индивидуальности. Мои наблюдения за молодежью позволяют полагать, что среди тех, кто обладает достаточной энергией, многие наряду с признаками духовного кризиса проявляют также и волю к осуществлению такого рода синтеза.

У людей, которые способны ассимилировать в своей индивидуальности объективную реальность, эта способность проявляется даже в их письмах.

Ну вот, друг мой, я, человек зрелых лет, сам испытывающий душевное оцепенение, ни в коей мере не желая подтолкнуть тебя к душевному кризису, хочу завершить свое послание строкой поэта Одена*, которую со времен собственной юности впитал в себя:

The sense of danger must not disappear¹.

¹ «Не должно исчезнуть чувству опасности» (англ.).

МОЛОДЕЖЬ И МОДЕЛИ МИРА

Пятница дразнит медведя

Это воображаемое письмо молодому человеку начну с изложения произведения Турнье, в котором французский писатель, используя образы Робинзона Крузо и Пятницы из романа Дефо, поменял их ролями. В письме будут использованы цитаты из детского издания «Нового Робинзона Крузо». Кстати, с переработкой Турнье своего романа для детей связано любопытное обстоятельство. Турнье — которого можно охарактеризовать как одного из идеальнейших педагогов, о коих можно только мечтать и коих в реальной жизни не существует, — обратился к детям, членам жюри по литературным премиям (во Франции существует такое) с просьбой прочесть его книгу. Ознакомившись с ней, все ребята вновь обратились к роману Дефо. И он показался им скучным, порой даже раздражал их.

Я также, прочитав книгу Турнье, стал перечитывать Дефо. К счастью, будучи человеком в возрасте, я снова получил от нее удовольствие, а благодаря роману Турнье смог даже сделать для себя открытие. Оно касается туземца Пятницы. Когда в отрочестве я читал Дефо, странные поступки Пятницы, о которых рассказывается в конце книги, не останавливали моего внимания. Сейчас же, перечитывая эти места, я впервые разглядел подлинный облик Пятницы, поскольку теперь для меня он был освещен и укрупнен мыслями Турнье. Я даже смею полагать, что сама идея новой версии истории о Робинзоне Крузо возникла у Турнье после того, как он тщательно перечитал последние страницы романа Дефо. Трансформация роли Пятницы у Турнье коррелируется с ролью Робинзона.

У Дефо в конце романа Робинзон не удивляется «диким мыслям» Пятницы; он остается, по определению Хисао Оцуки, представителем среднего промышленного класса, типом англичанина XVII — первой половины XVIII века. Вернувшись наконец домой, Робинзон навел справки относительно своих прав на плантацию в Бразилии, которой в его долгое отсутствие управлял совладелец. Позднее присланные оттуда продукты он обменял на векселя. Таким образом, за долгое пребывание на необитаемом острове он не потерял деловой хватки, более того, проявил талант «хомо экономикуса».

Давайте вспомним такой эпизод: Робинзон во Франции, на пути из Лиссабона в Англию. При переходе через Пиренеи он и его спутники встретились с медведем. И вот тут не знавший прежде морозов и снега Пятница переродился, стал проявлять здоровую активность.

«Невозможно себе представить более необычайного и захватывающего зрелища, чем последовавшая затем схватка Пятницы с медведем. Бой между ними развеселил нас всех, хотя сначала мы и удивились и испугались за моего верного слугу».

«Мы все были поражены его появлением, но на лице Пятницы при виде медведя выразились и радость и отвага.

— О! О! О! — вскричал он трижды, указывая на зверя. — О господин, позволь мне с ним поздороваться: мой тебя будет хорошо смеять!

Я удивился, не понимая, чему он так радуется.

— Глупый ты! Ведь он съест тебя!

— Есть меня! Мой его есть, мой вас будет хорошо смеять!

Вы все стойте здесь, мой вам покажет смешно».

Огромный медведь и не собирался нападать на людей, он просто проходил мимо. Но Пятница запустил в него камнем. Дразня зверя, он вскарабкался на дуб, а после того, как медведь тоже взобрался на огромную ветку, Пятница стал раскачивать ее: «Мой будет учить медведя танцевать».

«Видя, что медведь крепко уцепился за сук и что его не заставишь идти дальше, он заговорил:

— Ну-ну, твой не идет, мой идет, мой идет! Твой не хочет идти ко мне, мой хочет к тебе. — С этими словами он передвинулся на тонкий конец сука, который согнулся под его тяжестью, осторожно по ветке соскользнул на землю и побежал к своему ружью.

— Ну, Пятница, — сказал я ему, — что ты еще затеял? Почему ты не стреляешь в него?

— Не надо стрелять! — сказал Пятница. — Теперь еще не надо стрелять; теперь мой стрелять, мой убьет, когда твой будет еще смеяться».

«Проказник обернулся посмотреть, смеемся ли мы, и, видя по нашим лицам, что мы довольны, захохотал во все горло.

— Так мы убиваем медведя в наша страна! — сказал он.

— Как же вы их убиваете? — спросил я. — Ведь у вас нет ружей.

— Нет, ружей нет, зато есть много, много длинные стрелы».

Для Робинсона и его цивилизованных спутников игра Пятницы с медведем была всего лишь развлечением, для самого же Пятницы она, несомненно, являлась чем-то большим.

Двадцать восемь лет два месяца и девятнадцать дней Робинзон в романе Дефо представлял на необитаемом острове «сообщество» среднего промышленного класса Англии. И вот он снова вернулся в цивилизованный мир. Векселя, которыми располагал Робинзон, были атрибутом его «сообщества» и обеспечивали ему в дальнейшем стабильную жизнь на родине. Тем не менее после смерти жены Робинзон снова предпринимает авантюрное путешествие.

Взглянем теперь на ситуацию с позиции Пятницы. В тот момент, когда он назвал Робинсона господином, он оказался отрезанным от своего прежнего «сообщества»; шагнув в Европу — в жизнь, совершенно противоположную «туземной жизни», особенно после эпизода с медведем, — Пятница, по сути дела,

совсем спрятался за спину Робинзона. В финале Дефо заставляет Пятницу действовать совершенно неразумно с точки зрения Робинзона. По собственной воле оказавшись в опасности, Пятница испытывает огромное наслаждение, старается развеселить Робинзона и остальных спутников, давая при этом ясно понять, что его поступки — выражение культуры «родной земли», проявление «туземной жизни» его «сообщества». И если бы мы оказались вдруг в описываемом месте и развивали бы свое воображение в русле культуры Пятницы и его страны, то обнаружили бы, что находимся на пути к замыслу Турнье, который далее последовательно разворачивал воображаемые события, развивая их так, что Робинзон и Пятница, носители противоположных культур, взаимно обмениваются своими «сообществами», диаметрально изменяя отношения двух этих «сообществ» между собою.

Юный друг! Две причины побудили меня рассказать об этом своем открытии. Одна состоит в том, что роман Дефо дает замечательную возможность заставить воображение работать строго логично и конкретно. Мы, кстати говоря, часто употребляем это слово, но при этом столь же часто осознаем, что в определении «воображения» всегда остается нечто неуловимое, не так ли? В рамках литературы я не раз пытался определить это понятие, давал различные дефиниции; но пусть оно лучше останется живым в своей безграничной многозначности.

Завершая рассказ о жизни Робинзона на необитаемом острове, уже, так сказать, в эпилоге повествования Дефо сталкивает Пятницу с медведем, заставляет своего героя вести с этим зверем безрассудную игру. В довершение зверя убивают, а в уста Пятницы вкладывается фраза о том, что так убивают «в нашей стране». Эта короткая фраза, будто привнесенная в книгу намеренно, становится ориентиром, дающим возможность получить достаточно полное представление о «туземном образе мыслей»; эта фраза может восприниматься как исходный момент для дальнейших рассуждений, последующей игры нашего воображения.

Но воображение вряд ли будет бурно играть без дополнительных импульсов. И роман посылает такие импульсы. Пятница, считавший Робинзона своим господином и в культурном плане абсолютно подчинявшийся ему, здесь, в конце книги, самораскрывается, предельно ясно обнаруживает свои культурные принципы. И отсюда, логически следуя за этой путеводной нитью, мы, включив воображение, проникаем в культуру, каждая частность которой отлична от культуры робинзоновского «сообщества». Воображение предложит нам полную картину туземной культуры Пятницы — на основе данной в книге культуры «сообщества» Робинзона мы можем дорисовать ее частности.

Таким образом, воображение можно определить и как способность в одной структуре реконструировать то отсут-

ствующее, что наличествует в другой, противоположной структуре.

Давайте здесь снова вернемся к Турнье и посмотрим на созданную этим писателем картину «туземной культуры». Ход мыслей Турнье легко прослеживается. Он делает всего лишь шаг, скалкая две противоположные культуры, ставя Робинзона в положение проигравшего, меняя, таким образом, отношения Робинзона и Пятницы на полярно обратные. Так на основе отрицания наличествующего и привнесения отсутствующего создается новый образ Робинзона. Если бы Турнье не сочинил новую книгу о Робинзоне и Пятнице, подобную историю мог бы сочинить и ты, мой юный друг, — для этого надо лишь перечитать Дефо и дать толчок своему воображению.

Чуть выше я упомянул, что хочу остановиться на двух моментах. Второй момент я уже тоже назвал, когда говорил о воображении; я имею в виду общее понятие культуры «общества».

Вообще культуру можно представить в виде некоей структуры, но в нашем случае, пожалуй, не стоит рассматривать проблему так обобщенно; мне хотелось бы это сделать (я не лишен честолюбия), но в то же время я понимаю бесперспективность такого предприятия, пока в нем не будут участвовать специалисты из самых различных областей. Поэтому попытаюсь исключительно с позиции писателя изложить свой взгляд на эту проблему.

Мой друг! Я думаю, тебе запомнилась сцена, когда, оказавшись в Европе в сопровождении Робинзона, Пятница (этот абориген одного из тихоокеанских островов к тому времени уже и имя свое забыл) после долгого перерыва вернулся к активным действиям: «Так мы убиваем медведя в наша страна». За этой лаконичной фразой, надеюсь, ты смог увидеть всю картину «туземного образа мыслей». Нетрудно понять также, что, спасши туземцу жизнь, приобщив к культуре своего «общества», Робинзон вынудил Пятницу многим пожертвовать (можно, пожалуй, сказать, что жертвы, на которые согласился Пятница, явились компенсацией за все это). Пятница не обладал ни способностью, ни волей противостоять Робинзону, он беспрекословно отказался от изначально присущего ему «туземного образа мышления», полностью подчинился стилю жизни Робинзона. Но совершенно случайно, благодаря встрече с медведем что-то прорвалось в Пятнице наружу, он стал проявлять активность. Проницательный читатель, Турнье не прошел мимо этого момента, но в своей версии заставил и Робинзона отречься от своей культуры и «образа мышления». Мне кажется даже, что цивилизованный Робинзон воспринял противоположную культурную структуру с радостью.

В душе каждого человека присутствует в своей целостности взрастившая его культура. Я рассуждаю об этом не только для того, чтобы укорять в недостатке воображения людей, которые

считают — как мы видим в случае с Робинзоном, — что при наличии в своей культуре инородных элементов следует либо игнорировать их, либо, отрицая, изгонять. Кстати говоря, «туземный образ мышления» привлекает внимание и вызывает интерес не только у Леви-Строса*, но и у многих других антропологов, придерживающихся различных взглядов. И должен сказать тебе, мой юный друг, опосредованно это оказывает воздействие на вас, молодежь.

Я пытаюсь вызвать в своем воображении такой тип Пятницы, который был бы превосходным учеником Робинзона: не устраивал бы безрассудных игр с медведем, а сразу же хватался за ружье и убивал зверя, — иначе говоря, размышляю о типе человека, который был бы в состоянии не задумываясь отбросить культуру, в которую врос корнями, либо же вообще никогда не впитывал в себя ничего из окружающей его культуры. Неужели, вообразив такого Пятницу, ты, мой друг, не отыщешь возможности освободиться от гложущей тебя тревоги?

Должен сказать тебе, друг мой, что я отнюдь не намерен братья за роль умудренного житейским опытом человека, считающего своим долгом поучать или, хуже того, запугивать молодежь. И не собираюсь обвинять тебя в том, что ты, подобно Пятнице, не знаешь, как убивают медведей «в нашей стране». Если между нами и есть разница, она незначительна в сопоставлении с глубокой радикальной проблемой, которая нас сейчас занимает. Кроме того, мне абсолютно ясна собственная трагедия, состоящая в том, что сам я не могу и уже, видимо, никогда не смогу во всей полноте объять общую картину культуры, из которой произросли мои корни.

В таком случае откуда же во мне смелость говорить с тобою на такие темы?

Есть одно обстоятельство, постоянно живущее в моем сознании, подтверждающее не столько мою способность охватить полную картину моей культуры, сколько стремление сделать это.

Все началось с одного широкоизвестного произведения Кунио Янагиды; под его влиянием с детских пор у меня сохранилось чувство, будто я способен осознать и осмыслить явления в их сложном переплетении, дойти до самой их сути. У Кунио Янагиды есть путевые заметки — по содержанию значительные и очень подробные, — которые начинаются так:

«Между Синдзё и минеральными источниками Нарукотомадзо в префектуре Ямагата есть поселение Сакаиды; точно так же в префектуре Акита недалеко от Кадзуно находится деревушка Сайда. Я побывал в двух этих селениях — сначала в одном, а через несколько дней в другом — и поразился тому, насколько они друг на друга похожи...

Возможно, еще где-нибудь есть подобные места. Идешь по

ушелью в город и замечаешь, что река стала уже, а вскоре и совсем исчезла; неожиданно оказываешься на маленькой равнине; деревья вокруг вырублены, ничто не останавливает взора. И вдруг посреди пустыря обнаруживаешь полтора десятка ив, между которыми проглядывают несколько стареньких домиков с тростниковыми крышами. Земля вокруг плодородная, всюду зеленеет трава; навстречу попадаются лошади, любопытными глазенками смотрят на вас дети, играющие там и сям... Прелестная деревенька! Прежде на выставках можно было часто видеть такие пейзажи, деревеньки, слабой тушью любовно выписанные художниками в нашей, типично японской манере.

Всего, однако, удивительнее то, что безо всяких образцов для подражания на отдалении нескольких десятков ри * друг от друга могли появиться столь похожие деревни. Почему? Вряд ли кто-нибудь объяснит мне это. Я покинул те места, но долго еще пребывал в недоумении».

Янагида обнаружил где-то деревья и строения, однотипные с виденными им ранее, и задумался над причиной конструктивного совпадения. А причина как раз в деревьях. Сначала около чистого источника заложили поселение, оставив там несколько деревьев; деревья росли, вместе с ними развивалось и поселение. Деревья оберегали, стали продуманно строить дома и дороги.

«Ива у источника стала, таким образом, знаком деревни. В зимние сумерки, когда хлопьями падает снег, грустно даже дома, у огня. Поэтому, говорят, в деревнях лишнего растительности района Эчиго перед домами ставили шесты, которые должны были быть заметны издали; жители деревни знали, что люди, проходящие и проезжающие мимо, видят эти шесты и дома, и оттого чувствовали себя не столь заброшенными и забытыми. Ивовые деревья, стало быть, предназначались не столько для путников, сколько служили для жителей деревни антенной в большой мир. Долгие годы они выполняли эту функцию; потому я, как и другие люди, не могу без них вызвать в воображении картину деревни».

Потрясающе точно Кунио Янагида выразил живущее во мне ощущение моей деревни. Не потому, что здесь детально изображена деревня в горной долине (а я действительно родился и вырос в деревне, окруженной горами), а потому, что, впервые прочитав эту фразу, я вспомнил много подобных деревень, почувствовал, что и моя родная деревня выросла таким же образом и никакой другой быть не могла. И потом уже, сколько я ни путешествовал, каждый раз, попадая в подобную деревушку, ловил себя на том, что радуюсь ей как родной. Оказавшись как-то в городе Наго на Окинаве и впервые увидев там огромные фикусы, я подумал, что взаимоотношение этих могучих деревьев и поселения (более, конечно, крупного, чем деревня) дает ту же структуру деревни. Не забуду того теплого чувства, которое вызвало у меня это наблюдение.

Ты можешь сказать: вы выражаете всего лишь свои личные эмоции. Пусть так. Движения своей души, собственные эмоции я, пожалуй, смогу лучше раскрыть, если воспользуюсь словом «родной», которое часто употребляет Янагида, вкладывая в него также смысл «милой сердцу», «незабываемый». Причем этими словами выражается не только его индивидуальное отношение; в них аккумулированы движения души многих поколений японцев, составляющих «сообщество». По отношению ко всему своему прошлому и к отдельным его частностям гипотетический «всевременной и всепространственный японец» (такovým Кунио Янагида считает и себя) испытывает чувство родственной теплоты. Такое чувство вызвано не только личным опытом Янагиды, не опирается лишь на его личную память, оно для него как отдельного человека непостижимо; внушенное внешней силой, оно полностью овладевает индивидуумом, целиком повелевает им, проявляя свой надличностный характер, спланивая японцев в свое большое «сообщество». Мне кажется, это одно из принципиальных положений этнографического учения Янагиды.

Таким образом, мой юный друг, Кунио Янагида помог мне по-новому увидеть свою деревню и понять ее структуру, побудил вновь пережить теплое чувство родства с ней, определил движение моей души, чувств и помыслов.

Еще одно откровение — опять относительно структуры моей деревни — я нашел в статьях Кунио Янагиды.

«В старину считали обычным появление на обочине дороги привидений, пугавших путников; считалось, что, подобно тому, как для путешественников открываются различные лавочки, так и привидения, нападая на боязливых людей, устраивают здесь свои черные дела; для этого они чаще всего выбирают перевалы, спуски, переправы и мосты».

Эта фраза сразу воскресила в моей памяти ощущения, которые я испытывал ребенком, когда ночами ворочался в постели в домике, находившемся посередине деревни. Помню, в кромешной тьме я чутко прислушивался ко всему, что происходило вокруг, — считалось, что у нас в деревне обитают семь жутких привидений. Но я был относительно спокоен: дом в центре, до меня привидения вряд ли доберутся. Противопоставление «центр — край» имело для меня, ребенка, весьма существенный смысл, в связи с которым формировалось мое восприятие деревни в целом, жизни в ней в дневное и ночное время.

Так вот, если использовать в своих рассуждениях космогонические элементы «центр-край», то мои мысли о структуре деревни с деревьями в ее центре приобретут еще большую стройность. Деревья ведь тоже можно рассматривать как космогонический элемент — как нечто связующее небо с землей, как вертикальную ось деревни. А перевалы, склоны, переправы образуют, таким образом, горизонтальные оси; они соотносятся

между собой так же, как центр и край. Следовательно, структура милой моему сердцу деревни совершенно отчетливо состоит из космогонических элементов, то есть мифологически является для меня той почвой, в которой покоятся мои корни.

Друг мой, надеюсь, до сих пор ты любезно следовал за моими мыслями, набирая впечатлений от моего жизненного опыта. Далее я хочу перейти к рассуждениям, которые, вероятно, будут для тебя совершенно неожиданными, может быть, даже заставят тебя недоуменно пожать плечами. А состоят они в следующем.

Рассуждаю ли я об обществе, о мире, даже о космосе — когда я пытаюсь представить себе объект своих раздумий, в качестве модели я всегда использую структурную модель милой моей душе деревни. Этот свой тезис я никак не объясняю, но если бы ты прочитал написанные мною в юности произведения, события в которых разворачиваются в деревушке у подножия гор, ты бы легко убедился в правомерности такого моего подхода. Я стал сознательно смотреть на родную деревню, как на модель, отражающую структуру всего окружающего мира, пожалуй, с тех пор, как почувствовал, что юность уже позади. Стало быть, задолго до полного осознания этого была во мне глубинная сила, которая вела мое перо и побудила меня с помощью слов выразить в этих ранних произведениях свой взгляд на милую сердцу деревню, как на модель мироздания.

Так получается, мой юный друг, что под впечатлением книг Дефо, Турнье, Янагиды я в этом письме не столько беседую с тобой, представителем молодого поколения, сколько односторонне толкую о себе, о своем внутреннем мире. Как бы то ни было, мы с тобой представляем разные поколения, и во мне нет уверенности, что ты положительно воспримешь это мое писание, тем более что, кажется, пишу я его не теми словами... Вот, например, вполне ли ты понимаешь, что в системе взглядов Янагиды значит милая сердцу деревня? Вряд ли, даже если ты и не горожанин. Живет ли в душах нынешних двадцатилетних, в том числе и у деревенских по рождению, такое же, как у моего поколения, теплое чувство к деревне? Я лично в этом очень сомневаюсь. Да и вообще мое письмо вылилось в форму монолога пожилого человека, и это является не следствием того, что ты, мой юный друг, — обобщенный адресат, а следствием моих собственных колебаний.

И все же, отдавая себе в этом отчет, мне хочется поделиться с тобой своим личным опытом. В таком плане буду продолжать это письмо, тем более что тебе и в самом деле вряд ли известно, что такое милая сердцу деревня.

Видишь ли, мой юный друг, я оттого так много говорил тебе о милой сердцу деревне, что она очень конкретно присутствует в моей душе, что, о чем бы я ни думал, она для меня изначальная модель, опора, база мировосприятия. Вполне веро-

ятно, знакомясь с моими воззрениями на этот счет, сам ты и не станешь раздумывать о значении для тебя милой твоему сердцу деревни. Поэтому мне здесь хочется всего лишь пояснить тебе, какой смысл я вкладываю в это словосочетание, обратить твое внимание на устремленность моей души, моего сердца. Ежели тебе чувство любви к родной деревне совершенно неведомо, мне хочется все же пробудить и укрепить в твоей душе целеустремленное желание заполнить этот вакуум. Вот чего я хочу, не более того. Но для этого мы с тобой должны вести речь в одной плоскости, не так ли?

Таким образом, мне видится существенно важной устремленность души и помыслов к милой сердцу деревне или заполнение вакуума, если оное чувство отсутствует. Но надо иметь в виду при этом, что объект наших устремлений — нечто цельное, обладающее своей структурой, конкретными частностями; сила воображения представляет возможность создать его в душе. В моей жизни устремленность к милой сердцу деревне стала тем, что определяет мой внутренний мир, динамизм души, эмоций и деяний, тем, что дает силы жить.

Что, мой друг, ты можешь сказать мне в ответ? Попробую угадать. Наверное, ты можешь ответить так: «Я не нахожу в себе того, что вы называете милой сердцу деревней. Занимает ли ее место взрастившее меня «сообщество»? Не уверен, хотя знаю, что, по Эриксону, «сообщество» призвано помочь мне отыскать ключ к идентификации, самоотожествлению. Если бы во мне заговорило «сообщество» или если бы душа упорно стремилась к тому, о чем вы говорите, я должен был бы признать, что идентификация свершилась. Но я томлюсь от душевного оцепенения именно потому, что во мне пустота.

Мне, однако, — продолжаешь ты, — хочется сделать первый шаг. Но не искать родную деревню или «сообщество», а, пользуясь космогонической концепцией, хотя бы попытаться своими силами создать искомое. Прежде всего хотелось бы найти линию, которая связывает небо с землей; далее в своей картине мира соединить центр с краями. Затем, насколько хватит сил, наделить частности конкретным содержанием. И только после этого я мог бы сказать: вот он — мир, повелевающий моею душою, эмоциями, поступками и даже телом. Но неужто созданная таким образом космогоническая модель и в самом деле поможет мне в самоотожествлении? Что же все-таки сделать, чтобы душа и помыслы приобрели глубокую привязанность к чему-либо?»

Мой юный друг! Если бы ты, читатель этого письма, оказавшись передо мною, откровенно высказывал свои сомнения, вероятно, в твоём голосе звучала бы неожиданная резкость. Наверняка ты был бы очень резок. В таком случае, чтобы убедить тебя в правомерности своей модели, основу которой составляет понятие милой сердцу деревни, чтобы выиграть спор, мне, писателю, естественно, надлежит вернуться к

своей области — литературе, в русле которой я думаю и чувствую. Тем более что именно в литературе, в литературных произведениях все, о чем я говорю, приобретает ясность и именно литература предоставляет моим мыслям дорогу к другим людям.

А теперь вернемся на круги своя — к Дефо и Турнье. Итак, Дефо своим романом о Робинзоне выстроил, по сути, модель среднего промышленного слоя современной ему Англии. Поместив Робинзона на необитаемом острове в Тихом океане, он дал эту модель в чистом виде. Согласно взглядам Хисао Оцуки, который в свою очередь опирается на концепции Маркса и Вебера, эта модель может считаться научной моделью «хомо экономикуса», принадлежащего к названному выше социальному слою. Но теперь мы понимаем, что изображенный в книге мир Робинзона является в то же время моделью мировоззрения самого Дефо. Именно это подчеркивает Хисао Оцука.

Точно так же книга Турнье о Робинзоне является моделью мировоззрения, мироощущения самого Турнье — абсолютно новой, поскольку, сохранив персонажей и место действия, Турнье поменял Робинзона и Пятницу ролями. Подчеркиваю: это модель совершенно другого мировоззрения и мироощущения, так как совершенно очевидно, что указанные модели характеризуют два контрастирующих типа людей, представленных писателями Дефо и Турнье.

Модель мира, созданная Дефо в повествовании о Робинзоне, а также модель его собственного сознания, безусловно, обладают огромной убеждающей силой. И все же необязательно нам под впечатлением этих убеждений всенепременно шагать в пределах заданной тропинки. И Турнье, проницательнейший читатель, глубоко проникнув в мир Робинзона, своим читательским «я» круто развернул концепцию Дефо, в которой отражено «я» английского писателя, создал новую своеобразную модель мира и своей индивидуальности.

Но в произведении Турнье мощь модели, созданной Дефо, остается, придавая ему динамизм и убедительность. Поводом же для предпринятого Турнье резкого поворота замысла послужил, как я уже отмечал в начале письма, описанный самим Дефо эпизод «игры» Пятницы с медведем.

Мой юный друг! Я писал это письмо, стараясь избежать менторского тона и остаться на позициях литератора; отсюда, возможно, несколько уклончивый характер письма. Отсюда же и необходимость подытожить сказанное — ведь не обязательно твои интересы устремлены в область чистой литературы. В письме я раскрыл свой внутренний мир, а я, писатель, неразрывно связан с литературой.

Как писателю мне всегда хочется, чтобы литературное произведение воспринималось читателем в единстве двух моде-

лей различного уровня — модели мира, созданного автором в его произведении, и личностной модели писателя; хочется, далее, чтобы эта пара моделей привела к возникновению другой пары, то есть чтобы у читателя появилась потребность переосмыслить мир вообще и свой внутренний мир, чтобы при чтении литературного произведения усилила читателя направлялись на осмысление возможно более широкой картины мира и одновременно конкретных ее частных. Хорошая литература заложенной в ней силой побуждает читателя к активной работе души и эмоций. Вспомни, например, что ты чувствовал, читая «Войну и мир», и убедишься, что это действительно так.

При чтении совокупность моделей мира и личности писателя вступает в соединение с совокупностью соответствующих моделей читателя, и, таким образом, литература как вид художественного творчества способствует утверждению в читателе многообразной и убедительной картины мира, а также собственного внутреннего мира.

Этот процесс, кстати говоря, возникает не только под воздействием текстов; в обычной жизни наложение картины мира, созданной другим человеком (а также его внутреннего мира), на двуединство собственных моделей картины мира и личности обогащает жизненный опыт индивидуума. Когда в реальной жизни тебе приходится принимать какое-либо решение, ты делаешь это, совмещая имеющуюся в твоём сознании модель мира с собственной личностной моделью. Хотелось бы утвердить тебя в этом: так и следует жить.

Я не собираюсь давать тебе, мой юный друг, педагогических наставлений (когда подобная мысль закрадывается в голову, меня одолевают сомнения: имею ли я на это право?), но, прожив на этом свете, считаю себя вправе сказать тебе, юному, только одно: при решении проблем, которые ставит перед тобой жизнь, опирайся на собственные силы и руководствуйся принципами, о которых я толковал тебе в этом послании.

Друг мой! Возможно, порой тебе приходится испытывать чувство одиночества; вполне может статься, оно заставит тебя взяться за перо, чтобы написать мне, человеку, которого ты знаешь только по книгам. И тут я вынужден сказать тебе нечто совершенно противоположное тому, что так хочет услышать твоя восприимчивая душа.

Видишь ли, мы все сейчас находимся в плену невероятного многообразия искушений, предлагаемых «сообществом». И слишком часто встречаются трагически опустошенные люди, которые, почувствовав наконец необходимость самоотжествления, при реализации этого своего стремления, наоборот, приходили к полной деформации собственной индивидуальности. Есть такие люди в моем окружении, сообщают о них и средства массовой информации.

В верхах системы лже-«сообщества» часто дает о себе знать пропаганда национализма, поднимают головы ярые сторонники

монархизма, настойчиво пытаюсь повернуть колесо истории вспять. И чтобы отыскать в себе силы для сопротивления, чтобы закалиться для борьбы, мне лично весьма действенной кажется попытка осознать модель сложившейся во мне картины мира и вместе с ней модель моего индивидуального внутреннего мира.

А каково твое отношение, юный друг, к тому, что средства массовой коммуникации в нашей стране привлекают внимание публики к романам молодых писателей и огромное число читателей следуют их призывам?

Моя точка зрения такова. Литературное произведение, художественное слово обладают особой силой, заставляющей читателей воспринимать в совокупности с собственной моделью мира и модель, созданную писателем. По сравнению с различными способами самовыражения, включая и те, что находятся за пределами литературы и искусства вообще, в том числе по сравнению с бессловесными действиями или же с бессловесностью в сочетании с бездеятельностью, такое средство выражения, как литература, наиболее просто позволяет усвоить чужой опыт и взгляд на вещи. И никто — а ровесники молодых писателей в первую очередь — не может устоять перед соблазном прибавить к собственной модели мира чужую модель. Так что, я думаю, интерес к творчеству молодых естествен. Но, признавая это, должен сказать, что, прочитав в последние годы немало произведений молодых писателей — произведений, вызвавших повышенное внимание, — глубокого впечатления, сочувствия или, наоборот, протеста против их модели мира, модели их индивидуальных миров у меня не возникло.

В заключение, мой юный друг, я хотел бы предложить две вещи. Первая. Как было бы интересно, если бы различные специалисты моего возраста ознакомились с созданными сегодняшними молодыми людьми моделями мира вкупе с личностными моделями и, собрав разнообразные данные, проанализировали и классифицировали их! Таким образом мог бы быть создан обобщенный образ нынешней молодежи, на основе которого стало бы возможным предугадать культурные процессы 80-х годов. Подобно тому как неожиданная встреча с медведем вскрыла неведомое прежде во внутреннем мире Пятницы и дополнила его модель, так же объединенные усилия специалистов разных областей дали бы новые методы для изучения мира молодежи.

Вторая. Я хотел бы пробудить в вас, молодых, непреодолимое стремление создать собственную модель мира и модель своего внутреннего мира. Потому что, если в вас не появится такого стремления, все наши, пожилых людей, старания окажутся бесплодными. Мой юный друг, это мое личное к тебе обращение: сделай такую попытку, и наверняка ты найдешь свою, повторю слова Кунио Янагиды, милую сердцу деревню.

ЯПОНЦЫ АТОМНОГО ВЕКА И ИДЕНТИФИКАЦИЯ *

Немало людей сочтут странным появление на этой конференции, собравшей весьма уважаемых ученых из многих стран мира, японского писателя. Я в глубине души согласен с ними. Однако появиться на таком, как ваше, гармоничном, упорядоченном (чуть ли не запрограммированном) собрании и каким-то образом оживить, активизировать его — подобная роль, роль некоего клоуна, по-моему, очень подходит писателю. Если этот странный, случайный человек собирается не поучать, как вам может показаться, а хочет лишь задать несколько вопросов, то его появление здесь ни в коей мере не будет выглядеть неуместным. Разумеется, я не намерен задавать вопросы с целью придания моему выступлению некоей театральности. Я самым серьезным образом надеюсь получить на них ответы от вас, специалистов. Разрешите мне от всей души пожелать успеха вашей конференции.

И все-таки странно, когда на конференции специалистов выступает писатель. Потому странно, что писатель в любом смысле не специалист. А не является ли писатель специалистом слова? Такая великодушная точка зрения возможна. Обычные, повседневные слова писатель доводит до уровня сознания обыкновенных людей, не являющихся специалистами, соединяет, формует их и создает литературное произведение. Если же он будет пользоваться специальными терминами, которыми оперируют специалисты, то перестанет быть писателем.

Я бы хотел напомнить, что в связи с войной во Вьетнаме (если мне скажут, что война во Вьетнаме — дело прошлого, что обстановка в Индокитае изменилась и это сталкивает нас с проблемами, разрешить которые логикой анализа вьетнамской войны невозможно, я отвечу, что писатель — человек, всегда помнящий о прошлом, и его отличительная черта — мыслить, исходя из неразрывной связи настоящего с прошлым) была создана группа Джейсона, входящая в Институт оборонных исследований, связанный с министерством обороны Соединен-

ных Штатов. Эта группа ученых, среди которых были и лауреаты Нобелевской премии, разрабатывала планы превращения Вьетнама в автоматизированный, электронизированный театр военных действий. Протестуя против создания группы Джейсона, общественная организация университета Беркли в Калифорнии — Ученые и инженеры за социальные и политические действия — выпустила специальную брошюру. Она дошла и до меня, японского писателя. Члены этой организации называли себя посторонними, а тех, кто входил в группу Джейсона, — посвященными. Это произвело на меня огромное впечатление. Они писали: когда мы пытаемся дискутировать с посвященными или даже просто хотим задавать им вопросы, они решительно отказываются иметь с нами дело как с посторонними, которым неизвестны факты. Но именно потому, что мы посторонние, мы обязаны от имени простых людей задавать и задавать вопросы посвященным, связанным с теми, кто принимает в нашей стране политические решения на высшем уровне, имеющими доступ к секретной информации правительственных учреждений. Я считаю, что в этом смысле и писатели также являются посторонними, которые должны постоянно задавать вопросы посвященным. Разумеется, большая часть народа принадлежит к посторонним, а его судьба находится в руках посвященных.

Писатель, конечно, любых специалистов считает посвященными или людьми, которые имеют возможность в какой-то момент стать посвященными, — именно так, вероятно, писатель без конца утверждает себя в качестве постороннего. Он чем-то напоминает придворного шута. Спрашивать, критиковать, высмеивать власть и все связанное с ней, потому что ты посторонний. В ответ и тебя высмеивают — я как писатель готов и впредь брать на себя роль шута.

Я говорю «власть и все связанное с ней», но, когда я употребляю слово «власть», мне слышатся слова «ядерная власть». В словах «ядерная власть» я улавливаю особое значение, которое вкладывал в них хиросимский журналист Тосихиро Канаи *. Сам он не был жертвой атомной бомбардировки, но посвятил свою жизнь разоблачению этого преступления и рассказу о создавшейся в мире ядерной ситуации (которая, кстати, с каждым днем, с каждым мгновением становится все хуже). Он умер от рака, и сейчас людей пытаются заставить забыть то новое значение, которое он придал словам «ядерная власть». Однако роль писателя в том и состоит, чтобы в памяти народа сохранились слова в том значении, которое придал им умерший. Канаи исходил из того, что тактическая мощь ядерного оружия широкоизвестна, а вот человеческая трагедия, с которой связано ядерное оружие, неизвестна, и поэтому рассказывал правду о том, что произошло в Хиросиме, называя жертв атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки страдальцами ядерного века, рассказывал о людях, пострадавших от ядерных испытаний в районе Тихого океана, размышлял о жертвах

атомной бомбардировки, будь то в результате будущей атомной войны или мирного использования ядерной энергии. Первыми в ряду бесчисленных ядерных страдальцев, которые возможно появятся на земном шаре, он называет жертвы атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Канаи подразделяет человечество на крохотную группку «ядерной власти» и заложников ядерного запугивания. Вот почему определение, которое я дал себе — японскому писателю, играющему роль всесветного шута «ядерной власти», имеет, мне кажется, совершенно ясный смысл.

Высмеивая всех и вся, и себя в том числе, шут стремится в конечном итоге соотнести сказанное с властью. Однако в условиях «ядерной власти» писатель не столько высмеивает, сколько издаёт отчаянные вопли, крики ужаса. В условиях господства «ядерной власти» мы, заложники, лишенные возможности укрыться в таком месте, где бы нам была гарантирована безопасность (поскольку с каждым днем все реальнее становится угроза уничтожения земного шара в результате ядерного взрыва), оказываемся в положении орудия и одновременно жертв ядерного устрашения, и наш голос протеста против подобного положения неизбежно становится похож на жалобный вопль. Поэтому писатель, который не имеет другого средства самовыражения, кроме слова, который сегодня является заложником ядерного устрашения, а завтра, возможно, станет ядерным страдальцем, который считает себя посторонним по отношению к «ядерной власти», неспособен на что-либо иное, кроме жалобных воплей и криков отчаяния. И дело не в том, что такому писателю недостает человеческого достоинства; он просто неспособен ни на что другое и в конечном счете является таким же заложником ядерного устрашения, как и прочие посторонние, которые прикидываются посвященными, способными якобы воздействовать на ядерную ситуацию и таким образом пытаются вселить в заложников «ядерной власти» призрачную надежду идентифицировать себя с этой властью...

Я говорю о тех, кто, будучи заложником, находящимся вне «ядерной власти», игнорируется ею и является ее добровольным пропагандистом, о тех, кто утешает заложников и даже пытается придать их тревоге агрессивный характер. (В конечном итоге о тех, кто пытается заставить заложников обратиться к «ядерной власти», которая стремится уничтожить не только их самих, но и все человечество, со словами: «Мы признаем, что ты, «ядерная власть», наш господин, мы с тобой, мы твои верные подданные», — то есть заставить их сказать: именно ты, убивающая нас с помощью ядерного оружия, это и есть мы.) Подобное явление стало в настоящее время характерным для нашей страны. Об этом и говорил Канаи — те, кто находится на службе «ядерной власти», кричат во весь голос лишь о мощи ядерного оружия и ни словом не обмолвятся о трагедии, которую оно несет человечеству.

Наша страна невелика: на Синкансэн¹ из любого района Японии можно доехать до Хиросимы меньше чем за два дня, а от Осаки вообще за несколько часов; в любом провинциальном городке можно встретить, хотя, может быть, и не так уж много, жертв атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. И пусть говорят, что проблемы ядерного оружия обсуждаются на стратегическом уровне, что речь якобы не идет о ядерном вооружении Японии или позитивном отношении к размещению здесь американского ядерного оружия, — такие люди не задумываются о том, что наши острова станут объектом ядерного удара, или по меньшей мере не делают эту проблему предметом серьезной дискуссии. Вот почему роль писателя, издающего жалобный вопль в условиях господства «ядерной власти», не так уж мала.

Писатель обязан с помощью слов выразить свой ужас и отчаяние — это моя позитивная программа. Писатель является посторонним по отношению к власти, в том числе и «ядерной власти», не прибегает к мудреным словам, употребляемым в специальных областях, нет, он с помощью самых обычных, повседневных слов пишет так, чтобы прозвучал крик ужаса, отчаянный вопль. Он как всесветский шут говорит о трагедии, которую несет человечеству ядерное оружие. Почему писатель обязан это делать? Потому что писатель с помощью слов творит модель своего времени и стремится к тому, чтобы она получила распространение. Рассматривая работу писателя как создание с помощью слов модели своего времени, мы обнаруживаем в ней ряд специфических свойств.

Южнокорейский поэт Ким Чжи Ха* в период правления диктатора Пак Чон Хи* был брошен в тюрьму и приговорен за критику правительства к смертной казни, замененной впоследствии пожизненным тюремным заключением; он до сих пор томится в неволе. В его тюремных записках есть замысел баллады «Чан Ир Там». В модели времени, созданной Ким Чжи Ха в условиях полного подавления демократии, да к тому же еще в тюрьме, естественно, слышится крик ужаса, отчаянный вопль в адрес диктаторского режима и вместе с тем перед нами возникает послание, преодолевающее все преграды.

Герой баллады Чан Ир Там — сын обитателя поселка париев и проститутки. Он бежит из тюрьмы, куда угодил за воровство, попадает в притон и высказывает мысли, почерпнутые им в тюрьме. Он заявляет, что создал собственную религию. «Подожвы ног — небеса. Местожительство богов — бездна». Проповедуя эту веру, он, предводительствуя собранными им верующими из низших слоев общества, возглавляет марш нищих на город зла Сеул. Герои баллады были обезглавлены на основе закона о борьбе с коммунизмом, закона о государственной безопасности и закона о мятеже — то есть на основе реально существующих законов, с помощью которых репрессировались южнокорейские

¹ Синкансэн — скоростная железная дорога (яп.).

демократы. Когда Чан Ир Тама вели на казнь, он пел песню о рисе, о котором мечтают труженики и найти который они могут только на небесах. Через три дня после казни голова Чан Ир Тама ожила и вновь приросла к его телу. И голос, поющий песню о рисе, вновь слышен во всех уголках Южной Кореи.

Когда писатель и его народ поставлены в невыносимые условия, модель современности, созданная писателем, если она базируется на истинно народном фундаменте, будет звучать, как крик ужаса и отчаяния, но одновременно выразит и надежду на лучшее будущее, преодолевающую эти нечеловеческие гибельные условия. В создании именно такой модели современности я и вижу роль писателя сегодня.

На этой конференции мне, одному из японских писателей, хотелось бы рассказать вам, специалистам, оснащенным самыми разнообразными знаниями для перестройки нынешнего мира, о моем понимании модели нашего времени. Хотя я не столь оптимистичен, чтобы верить, будто предлагаемая мною модель, преобразованная в реалистически эффективные слова и методы специалистов, будет претворена в жизнь.

Я уже говорил, что писатель создает с помощью слов модель своего времени. Он стремится к тому, чтобы ставшие привычными, механически воспринимаемые нами явления вновь возникли в его сознании, вызвали у него чувство протеста — тогда он сумеет по-новому взглянуть на мир и передать свои ощущения читателю. Метод, который русские формалисты называли «остранением»*, с моей точки зрения, главное в работе писателя. В своей работе писатель, разумеется, опирается и на силу воображения, то есть, максимально используя собственное воображение, он стремится вызвать его у других. Воображение — это способность воссоздать образ мира, каким мы его себе представляем, и творить новый его облик.

Если задуматься над ценностями японцев, над их идентификацией в сфере культуры, и рассмотреть их предложенным мной писательским методом, то обнаружится, что в нашей истории были периоды, когда ценности, идентификация в сфере культуры, которые в глазах японцев представляли как нечто привычное, в условиях общественного кризиса начинали восприниматься по-новому, превращались в объект неприятия. В новое время таких кризисов было два — реставрация Мэйдзи 1867 года*, ставшая исходным пунктом обновления страны, и поражение в тихоокеанской войне в 1945 году, явившееся конечной точкой этого обновления. Эти события коренным образом изменили прежние представления о Японии и японцах и породили новые представления, когда ценности японцев и их идентификация в сфере культуры выявились с поразительной четкостью. Я вновь говорю о значении двух этих периодов, и, думаю, мои слова будут восприняты как нечто само собой

разумеющееся не только специалистами нашей страны, но и зарубежными, присутствующими на конференции. Сравнивая эти важнейшие переломные моменты в жизни нашей страны со столь же серьезнейшим переломным моментом, переживаемым нами сегодня, можно будет выработать новые, более достоверные и многосторонние представления о Японии и японцах. Сейчас, как мне представляется, в так называемый третий переломный момент, в нашем сознании с помощью метода «остранения» должно возникнуть новое представление о Японии и японцах, об их ценностях и культурной идентификации.

Каковы же представления о Японии и японцах, которые всплыли на поверхность в результате поражения в тихоокеанской войне? Это прежде всего тупик, в который зашла модернизация страны в связи с тем, что в центре политической системы и одновременно культуры находился император. Отбрасывалось, перечеркивалось все, что родилось не в центре, все, так сказать, периферийное. Плоды подобных искажений и деформации еще с периода реставрации Мэйдзи можно было ясно наблюдать не столько в Токио — центре страны, сколько в таких окраинных периферийных районах, как Окинава и Корея, которая была аннексирована империалистической Японией в процессе модернизации страны. И вот мы снова становимся свидетелями подобного явления благодаря тому, что и сегодня Япония непосредственно участвует в подавлении демократического движения в Южной Корее. Окинава, в прошлом Ликейское королевство, даже своим языком всегда была так или иначе связана с японской культурой, но все же она имела и свою самобытную культуру, опирающуюся на особые космогонические представления. Правда, лишь небольшое число ученых, исследуя эту самобытную культуру, попытались показать в новом свете национальную культуру собственно Японии. Большинство же без всяких возражений принимало точку зрения, согласно которой считалось вполне естественным включение Окинавы в политическую систему Великой японской империи, подавление культуры острова, имевшей многовековую историю, унифицирование ее с культурой собственно Японии. Классическим примером может служить запрещение пользоваться в школах окинавским диалектом. В конце тихоокеанской войны на Окинаве, ставшей полем боя, погибло большое число мирных жителей, и, хотя они по своим культурным традициям принадлежали к Ликейскому королевству, к традициям, уходившим корнями в глубокую древность, в которой не было места японскому императору, именно они, как ни странно, отказавшись капитулировать, проявили гораздо большую преданность ему, чем жители собственно Японии.

Что же случилось с Окинавой после поражения Японии в тихоокеанской войне? Жители острова на основе Сан-Францисского мирного договора* были отрезаны от собственно Японии, заключившей сепаратный мир с союзными державами,

и долгие годы находились под властью американской армии. Население Окинавы, вынужденное оказывать ненасильственное сопротивление американской военной администрации, единственным «демократическим» принципом которой была сила оружия, гораздо глубже восприняло возникшие в собственно Японии мирные идеи послевоенной конституции, демократии, прав человека; поэтому окинавский народ критически относился к распространившейся в собственно Японии после получения независимости тенденции сомневаться в послевоенной политической системе. На Окинаве еще в условиях правления американской военной администрации начались интенсивные исследования местных самобытных культурных традиций, идущих со времен Ликейского королевства; эти исследования могут быть положены в основу критики культуры, которая ставит во главу угла императорскую систему в собственно Японии. Ученые, которые в поисках корней японской культуры углубляются как в национальную культуру собственно Японии, так и в культуру периферии и отказываются видеть центр культуры в императорской системе, другими словами, те, кто находит источник новых жизненных сил в культуре японских окраин, могут почерпнуть многое для себя в этих исследованиях. Однако теперь, когда Окинава вернулась под суверенитет Японии, вновь усиливается тенденция представлять императорскую систему как абсолютный центр культуры, и влияние этой тенденции чувствуется и на Окинаве.

Второе, на чем я хотел бы остановиться, говоря о представлениях о Японии и японцах, выявленных поражением в тихоокеанской войне и осмысленных методом «остранения», это искажение и деформация истинного облика Японии и японцев в Азии, вызванные обращением Японии к цивилизациям Европы и Америки. Так называемая нанкинская резня*, устроенная японской армией в самый разгар агрессии в Китае, может служить классическим доказательством искажений и деформации в выборе направления модернизации: главное внимание было уделено цивилизации Европы и Америки, а все азиатское решительно отвергалось. Правые силы Японии резко отрицательно относятся к разоблачениям в сегодняшнем Китае зверств японцев и столь же нетерпимы к критике табу в отношении императорской системы, потому что в «нанкинской резне» выявился один из просчетов избранного нами направления модернизации. Она продемонстрировала отвратительный облик японцев, приобретенный ими в ходе модернизации. Подобная позиция правых в отношении нанкинских зверств — пропаганда патриотизма наизнанку — сама по себе вполне объяснима; правые отлично понимают, что они и есть те самые японцы с отвратительным обликом, и разоблачения зверств мешают им возродить тот патриотизм и ту Японию, какими они хотели бы их видеть.

Западная цивилизация была главным направлением модер-

низации страны; об этом свидетельствует среди прочего статья «Идея преодоления Азии», заложившая идейную основу модернизации после реставрации Мэйдзи. Ее основная мысль состояла в том, чтобы вырвать из Азии Японию и японцев, страну и народ, принадлежащие Азии. Крайним выражением этой концепции была агрессия против соседних азиатских стран. Поражение в тихоокеанской войне явилось конечной точкой этого катастрофического пути. С помощью «остранения» становится очевидным нелепое положение Японии и японцев, оказавшихся в Азии одинокими, окруженными враждой. Однако с помощью воображения можно нарисовать себе картину истинного умиротворения Азии, всех ее народов, представить себе будущую Японию, действительно находящуюся в Азии. Увы, сегодня, через тридцать пять лет после войны, политика Японии в отношении Азии отнюдь не состоит в том, чтобы реализовать нарисованную воображением картину будущего. Захват источников сырья, эксплуатация рабочей силы в странах Юго-Восточной Азии, экспорт туда загрязнения окружающей среды, многочисленные туристские поездки в эти страны из Японии — здесь как будто все ясно, но когда я вдумываюсь в сущность отношений между Японией и Азией, ну хотя бы как складываются отношения Японии с Китаем, для нее особенно важные, каково их нынешнее состояние, то вынужден констатировать, что они не развиваются естественно, а ведь Япония должна была после поражения в 1945 году коренным образом пересмотреть их. В позиции, занятой сейчас японским правительством и руководящими деятелями финансовых кругов в отношении диктаторского режима Южной Кореи и подавления там демократического движения, легко обнаружить прямую связь с тем, что мы наблюдали в период аннексии Корейского полуострова империалистической Японией и, наоборот, трудно обнаружить то, что представляется нам желательным в отношениях между Японией и Кореей, имея в виду поражение Японии и обретение Кореей независимости.

И, наконец, еще одна грань облика Японии и японцев, выявленная методом «остранения», то есть благодаря поражению в тихоокеанской войне. Наши мысли о будущем меняются, когда страна оказывается на грани гибели. Классический пример — уничтожение атомной бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки и перестройка наших представлений, вызванная этим фактом. Как понята нами истинная сущность Японии и японцев путем «остранения», то есть через трагедию атомной бомбардировки? Перспектива гибели человечества в связи с появлением ядерного оружия стала реальностью. Человечество выживет только в том случае, если преисполнится решимости выжить и будет действовать. Я думаю, что именно эти мысли лежат в основе представлений японцев о будущем ядерной эпохи и их действий в послевоенное время. Можно утверждать, что эти мысли, а также статья нашей конституции, провозглашающая

отказ от войны, стимулировали решимость японцев по-новому увидеть свое будущее.

Какова была наша концепция будущего страны, нашего собственного будущего в связи с трагедией атомной бомбардировки в момент поражения в тихоокеанской войне? Если сейчас, через тридцать пять лет, посмотреть на прямо противоположные этой концепции дискуссии, разворачивающиеся в Японии по поводу ядерной обстановки, нам станет еще яснее специфический смысл этой концепции, базирующейся на пережитой нами в 1945 году катастрофе. Один ученый утверждает, что, поскольку Япония — единственная неядерная держава, она имеет право на ядерное вооружение. Политическая организация второго поколения жертв атомной бомбардировки заняла в этом вопросе совершенно определенную позицию: преодолеть такое положение, когда трагедия атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки воспринимается только с точки зрения жертв этой бомбардировки, подумать о том, что атомная бомба была сброшена на Японию, виновную в развязывании агрессивной войны, то есть подумать о трагедии атомной бомбардировки, имея в виду и ответственность за развязанную Японией войну. В этих рассуждениях признается человеческая трагедия атомной бомбардировки, о чем говорил цитировавшийся выше Канаи, но эту трагедию не обменять на нашу будущую ядерную мощь. Другими словами, даже если в наших руках и будет ядерное оружие, трагедия атомной бомбардировки не может быть компенсирована ядерным вооружением нашей страны. Именно из этого исходили японцы, вырабатывая на руинах ядерной катастрофы 1945 года новую концепцию будущего. Она родилась из человеческой трагедии атомной бомбардировки, базируется на противодействии мощи ядерного оружия и в конце концов уничтожит его. Эта сила воображения, опирающаяся на логику сохранения человеческого рода, изначально присуща людям.

Сейчас иногда высказывается мнение, что у Японии для противодействия военной угрозе со стороны Советской России нет иного пути, кроме ядерного вооружения, которое может быть реально осуществлено только путем ввоза в Японию американского атомного оружия. Очевидно, что в подобном утверждении очень слабо выражено осознание человеческой трагедии атомной бомбардировки, единственное оправдание этой концепции — ядерная угроза. Почему же столь ущербная концепция захватила некоторых ученых, гордящихся реалистическим, научным подходом к проблеме ядерного оружия? Дело в том, что они не хотят заставить работать свое воображение, которое подсказало бы им, как очень небольшое число ядерных ракет, сброшенных на Японию, островную страну, сметет ее с лица Земли, и вместо этого говорят о размещении средств противоракетной обороны, имеющей ограниченную эффективность, пытаются отвлечь внимание народа от ожидающей его

катастрофы и питают не на чем не основанную надежду на мощь антиракетной системы американской армии, развернутой в Японии. Приемлема ли такая концепция, особенно среди реалистически мыслящих специалистов? Сомневаясь в этом, мы считаем, что обращенные в будущее представления японского народа, провозгласившего принцип отказа от войны, представления, сложившиеся в результате человеческой трагедии атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, дают гораздо более реалистический выбор. Пережив человеческую трагедию ядерной катастрофы, люди полны решимости не допустить ее повторения нигде на земном шаре. И сейчас, когда речь идет о новой концепции будущего, опирающейся на трагедию атомной бомбардировки, от нас требуется вновь занять принципиальную позицию и претворять свои принципы в жизнь. Как писатель я убежден, что модель нашей эпохи, какой ее представляют глашатаи ядерного вооружения, снова заведет нас в тот же самый тупик модернизации, в котором очутилась Япония в результате поражения в тихоокеанской войне. Если это случится, то японцы снова неизбежно обратятся к национализму, когда помыслы всех будут устремлены к императору, и, окруженные враждой на всем обширном Азиатском континенте, снова подвергнутся разрушительному ядерному нападению. Придется пережить новое поражение, только ядерное нападение уничтожит уже не два провинциальных города — весь Японский архипелаг окажется новыми Хиросимой и Нагасаки. Что ж, Япония — поистине удивительная страна, японцы — поистине удивительный народ — мы должны сказать себе эту горькую истину...

Некий профессор, преподающий во Франции японский язык, писал, что от одной из своих учениц, побывавшей в Японии, он услышал такое мнение: если суждено упасть еще одной ядерной бомбе, то она упадет на головы японцев. Тогда я воспринял эти слова как нелепую детскую сказку: вот, мол, каков психический склад, какова впечатлительность француженки, так воспринявшей действительность, вот, мол, каков психический склад, какова впечатлительность японцев, заставивших ее именно так воспринять действительность. Но через десять лет я начал воспринимать эту сказочку как вполне реальное предсказание. Хотя атомная бомбардировка заставила японцев по-новому представить себе свое будущее, теперь, через тридцать пять лет, снова один за другим появляются факты, свидетельствующие о том, что японцы, кажется, забыли печальный опыт поражения в тихоокеанской войне.

И все же было бы неверно утверждать, что японцы забыли все, что они пережили во время войны, и пошли вспять. В качестве одного из доказательств я бы хотел напомнить о многолетней деятельности Ассоциации жертв атомной бомбар-

дировки Хиросимы и Нагасаки и те идеи, которые лежат в ее основе. В течение тридцати шести лет продолжается движение жертв атомной бомбардировки, они внимательно изучают то, что в действительности несет с собой ядерное оружие. А несет оно всестороннее разрушение человека — жизни, экономики, социального, духовного его существования и в конечном счете уничтожение всего живого на Земле. Именно поэтому они возлагают ответственность за ущерб, причиненный атомной бомбардировкой, на американское и японское правительства. Они требуют, чтобы японское правительство прилагало все усилия ради построения мира без ядерного оружия, мира, не знающего войны, требуют оказания помощи жертвам атомной бомбардировки. Они настаивают на принятии закона о помощи жертвам атомной бомбардировки, и мне бы хотелось процитировать здесь основное положение их требований.

«Японский народ, единственный народ в мире, испытавший на себе атомную бомбардировку, уже много лет единодушно требует запрещения атомного и водородного оружия, он мобилизовал мощное общественное мнение, провозгласившее: «Пусть не повторятся больше Хиросима и Нагасаки». В парламент были внесены резолюции: в 1954 году — о запрещении атомного и водородного оружия, в 1971 году — о трех безъядерных принципах*. Японское правительство, прислушиваясь к голосу общественного мнения, обязано обратиться к миру с призывом о запрещении ядерного оружия. Одновременно внутри страны должны всемерно поддерживаться конкретные меры, направленные на восстановление основных прав человека применительно к жертвам атомной бомбардировки, иными словами — к всестороннему восстановлению все еще попираемого права жертв атомной бомбардировки жить в мире, права на счастливое существование. Это явится не чем иным, как признанием государством колоссального ущерба, причиненного ядерным оружием, ответственности государства как за прошлые, так и за продолжающиеся поныне страдания жертв атомной бомбардировки.

Призыв нашей страны к миру, запрещению ядерного оружия и принятию закона о помощи жертвам атомной бомбардировки представляют собой части единого целого. В этом смысле государство, сознавая свою ответственность перед жертвами атомной бомбардировки и прислушиваясь к голосу народа, обязано добиваться запрещения ядерного оружия и немедленно принять закон о помощи жертвам атомной бомбардировки, основывающийся на духе возмещения ущерба, понесенного гражданами страны».

Как японское правительство, до сих пор игнорировавшее эти требования, реагирует на них сейчас? Как мыслится некий консультативный орган, созданный недавно министром народного благосостояния? Утверждается, что в настоящее время Япония живет в условиях мира и жертвы атомной бомбарди-

ровки стали «опорой мира», что государство должно быть предельно чутким к страданиям жертв атомной бомбардировки, являющихся «опорой мира». Таким образом предпринимается попытка уйти от существенной проблемы, содержащейся в цитировавшемся выше требовании жертв атомной бомбардировки — возложить ответственность за ущерб, причиненный атомной бомбардировкой, на американское и японское правительства. Другая существенная проблема — построение мира без ядерного оружия, мира, не знающего войны. Находятся люди, которые утверждают, что, поскольку в настоящее время Япония живет в условиях мира, идеи жертв атомной бомбардировки, обращенные в будущее, лишены смысла. Таким образом, полностью обнажилось противоречие между теми, кто до сих пор сохранил представление о ядерной ситуации, существовавшее во время поражения в тихоокеанской войне, и, пытается распространить свои идеи на будущее, и теми, кто пытается перечеркнуть опыт поражения в тихоокеанской войне и прибегнуть к реакционным мерам в отношении идей, возникших благодаря опыту поражения.

Говоря о специфических особенностях нашей культурной идентификации как культурного явления в национальном масштабе, приведу в качестве примера период между 1930 годом и тихоокеанской войной. Тогда эта идентификация приняла форму обращенного в прошлое, консервативного культурного самоанализа. Это был период, когда модернизация, образцом для которой служили Европа и Америка, зашла в тупик и Япония развязала агрессивную войну в Азии, представлявшую собой отчаянную попытку выйти из тупика, и тогда, чтобы внутри страны создать обстановку, необходимую для ведения войны, было развернуто движение, направленное на подавление свободы слова, которое можно назвать японизмом. Идеологическое движение, именовавшееся «преодолением современности», решительно порвало с модернизацией европейского образца и, снова став чисто японским, занялось выявлением специфических особенностей нашей культурной идентификации. Оно абсолютизировало культуру, концентрировавшуюся вокруг императора, и способствовало дальнейшим искажениям модернизации, начавшейся со времени реставрации Мэйдзи. Японская интеллигенция вместо анализа взаимоотношений с европейской цивилизацией замкнулась в японизме, этом весьма неопределенном, алогичном, узком культурном мирке, что до сих пор оказывает влияние на японскую культуру. Отмечу, что сегодня все более усиливается противоестественная тенденция, которую можно назвать «новым японизмом».

Однако достижение культурной идентификации, как мне представляется, это путь преобразований, обращенный в будущее. Устремленное в будущее сообщество людей, в котором

искренне желаешь участвовать сам и проявить себя в нем как свободный индивид, являющийся важной органической частью этого сообщества, — сама по себе идея претворить это в жизнь уже может рассматриваться как достижение культурной идентификации.

В чем я вижу реальный путь к тому, чтобы японцы как свободные индивиды могли активно участвовать в этом процессе, чтобы они задумались над достижением истинной идентификации, то есть о создании сообщества, о котором я говорил выше? В формировании нами, японцами, представлений о будущем, основанных на трагическом опыте, к которому привела нас модернизация после поражения в тихоокеанской войне. И когда это устремление в будущее сталкивается с опасностью быть перечеркнутым, забытым, появляется необходимость вновь и вновь возвращаться к изучению этого будущего, его углублению, развитию.

Тупик модернизации, избравшей в качестве культурного образца Европу, породил среди нас идею искать будущее нашей культуры в Азии, то есть в нашем собственном регионе. Народная культура, источником которой южнокорейский поэт Ким Чжи Ха считает поэтическое воображение народа, воодушевляет нас на то, чтобы вновь обнаружить в самой японской национальной культуре то, что было утеряно японцами в ходе модернизации. Это гражданское движение, которое хочет противостоять кризису, внести новую, демократическую струю в жизнь нашей страны, солидаризуется с демократическим движением в Южной Корее, важная роль в котором принадлежит поэту Ким Чжи Ха, о котором я только что говорил. Весьма симптоматичен тот факт, что движение солидарности с демократическими силами в Южной Корее, направленное среди прочего и на создание новой азиатской культуры, имеет вполне реальное содержание.

Концепция государства, способного отдать все силы построению мира, в котором будет уничтожено всякое ядерное оружие, то есть концепция будущего Японии, страны, явившейся жертвой атомной бомбардировки, до сих пор жива в движении жертв атомной бомбардировки. Если мы считаем себя сообществом свободных индивидов, мы обязаны требовать принятия закона о помощи жертвам атомной бомбардировки. Движение за принятие этого закона, развернутое крохотной организацией жертв атомной бомбардировки и направленное к великой цели полного уничтожения ядерного оружия во всем мире, должно стать концепцией будущего японцев.

В заключение я хотел бы прочесть выдержку из последнего произведения, оставленного как некое завещание писателем Тамики Харой, который пережил атомную бомбардировку Хиросимы и, выжив, отдавал все силы рассказу о положении

жертв атомной бомбардировки, а потом, через пять лет, когда появились сообщения о том, что в корейской войне возможно новое использование ядерного оружия, покончил с собой. Мы, японцы, сами, заставили Тамики Хару покончить с собой и до сих пор не построили страны, которая годилась бы для его воскрешения, хотя бы в нашем сознании.

«Я задремал, и вдруг моя голова взорвалась, точно пораженная мощным электрическим разрядом. Все тело парализовано, а потом, потом — мертвая тишина. Я приоткрываю глаза и начинаю ощупывать себя. Как будто никаких повреждений нет. Откуда же это свалилось на меня? Я и сам не могу как следует понять... Неужели бесчисленные дела, не совершенные мной на этом свете, взорвутся, так и оставшись во мне? Или, может быть, воспоминания утра атомной бомбардировки теперь снова нахлынут на меня? Не знаю. Я думаю, что во время хиросимской трагедии мой дух не пострадал. Но меня преследует мысль, что испытанное мной тогда потрясение когда-нибудь приведет меня, как и другие жертвы атомной бомбардировки, к безумию.

Лежа в постели без сна, я вдруг представляю себе земной шар. Ночной холод пробирается в мою постель. Мое тело, мое существо, мое нутро — почему я весь так промерз? Я взываю к земному шару, давшему мне жизнь. И тогда облик земного шара медленно возникает передо мной. Печальный земной шар, промерзшая почва. Но это еще неведомый мне земной шар через тысячи миллиардов лет. Перед моими глазами мрачной глыбой возникает еще один земной шар. В его ядре водоворотом крутится ярко-красный сгусток огня. Что может существовать в этом пылающем горне? Может быть, еще не открытая материя или неведомая тайна и они смешаны там в одно целое? Каким станет мир, когда они выплеснутся на земную поверхность? Все люди мечтают о подземных убежищах, они смотрят в будущее, не зная, что их ждет — гибель или спасение...»

ОРЕЛ НА КРАЮ ВСЕЛЕННОЙ

РЕЦЕНЗИЯ НА НЕНАПИСАННЫЙ РОМАН

Год назад скончался мой друг еще со студенческих времен. Он редактировал литературный журнал и был широкоизвестен в журналистских кругах не только Японии, но и за рубежом. (Достаточно упомянуть, что «Нувель обсерватор» посвятил воспоминаниям о нем специальный номер.) Так вот, оказывается, он задумал сочинить большой роман, но держал это в тайне от друзей и знакомых, которых у него было великое множество. Вдова покойного рассказывала, что еще задолго до смерти он, будто случайно вспомнив, поделился с ней своими планами, но она старалась не вникать в интеллектуальную жизнь мужа, и этот его замысел, видимо, тоже не восприняла всерьез. Поэтому в своих предположениях я могу опереться лишь на отрывочные сведения о замысле романа, о котором мой друг в полусутоливой форме рассказал жене. Вот они.

На краю вселенной живет огромный орел. Бывают мгновения, когда он взмахивает крылами, и шум этих крыльев проникает в душу главного героя, живущего в земном городе, по-видимому в Токио, вызывая в нем определенные чувства, мысли и побуждая к действиям. Итак, с одной стороны, обыкновенный человек живет своей обыденной жизнью, а с другой — общается уже в космическом масштабе с огромным орлом. Причем время от времени то и другое переплетается.

После кончины друга, в его кабинете, уставленном шкафами с книгами, которые содержались в идеальном порядке, я заметил деревянного орла, показавшегося мне здесь неуместным. Его голова и туловище лоснились от многократных прикосновений ладоней. Деревянный орел сразу придал достоверность рассказам вдовы.

Однажды я пришел в больницу проведать друга. Он был чем-то встревожен и буквально места себе не находил. Жена сердито повторяла, чтобы он успокоился, иначе из-за резких движений могут лопнуть сосуды. Он не внял советам жены и скончался от кровоизлияния в мозг. В дни, предшествовавшие смерти, он лежал на больничной койке, говорил со мной, медленно подбирая слова, и почему-то улыбался. Я смотрел в его удивительно прозрачные глаза, сиявшие каким-то внутренним светом, и чувствовал, что говорить-то нам следовало о

другом, более существенном, касающемся жизни и смерти.

Рисовался ли в тот момент в мозгу умиравшего друга замысел романа о взмахивающем крылами огромном орле на краю вселенной? В мозгу, где чудом сохранялось равновесие, способное в любой момент необратимо нарушиться? Вспоминая те дни, я всякий раз испытываю невыразимое страдание. И в то же время в замысле ненаписанного романа, в образе современного человека, для которого во взмахах крыльев огромного орла на краю вселенной заключена неизъяснимая притягательная сила, я всякий раз по-новому вижу моего друга. Ведь если говорить откровенно, то мне и самому казалось, что таким должен быть замысел романа. И я мечтал именно о таком романе, с тоской и завистью сознавая, что он слишком возвышен и недостижим для меня. Наверно, мой друг и был тем современным человеком, ощущавшим взмахи крыльев огромного орла на краю вселенной...

Мой друг при жизни никому не рассказывал, что его предки были синтоистскими священниками в храме Кагосима. Правда, когда после революции Мэйдзи буддистская и синтоистская службы отделились друг от друга, его предки покинули кагосимский храм, но все же факт остается фактом: мой друг происходил из священнослужителей. Кстати, он глубоко интересовался проблемами истории культуры и немало сделал, чтобы познакомить широкие слои читателей с выдающимися учеными в этой области. В молодости он перевел на японский язык некоторые статьи Леви-Строса и, само собой, не мог не заинтересоваться интерпретацией Авехантом* структуралистских картин «Намадзуэ»*. Авехант, считавший главной темой картин «Намадзуэ», широко распространившихся после землетрясения в годы Ансэй (1854—1860), войну между кагосимскими богами грома и воды и мифическими сомами, заставил моего друга заново осознать свою связь с давними предками — священниками синтоистских храмов Кагосимы.

А если это так, то вполне правомерно предположить, что универсальный образ огромного орла, взмахивающего крылами на краю вселенной, укоренился в сознании друга благодаря также и личным обстоятельствам, то есть потому, что он осознал себя потомком синтоистских священнослужителей. Человека, живущего в современном городе, воодушевляют взмахи крыльев огромного орла — такова широкомасштабная пространственно-временная композиция, где элемент пространства — вселенная, а элемент времени — синтоизм, то есть религия, уходящая в древность, в эпоху божеств грома и воды. Разве это не вполне законченный и ясно очерченный замысел романа?

Итак, все начинается с продумывания автором замысла. Если следовать моей теории романа, побудительным мотивом для общей композиции может послужить даже самая незначительная частность. (Правда, я не стану утверждать, будто не могу увлечься иным типом романа, но как читателю и писателю мне

ближе именно тот тип романа, основные черты которого я попытаюсь сформулировать ниже.) Если говорить о композиции романа, который замыслил мой друг, то побудительным мотивом мог послужить даже деревянный орел — жалкая поделка, которую не назовешь ни предметом народного промысла, ни тем более произведением искусства. Или просто само слово «орел». Не исключено также, что первоначальным толчком стал образ орла, почерпнутый моим другом у Сола Беллоу* или у Стендаля, которого он так любил. А может, друга привлек динамизм, заложенный в словах «взмах крыльев»? Короче говоря, побудительным мотивом мог послужить совершенно незначительный факт либо несколько подобных фактов.

Далее следует определить место мелких частностей в общей структуре замысла. Две или более частности — в том числе и разнонаправленные, — соединенные вместе, создают композиционные элементы, каждый из которых становится неотъемлемой частью замысла в целом. Затем автор приступает к наращиванию этих элементов. Когда я читаю художественное произведение, созданное таким методом, я вижу в нем тип романа, который близок мне как писателю. Причем наиболее предпочтительным я считаю замысел, который в конечном счете обретает космические масштабы, космическое звучание. Замысел романа, который намеревался написать мой друг, имел космический характер, о чем несомненно свидетельствует центральный космический образ взмахивающего крылами огромного орла на краю вселенной. Однако роман, в центре которого находится космический образ, пожалуй, не столь уж привычен для литературы Японии. Должно быть, в этом одна из причин, почему мой Друг, давно продумав роман композиционно, все никак не решился приступить к его написанию.

Побудительным мотивом для введения космического образа в композицию так и ненаписанного романа, видимо, послужило то, что мой друг благодаря своей родословной с детских лет как бы ощущал связь с древними богами (в конце войны он эвакуировался в провинцию и жил в храме Инари в Касама, где старейшина их рода был священником). Не последнюю роль, наверно, сыграл и деревянный орел, которого он каждодневно видел в своем кабинете.

Но непосредственным толчком к его раздумьям о введении в роман космического образа послужила латиноамериканская литература, с которой он познакомился в переводах на французский язык. И это понятно, ибо латиноамериканская литература, при всей ее ситуационной и национальной специфике, изобилует космическими сюжетами и образами, которые имеют универсальный характер. В каждой мелкой детали, обнаруживаемой путем реальных наблюдений, эта литература открывает элементы космического и путем их многократного умножения создает в романе в целом модель космического видения писателя.

Но чем сильнее воздействовала на моего друга латиноамери-

канская литература, тем более сложной, по-видимому, казалась ему попытка воплотить в романе свое ощущение космического образа, перенесенного на современную японскую почву. На меня, как и на моего друга, латиноамериканская литература оказала сильное влияние. Но всякий раз, когда, воодушевляемый ею, я пытался создать свою модель космического видения в романе, основанном на японской специфике, я сталкивался с колоссальными трудностями. Вот почему я как писатель — современник моего друга вполне способен представить, с какими трудностями столкнулся он. Как перенести космический образ с композиционного уровня на уровень деталей романа? Для этого следует воспользоваться системой традиционных национальных образов. Именно такой метод эффективно использовали писатели Латинской Америки.

В наших национальных традициях тоже нетрудно отыскать космические образы. В частности, их немало в японских мифах. Кунио Янагида * показал, что, помимо единого потока тэнноистско-синтоистской культуры *, существует целая система многообразных народных традиций, которая может послужить источником для введения космических образов в нашу литературу. Можно воспользоваться и таким путем: сравнивая с нашими мифами и национальными традициями мифические личности, предметы и деяния, которые историки человеческой культуры открывают и обобщают в культурах различных стран, преобразовывать их в классические образцы космического и как бы заново вводить их в нашу литературу. Пример тому — непревзойденный мастер всевозможных проделок бог Сусаноо и образ космического дерева, который нередко встречается в народных сказаниях. Мой друг, к примеру, мог вполне сопоставить своего орла на краю вселенной с золотым коршуном одного из мифов тенноистской культуры, силой воображения столкнуть их в схватке, которая приносит орлу победу.

Для нас космический образ — это прежде всего образ безграничного пространства, которое мы видим глазами существующего в нем отдельного живого существа. Следовательно, каждый рисует в мыслях свой собственный космос. Таким образом, выработав основную структуру пространства и придав ей роль символа, мы через этот процесс можем понять свое космическое пространство и овладеть способом его отображения. Например, в заключительном томе трилогии Фолкнера *, с главным героем Сноупсом, писатель сумел изобразить свою модель космоса, к которой он пришел в конце жизни, в форме понимания пространства невежественным преступником, осуществившим отщепенство, которое он ставил целью своей жизни. Горизонтальную ось этого пространства составляла Земля (Сноупсу представлялось, что именно здесь ютятся такие же, как он, обездоленные и униженные этого мира), вертикальная же ось устремлялась к звездам на небосводе через посредство гикори (одно из космических деревьев), которое у него ассоциировалось с

самыми счастливыми воспоминаниями детства. Так передается восприятие космоса стариком, который осуществил свою месть и теперь ожидает смерти, лежа на этой Земле и обратив взор к звездам.

Я предполагаю, что мой друг воспринял именно эту космическую модель пространства, поскольку в самом замысле его ненаписанного романа — взмахи крыльев огромного орла на краю вселенной слышит человек, ныне живущий на Земле, — рассматриваются в космическом масштабе структурные элементы определенного пространства. Ощущение края вселенной, где живет этот огромный орел, реально существует внутри человека, слышащего взмахи крыльев. Отсюда естественно может возникнуть схема гармонического соответствия между внутренним ощущением этого человека и космосом, включающим то, что находится вне его самого и всех нас. Взмахи крыльев орла выполняют роль посредника между внутренним и внешним космосом. Не избрал ли мой друг именно этот путь, для того чтобы добиться динамичной выразительности романа, основанного на его космической модели?

Следует признать, что наиболее сложным в процессе создания романа является конкретизация космического замысла в отдельных словах, метафорах и образах. Недаром мой друг снова и снова принимался за роман и всякий раз откладывал в сторону перо. День за днем рассказывал он жене о своем замысле, и она видела, как он засиживался в своем кабинете до поздней ночи, не зная, как поступиться к роману. Но если бы он в процессе создания романа обратился ко мне как к пишущему человеку за помощью, смог ли бы я что-либо конкретно посоветовать ему? Скорее всего я поведал бы ему о тех трудностях, которые сам всегда испытывал, принимаясь за новый роман.

И раз это так, то нам с другом следовало бы послушать «Песнь осеннего сада», написанную композитором Такэмицу* в стиле гагаку*, вдвоем изучить, воспользовавшись пояснением самого композитора, каким путем он достиг выразительности космического образа, как композиционно воплотил он в музыке свою космическую модель. После кончины друга эта музыка, записанная на пластинку, и утешала меня, и воодушевляла в моих важнейших начинаниях.

На конверте, в который была вложена пластинка, я прочитал слова Такэмицу:

«В мире нет ничего похожего на оркестр, исполняющий столь специфическую по форме музыку. И не только потому, что музыка гагаку, пришедшая к нам из дали веков, сохраняет специфику и сегодня. Она специфична и даже фантастична. Она создает мир звуков, исполненных неземного очарования, — музыкальные инструменты, отличающиеся высокой тональностью, строго ограниченные функции каждого инструмента, соединение разнородных звуковых оттенков... Гагаку не имеет

ничего общего с характерной для западной музыки идеей гармонии.

В метафизическое звучание сё*, которое напоминает о вечном и бесконечном и находит отклик в человеческой душе, ввинчиваются, словно штопор, звуки со* и бива* и создают временную сферу, совершенно отличную от сё и хитирики*. А гетерогенность звучания духовых инструментов, в особенности как бы плавающее в невесомости звучание хитирики, создает для нас (для человечества) проблему, которую ни в коей мере нельзя считать устаревшей».

Оглядывая оркестр, который Такэмицу расположил на обширной плоскости сцены, тщательно выбрав место для каждого музыканта (в отличие от европейских оркестров здесь музыканты располагаются на значительном расстоянии друг от друга), я вначале прислушался к жесткому, чистому звучанию двух деревянных гонгов, которое сменил бесконечно длящийся звук сё, вертикально взмывавший ввысь от расположенного на горизонтальной плоскости оркестра, и сразу же почувствовал, какова космическая модель Такэмицу.

Мой друг в своем романе, создавая различные образы и отбирая метафоры, фактически облакал в словесную форму то же звучание тринадцатиструнного со или флажолета и, свободно соединяя в единое целое отдельные элементы, пришел к образу огромного орла на краю вселенной, который взмахами своих крыльев воздействует на душу читателя. Эта идея, безусловно, должна и мне дать пищу для размышлений и об уже написанных романах, и о романе, к созданию которого я только собираюсь приступить.

И еще. Когда писатель намеревается создать в романе космический образ, то на стадии, когда замысел настолько уже отработан в конкретных деталях, что вполне может быть реализован, на мой взгляд, возникает еще одно условие, необходимое для современного романа. В наших литературных беседах мой друг высказывал согласие с моей мыслью об этом условии, необходимым для современного романа, поэтому он, по-видимому, не стал бы возражать против моего предостережения, если бы, задумав написать новый роман, обратился ко мне за советом,

«Твой исходный замысел, — сказал бы ему я, — твой образ огромного орла, взмахивающего крылами на краю вселенной, вне всякого сомнения, космический. Безупречна и идея развития сюжета через посредство современного человека, воодушевляемого взмахами крыльев этого орла. Но подумай о том, нужно ли тебе сейчас писать этот роман? Представь: своей рукой ты выводешь слова; жар и тяжелое состояние твое и даже твое болезненное дыхание, безусловно, ощутит читатель. Все было бы в порядке, если бы речь шла о ватакуси сёсэцу* или романе, близком к нему по жанру. Другое дело, когда ты пытаешься создать фантастическое произведение, исходным пунктом кото-

рого является масштабная идея, заложенная в космической композиции. Каким путем можно заставить зазвучать неповторимый голос автора? Насколько убедительным он окажется для читателя? Вот в чем главная проблема! Ты, мой друг, прекрасно понимал ее сложность и потому долгое время не решался приступить к роману. Не правда ли? Значит, следует прежде всего подумать, как написать роман, чтобы читатель смог ощутить одновременно и его космический замысел, и собственное состояние писателя».

С тех пор как мой друг впал в летаргическое состояние, я часто приходил в его палату и молча стоял в уголке, с болью ощущая свою никчемность, свое бессилие хоть как-то помочь ему. Он уже не существовал как личность. И хотя скорая смерть была бы для него избавлением, организм все еще сопротивлялся, и приостановить его функции можно было лишь насильственным путем. А я стоял перед ним и глядел на единственную по-настоящему живую в этой палате вещь — насос, непрерывно подававший воздух в его легкие, чтобы поддержать никому не нужное теперь дыхание, — и со страхом и содроганием думал о неизбежности собственной смерти.

Много позже, когда я вспоминал о часах, проведенных у постели умирающего друга, мне казалось, будто, глядя на него, я читал его роман, который так и не был написан. Если предположить, что мозг моего друга еще работал, то страшный жар, который он испытывал, по-видимому, способствовал обостренному и отчетливому восприятию взмахов крыльев огромного орла на краю вселенной. В его воспоминаниях всплывали, может быть, юношеские грезы о предках, восходящих к кагосимским божествам грома и воды (все мы часто возвращаемся мыслями к своим предкам, когда выходим из юношеского возраста). Любовь, которую в молодости мой друг испытал во Франции, его мысли и чувства по возвращении на родину, наконец, размышления о будущем... Все это, по-видимому, с необыкновенной яркостью всплывало в его мозгу с каждым взмахом крыльев орла на краю вселенной. Разве в мыслях моего друга, противостоявшего неумолимо приближающейся смерти, не мог реализоваться этот роман? И кто бы в тот момент решился ему сказать: твой роман, основанный на космическом замысле, в самом деле велик, масштабен, но он не соответствует ни твоему нынешнему состоянию измученного тяжелейшей болезнью человека, ни жизни, которую ты прожил, ни нынешней ситуации...

Моя попытка написать рецензию на роман умершего друга, на так и не написанный роман, была всего лишь игрой. Но поскольку я сам рассчитываю еще пожить на этом свете и заниматься литературным творчеством, эта попытка-игра была, как мне кажется, полезной, поскольку помогла выработать композицию космического образа для моего нового романа, к созданию которого я собираюсь приступить. Я не намерен

больше гоняться за призраками из романа, который так и не написал мой умерший друг. И все же во время длительной работы над своей новой книгой я надеюсь хотя бы раз услышать в ночи взмахи крыльев огромного орла с далекого края вселенной. И пусть тогда выплывет из тьмы фигура воспарившего на орле друга — улыбающегося и здорового, каким он сохранился в моей памяти в пору нашей молодости.

1981 г.

ЗЕМЛЯ БЫЛА ГОЛУБАЯ

Помню, как, сидя перед телевизором, я слушал сообщение о том, что советский военный летчик Гагарин полетел в космос, и ощутил восхищение и сильный страх. Чувство восхищения было у меня таким же, как и у всех в тот день. Страх же имел отношение к личному миру ощущений.

Одним из самых страшных ночных кошмаров моего детства был сон, в котором меня запускали на маленьком воздушном шаре в бесконечное космическое пространство и я должен был там находиться в течение многих лет — таков был мой долг перед человечеством. И все в этом сне так походило на реальность нынешних космических ракет, что я долго не решался даже писать об этом. Весть о Гагарине вновь заставила меня пережить — на этот раз при ярком свете дня — тот самый сон, от которого мне со временем удалось освободиться. И я вновь испытал давно забытый страх.

Тот страх я преодолел после того, как проанализировал его и понял, что он выражает собою смерть, ибо страх человека, изгнанного из мира людей в бесконечный мрак, безусловно, является страхом смерти. И поскольку возвращение к жизни человека умершего ведет к разрушению существующего в мире порядка вещей, его вынужденное пребывание вдали от всех, в изгнании является актом, связанным с ответственностью перед человечеством.

Меня чрезвычайно интересовало, как Гагарину удалось преодолеть страх, пока он в одиночестве летал в космосе. И я даже фантазировал, что таким образом можно будет впервые в истории человечества подойти к пониманию того, как человек преодолевает страх, находясь в мире смерти.

Позднее, просмотрев кинофильм «Когда земля была голубая», я не обнаружил в нем ни единого намека на драматический поединок человека со страхом. Я почувствовал недовольство, однако оно было, вне всяких сомнений, связано исключительно с личным миром ощущений.

Страх смерти, как и страх, испытываемый в бесконечном пространстве, представляется мне страхом перед ужасающим одиночеством. Однако ни Гагарин, ни Титов в этом фильме не

показались мне людьми, испытывающими одиночество. И не потому, что они пытались как-то скрыть это чувство. У меня сложилось впечатление, что в их душе оно просто не возникло. И это в свою очередь тоже произвело на меня глубокое впечатление.

Прошлой осенью, во время путешествия из Парижа в Москву, наиболее существенная и в то же время простая перемена, которую я ощутил, была, думается мне, опять-таки связана с чувством страха. Впечатление от Франции — все больше людей уходит в одиночные камеры отчуждения. Впечатление от Советского Союза — чувство коллективизма, когда все общество существует как единый организм, а каждая его клетка остается личностью.

Сказать так — значит изобразить все чересчур ясно и просто, ибо и в Москве, и в Ленинграде я встречал людей, выпадающих из этого общего впечатления.

Однако на встрече со студентами Московского университета я увидел в целом классический облик советского человека, о котором говорил выше. Мне показалось, что эти люди не ощущают одиночества. У меня создалось впечатление, что они осознают и считают себя в действительности бесчисленными мельчайшими корешками одного дерева, имя которому — Страна Советов. И если даже один из таких корешков погибнет, само дерево не умрет. Причем, раз само дерево является справедливым деревом, то и корешки его тоже справедливы. Подобная уверенность давала им, по-видимому, свет и опору.

Когда я глядел на улыбавшихся мне с экрана Гагарина и Титова, мне показалось, будто я снова встретился со студентами Московского университета. Пока мы, находясь в одном из уголков испытывающего одиночество западного мира, думаем о судьбе отдельной личности, в социалистическом государстве, в Советском Союзе, рождается и живет человек новой судьбы, социалистический человек, которому незнакомо чувство одиночества. Я сравнивал японских юношей, сидящих в темном зале кинотеатра, с космонавтами, взирающими на них с экрана, и думал о том, что это совершенно разные люди.

1961 г.

РЕПОРТАЖ— ПУТЬ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПИСАТЕЛЬСКОГО МАСТЕРСТВА

В бытность студентом я из-за регулярного недоедания постоянно чувствовал упадок сил. Должно быть, поэтому всякие путешествия и поездки за сбором материала воспринимал как самое тяжкое испытание. Вступив на писательскую стезю, я поначалу упорно заставлял себя овладевать техникой сбора материалов. На первых порах это было для меня настоящей пыткой. Помню, как во время поездки на остров Рэбун, слушая рассказ старейшины, я впал в ипохондрию, начал что-то мычать, тереться головой о стенку, у которой сидел, и, естественно, окружающие приняли меня за ненормального. Но постепенно я стал находить интерес в путешествиях и записях рассказов незнакомых людей. И это был единственный случай, когда я, став писателем, переломил свой характер.

Так или иначе я с радостью работал и продолжаю до сих пор работать над репортажами. Это явилось для меня наилучшим способом совершенствования писательского мастерства. Благодаря репортажам я сумел значительно расширить мир собственных интересов. Я хотел бы в первую очередь обратиться со словами горячей благодарности к редакторам, которые организовывали мои поездки, сопровождали меня и не только освобождали от досадных мелочей, связанных с путешествием, но и давали добрые советы при возникновении трудных проблем и спорных вопросов. Именно редакторы были моими наставниками и учителями во время моей учебы в жизненных университетах, если воспользоваться словами Горького.

Если я смог превратиться из склонного к самоанализу студента, предающего мечтам в классной комнате литературного отделения университета, в довольно упрямого наблюдателя действительности, то это произошло благодаря помощи моих прекрасных друзей — добрых редакторов...

Я являюсь одним из писателей — представителей так называемой чистой литературы *, и моя роль в общественной деятельности в условиях современного общества массовой информации чрезвычайно невелика, но в этом минимуме работу над репортажами я считаю единственной областью, с помощью которой можно эту роль максимально расширить. Если говорить в

общем, мы, писатели, по сравнению с учеными не обладаем достаточными способностями масштабных истолкований, зато нам дана способность к изучению мелких объектов. Поэтому мы, сосредоточив внимание на деталях, на скрытых морщинах действительности, гиперболизируем их несоразмерно, если исходить из общей картины, но в этом есть свой смысл. С позиции крупного масштаба такая точка зрения кажется предвзятой, но с точки зрения детального изучения подобная позиция, пожалуй, более реальна и дает более ясное представление о том или ином явлении или объекте изучения.

После того как этот сборник эссе выйдет в свет, я намереваюсь сузить сферу своей деятельности, ограничив ее написанием романов, но и в этом случае продолжу работу над репортажами. Ибо мне думается, что мастерство писателя, творящего в условиях общества массовой информации, во многом зависит от регулярно предоставляемых возможностей и средств для написания репортажей.

1965 г.

Облик послевоенного поколения

Впервые опубликовано в 1957 году в январских и февральских номерах еженедельника «Сюкан асахи».

Потрясение от обращения императора к народу, в котором он заявил о безоговорочной капитуляции, было встречено как гром среди ясного неба. Все годы войны японцы, особенно молодежь, воспитывались в сознании того, что Япония будет воевать до последнего человека. Капитуляция как таковая вообще вычеркивалась из лексикона японского народа. Выступление императора по радио многие восприняли как обман, к которому сам император не имеет ни малейшего отношения.

Потрясение усугублялось еще и тем, что буквально до последних минут средства массовой информации без устали кричали о победе японского оружия на всех фронтах.

К с. 11

...император говорил самым обыкновенным «человеческим» голосом. — До войны император почитался как воплощение бога на земле, родословная которого возводилась к богине солнца Аматэрасу. Потому-то мальчик и был удивлен, что император говорит «человеческим» голосом.

К с. 12

Слово «символ» крайне расплывчато и туманно. — В статье первой послевоенной конституции Японии сказано: «Император является символом государства и единства народа, его статус определяется волей всего народа, которому принадлежит суверенная власть». Действительно, статья сформулирована достаточно туманно с целью хотя бы в виде «символа» оставить императора как некое связующее звено между прошлым и будущим Японии и таким образом затормозить процесс демократизации.

Вся страна узнала историю жизни нареченной принца. — Наследник престола женился не на представительнице придворной аристократии, а на дочери мукомольного магната, что было воспринято в стране как «демократизация» императорского дома.

К с. 15

...сообщения о событиях в заокеанском городке Литл-Рок. — Имеются в виду события в американском городке Литл-Рок в 1957 году, когда американская армия была вынуждена вмешаться для прекращения выступлений расистов, не допускавших черных подростков посещать школу, где учились белые.

К с. 17

Тодзио Хидэки (1884—1948) — генерал. В 1940 году — военный министр в кабинете Коноэ, с 1941 года — глава правительства. С началом войны на Тихом океане сосредоточил в своих руках также посты военного министра, министра военного снабжения и начальника генерального штаба. Решением Международного военного трибунала по делу о японских военных преступниках был приговорен к смертной казни и повешен.

Коно Итиро (1898—1965) — политический деятель. Занимал министерские посты в ряде правительств в 50—60-е годы. Был одним из лидеров Либерально-демократической партии, которая уже более тридцати лет стоит у власти.

Хатояма Итиро (1883—1959) — политический деятель. Один из руководителей партии Сэйюкай. В 1931—1934 годах — министр просвещения. После второй мировой войны в 1945 году стал председателем Либеральной партии, а в 1953 — председателем созданной им Новой либеральной партии. В 1954—1956 годах — премьер-министр Японии. Получил широкую известность тем, что в бытность его премьер-министром были восстановлены дипломатические отношения между СССР и Японией. Был первым председателем общества «Япония—СССР» (1957)

К с. 18

Эпоха Мэйдзи. — В Японии принято летосчисление по годам правления императоров. Эпоха Мэйдзи — годы правления императора Мэйдзи (1868—1912).

Бельц Эрвин фон (1849—1927) — немецкий врач, окончил Лейпцигский университет. С 1876 года преподавал в Токийском университете. В течение двадцати девяти лет жил в Японии, внося большой вклад в развитие медицины в этой стране. Оставил после себя весьма ценный для понимания Японии «Дневник Бельца».

К с. 19

Рокабилль — один из стилей рок-музыки, распространенный в Японии в 50-е годы.

«*Выйдешь в море — трупы в волнах...*» — известная в военные годы песня. Исполнялась, когда армия терпела поражение.

К с. 20

Киси Нобусукэ (р. 1896) — политический деятель. В 1941 году в кабинете Тодзио был министром торговли. После второй мировой войны, в 1954 году, возглавил демократическую партию. В 1955 году, когда слились Либеральная и демократическая партии и образована существующая поныне Либерально-демократическая партия, стал ее председателем. В 1957—1960 годах — премьер-министр Японии. Им был подписан японо-американский «договор безопасности», который сделал Японию военным придатком Соединенных Штатов. Прогрессивная общественность Японии все эти годы ведет борьбу за его ликвидацию.

К с. 22

Хатимаки — платок, обвязываемый жгутом вокруг головы, чтобы во время работы не стекал пот со лба. Он имеет также и символическое значение. Во время демонстраций, манифестаций и других коллективных действий принято обвязывать голову таким платком. Часто на нем написано, во имя чего выступают участники движения.

Послевоенное поколение и конституция

Впервые опубликовано в газете «Асахи симбун» за 16—18 июля 1964 года.

К с. 26

...даже назвал своего первенца в честь конституций — Кэнсукэ. — По-японски конституция — «кэнпо», «Сукэ» — частое окончание имен мальчиков.

К с. 27

...некий юноца... убил левого политического деятеля — и сам покончил с жизнью. — Имеется в виду убийство председателя ЦИК Социалистической партии Японии Асанума в 1961 году. Убийца, семнадцатилетний фашиствующий фанатик Ямагути, сделал себе хакарири.

...я даже написал роман о нем и ему подобных. — Оэ написал роман «Семнадцатилетний», рассказывающий о покушении Ямагути на Асанума, в котором вскрывает подоплеку события, причины, заставившие юношу совершить преступление. Наряду с политическими Оэ усматривает и чисто личные, психологические и физические мотивы, заставившие Ямагути искать самовыражение именно в убийстве.

...те строки конституции, что провозглашали «отказ от войны»! — Об этом сказано в статье девятой конституции: «Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров».

Правые силы Японии в настоящее время прилагают немалые усилия для ликвидации этой статьи, мотивируя тем, что в ней ущемлены национальные права и интересы Японии, что она ставит ее в неравноправное положение по отношению к другим мировым державам.

Мое личное отношение к конституции

Лекция, прочитанная в 1964 году. Впервые опубликовано в журнале «Бунгэй сюдзю» № 3 за 1965 год.

К с. 33

...поступили в Академию «сил самообороны». — Согласно конституции, Японии запрещено иметь армию. Поэтому в Японии она переименована в «силы самообороны», а военное министерство именуется «управлением национальной обороны».

Десятилетие независимости в миниатюре

Впервые опубликовано в еженедельнике «Асахи дзянару» от 6 мая 1962 года.

Борьба против размещения американского артиллерийского полигона в Утинаде длилась не один год и привлекла внимание всей Японии. Это были годы особенно активных выступлений японских трудящихся против американского военного присутствия в Японии. Но Оэ ставит проблему шире — он показывает, что даже победа в этой борьбе зачастую не приносит желаемых результатов. Ярким примером этого является положение в деревне Утинада, о чем и рассказывает Оэ.

Военный порт Йокосука сегодня

Впервые опубликовано в журнале «Сэкай» № 10 за 1962 год.

Борьба против захода в порт Йокосука американских военных атомных кораблей, а также кораблей, оснащенных ядерным оружием, не

утихает и по сей день. Буквально каждый такой заход сопровождается мощными демонстрациями протеста, хотя американское командование всякий раз пытается убедить японскую общественность, что на борту нет ядерного оружия.

К с. 48

...как... случилось в Тайваньском проливе. — Имеется в виду напряженная обстановка, возникшая в результате обострения отношений между Китайской Народной Республикой и Тайванем в конце 50-х — начале 60-х годов.

...войска, усмирявшие беспорядки в Корее. — В Южной Корее неоднократно вспыхивали волнения, связанные с борьбой против марионеточных режимов. Для их усмирения привлекались не только южнокорейские, но и дислоцировавшиеся там американские войска. Нужно отметить, что интерес правящей верхушки Японии к Южной Корее всегда носил не только политический, но и экономический характер. Война в Корее послужила мощным стимулом для технического перевооружения японской промышленности и фактически положила начало экономическому скачку, совершенному Японией.

К с. 51

Продление договора безопасности... — Японо-американский «договор безопасности» — военный союз между Японией и Соединенными Штатами был заключен в 1951 году. Вернее было бы говорить не о продлении, а подписании нового «договора безопасности» в 1960 году. По всей стране прокатилась мощная волна забастовок, митингов, манифестаций против его ратификации. Однако в мае договор был ратифицирован японским парламентом. После этого борьба не прекратилась. В июле 1960 года дважды проходили забастовки, в каждой из которых участвовало до пяти миллионов человек, требовавших расторжения договора.

К с. 53

Сэлинджер Джером Дейвид (р. 1919) — американский писатель. Получил широкую известность, опубликовав в 1951 году повесть «Над пропастью во ржи».

К с. 56

«Свиньи и броненосцы» — кинофильм известного японского режиссера Сёхэй Имамура (р. 1926), вышедший в 1961 году. Представляет собой яркую и резкую критику присутствия американцев в порту Йокосука.

О праве разлюбить Японию

Впервые опубликовано в еженедельнике «Санди майнити» от 10 января 1965 года.

К с. 60

...демонстрируемых для всеобщего обозрения на Этадзуме. — Этадзума — остров в Хиросимском заливе. В прошлом там находилось военноморское училище, где и демонстрируются письма солдат.

К с. 61

Сока-гаккай — «Общество по созданию ценностей» — религиозно-политическая организация, созданная в 1937 году учителем Цунэсабуро Макигучи. Особое внимание руководство этой организации уделяет молодежи. «Сока-гаккай» имеет филиалы по всей Японии и ведет

пропаганду своего учения за границей. Основная идея общества — «революция человека — революция общества». «Сока-гаккай» фактически принадлежит партия Комэйто («Партия чистой политики») — крупная политическая партия в Японии. Сейчас в «Сока-гаккай» состоит около десяти миллионов японских семей, то есть около двадцати — двадцати пяти миллионов человек. Самой положительной оценки заслуживает борьба «Сока-гаккай» за мир, расширение культурных связей с Советским Союзом.

ХИРОСИМСКИЕ ЗАПИСКИ

Впервые опубликовано в журнале «Сэкай» № 10 за 1963 год, № 10—12 за 1964 год и № 1—3 за 1965 год.

Вначале Оэ не предполагал писать книгу о Хиросиме. Он думал, что его поездка в августе 1963 года на IX Всемирную конференцию за запрещением ядерного оружия ограничится репортажами в журнале «Сэкай», от которого он поехал в Хиросиму. Но по мере того как репортажи появлялись в журнале, они привлекли всеобщее внимание своей неординарностью, новым взглядом на трагическое событие, и Оэ решил, переработав репортажи, опубликовать их в виде книги.

К с. 63

Кастельон Себастьян (1515—1563) — французский писатель.

К с. 66

Хара Тамики (1905—1951) — японский поэт и прозаик. Жертва атомной бомбардировки Хиросимы. Большую известность получила его повесть «Летние цветы» (1947), в которой рассказано о трагедии Хиросимы. Когда началась война в Корее, Т. Хара покончил жизнь самоубийством. В предсмертном письме он писал, что началась новая война, мир катится к катастрофе и снова быть свидетелем безумия человечества он не в силах.

Тогэ Саккити (1917—1953) — японский поэт, автор поэтического сборника «Стихи об атомном взрыве».

К с. 80

...прижигания моксой. — Мокса — тугой жгутик хлопчатобумажной ткани, сжигаемый на теле больного.

К с. 85

Кото — тринадцатиструнный музыкальный инструмент.

К с. 87

Урасима Таро — персонаж одноименной японской сказки, в которой рассказывается, как мальчик Урасима оказался в подводном царстве морского дракона и о его приключениях.

К с. 114

Жюлио-Кюри Ирэн (1897—1956) — французский физик, прогрессивная общественная деятельница, активная участница движения сторонников мира.

К с. 116

... на фоне Атомного дома — здание, построенное в 1915 году по проекту чешского архитектора Яна Мецеля. В нем находилась Торгово-промышленная палата Хиросимы. Сейчас это один из памятников атомной бомбардировки Хиросимы. Остов дома, сохранившийся после атомной бомбардировки, остался невозстановленным, как символическая братская могила тех, кто погиб во время атомной бомбардировки.

К с. 117

Цубо — мера площади, равная 3,3 кв. м.

К с. 119

...альбом «*Пикадон*» *Ири Маруки* (р. 1901) и *Тосио Акамацу* (р. 1900) — первый альбом художников, посвященный атомной бомбардировке Хиросимы. Дословно «*Пикадон*» — «вспышка», «грохот». Так в разговорной речи называют атомную бомбардировку. Произведения этих художников находятся в музее города Мацуяма в префектуре Сайтама.

К с. 123

Тофу — соевый творог.

К с. 125

«*Картина ада*». — В каждом синтоистском храме Японии висит картина, изображающая страдания грешников в аду. Существует также сборник нравоучительных повествований того же названия, написанных буддийским монахом Гэнсином (942—1017).

Послевоенное поколение Окинавы

Впервые опубликовано в журнале «Сэкай» № 6 за 1965 год.

К с. 127

Кодза — город в центральной части острова Окинава, в котором расположена одна из американских военных баз.

К с. 130

Наха — административный центр архипелага Рюкю, находящийся на острове Окинава.

К с. 131

Ямато — древнее название Японии.

К с. 133

Яэяма — группа островов архипелага Рюкю.

К с. 139

«*день основания японской империи*» — национальный праздник, отмечаемый 11 февраля. Он ведет начало от царствования мифического императора Дзимму, который, по преданию, и является основателем империи. Первый год соответствует 660 году до нашей эры. После войны эта система летосчисления была отменена, но в настоящее время «*день основания империи*», переименованный в «*день основания японского государства*», снова празднуется.

К с. 147

«*Тень Солнца*» *Асаи Фудзиты*. Фудзита Асаи (р. 1934) — известный японский драматург и историк театра. «*Тень Солнца*» написана в 1958 году.

С воплем «К черту эту башню Химэюри!» он изуродовал памятник. — Памятник, построенный в городе Итомицу на юге Окинавы в память девушкам-медсестрам, трагически погибшим в конце второй мировой войны. Отряд девушек назывался «отрядом лилий», почему и памятник назван химэюри — лилия.

К с. 149

...*окинавское сумо*. Сумо — вид японской борьбы, заключающейся в том, чтобы вытолкнуть противника из очерченного круга.

Японцы в Окинава

Впервые опубликовано в еженедельнике «Сюкан асахи» 3 декабря 1967 года.

К с. 155

...предусматриваемых 25-й статьей конституции. Статья 25 послевоенной конституции гласит: «Все имеют право на поддержание минимального уровня здоровой и культурной жизни».

Во всех сферах жизни государство должно прилагать усилия для подъема и дальнейшего развития общественного благосостояния, социального обеспечения, а также народного здоровья».

К с. 165

Змеи хабу — куфии, относящиеся к семейству гремучих змей.

Фукуги — высокие деревья, родина которых Филиппины. Листья круглой формы.

К с. 170

Хэбикавасэн — окинавский народный музыкальный инструмент, обтянутый змеиной кожей.

Диалог с итако

Впервые опубликовано в книге «Шествие по канату», выпущенной издательством «Бунгэй сьондзю синся» в 1965 году.

К с. 171

Итако — японские медиумы.

Айну — коренное население севера Японии, проживавшее там до прихода японцев.

Танцы ноо — исполняются в традиционном японском театре, носящем то же название. Ноо — вид весьма условной танцевальной оперы, сопровождаемой музыкой флейт и барабанов, а также мужским хором. Зародился в VIII веке. Существует и поныне в застывшем, неизменном виде.

...смесь стиля кагура. Кагура — синтоистские пляски и пантомимы.

Кабуки — классический японский театр, в котором все роли исполняют мужчины. Театр Кабуки возник в XVII веке и с самого начала носил народный характер. В настоящее время делаются попытки осовременивания его репертуара.

К с. 172

...до моельни Дзидзо. Дзидзо — буддийское божество, покровитель детей и путников.

...в стиле гидаю. Гидаю — вид драматического сказа.

О чем мы должны помнить

Впервые опубликовано в сборнике «Записки переживших атомную бомбардировку», вышедшем в издательстве «Синтёся» в 1965 году.

Эразм ядерного века

Впервые опубликовано в журнале «Тосё» № 8 за 1968 год.

К с. 182

Барчетт Уилфред (р. 1911) — журналист, выходец из Австралии. Значительную часть жизни проработал корреспондентом европейских газет в странах Азии. Автор статьи «Нет второй Хиросимы», в которой впервые рассказал об истинном положении жертв атомной бомбарди-

ровки. Упоминается книга о Северной Корее, названная «Снова в Корею»; вышла в 1968 году.

...японский план «трех стрел». — План, разработанный без ведома правительства Управлением национальной обороны, по которому в качестве потенциального противника рассматривались Советский Союз, Китайская Народная Республика и Корейская Народно-Демократическая Республика. Ответный удар, предусмотренный этим планом, должен был быть нанесен по этим трем странам (откуда и название — план «трех стрел»).

К с. 183

...проспект серии «О войне и мире» в семидесяти двух томах — собрание антивоенной публицистики, вышедшее в издательстве «Иванами».

...известную книгу Ральфа Лэппа. — Оэ говорит о книге известного американского физика Ральфа Е. Лэппа (р. 1917) «Если начнется ядерная война». Ему принадлежат и другие произведения, разоблачающие гонку ядерных вооружений.

...труд Кадзуо Ватанабэ «Люди французского Ренессанса». — Кадзуо Ватанабэ (1901—1975) — японский литературовед, специалист по французской литературе. Был профессором Токийского университета, академиком. Получил широкую известность как исследователь литературы XVI века. Работа «Люди французского Ренессанса» — одно из известных произведений Ватанабэ, вышла в 1964 году.

Семидесятые годы: время, когда вымирают киты

Впервые опубликовано в еженедельнике «Асахи гурафу» от 25 декабря 1970 года.

К с. 188

...японские пираты вако. — Пираты, действовавшие в XIV—XVI веках в районе Японских островов, часто совершали нападения на корабли и в южных морях.

К с. 189

...Концепцию преодоления Азии. — Статья «Идея преодоления Азии» написана великим японским просветителем Юкити Фукудзавы (1834—1901). Его книга «Призыв к науке» явилась базой, на которой строилась буржуазная идеология в Японии. Он призывал отказаться от ограниченности, связанной с многовековой изоляцией страны, и учиться у Запада.

К с. 196

«Харакири Ю. Мисимы». — Юкио Мисима (1925—1970), известный японский писатель, ультранационалист, организовал «Общество щита», которое призывало к вооружению Японии, превращению ее в могучую военную державу. Характерно для него такое заявление: «Японский меч сильнее атомной бомбы». Вместе со своими единомышленниками попытался захватить Управление национальной обороны и призвать солдат к мятежу. Но, не получив их поддержки, покончил жизнь самоубийством, совершив харакири.

Понуро оглядываясь на послевоенное десятилетие

Впервые опубликовано в еженедельнике «Асахи гурафу» от 21 августа 1970 года.

К с. 203

...инцидент с угоном японского самолета. — В 1970 году члены ультралевой экстремистской группы «Рэнго сэкигун» захватили японский

самолет, совершавший внутренний рейс, и заставили пилота следовать в Корейскую Народно-Демократическую Республику. После приземления они сдались корейским властям. Все пассажиры вернулись в Японию.

К с. 204

...совместное заявление *Сато* и *Никсона* относительно возвращения *Окинавы*. — Имеется в виду подписание 7 июня 1971 года премьер-министром Японии и президентом США соглашения о возвращении *Окинавы*, в течение четверти века находившейся под административной властью США.

ПИСЬМА К МОЛОДЕЖИ

Опыт концепции современности

Впервые опубликовано в журнале «Сэкай» № 3 за 1980 год.

К с. 207

Лотман Ю. М. (р. 1922) — русский советский литературовед, специалист по структурной поэтике и семиотике.

К с. 210

Масаока Сики (1867—1901) — крупнейший японский поэт.

Коти — префектура в Японии.

Тоса — провинция (до образования префектур), ныне соответствует префектуре *Коти*.

...по терминологии *Эриксона*. *Эриксон Сигурд* (1888—1968) — шведский этнограф, создатель школы, направленной на преодоление разрыва между описательными и теоретическими методами этнографии.

К с. 211

Янагида Кунио (1875—1962) — выдающийся японский этнограф и поэт. Автор огромного количества трудов по этнографии Японии. В 1952 году вышло тридцатishеститомное собрание его сочинений.

Ямагути Масао (р. 1944) — японский ученый, работающий в области вычислительной техники, астрономии, космологии.

Башилар Гастон (1884—1962) — французский философ, положивший начало неорационализму. Утверждал, что соприкоснуться с реальным миром можно только с помощью творческого воображения.

К с. 212

Гаскар Пьер (р. 1916) — известный французский писатель и журналист. Пять лет провел в фашистском плену. Награжден Гонкуровской премией. В своих произведениях осуждает фашизм и войну.

К с. 213

Макартур Дуглас (1880—1964) — американский генерал, командующий американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке. В 1945—1951 г г . — командующий оккупационными войсками в Японии.

К с. 220

...в связи с инцидентом «*Асама Сандзо*». — В 1972 году на загородной вилле «*Асама Сандзо*», принадлежащей одной японской фирме, членами ультралевой экстремистской организации «*Рэнго сэкигун*» были захвачены в качестве заложников управляющий виллой и его жена. Захватчики требовали освобождения из тюрьмы своих товарищей. При освобождении заложников было убито четыре человека.

Письмо пожилого Робинзона

Впервые опубликовано в журнале «Сэкай» № 6 за 1979 год.

К с. 223

Такэути Ёсими (р. 1910) — критик, литературовед, специалист в области китайской литературы.

К с. 226

Турнье Мишель (р. 1924) — современный французский писатель, романист и эссеист. Автор романа «Пятница, или Лимбы Тихого океана» (1967). На японский язык его роман был переведен под заглавием «Новый Робинзон Крузо».

Вебер Макс (1864—1920) — немецкий социолог и историк.

К с. 231

...по делу «красных бригад». «Красные бригады» — ультралевая экстремистская организация в Италии.

К с. 234

Оден Уистен Хью (р. 1907) — английский поэт. С 1939 года живет в США.

Молодежь и модель мира

Впервые опубликовано в журнале «Сэкай» № 8 за 1979 год.

К с. 239

Леви-Строс (р. 1908) — французский этнограф и социолог, один из главных представителей структурализма.

К с. 240

Ри — мера длины. 1 ри — около 4 км.

Японцы атомного века и идентификация

Впервые опубликовано в журнале «Сэкай» № 1 за 1981 год.

Лекция, прочитанная в 1980 году на международной конференции по проблемам мира в Азии.

К с. 247

Идентификация — отождествление. Широко распространенный термин для обозначения стремления человека, в первую очередь молодежи, определить себя, найти свое место в обществе.

К с. 248

Канаи Тосихиро (1914—1978) — известный журналист, обозреватель газеты «Тюоку симбун». Много статей посвятил теме атомной бомбардировки Хиросимы и ее жертвам.

К с. 250

Ким Чжи Ха (р. 1941) — южнокорейский поэт, драматург, киносценарист. За свои политические убеждения двадцать два года провел в тюрьмах южнокорейского режима. В 1975 году Ассоциация писателей стран Азии и Африки присудила ему премию Лотоса.

Пак Чон Хи — президент Южной Кореи, убитый в октябре 1975 года. Марионеточный режим Пак Чон Хи отличался жестоким подавлением демократического движения в стране.

К с. 251

Остранение — термин, принятый формальной школой, сформировавшейся в 10—20-е годы (в России ее создателями были А. Белый,

В. Шкловский, Ю. Тынянов, Б. Эйхенбаум, Б. Томашевский, Р. Якобсон), и означающий обновление формы, поскольку старые формы перестают производить впечатление. Описание знакомого автору явления как впервые увиденного (и потому воспринимаемого им или героем необычно, странно) позволяет вызвать у читателя видение предмета, а не автоматическое узнавание его. К. Оэ проявляет большой интерес к формальной школе, опубликовав несколько статей на эту тему.

...реставрация Мэйдзи. — Так в японской историографии именуется буржуазная революция Мэйдзи 1867—1868 годов. Реставрацией она называется потому, что был ликвидирован сёгунат (военное правление), узурпировавший власть в стране, и она снова перешла в руки императора.

К с. 252

Сан-францисский мирный договор — мирный договор между Японией, США и Англией, подписанный сорока девятью странами в сентябре 1951 года в Сан-Франциско.

К с. 253

Так называемая нанкинская резня. — 8 ноября 1937 года японские войска в качестве «решающей военной операции в Китае», призванной завершить завоевание этой страны, начали наступление на Нанкин, которое закончилось захватом этого города 13 декабря. Взятие Нанкина сопровождалось убийствами, издевательствами и пытками, которым подвергались десятки тысяч военнопленных и мирных жителей, включая женщин и детей, разрушением множества домов. Эти убийства, грабежи и поджоги проводились планомерно в течение шести недель. Число убитых превысило двести тысяч человек.

К с. 257

...о трех безъядерных принципах. — Не производить, не ввозить, не использовать ядерное оружие.

Орел на краю вселенной

Впервые опубликовано в журнале «Синтё» № 1 за 1981 год.

К с. 262

Авехант — голландский антрополог и культуролог.

...картин «Намадзуэ». — В годы Ансэй (1854—1860) произошло катастрофическое землетрясение, которое вызвало появление картин Намадзуэ — картин о трагедии, переживаемой людьми во время стихийных бедствий. Дословно «Намадзуэ» означает «картина с изображением сома». По японским поверьям, под землей обитают огромные сомы, и, когда они шевелятся, происходит землетрясение.

К с. 263

Беллоу Сол (р. 1915) — известный американский писатель. Дебютировал в литературе в 1944 году повестью «Человек между небом и землей». Широкою известность принес Беллоу роман «Приключения Оги Марча». Лауреат Нобелевской премии (1976).

К с. 264

...помимо единого потока тэнноистско-синтоистской культуры... — Имеется в виду культура, основывающаяся на мифах и преданиях, существующих в одной из наиболее распространенных в Японии религий — синтоизме, и призванных обосновать миф о божественном происхождении японских императоров и апологизировать их деяния.

...в заключительном томе трилогии Фолкнера. — Имеется в виду трилогия классика американской литературы Уильяма Фолкнера (1897—1962) «Деревушка», «Город», «Особняк».

К с. 265

...написанную композитором Такэмицу. Масару Такэмицу — современный японский композитор.

...в стиле гагаку. Гагаку — придворная японская музыка VIII—X веков, заимствованная в Китае и Корее.

К с. 266

Сё — духовой инструмент, состоящий из пятнадцати деревянных трубок. Напоминает свирель.

Со — тринадцатиструнный музыкальный инструмент.

Бива — четырехструнный музыкальный инструмент.

Хитирики — духовой инструмент, напоминающий фляжолет (музыкальный инструмент типа маленькой флейты с наконечником).

Ватакуси сёсэцу — (дословно: «повесть о себе») — эгобеллетристика, один из весьма распространенных жанров японской прозы.

Земля была голубая

Впервые опубликовано в книге «Шествие по канату», выпущенной издательством «Бунгэй сюдзю синся» в 1965 году.

Репортаж — путь к совершенствованию писательского мастерства

Впервые опубликовано в книге «Шествие по канату», выпущенной издательством «Бунгэй сюдзю синся» в 1965 году.

К с. 271

...так называемой чистой литературы. — В японской литературной традиции произведения писателей делятся на чистую литературу, подразумевающую высокохудожественные произведения, и массовую, представляющую собой беллетристику, иногда довольно низкого пошиба.

Содержание

Талантливый писатель в роли публициста. <i>А. И. Сенаторов</i>	5
Облик послевоенного поколения. <i>Пер. Г. Б. Дуткиной</i>	11
Послевоенное поколение и конституция. <i>Пер. Г. Б. Дуткиной</i>	26
Мое личное отношение к конституции (лекция). <i>Пер. А. Г. Фесюна</i>	30
Десятилетие независимости в миниатюре. <i>Пер. Е. Н. Рединой</i>	40
Военный порт Йокосука сегодня. <i>Пер. Е. Н. Рединой</i>	46
О праве разлюбить Японию. <i>Пер. Б. В. Раскина</i>	57
Хиросимские записки. <i>Пер. Е. Н. Рединой</i>	63
Послевоенное поколение Окинавы. <i>Пер. Е. Н. Рединой</i>	127
Японцы и Окинава. <i>Пер. Е. Н. Рединой</i>	151
Диалог с итако. <i>Пер. Б. В. Раскина</i>	171
О чем мы должны помнить? <i>Пер. Е. Н. Рединой</i>	177
Эразм ядерного века. <i>Пер. Е. Н. Рединой</i>	182
Семидесятые годы: время, когда вымирают киты. <i>Пер. А. Г. Фесюна</i>	185
Понуро оглядываясь на послевоенное двадцатипятилетие. <i>Пер. А. Г. Фесюна</i>	198
Письма к молодежи *	
Опыт концепции современности. Расшифровка собственной модели мира. <i>Пер. В. В. Скальника</i>	207

Письмо пожилого Робинзона. <i>Пер. В. В. Скальника</i>	220
Молодежь и модели мира. Пятница дразнит медведя. <i>Пер. В. В. Скальника</i>	235
Японцы атомного века и идентификация*. <i>Пер. В. С. Гривнина</i>	247
Орел на краю вселенной. Рецензия на ненаписанный роман*. <i>Пер. Б. В. Раскина</i>	261
Земля была голубая. <i>Пер. Б. В. Раскина</i>	269
Репортаж — путь к совершенствованию писательского мастерства. <i>Пер. Б. В. Раскина</i>	271
Комментарии. <i>В. С. Гривнин</i>	273

**ЗАРУБЕЖНАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА
И ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА**

ВЫШЛИ В СВЕТ:

А. Р. Вильямс
(США)	Э. Э. Киш
(Чехословакия)
А. Моруа
(Франция)	Н. Христозов
(Болгария)
Я. Гашек
(Чехословакия)	Л. Новомеский
(Чехословакия)
Э. Хемингуэй
(США)	М. Твен
(США)
Ж. Р. Блок
(Франция)	И. Рыбак
(Чехословакия)
Ф. С. Фицджеральд
(США)	Ф. Мориак
(Франция)
Т. Кайко
(Япония)	А. де Сент-Экзюпери
(Франция)
Г. К. Честертон
(Англия)	М. Фриш
(Швейцария)
М. Иванов
(Чехословакия)	Ф. Гарсиа Лорка
(Испания)
А. Карпентьер
(Куба)	Л. Мештерхази
(Венгрия)
Ч. П. Сноу
(Англия)	Дж. Рид
(США)

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ:

- Г. Гессе
(Швейцария)
И. Тауфер
(Чехословакия)

Кэндзабуро ОЭ

ОБРАЩАЮСЬ К СОВРЕМЕННОКАМ

Составитель *Владимир Сергеевич Гривнин*
Художественный редактор *В. А. Пузанков*
Технический редактор *Е. В. Величкина*
Корректор *И. В. Леонтьева*

ИБ № 13613

Сдано в набор 17.10.86. Подписано в печать 26.05.87. Формат 84 X 108^{1/32}. Бумага типограф. № 1. Гарнитура Баскерв. Печать высокая. Условн. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 15,33. Уч.-изд. л. 20,97. Тираж 50 000 экз. Заказ № 3242. Цена 95 к. Изд. № 42981

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

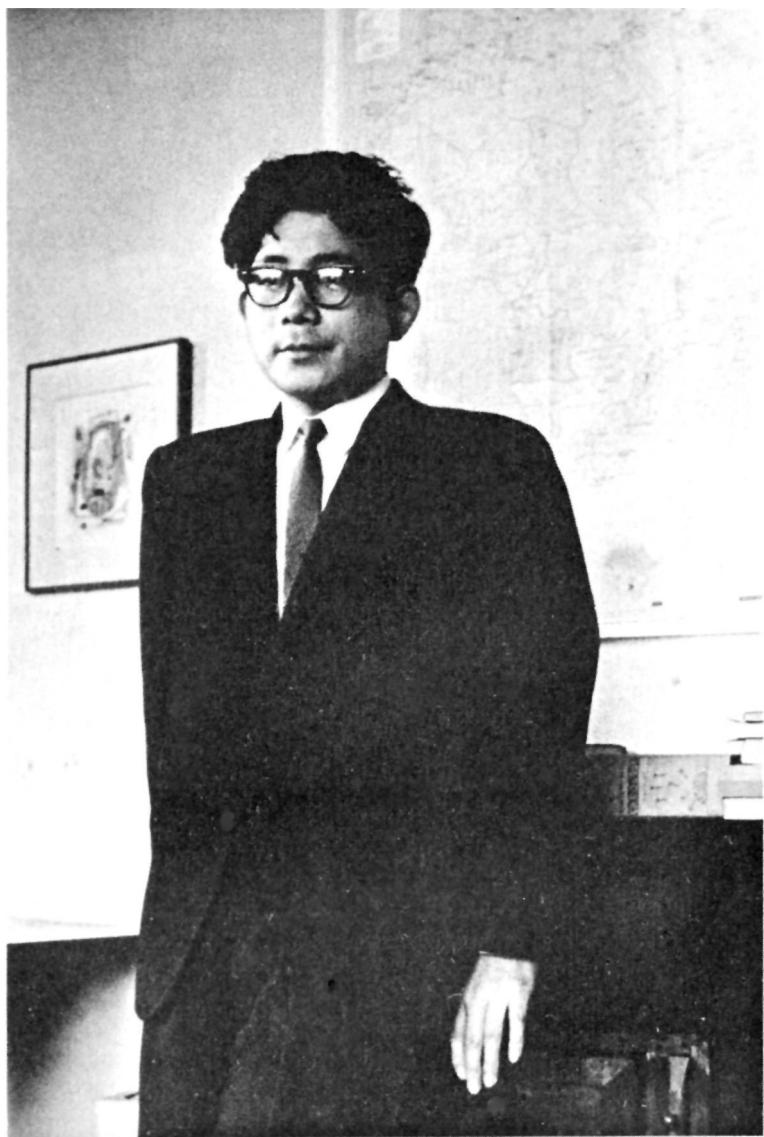
Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПЮ «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Ваволая, 28.

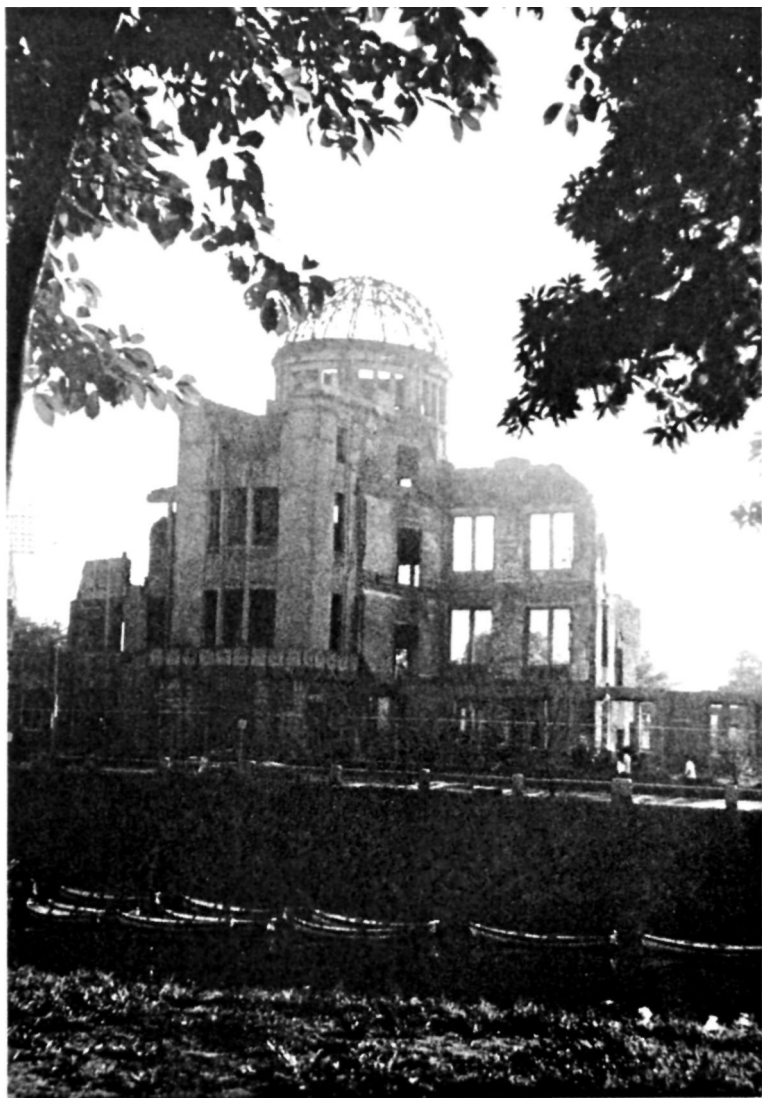

Кэндзабуро Оэ в Париже. 1965

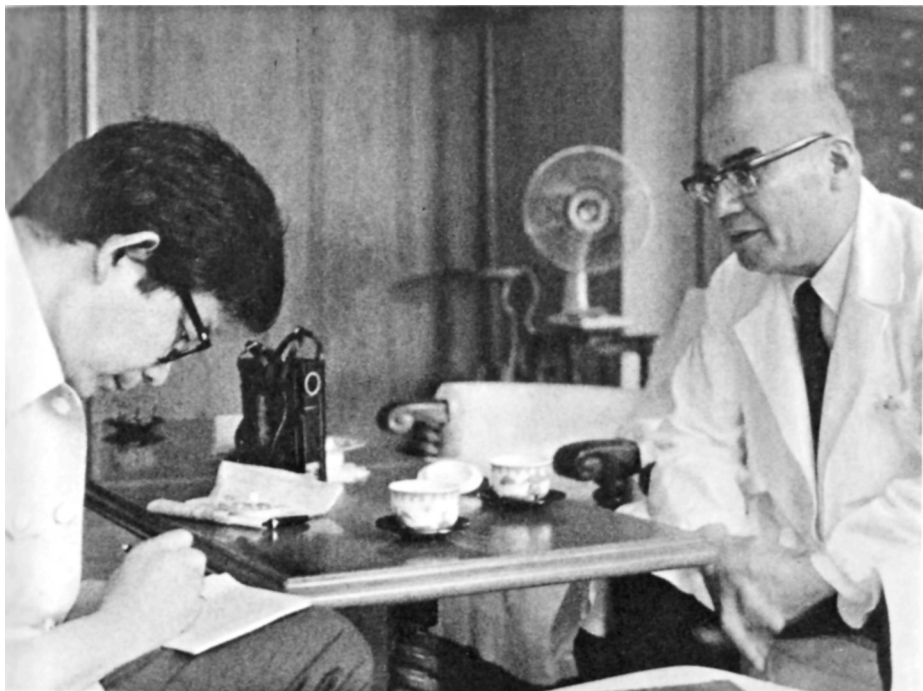

На горе Осорэдзан

«Атомный дом» в Хиросиме — здание, сохраняемое в разрушенном виде в знак памяти об атомной бомбардировке

Интервью с Фумио Сигэто — главным врачом госпиталя жертв атомной бомбардировки Хиросимы

Остров Окинава. У ограды американской военной базы

На острове Окинава

На острове Хоккайдо. Беседа с представительницей местного национального меньшинства гилаки

Кэндзабуро Оэ и японский писатель Макота Ода

В каске строительного рабочего

В Бостоне, США. 1965

За письменным столом

